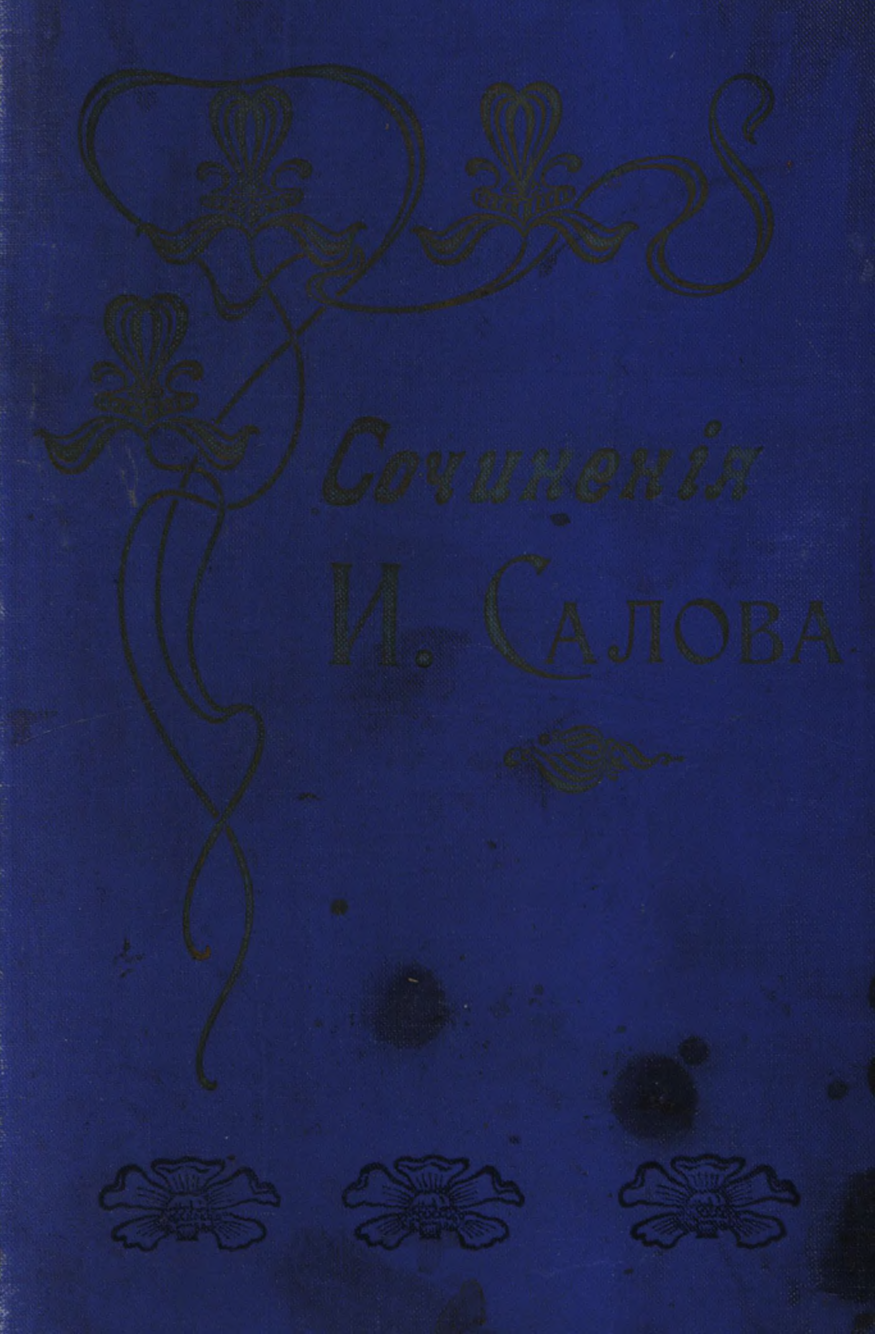
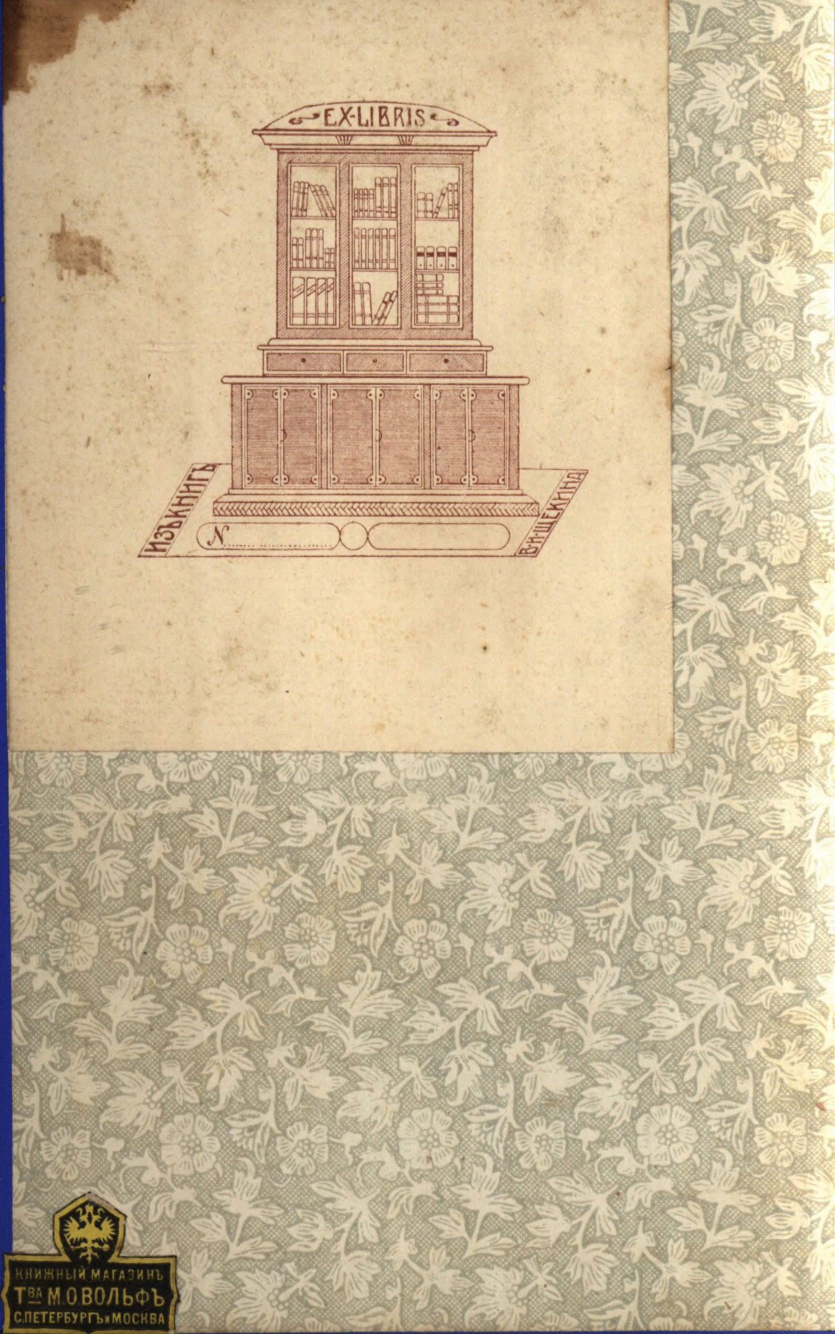

Сочиненія
И. Салова

EX-LIBRIS
ИЗЪ КНИГЪ
N
В. Н. ЩЕКИНА
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Т^ва М. О. ВОЛЬФЪ
С.ПЕТЕРБУРГЪ и МОСКВА

СОБРАНІЕ ВОЛЬФА

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ

СОЧИНЕНІЯ

И. А. САЛОВА

ТОМЪ I

СОЧИНЕНІЯ

И. А. САЛОВА

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

ТОМЪ I

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ — Гостиный дворъ, №№ 17 и 18

МОСКВА — Петровка, домъ Михалкова, № 5

1884

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ (Спб., В. О., 16 л., № 5).

ГРАЧЕВСКІЙ КРОКОДИЛЪ.

ПОВѢСТЬ.

> ...Кто что ни говори, а подобныя происшествія бываютъ на свѣтѣ, — рѣдко, но бываютъ.
>
> *Гоголь.*

I.

Въ мѣстной газетѣ «Кнутикъ» была напечатана слѣдующая корреспонденція:

М. г., господинъ редакторъ! Спѣшу увѣдомить васъ, что надняхъ, неподалеку отъ усадьбы помѣщицы Анфисы Ивановны Столбиковой, при деревнѣ Грачевкѣ, въ камышахъ рѣки, носящей то же названіе, появился крокодилъ. Первое извѣстіе объ этомъ было подано крестьянкою Матреной Ивановой Молотовой, которая объявила сельскому старостѣ, что часовъ въ шесть утра она стирала на рѣкѣ бѣлье, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ рѣка Грачевка образуетъ песчаную отмель и гдѣ обыкновенно купается племянница Столбиковой, Мелитина Петровна. Все было тихо. Мели-

тина Петровна искупавшись ушла домой, какъ вдругъ плававшіе возлѣ берега гуси съ крикомъ бросились въ сторону, чѣмъ-то перепуганные, захлопали крыльями и вылетѣли вонъ изъ рѣки. Удивленная Молотова бросилась къ тому мѣсту, желая убѣдиться, не скрывалось ли что-либо въ камышахъ, но ничего не нашла; въ нѣкоторомъ-же разстояніи по направленію къ лѣсу, примыкающему къ камышамъ, слышался торопливый трескъ, какъ будто по камышамъ что-то поспѣшно ползло, желая скрыться, и видно было, какъ по направленію этого треска камыши распадались направо и налѣво. Получивъ объ этомъ извѣщеніе, сельскій староста пригласилъ съ собою сотскаго и понятыхъ, отправился на мѣсто происшествія и нашелъ, что возлѣ того мѣста, на которомъ купается обыкновенно Мелитина Петровна, камыши сильно помяты, какъ будто тамъ кто-нибудь валялся. Отъ мѣста этого по тѣмъ же камышамъ, по направленію къ лѣсу, шла чуть замѣтная тропа. Староста отправился по этой тропѣ, но вскорѣ принужденъ былъ воротиться, такъ какъ тропа исчезла и сверхъ того онъ дошелъ до такой трясины, что вгискался въ нее по поясъ и дальнѣйшія изслѣдованія принужденъ былъ прекратить. Составивъ объ этомъ актъ и скрѣпивъ его по безграмотству приложеніемъ должностной печати, староста представилъ таковой Рычевскому волостному правленію, но правленіе, не обративъ должнаго на документъ этотъ вниманія, вмѣстѣ съ другими бумагами бросило его въ печку. Въ тотъ-же день, часовъ въ семь вечера, возвращавшіяся съ покоса крестьянскія дѣвицы деревни Грачевки затѣяли купаться. Дѣвушки раздѣлись и бросились въ воду. Утомленныя дневнымъ зноемъ

онѣ плавали на спинѣ, брызгались водой, какъ вдругъ изъ камышей, возлѣ которыхъ онѣ были, раздался пронзительный крикъ и вслѣдъ затѣмъ скрежетъ зубовъ! Дѣвушки ахнули, выскочили изъ воды и, боясь подойти къ своему платью, которое лежало какъ разъ возлѣ того мѣста, откуда раздался крикъ, бросились, какъ были, въ деревню и явились къ старостѣ. Староста далъ имъ приличное наставленіе и, въ видахъ предупрежденія на будущее время несчастій, строго запретилъ жителямъ деревни Грачевки купаться въ рѣкѣ. На другой день утромъ пономарь села Рычей удилъ на томъ мѣстѣ рыбу, а когда взошло солнце и клевъ прекратился, пономарь задумалъ искупаться. Ничего не слыхавшій о происшедшемъ наканунѣ, онъ преспокойно раздѣлся и опустился въ воду. Не умѣя плавать, онъ присѣлъ на корточкахъ возлѣ самаго берега и сталъ умывать лицо, какъ вдругъ кто-то уцѣпилъ его сзади за косичку и вытащилъ на берегъ... Что было далѣе, пономарь не помнитъ, такъ какъ въ то же мгновеніе потерялъ сознаніе, въ каковомъ положеніи и былъ найденъ лежащимъ въ камышахъ. Считаю излишнимъ описывать ужасъ, которымъ былъ объятъ весь нашъ околодокъ! Разговорамъ не было конца. Начали появляться добавленія... Такъ, напримѣръ, земскій фельдшеръ Нирьютъ, ходившій на охоту, видѣлъ въ рѣкѣ Грачевкѣ что-то плывшее по водѣ, темнокоричневаго цвѣта, сажени въ двѣ длиною, стрѣлялъ въ это чудовище, но повидимому не нанесъ ему никакого вреда. Рыбакъ Данила Сѣдовъ, разставлявшій ночью сѣть и плывшій по этому случаю на маленькомъ челнокѣ, былъ кѣмъ-то опрокинутъ совсѣмъ съ челнокомъ, такъ что насилу выбрался на берегъ. Все

это вмѣстѣ взятое увеличивало еще болѣе ужасъ. Къ тому мѣсту, гдѣ чаще всего появлялось чудовище, былъ приставленъ караулъ; караулили день и ночь, но чудовище какъ нарочно не появлялось. Такъ прошло недѣли двѣ, умы стали успокаиваться; порѣшили, что чудовище куда-нибудь перемѣстилось, и караулъ былъ снятъ, какъ вдругъ новое происшествіе опять переполошило всѣхъ!... Пропалъ безъ вѣсти мальчикъ лѣтъ семи, сынъ грачевскаго крестьянина Ивана Мотина, Василій, платье котораго было найдено на берегу, на той самой песчаной отмели и возлѣ тѣхъ самыхъ камышей, гдѣ столько разъ появлялось чудовище. Сначала думали, что мальчикъ купаясь утонулъ, но еслибъ онъ утонулъ, то найденъ былъ бы трупъ его. Между тѣмъ всѣ средства, употребленныя къ отыска-нію трупа, остались напрасными: бродили сѣтями, пускали горшки съ ладаномъ, но дымящіеся горшки плыли себѣ по теченію рѣки и нигдѣ не останавливались *)... Наконецъ бросили и порѣшили, что несчастный былъ жертвою невѣдомаго чудовища! Однако надо же было узнать наконецъ, что это за чудовище, и пріискать средства для избавленія себя отъ него!... Разрѣшеніе всего этого принялъ на себя нашъ добрый и просвѣщенный учитель сельской школы, г. Знаменскій, въ короткое время успѣвшій пріобрѣсти своими неутомимыми педагогическими трудами общую любовь и уваженіе, которые, то есть труды, къ несчастію остаются незамѣченными лишь только однимъ членомъ училищнаго совѣта, не представившимъ даже

*) Въ народѣ существуетъ повѣрье, что горшокъ съ ладаномъ, пущенный на воду, остановится надъ трупомъ утопленника.

г. Знаменскаго къ наградѣ. Въ тотъ же день, когда исчезъ ребенокъ, и г. Знаменскій, пригласивъ съ собою сотскаго и нѣсколькихъ стариковъ, отправился на театръ описанныхъ ужасовъ. Часовъ въ восемь вечера они были уже на песчаной отмели, но, такъ какъ увидали, что тамъ купалась Мелитина Петровна, тщательно вытираясь намыленною губкой и погружая въ воду грудь свою, то, понятно, чувство скромности заставило ихъ обождать, когда она кончитъ купанье и одѣнется. Дѣйствительно, Мелитина Петровна вышла изъ воды и скрылась въ камышахъ, а немного погодя, уже одѣтая и съ зонтикомъ въ рукѣ, она шла по дорогѣ, ведущей въ усадьбу тетки Анфисы Ивановны Столбиковой. Тогда г. Знаменскій подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ купалась Мелитина Петровна, но только-что успѣлъ онъ войти въ камыши, какъ вдругъ раздался оглушительный трескъ и что-то поспѣшно бултыхнуло въ воду, обдавъ его брызгами и скрывшись подъ водой. Въ это время подбѣжали къ г. Знаменскому сотскій и старики, но въ камышахъ уже ничего не было! Тѣмъ не менѣе г. Знаменскій началъ изслѣдовать мѣстность съ цѣлью отыскать хоть какіе-нибудь слѣды ребенка, но вмѣсто того поднялъ только окурокъ папироски, а сотскимъ найдены чьи-то пестрые панталоны, парусинный пиджакъ, фуражка, ситцевая рубашка и сапоги. Все это немедленно было предъявлено сотскимъ г. Знаменскому, который и призналъ принадлежность этой одежды сыну священника села Рычей Асклипіодоту Психологову. Ужасъ овладѣлъ всѣми!... Неужели же и Асклипіодотъ, подобно ребенку, сдѣлался жертвою чудовища?... Всѣ немедленно отправились въ село Рычи къ священнику

отцу Ивану, и ужасъ ихъ увеличился еще болѣе, когда они узнали, что Асклипіодота не было дома!... И только вечеромъ, когда уже достаточно стемнѣло, г. Знаменскій встрѣтилъ Асклипіодота въ лавкѣ Александра Васильевича Соколова. Увидавъ свое платье, Асклиніодотъ очень обрадовался и разсказалъ подробно, что, купаясь въ рѣкѣ Грачевкѣ, онъ чуть было не сдѣлался жертвою огромнаго крокодила, отъ котораго спасся единственно благодаря своему превосходному умѣнью плавать и нырять. Крокодилъ, котораго Асклиніодотъ видѣлъ собственными своими глазами, имѣлъ въ длину сажени три, тѣло его на спинѣ покрыто роговыми щитками, по срединѣ представляющими возвышеніе. Языкъ короткій; челюсти вооружены многочисленными зубами, имѣющими видъ клыковъ. Сверху крокодилъ коричнево-бурый, снизу грязно-желтый. Въ водѣ движенія его весьма быстры, такъ что Асклиніодоту стоило большаго труда увертываться отъ его нападеній; на землѣ же движенія эти немного вялы. Увидалъ онъ крокодила въ камышахъ, когда самъ былъ въ водѣ, поэтому и принужденъ былъ покинуть свою одежду. Крокодилъ долго смотрѣлъ на него, разинувъ пасть и какъ бы прицѣливаясь въ него, а немного погодя даже ринулся въ воду, но Асклиніодотъ нырнулъ и тѣмъ только избавился отъ пасти крокодила! Итакъ, тайна разъяснилась и чудовище, надѣлавшее столько ужаса, оказалось крокодиломъ! Этимъ заканчиваю я свое письмо, но увѣренъ, г. редакторъ, что въ скоромъ времени вы получите отъ меня болѣе подробное описаніе крокодила, такъ какъ намъ извѣстно, что г. Знаменскій принялъ энергическія мѣры къ поимкѣ хищнаго земноводнаго.

II.

Статья эта, писанная, какъ говорятъ, самимъ г. Знаменскимъ, переполошила весь околодокъ. Дали знать становому, который немедленно прискакалъ, опросилъ крестьянку Молотову, шесть крестьянскихъ дѣвицъ, рычевскаго пономаря, фельдшера Нирьюта, Асклипіодота Психологова и многихъ другихъ и произведенное дознаніе препроводилъ по принадлежности. Крестьяне принялись ставить вентера, взадъ и впередъ бродили по рѣкѣ, дѣлали въ камышахъ облаву, но крокодила не было. Редакція газеты «Кнутикъ» командировала въ Грачевку спеціальнаго корреспондента, который вмѣстѣ съ г. Знаменскимъ опускалъ въ рѣку какіе-то стальные крючки съ насаженными на нихъ кусками мяса; но всѣ старанія поймать крокодила остались тщетными, и корреспондентъ съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣхалъ. Статья между тѣмъ была перепечатана въ столичныхъ газетахъ и вѣсть о крокодилѣ распространилась. Началось пріисканіе всевозможныхъ объясненій. Одна газета высказалась, что это, по всей вѣроятности, не крокодилъ, такъ какъ крокодилы обитаютъ въ жаркомъ климатѣ, а гигантскій змѣй, подобный тому, который не такъ давно появлялся у береговъ Норвегіи и который надѣлалъ столько тревоги между естествоиспытателями. Принялись за старыя книги и порѣшили, что змѣй этотъ заслуживаетъ полной вѣры, такъ какъ таковой былъ уже извѣстенъ грекамъ и римлянамъ. Плиній и Валерій Максимъ — оба описали подобное земноводное змѣеобразное, пла-

вавшее первоначально въ рѣкахъ; разростаясь же въ громадныхъ размѣрахъ, оно уходило въ открытое море, такъ какъ только тамъ находило достаточный просторъ для движенія.

Прочитавъ все это, г. Знаменскій вышелъ изъ себя и немедленно напечаталъ статью, въ которой доказывалъ, что газета, заговоривъ о Плиніѣ и Валеріѣ, потеряла почву и очутилась въ мірѣ фантазій, что чудовище, появившееся въ Грачевкѣ, не змѣй, а воистину крокодилъ, что хотя крокодилы и обитаютъ преимущественно въ жаркомъ климатѣ, но изъ этого не слѣдуетъ еще отрицать возможности появленія таковыхъ и въ климатѣ умѣренномъ. Если въ Грачевку, говорилъ онъ, въ прошломъ году забѣжало два лося, а съ годъ тому назадъ была убита альпійская серна; если, наконецъ, у насъ въ Россіи проживаетъ столько иноземцевъ всевозможныхъ климатовъ, въ образѣ ученыхъ, инженеровъ, пѣвицъ, танцовщицъ, гувернантокъ, поносящихъ холодъ сей страны снѣговъ, но тѣмъ не менѣе обрѣтающихъ въ ней обильныя пажити, то почему же не жить у насъ и крокодиламъ! Принимая все это въ соображеніе, онъ протестуетъ противу искаженія факта и возстановляетъ истину. Дѣйствительность присутствія крокодила въ Грачевкѣ подтвердитъ подъ присягой проживающій въ селѣ Рычахъ почетный гражданинъ Асклипіодотъ Психологовъ, который собственными глазами крокодила этого видалъ, описалъ его и едва не сдѣлался жертвою этого хищнаго земноводнаго.

Но какъ г. Знаменскій ни хорохорился, а газета продолжала настаивать на своемъ, и обругавъ г. Знаменскаго и Психологова невѣждами и упомянувъ даже

извѣстную побасенку о свиньѣ и апельсинахъ, статью свою о морскихъ чудовищахъ начала съ Гомера, описавъ чудовищнаго змѣя, убитаго героемъ греческой миѳологіи Геркулесомъ. Затѣмъ, упомянувъ о борьбѣ змѣя съ китомъ, видѣнной капитаномъ Древаромъ, о миссіонерѣ Гансѣ Эгеде, о епископѣ Понтопидагѣ, о змѣѣ, выброшенной на одинъ изъ Оркнейскихъ острововъ, имѣвшей щетинистую гриву, — кончила статью тѣмъ, что докторъ Пикардъ въ Столовомъ заливѣ видѣлъ въ февралѣ 1857 года, съ маяка, морское чудовище. Оно спокойно расположилось въ морѣ въ 150 шагахъ отъ берега; Пикардъ стрѣлялъ въ него, но далъ промахъ; 14-го же апрѣля, чудовище приблизилось къ мели, гдѣ вѣроятно хотѣло поиграть на солнцѣ, но было замѣчено шотландскими стрѣлками, находившимися въ катерахъ подъ командой лейтенанта Мессиса и сдѣлавшими по животному залпъ, на который оно не обратило и вниманія; но залпы, безъ остановки повторявшіеся одинъ за другимъ, произвели наконецъ свое дѣйствіе и змѣй началъ ослабѣвать. Тогда, зацѣпивъ его пасть якоремъ, семьдесятъ человѣкъ съ величайшимъ трудомъ притащили его къ берегу. Здѣсь, какъ бы очнувшись и желая уйти въ море, чудовище начало метаться и рваться, и сила ударовъ его хвоста была такъ велика, что оно выкидывало вверхъ и разбрасывало большіе прибрежные камни; одинъ такой камень сильно ушибъ человѣка, а другой выбилъ окно третьяго этажа въ гостиницѣ «Каледонія».

Другая газета объявила, что все это вздоръ, что вся эта утка пущена первою газетой съ цѣлью заманить къ себѣ этимъ чудомъ большее число подписчиковъ, и въ доказательство того, что подобнаго чуда не суще-

ствуетъ, привела описаніе моряка Фредерика Смита, плававшаго на кораблѣ «Пекинъ» и на основаніи собственныхъ наблюденій объявившаго исторію о морскомъ змѣѣ сказкою. При этомъ Смитъ разсказалъ подробно, что подобное чудовище было изловлено вблизи Мульмейна его моряками, встащено на бортъ, и мнимое страшное животное оказалось ни больше ни меньше какъ чудовищною морскою порослью, корень которой, покрытый паразитами, на нѣкоторомъ разстояніи представлялся головою, между тѣмъ какъ вызванныя волнами движенія придавали ему видъ животнаго тѣла. Что же касается, прибавляла газета, змѣя, найденнаго на берегу одного изъ Оркнейскихъ острововъ, то змѣй тотъ оказался исполинскою акулой!

Тѣмъ не менѣе, къ г. Знаменскому по поводу грачевскаго крокодила посыпались съ разныхъ сторонъ запросы и предложенія. Общество «усмиренія строптивыхъ животныхъ» даже предложило г. Знаменскому значительную сумму денегъ, если онъ живьемъ доставитъ въ Общество это чудо.

Все это, понятно, еще болѣе возбуждало въ г. Знаменскомъ энергію, и онъ съ лихорадочнымъ усиліемъ принялся за поимку животнаго. Онъ поилъ мужиковъ водкой; продалъ свою волчью шубу и на вырученныя деньги заказалъ особаго устройства сѣть, которая могла бы выдержать не только крокодила, но даже слона, и когда сѣть была готова, опять купилъ три ведра водки и собралъ цѣлый полкъ крестьянъ, которые и явились охотно на зовъ. Въ числѣ явившихся былъ и Асклипіодотъ Психологовъ. Онъ хлопоталъ не менѣе другихъ, указывалъ то мѣсто, гдѣ видѣлъ крокодила, гдѣ послѣдній на него бросился и гдѣ именно его пре-

слѣдовалъ. Сѣть запустили, но дѣло кончилось лишь тѣмъ, что всѣ перепились, а крокодила все-таки не было, за что Асклипіодотъ и обругалъ всѣхъ дураками.

Вдругъ пронесся слухъ, что крокодилъ поймань и находится въ усадьбѣ Анфисы Ивановны Столбиковой, въ особо устроенномъ виваріумѣ, и что крокодила этого кормятъ живыми ягнятами, которыхъ онъ глотаетъ какъ пилюли по нѣскольку десятковъ въ день. Бросились всѣ къ Анфисѣ Ивановнѣ, конечно въ томъ числѣ и Знаменскій, но оказалось, что никакого крокодила тамъ не было. Мужики начали толковать, что вовсе это не крокодилъ, а просто оборотень. Молва эта пошла въ ходъ, встрѣтила приверженцевъ, а немного погодя сдѣлалась убѣжденіемъ большинства. Начали подсматривать за нѣкоторыми подозрительными старухами; двухъ изъ нихъ изловили ночью гдѣ-то въ конопляхъ и такъ какъ старухи не могли объяснить, зачѣмъ именно не въ урочный часъ нелегкая занесла ихъ въ коноплн, то порѣшили было волостнымъ сходомъ закопать старухъ живыми въ землю, но потомъ сочли возможнымъ наказаніе это смягчить и ограничиться розгами, каковое рѣшеніе было немедленно приведено въ исполненіе, — и старухъ перепороли.

Поскорбѣвъ о таковомъ невѣжествѣ «низшей братіи», г. Знаменскій распродалъ значительную часть своего скуднаго имущества и, желая поближе познакомиться съ привычками и образомъ жизни крокодиловъ, а равно вычитать гдѣ-нибудь способъ ловли таковыхъ, и вспомнивъ при этомъ, что крокодилами въ особенности изобилуетъ Египетъ, г. Знаменскій немедленно отправился на почту и выписалъ «Путешествіе по Нижнему Египту и внутреннимъ областямъ Дельты», Рафа-

ловича, но, какъ на смѣхъ, въ книгѣ этой о крокодилахъ не упоминается ни полслова и деньги, употребленныя на покупку «Путешествія», пропали безслѣдно. Г. Знаменскій схватился за попавшійся ему случайно первый томъ Дарвина въ переводѣ Бекетова, но и въ этой книгѣ про крокодиловъ ничего не говорится. Тогда г. Знаменскій принялся за каталогъ Вольфа и съ слѣдующею же почтой на цѣлыхъ 15 рублей выписалъ себѣ книгъ, заглавія которыхъ, по его соображеніямъ, непремѣнно должны были послужить ему руководствомъ для разрѣшенія предпринятой имъ на себя задачи, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшился впредь, до полученія этихъ книгъ относительно поимки крокодила, ничего не предпринимать.

III.

Если вѣсть о грачевскомъ крокодилѣ переполошила такое ученое учрежденіе, какъ «Общество усмиренія строптивыхъ животныхъ», то само собою разумѣется, что вѣсть эта болѣе всѣхъ должна была поразить Анфису Ивановну Столбикову, во владѣніяхъ которой онъ появился и успѣлъ уже столько накуралесить. Хотя Анфиса Ивановна не имѣла никакого понятія ни о морскихъ змѣяхъ, ни объ ужасахъ, производимыхъ крокодилами, тѣмъ не менѣе, однако, она сознавала инстинктивно, что тутъ дѣло что-то не ладно, и немедленно собралась въ село Рычи къ священнику отцу Ивану съ цѣлью, во-первыхъ, отслужить молебенъ съ водосвятіемъ, а во-вторыхъ—посовѣтоваться: что ей дѣлать и что такое именно крокодилъ? Отецъ

Иванъ на грѣхъ уѣхалъ въ городъ, а былъ дома только сынъ его Асклипіодотъ. Хотя старушка и не долюбливала его за что-то, но, имѣя въ виду, что *вѣтрогонъ* этотъ (такъ называла Столбикова Асклипіодота) чуть было не сдѣлался жертвою крокодила, она рѣшилась поразспросить его о случившемся и повыпытать отъ него, насколько крокодилъ этотъ страшенъ и насколько слѣдуетъ его опасаться. Асклипіодотъ предложилъ старухѣ чаю, усадилъ ее въ мягкое кресло, а самъ, усѣвшись у ногъ ея, наговорилъ ей такихъ ужасовъ, что даже волосъ становился дыбомъ. По словамъ его, крокодилъ вышелъ, ни дать ни взять, похожимъ на то чудовище, которое обыкновенно рисуется на картинахъ, изображающихъ Страшный Судъ, и которое своею огненною пастью цѣлыми десятками пожираетъ грѣшниковъ.

Увидавъ нечаянно въ окошко проходившаго мимо пономаря, того самаго, котораго крокодилъ вытащилъ за косичку на берегъ, Анфиса Ивановна подозвала его; но и пономарь ничего утѣшительнаго ей не сообщилъ, а объявилъ, что отъ страха у него до сихъ поръ трясутся и руки, и ноги, и что во всемъ тѣлѣ онъ чувствуетъ такую ломоту, какъ-будто у него всѣ кости поломаны и помяты; а въ концѣ концовъ, показавъ косичку, объяснилъ, что отъ прежней у него и половины не осталось. Анфиса Ивановна растерялась окончательно и рѣшилась проѣхать къ г. Знаменскому. Асклипіодотъ проводилъ старушку до экипажа, посадилъ ее, застегнулъ фартукъ тарантаса, и Анфиса Ивановна отправилась.

Г. Знаменскій, какъ только узналъ цѣль посѣщенія Анфисы Ивановны, тотчасъ-же прочелъ ей письмо

«Общества усмиренія строптивыхъ животныхъ» и статьи газетъ о морскихъ чудовищахъ, и сверхъ того далъ ей честное слово, что какъ только получитъ отъ Вольфа книги о крокодилахъ, то тотчасъ же явится къ ней почитать объ нихъ, и кончилъ тѣмъ, что появленіе крокодила въ Грачевкѣ есть великое бѣдствіе, грозящее превратить данную мѣстность въ пустыню.

Анфиса Ивановна все это выслушала и вдругъ почувствовала, что ей что-то подкатило подъ сердце, почему въ ту же минуту оставила г. Знаменскаго и прямо отправилась къ земскому фельдшеру Нирьюту. Осмотрѣвъ старуху, фельдшеръ объявилъ ей, что относительно ея здоровья положительно нѣтъ никакой опасности, что у нея просто легонькое спазматическое состояніе аорты и что онъ дастъ ей амигдалину, отъ котораго все это пройдетъ; относительно же крокодила Нирьютъ высказалъ свое удивленіе, что Мелитина Петровна продолжаетъ купаться и именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ постоянно *шалитъ*. При этомъ онъ совершенно основательно замѣтилъ, что если крокодилъ намѣревался поглотить Асклипіодота, мужчину довольно рослаго и плотнаго, то, по всей вѣроятности, поглотить даму для него будетъ несравненно легче, не говоря уже о томъ, что тѣло Мелитины Петровны, какъ вообще дамское, безъ сомнѣнія, нѣжнѣе и слаще грубаго тѣла Асклипіодота. Анфиса Ивановна приняла капли, но, услыхавъ, что крокодилы глотаютъ людей, поспѣшила уѣхать отъ фельдшера и снова завернула къ отцу Ивану.

Подъѣхавъ къ дому священника, она увидала у калитки Видинѣвну — старушку, вынянчившую дѣтей

отца Ивана. Старушка сидѣла на завалинкѣ и видимо была не въ духѣ.

— Видинѣвна, здравствуй! — проговорила Анфиса Ивановна.

— Здравствуйте, матушка! — отвѣтила та.

— Что... не пріѣхалъ-ли?

— Пріѣхалъ!.. Принесла нелегкая... — проворчала нянька.

— Повидаться-бы мнѣ съ нимъ хотѣлось...

— Выбрали времячко — нечего сказать!..

— А что?

— Да такой злющій пріѣхалъ, что не знаю, съ котораго боку и подходить къ нему...

Анфиса Ивановна перепугалась даже.

— Случилось развѣ что? — спросила она шепотомъ.

— А пёсъ его знаетъ, прости Господи,— отвѣтила нянька.

И подойдя къ тарантасу, прибавила:

— Письмо какое-то, вишь, изъ Москвы получилъ и такой бунтъ поднялъ, что хоть святыхъ вонъ выноси.

— Что-же это за письмо такое?

— А ужь этого не знаю, матушка... Знаю только, что, когда письмо онъ прочелъ, такъ сейчасъ же бросился къ сыну и давай кричать на него... Ужь онъ кричалъ, кричалъ... Такой-то крикъ поднялъ, что я перепугалась даже, прибѣжала въ комнату, а онъ меня чуть не въ шею... «Вонъ! — говоритъ: — старая вѣдьма!.. Нечего сказать, вынянчила дитятку!» Да на меня съ кулачищами.

Анфиса Ивановна поблѣднѣла, сердце ея забилось еще болѣзненнѣе, но тѣмъ не менѣе она все-таки рѣшила повидаться съ отцомъ Иваномъ.

— Хотѣлось бы мнѣ молебенъ съ водосвятіемъ отслужить! — проговорила она: — сама видишь, какія времена-то переживаемъ...

— Послѣднія времена, что и говорить! — проговорила нянька со вздохомъ.

— Богъ знаетъ, что случиться можетъ! А какъ помолишься-то, все-таки на душѣ легче будетъ...

— Что-же, зайдите, матушка... Можетъ, теперь и остылъ маленько...

Когда Анфиса Ивановна вошла въ залу, священникъ былъ одинъ и, заложивъ руки за спину, быстро ходилъ изъ угла въ уголъ. При видѣ вошедшей Анфисы Ивановны, онъ даже не остановился, не благословилъ ее по обыкновенію, а только кивнулъ головой да рукою указалъ на стулъ.

Анфиса Ивановна молча усѣлась, вздохнула и только тогда, когда немного собралась съ духомъ, спросила робко:

— Ты что это изъ угла въ уголъ-то бѣгаешь! Укусилъ что-ли тебя кто-нибудь?

— Укусилъ!

Анфиса Ивановна опустила голову, вздохнула и, немного помолчавъ, прошептала совершенно уже упавшимъ голосомъ:

— Дожили!

— Да-съ, дожили! — повторилъ отецъ Иванъ, продолжая шагать по комнатѣ.—Настали времена—нечего сказать!

— Какъ же быть-то теперь? — робко спросила старушка и устремила на отца Ивана умоляющій о спасеніи взоръ.

— Извѣстно какъ! Терпѣть приходится!.. Терпи...

— Терпи! — передразнила его Анфиса Ивановна и, недовольная такимъ отвѣтомъ, даже ногой затопала. — Терпи! Отчего-же прошлой зимой, когда волки двухъ лучшихъ твоихъ овецъ зарѣзали, ты не терпѣлъ!.. Нѣтъ, ты не смотря на свой санъ, воспрещающій тебѣ убивать, за ружье ухватился и двѣ ночи караулилъ волковъ на задворкѣ!.. Вѣдь ты убилъ волка-то! а теперь терпѣніе проповѣдуешь!..

— Да, терпѣніе! — перебилъ ее съ досадой отецъ Иванъ: — ибо теперь ружье ничего не поможетъ. Бога мы прогнѣвили... вотъ Онъ насъ и наказуетъ...

— Онъ-же и помилуетъ! — перебила его Анфиса Ивановна.

— Вѣрно-съ, а все-таки въ ожиданіи... терпи!.. Вотъ я и терплю. Вамъ извѣстно, весь вѣкъ свой я прожилъ спокойно... всю жизнь свою посвящалъ труду, не ради себя, а ради дѣтей своихъ... О нихъ, о нихъ заботился, а вышло, что дѣти не поняли этого. Я устраивалъ, созидалъ... а дѣти созданное разрушаютъ! Родители ищутъ въ дѣтяхъ утѣшенія, благодарности, а дѣти, наоборотъ, приносятъ огорченія...

И перемѣнивъ тонъ, отецъ Иванъ добавилъ:

— Послѣдніе дни доживаемъ, сударыня!.. Прогнѣвили Господа Бога!

— Ну, а въ городѣ какъ? — спросила Анфиса Ивановна: — вѣдь ты, кажись, въ городъ ѣздилъ?

— Ѣздилъ-съ.

— Тамъ какъ?

Отецъ Иванъ даже рукой махнулъ.

— Неужели и тамъ тоже? — спросила Анфиса Ивановна едва слышнымъ голосомъ.

— То же самое. Куда ни кинь, повсюду клинъ! Разскажу вамъ про себя. Нужно мнѣ было въ городѣ съ одного пріятеля купца триста рублей за лошадь получить... пріѣзжаю — и что-же? Купецъ оказался банкротомъ и вмѣсто трехъ радужныхъ я три красненькихъ получилъ!.. Да это еще ничего! А вотъ еслибы вы газеты почитали, такъ не то бы еще узнали.

— Сейчасъ только Знаменскій читалъ мнѣ! — перебила его Анфиса Ивановна.

— Читалъ? — спросилъ отецъ Иванъ.

— Цѣлый часъ никакъ!

— И прекрасно! Слѣдовательно, вамъ все извѣстно.

— Можетъ быть, врутъ газеты!..— нрѣшительно замѣтила старушка.

— Нѣтъ-съ, не врутъ, а все, что вамъ читали, все это вѣрно...

— Можетъ, въ другихъ-то мѣстахъ и нѣтъ ничего!..

— Вездѣ-съ! повсюду-съ! — перебилъ ее отецъ Иванъ. Тамъ, смотришь, банкъ слопали; въ другомъ мѣстѣ концессію проглотили; въ третьемъ армейскій провіантъ сожрали... Э, да что и толковать!.. Лопавня, сударыня, такая пошла повсюду, что не знаешь, куда и прятаться! Того и гляди—живьемъ проглотятъ!..

И махнувъ рукой, онъ снова зашагалъ по комнатѣ.

— Да воскреснетъ Богъ! — шептала Анфиса Ивановна.

— А все почему? — продолжалъ онъ: — потому что Господа Бога прогнѣвили, святыя заповѣди Его забыли, Владыку небеснаго на житейскую суету промѣняли! Изъ православныхъ христіанъ въ идолопоклонство обратились! Вотъ Царь небесный и огнѣвался: «Коли такъ, говоритъ, такъ вотъ на-те же пожирайте другъ

друга!» И резонъ! — добавилъ отецъ Иванъ, сдѣлавъ одобрительный жестъ.—Вѣдь гнѣвъ Господень и прежде проявлялся... Пробѣгите священную исторію и вы убѣдитесь. Припомните потопъ всемірный, Содомъ и Гомору...

— Да ты про что это говоришь-то? — спросила Анфиса Ивановна, не совсѣмъ понимавшая отца Ивана, Про что говоришь-то? Про крокодиловъ что-ли?

— Про нихъ, сударыня, именно про нихъ, ибо твари эти и суть крокодилы. Глотать, пожирать, забыть совѣсть, лопать безъ разбора, помышляя лишь о своемъ мамонѣ. Чего-же вамъ еще, скажите Бога ради!.. Точно, не опровергаю, и встарину водились крокодилы, жадные были тоже, но до такихъ размѣровъ не доходили!.. Помню я очень хорошо... Была, въ мое время, въ Питерѣ инвалидная касса разграблена, такъ виновный — мучимый угрызеніями совѣсти, жизни себя лишилъ, а нынѣшніе расхитители не только не лишаютъ себя жизни, а даже обижаются, что ихъ суду предаютъ. Что-же это за времена такія?.. Какъ тутъ быть? Какъ жить?.. Какъ горю помочь?.. Слѣдовало-бы за разрѣшеніемъ всего этого прибѣгнуть къ Тому, Кто все разрѣшаетъ и устрояетъ, къ Царю небесному, но небесный Царь отвратилъ свое лицо отъ насъ! Мы къ Нему, а Онъ вопрошаетъ насъ: Вамъ что угодно, господа? Зачѣмъ пожаловали? Вѣдь у васъ иной богъ есть, къ нему и идите!—А идти къ иному богу, къ златому тельцу, все одно, что самому въ крокодила превратиться.

Анфиса Ивановна все это слушала, слушала и наконецъ вышла изъ терпѣнія.

— Ну,— проговорила она, вставая съ мѣста: — правду

сказала нянька твоя, что съ тобой сегодня говорить невозможно! Ты изъ города-то совсѣмъ дуракомъ воротился! Пилъ что-ли много,—Богъ тебя знаетъ! Только ты, сударикъ, такую чепуху несешь, что даже уши вянутъ. Златому тельцу я, другъ любезный, не покланяюсь — стара я вѣры-то мѣнять! — живу постаринному, какъ отцы жили, а заѣхала я къ тебѣ вотъ за чѣмъ. Желаю я, чтобы ты завтра утромъ у меня въ домѣ молебенъ съ водосвятіемъ отслужилъ и хорошенько всю усадьбу святой водой окропилъ... Слышишь, что-ли?

— Слышу, матушка, слышу...

— А коли слышишь, такъ значитъ и пріѣзжай часовъ въ девять утра. Да смотри! служить безъ пропусковъ и всѣ, какія есть на этотъ случай, молитвы привези и прочти. А то вѣдь я знаю тебя! — прибавила она, грозя пальцемъ: — про золотаго-то тельца ты толкуешь, а самъ первый, съ позволенія сказать, пятки у него лижешь...

И, проговоривъ это, Анфиса Ивановна бросила на отца Ивана гнѣвный взоръ и вышла изъ комнаты. Отецъ Иванъ словно замеръ на мѣстѣ, не понимая, чему именно приписать гнѣвъ старушки. Только немного погодя, когда завернулъ къ нему г. Знаменскій и принялся толковать о появившемся въ Грачевкѣ крокодилѣ, отецъ Иванъ сообразилъ, въ чемъ именно дѣло, и, забывъ на этотъ разъ и полученное изъ Москвы письмо, и обанкротившагося купца, и кражи банковъ, разразился неистовымъ смѣхомъ.

— Ой,— кричалъ онъ: —ой, не могу!.. Постой, дай отдохнуть!.. Отвернись на минутку, чтобы я твоего смѣшнаго лица не видалъ...

И упавъ на кресло, онъ крѣпко схватился руками за готовый выскочить, кругленькій животъ свой.

— Теперь я понимаю! — проговорилъ онъ немного погодя, отирая ладонью катившіяся по щекамъ слезы. Такъ вотъ по какому случаю молебенъ-то требуется!.. Теперь понимаю!.. А я-то съ ней аллегоріи разводилъ!..

И затѣмъ, вдругъ вскочивъ съ кресла и подбѣжавъ къ г. Знаменскому, удивленно смотрѣвшему на него и словно ошеломленному всею этою сценою, онъ ударилъ его по плечу и проговорилъ:

— А знаешь-ли, пріятель, какой я дамъ совѣтъ тебѣ...

— Какой? — спросилъ Знаменскій.

— Брось-ка ты всѣ свои занятія, да ложись-ка поскорѣе въ больницу, а то у тебя что-то глаза нехорошіе.

Знаменскій оскорбился и, не простясь даже съ отцомъ Иваномъ, вышелъ изъ комнаты. Отецъ Иванъ проводилъ его насмѣшливымъ взглядомъ и принялся опять шагать по комнатѣ. Такъ проходилъ онъ съ полчаса, наконецъ, подсѣлъ къ окну, вынулъ изъ кармана скомканное письмо и началъ читать его. По мѣрѣ того, какъ чтеніе доходило къ концу, лицо отца Ивана становилось все мрачнѣе и мрачнѣе, а дочитавъ письмо, онъ снова скомкалъ его, сунулъ въ карманъ и опять принялся шагать по комнатѣ.

Вошелъ Асклипіодотъ—робкій, испуганный, пристыженный, и, увидавъ отца, бросился ему въ ноги.

— Батюшка! — проговорилъ онъ: — я опять къ вамъ! Выручите, съѣздите въ Москву, затушите дѣло...

Но отецъ Иванъ словно не замѣчалъ сына и продолжалъ ходить по комнатѣ...

Между тѣмъ Анфиса Ивановна на возвратномъ пути изъ села Рычей въ свою усадьбу встрѣтила Ивана Максимыча. Онъ шелъ по дорогѣ и подгонялъ прутикомъ корову, еле-еле тащившую ноги.

Иванъ Максимычъ былъ старикъ лѣтъ пятидесяти, съ краснымъ носомъ и прищуренными глазами. Когда-то при откупахъ служилъ онъ цѣловальникомъ, въ настоящее же время занимался портняжествомъ и торговлею мясомъ, поставляя таковое окрестнымъ помѣщикамъ. Прежде ходилъ въ длиннополыхъ сюртукахъ, въ настоящее же время, вслѣдствіе проникнувшей въ село Рычи цивилизаціи, а нѣкоторымъ образомъ повинуясь и правиламъ экономіи, носилъ коротенькіе пиджаки, и въ тѣхъ же видахъ, заправлялъ панталоны въ сапоги. Водки однако, какъ бы слѣдовало человѣку цивилизованному, Иванъ Максимычъ не пилъ, и почему суждено ему таскать при себѣ красный носъ — остается тайной. Не было ни одного человѣка въ околодкѣ, не было ни одного ребенка, который не зналъ бы Ивана Максимыча. Онъ всегда говорилъ прибаутками, часто употреблялъ въ разговорахъ: *съ волкомъ двадцать, сорокъ пятнадцать, всѣ кургузые, одинъ безъ хвоста* и т. п. И потому, какъ только бывало завидятъ его идущимъ въ фуражкѣ, надѣтой на затылокъ, такъ сейчасъ же говорили: «*Вонъ съ волкомъ двадцать идетъ!*» Иванъ Максимычъ былъ мѣстною ходячею газетой. Рыская по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ и разыскивая коровъ, доживающихъ послѣдніе дни свои, съ гуманною цѣлію поскорѣе покончить ихъ страданія, онъ все видѣлъ и все зналъ, разсказывалъ все видѣнное и слышанное

довольно оригинально, и потому болтовня его слушалась охотно, хотя и была однообразна.

Увидавъ Ивана Максимыча, Анфиса Ивановна приказала кучеру остановиться.

— Слышалъ? — проговорила Анфиса Ивановна, подозвавъ къ себѣ Ивана Максимыча.

— Насчетъ чего это? — спросилъ онъ, снимая фуражку и подходя къ тарантасу.

— О крокодилѣ-то?

— О, *насчетъ крокодильныхъ дѣловъ-то!* — проговорилъ онъ, заливаясь смѣхомъ, при чемъ глаза его съузились еще болѣе, а ротъ растянулся до ушей, обнаживъ искрошенные зубы. — Вотъ гдѣ *грѣха-то куча!* Большущій вишь, желтопузый, *съ волкомъ двадцать!..*

— Какъ! — подхватила Анфиса Ивановна. — Развѣ ихъ двадцать?

— *Сорокъ пятнадцать, всѣ кургузые, одинъ безъ хвоста.*

— Кургузые?.. развѣ ты видѣлъ? — добивалась Анфиса Ивановна.

— Вотъ грѣха-то куча! — продолжалъ между тѣмъ Иванъ Максимычъ, даже и не подозрѣвая ужаса Анфисы Ивановны. — Должно ухорскій какой-нибудь!.. Вѣдь этакъ чего добраго, крокодилъ-то, пожалуй, на счетъ проглачиванія займется... и всѣхъ насъ того!..

Анфиса Ивановна махнула рукой и приказала ѣхать. Домой она воротилась чуть живая, и не смотря на то, что по пріѣздѣ приняла тройную порцію капель, чувствовала, что сердце ея совершенно замираетъ. Старушка бросилась въ комнату Мелитины Петровны, чтобы хоть отъ нея почерпнуть что-либо успокоиваю-

щее, но Мелитина Петровна, увидавъ тетку со шляпкой, съѣхавшей на затылокъ, и съ шалью, тащившеюся по полу, только расхохоталась и ничего успокоительнаго не сказала.

Анфиса Ивановна легла спать, положила возлѣ себя горничную Домну, а у дверей спальни лакея Потапыча, чего прежде никогда не дѣлала, и не смотря на это, все-таки долго не могла заснуть, а едва заснула, какъ тутъ-же изъ-подъ кровати показался крокодилъ и, обвивъ хвостомъ спавшую на полу Домну, приподнялъ свое туловище по направленію къ кровати и, разинувъ огненную пасть, проглотилъ Анфису Ивановну!

IV.

Участокъ Анфисы Ивановны былъ не особенно большой, но зато на немъ было все, что вамъ угодно: и заливные луга, и лѣсъ, и прекрасная рѣка, изобиловавшая рыбой, и превосходная глина, изъ которой выдѣлывались горшки, почитавшіеся лучшими въ околодкѣ; а земля была до того плодородна, что никто не запомнитъ, чтобы на участкѣ Анфисы Ивановны былъ когда-нибудь неурожай. Домикъ Анфисы Ивановны былъ тоже небольшой, но онъ смотрѣлъ такъ уютно, окруженный зеленью сада, что невольно привлекалъ взоръ каждаго проѣзжавшаго и проходившаго. Въ саду этомъ не было ни одного чахлаго дерева; — напротивъ, все задорилось и росло самымъ здоровымъ ростомъ, обильно снабжая Анфису Ивановну и яблоками, и грушами, и вишней... Люди, склонные къ зависти, ругали Анфису Ивановну на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Вѣдь это чортъ знаетъ что такое, прости Господи! — горячились они. — Ну посмотри сколько яблоковъ, сколько вишни! А какова пшеница-то!.. И на кой чортъ ей все это нужно!..

Но Анфиса Ивановна даже и не подозрѣвала, что яблоки ея пораждали всеобщую зависть. Она жила себѣ преспокойно въ своей Грачевкѣ, окруженная такими же стариками и старухами, какъ и она сама.

Анфиса Ивановна была старушка лѣтъ семидесяти, маленькаго роста, сутуловатая, сухая, съ горбатымъ носомъ, старавшимся какъ-будто изо всей мочи понюхать, чѣмъ пахнетъ подбородокъ. Зубовъ у Анфисы Ивановны не было, но не смотря на это она все-таки любила покушать и, надо сказать правду, кушала мастерски. Анфиса Ивановна была старушка чистоплотная, любившая даже при случаѣ щегольнуть своими старыми нарядами и турецкими шалями. Когда-то Анфиса Ивановна была замужемъ, но давно уже овдовѣла и, овдовѣвъ, въ другой разъ замужъ не выходила.. Поговаривали, что въ этомъ ей не было никакой надобности, такъ какъ по сосѣдству проживалъ какой-то капитанъ, тоже давно умершій; но все это было такъ давно и Анфиса Ивановна была такъ стара, что даже трудно вѣрилось, чтобъ она могла когда-нибудь быть молодою и увлекательною. Дѣтей у Анфисы Ивановны ни при замужествѣ, ни послѣ таковаго не было. Она была совершенно одна, такъ какъ племянница Мелитина Петровна пріѣхала къ старухѣ очень недавно и не болѣе какъ за мѣсяцъ до начала настоящаго разсказа.

Прислуга Анфисы Ивановны отличалась тѣмъ, что у каждаго служащаго была непремѣнно своя старческая

слабость къ извѣстному дѣлу. Такъ напримѣръ, экономка Дарья Ѳедоровна была помѣшана на вареньяхъ и соленьяхъ. Буфетчикъ, онъ-же и лакей, Потапычъ только и зналъ что обметалъ пыль и перетиралъ посуду, и каждая вещь имѣла у него собственное свое имя. Такъ напримѣръ, одинъ стаканъ назывался у него Ваняткой, другой Николкой, кружка же, изъ которой обыкновенно пила Анфиса Ивановна, называлась Анфиской. Горничная Домна не на шутку тосковала, когда ей нечего было штопать; прикащикъ же Захаръ Зотычъ былъ рѣшительно помѣшанъ на веденіи конторскихъ книгъ и разныхъ отчетовъ и вѣдомостей. Всѣ эти старики и старухи жили при Анфисѣ Ивановнѣ съ молодыхъ лѣтъ, и ничего нѣтъ удивительнаго, что всѣ они сжились до того, что трудно было-бы существовать одному безъ другаго. Всѣмъ имъ было ассигновано жалованье, но никогда и никто жалованья этого не спрашивалъ, ибо никому деньги не были нужны. Жалованья такимъ образомъ накопилось столько, что еслибы всѣ служащіе вздумали одновременно потребовать его, то Анфисѣ Ивановнѣ нечѣмъ было-бы расплатиться. Но повторяю, денегъ никто не требовалъ, и Анфиса Ивановна даже и не помышляла о выдачѣ таковыхъ. Да и зачѣмъ? Каждый имѣлъ все, что ему было нужно, и каждый смотрѣлъ на погреба и кладовыя Анфисы Ивановны какъ на свою собственность, какъ на нѣчто общее, принадлежащее всѣмъ имъ, а не одной Анфисѣ Ивановнѣ; зачѣмъ же тутъ жалованье?..

V.

До пріѣзда въ Грачевку племянницы Мелитины Петровны жизнь въ Грачевкѣ текла самымъ мирнымъ образомъ. Анфиса Ивановна вставала рано, умывалась и начинала утреннюю молитву. Молилась она долго, стоя почти все время на колѣнахъ. Затѣмъ вмѣстѣ съ экономкой Дарьей Өедоровной садилась пить чай, во время котораго приходилъ иногда управляющій Зотычъ, при появленіи котораго Анфиса Ивановна всегда чувствовала нѣкоторый трепетъ, такъ какъ приходъ управляющаго почти всегда сопровождался какою-нибудь непріятностью.

— Ты что? — спроситъ бывало Анфиса Ивановна.

— Да что? Дьяволъ-то этотъ опять прислалъ.

— Какой дьяволъ?

— Да мировой-то!

— Опять?

— Опять.

— Зачѣмъ?

— Самихъ васъ въ камеру требуетъ и требуетъ, чтобы вы росписались на повѣсткѣ.

И Зотычъ подавалъ повѣстку.

— Что-же мнѣ дѣлать теперь?

— Говорю, пожалуйтесь на него предводителю. Надо же его унять; вѣдь этакъ онъ, дьяволъ, насъ до смерти затаскаетъ!..

— Да зачѣмъ я ему спонадобилась?

— Да по Тришкинскому дѣлу...

— Какое такое Тришкинское дѣло?

— О самоуправствѣ. Тришка былъ долженъ вамъ за корову сорокъ рублей и два года не платилъ. Я по вашему приказанію свезъ у него съ загона горохъ, обмолотилъ его и продалъ. Сорокъ рублей получилъ, а остальные ему отдалъ.

— Значитъ, квитъ! — возражаетъ Анфиса Ивановна.

— Когда вотъ отсидите въ острогѣ, тогда и будетъ квитъ!

— Да вѣдь Тришка былъ долженъ?

— Долженъ.

— Два года не платилъ?

— Два года.

— Ты ничего лишняго не взялъ?

— Ничего.

— Такъ за что же въ острогъ?

— Не имѣли, вишь, права приказывать управляющему...

— Я, кажется, никогда тебѣ и не приказывала...

— Нѣтъ ужь, это дудки, приказывали.

— Что-то я не помню! — финтитъ старуха.

— Нѣтъ, у меня свидѣтели есть. Коли такое дѣло, такъ я свидѣтелевъ представлю... Что-же мнѣ изъ-за вашей глупости въ острогъ идти что-ли!.. Нѣтъ, покорно благодарю.

— Да за что-же въ острогъ-то?

— А за то, что вы не имѣли никакого права приказывать мнѣ продать чужой горохъ... Это самоуправство...

— Да вѣдь ты продавалъ!

— А приказъ былъ вашъ.

— Стало-быть, мнѣ въ острогъ?

— Похоже на то!

— Такъ это выходитъ *процессъ!* — перебиваетъ его Анфиса Ивановна.

И поблѣднѣвъ какъ полотно, она запрокидывается на спинку кресла. Слово *процессъ* пугаетъ ее даже болѣе острога. Она лишалась аппетита и ложилась въ постель. Но сцены, подобныя описанной, случались весьма рѣдко, а потому на столько-же рѣдко возмущался и вседневный порядокъ жизни.

Напившись чаю, Анфиса Ивановна отправлялась въ садъ и бесѣдовала съ садовникомъ, отставнымъ драгуномъ Брагинымъ, у котораго тоже была слабость цѣлый день копаться въ саду, мотыжить, подчищать и подпушивать. Съ нимъ заводила она разговоръ про разныя баталіи, старый драгунъ оживлялся и, опираясь на лопату, начиналъ разсказывать про битвы, въ которыхъ онъ участвовалъ. Анфиса Ивановна слушала со вниманіемъ, не сводя глазъ съ Брагина, качала головой, хмурила брови, а когда дѣло становилось черезчуръ уже жаркимъ, она блѣднѣла и начинала поспѣшно креститься.

Наговорившись вдоволь съ Брагинымъ, Анфиса Ивановна возвращалась домой, садилась въ угольной комнатѣ къ окошечку и, призвавъ Домну, начинала съ ней бесѣдовать. Въ бесѣдахъ этихъ большею частію вспоминалось прежнее житье-бытье и иногда рѣчь заходила о капитанѣ, но тяжелыя воспоминанія дней этихъ (капитанъ, говорятъ, ее очень билъ) какъ-то невольно обрывали нить разговора, и Анфиса Ивановна замѣчала:

— Ну, не будемъ вспоминать про него. Дай Богъ ему царство небесное и пусть Господь проститъ ему все то, что онъ мнѣ натворилъ!

Во время разговоровъ этихъ Анфиса Ивановна вязала обыкновенно носки. Вязаніе носковъ было ея любимымъ занятіемъ и такъ какъ у нея не было родныхъ, которыхъ она могла-бы снабжать ими, то она дарила носки предводителю, исправнику, становому и другимъ. Но при этомъ соблюдались ранги. Такъ, предводителю вязались тонкіе носки, исправнику потолще, а становому вовсе толстые. Анфиса Ивановна даже подарила однажды дюжину носковъ архіерею, но связала ихъ не изъ нитокъ, а изъ шелку, за что архіерей по просьбѣ Анфисы Ивановны посвятилъ въ стихарь рычевскаго причетника.

Къ двѣнадцати часамъ Потапычъ накрывалъ столъ, раза два или три обойдя всѣ комнаты и обтерѣвъ пыль. Столъ для обѣда онъ ставилъ круглый и, прежде чѣмъ поставить его, всегда смотрѣлъ на ввинченный въ потолокъ крючокъ для люстры, чтобы столъ приходился по срединѣ комнаты. Въ половинѣ перваго подавался супъ, и Потапычъ шелъ къ Анфисѣ Ивановнѣ и проговаривалъ: «кушать пожалуйте!» Во время обѣда слуга всегда стоялъ позади Анфисы Ивановны, приложивъ тарелку къ правой сторонѣ груди. Потапычъ въ это время принималъ всегда торжественный видъ, поднималъ голову и смотрѣлъ прямо въ макушку Анфисы Ивановны. Но, не смотря однако на этотъ торжественный видъ, онъ все-таки не бросалъ своей привычки ходить безъ галстука, въ суконныхъ мягкихъ туфляхъ, и вступать съ Анфисой Ивановной въ разговоры.

— Ну чего смотрите! чего трете! — проговаривалъ онъ оскорбленнымъ голосомъ, замѣтивъ что Анфиса Ивановна разглядывала и вытирала тарелку.

— У меня такая привычка, — оправдывалась Анфиса Ивановна.

— Пора-бы бросить ее!... Что вы агличанка что-ли какая, что тарелки-то чистыя вытираете.

Если же Анфисѣ Ивановнѣ случалось какимъ-бы то ни было образомъ разбить стаканъ или рюмку, то Потапычъ положительно выходилъ изъ себя.

— Что у васъ рукъ что-ли нѣтъ! Ну что вы посуду-то колотите! Маленькія что-ли!—И глядя на собранные осколки, онъ начиналъ причитывать:—Эхъ, ты моя «Сонька, Сонька!» Сколько лѣтъ я тебя берегъ и холилъ, всегда тебя въ уголочекъ буфета рядомъ съ «Анфиской» ставилъ, а теперь кончилось твое житье!

— Ну, будетъ тебѣ, Потапычъ! — перебивала его Анфиса Ивановна. — Полно тебѣ плакать-то! всѣ тамъ будемъ.

И бывало вздохнетъ.

Послѣ обѣда Анфиса Ивановна отправлялась въ свою уютную чистенькую комнатку и, опустившись въ кресло, предавалась дремотѣ, послѣ чего приказывала обыкновенно заложить лошадей и отправлялась или кататься, или въ село Рычи къ отцу Ивану. Но поѣздки эти удавались ей не всегда, и очень часто Домна, ходившая къ кучеру съ приказаніемъ заложить лошадей, возвращалась и объявляла, что кучеръ закладывать лошадей не хочетъ.

— Это почему?

— Некогда, говоритъ.

— Что же онъ дѣлаетъ?

— Табакъ съ золой перетираетъ. Нюхать, говоритъ, мнѣ нечего, а я, говоритъ, безъ табаку минуты быть не могу.

— Да что онъ съ ума сошелъ что-ли? — сердилась Анфиса Ивановна. — Ступай и скажи ему, чтобы сію минуту закладывалъ; что до его табаку мнѣ дѣла нѣтъ; что, дескать, барыня гнѣвается и требуетъ, чтобы лошади были заложены немедленно.

— Ну что? — спрашивала Анфиса Ивановна возвратившуюся Домну.

— Не ѣдетъ.

— Что же онъ говоритъ?

— Не поѣду, говоритъ, безъ табаку; хоть сейчасъ разсчетъ давай!

— Такъ я же его сейчасъ и разочту! — вскрикивала Анфиса Ивановна и, обратясь къ Домнѣ, прибавляла ласково: — Домашенька, сходи, душенька, къ Зотычу и скажи ему, чтобъ онъ принесъ конторскую книгу.

Домна уходила, а Анфиса Ивановна принималась ходить по комнатѣ и посматривать на каретникъ въ надеждѣ, что кучеръ опомнится и поспѣшитъ исполнить ея приказаніе, но каретникъ попрежнему не растворялся. Являлся Зотычъ съ книгою и прислонялся къ притолкѣ: «Ну вотъ я, чего тебѣ еще книга спонадобилась!»

— Захаръ Зотычъ! — начинала Анфиса Ивановна: — кучеръ выходитъ у меня изъ повиновенія и потому сейчасъ же разочти и чтобъ его сегодня же здѣсь не было. Слышишь?

— Слышу.

— Такъ вотъ разочти.

— Денегъ пожалуйте, — ворчитъ Зотычъ.

— Развѣ въ конторѣ нѣтъ?

— Откуда же онѣ будутъ въ конторѣ-то?

— Сосчитай, сколько ему приходится.

Зотычъ развертывалъ книгу и находилъ ту страницу, на которой записанъ кучеръ Абакумъ Трофимычъ. Онъ указывалъ пальцемъ: на, молъ, смотри.

— Онъ сколько получаетъ въ мѣсяцъ?

Зотычъ молча указываетъ.

— А давно онъ живетъ?

Зотычъ передвигалъ палецъ и указывалъ, сколько лѣтъ живетъ кучеръ. Оказывалось, что живетъ онъ 38 лѣтъ.

— Сколько же ему приходится? — спрашивала Анфиса Ивановна уже немного потише, и Зотычъ снова передвигалъ палецъ и указывалъ на итогъ.

— Да ты что мнѣ все пальцемъ-то тычешь!—вскрикивала Анфиса Ивановна. — Что у тебя языкъ что-ли отвалился, что не можешь мнѣ отвѣтить. Ну сколько же приходится?

— За вычетомъ полученныхъ въ разное время, кучеру приходится дополучить 236 руб. 40 коп., — отвѣчалъ Зотычъ и смотрѣлъ на Анфису Ивановну, какъ будто желая сказать: что, ловко?

— Такъ въ конторѣ денегъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ну хорошо, ступай! Я денегъ найду и тогда пришлю за тобой.

«Ладно», думаетъ Зотычъ и уходитъ и видитъ, какъ въ сѣняхъ кучеръ Абакумъ Трофимычъ, сидя на какомъ-то отрубкѣ и ущемивъ колѣнками какую-то ступу, преспокойно растираетъ себѣ табакъ и даже не взглянулъ на проходившаго мимо съ книгою подъ мышкой управляющаго.

Но въ большинствѣ случаевъ кучеръ безпрекословно закладывалъ лошадей и отправлялся съ барыней по

указаннымъ направленіямъ. Абакумъ всегда усаживался на козлахъ какъ можно покойнѣе, клалъ свои локти на колѣна и почти вовсе не правилъ лошадьми, отчего очень часто случалось, что, проѣзжая околицы, тарантасъ задними колесами зацѣплялъ за вереи и выворачивалъ ихъ вонъ.

— Ты вовсе не смотришь, куда ѣдешь! — вскрикивала бывало Анфиса Ивановна.

— Какъ же я назадъ-то смотрѣть могу,— возражалъ Абакумъ. — Чудное дѣло! Точно у меня глаза-то въ затылокъ вставлены.

И начнетъ бывало свой носъ, словно трубку, набивать табакомъ. Очень часто табакъ этотъ вѣтромъ относило прямо въ глаза Анфисѣ Ивановнѣ, и она говорила:

— Послушай, ты какъ-нибудь поосторожнѣй нюхай, а то твой табакъ мнѣ прямо въ глаза летитъ!

— Это ничего! — отвѣчалъ кучеръ:—табакъ даже нарочно въ глаза пускаютъ. Отъ этого зрѣніе прочищается.

Послѣ ужина Анфиса Ивановна поспѣшно отправлялась въ спальню, гдѣ Домна успѣла уже приготовить для барыни постель. Помолившись и перекрестивъ постель, дверь и окна, чтобы никто не влѣзъ, Анфиса Ивановна укладывалась и, свернувшись въ клубочекъ, засыпала, а съ нею вмѣстѣ засыпала и вся усадьба. И тогда-то среди этой воцарившейся безмолвной тишины, охватившей всю усадьбу, среди этой темной, молчаливой ночи, бережно окутавшей густымъ покрываломъ все окружающее, выходилъ изъ своей конуры страдавшій безсонницей ночной сторожъ Карпъ, шагалъ переваливаясь по разнымъ направленіямъ усадьбы и

неустанно колотилъ колотушкой вплоть до самаго разсвѣта.

VI.

Такъ проживала Анфиса Ивановна нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ вдругъ за мѣсяцъ до начала настоящей повѣсти, часовъ въ шесть вечера, подъѣхала къ дому Анфисы Ивановны тележка, запряженная парою лошадей. Изъ тележки вышла въ какомъ-то рыженькомъ бурнусѣ, съ небольшимъ сакъ-вояжемъ на рукѣ, молодая, свѣженькая дамочка. Вбѣжавъ на крыльцо, она весело спросила Потапыча: дома-ли Анфиса Ивановна? и узнавъ, что дома, вошла безъ церемоніи въ залу. Увидавъ въ залѣ старушку, съ любопытствомъ смотрѣвшую въ окна на подъѣхавшую пару, она сейчасъ догадалась, что старушка эта и есть Анфиса Ивановна. Пріѣхавшая поспѣшно подбѣжала къ ней, обняла и отрекомендовалась, что она ея племянница—Мелитина Петровна Скрябина, и принялась напоминать ей о себѣ. Мелитина Петровна передала, что она дочь ея покойнаго брата Петра Ивановича, которую она, Анфиса Ивановна, видѣла только разъ и то тогда, когда Мелитина Петровна была еще груднымъ ребенкомъ; что годъ тому назадъ она вышла замужъ за штабсъ-капитана Скрябина, служившаго при взятіи Ташкента подъ начальствомъ генерала Черняева, что мужъ отправился теперь въ Сербію добровольцемъ, а ей посовѣтовалъ на время войны ѣхать къ тетушкѣ Анфисѣ Ивановнѣ. Затѣмъ Мелитина Петровна разсказала, что въ вагонѣ встрѣтилась она

съ Асклипіодотомъ Психологовымъ, доѣхала съ нимъ отъ желѣзной дороги до села Рычей, а затѣмъ попросила уплатить ямщику два рубля, такъ какъ, выходя изъ вагона, она потеряла свой портмоне. Анфиса Ивановна уплатила деньги и приказала подать чаю. Мелитина Петровна вышла на балконъ, пришла въ восхищеніе отъ клумбы розановъ, воткнула въ косу одинъ цвѣтокъ, жадно вдыхала ароматичный воздухъ и объявила, что лѣтомъ только и можно жить въ деревнѣ, при чемъ кстати обругала петербургскій климатъ. За чаемъ, который пила тоже на балконѣ, Мелитина Петровна разсказала, что всю дорогу, начиная отъ Москвы и до послѣдней станціи желѣзной дороги, она только и говорила съ Асклипіодотомъ Психологовымъ объ ней и потому теперь она какъ будто знакома съ ней нѣсколько лѣтъ; знаетъ ея привычки, образъ жизни и употребитъ все стараніе, чтобы быть ей пріятною и заслужить ея расположеніе. Говоря все это, Мелитина Петровна намазывала на хлѣбъ масло, подкладывала въ чашку сахаръ, попросила Дарью Өедоровну наливать ей чай покрѣпче и держала себя такъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ нѣсколько лѣтъ знакома была съ Анфисой Ивановной. Послѣ чая, узнавъ, что на рѣкѣ есть удобное мѣсто для купанья, завязала въ узелокъ полотенце, мыло, мочалку и, попросивъ указать ей мѣсто, отправилась купаться. Ужинала Мелитина Петровна съ аппетитомъ, хвалила кушанья, а отъ варенца, подававшагося вмѣсто пирожнаго, пришла въ восторгъ и объявила, что за такой варенецъ надо заплатить въ Петербургѣ никакъ не менѣе трехъ рублей.

Уложивъ Мелитину Петровну спать, Анфиса Ива-

новна собрала въ свою спальню и Дарью Θедоровну, и Домну, и вмѣстѣ съ ними начала припоминать подробности посѣщенія брата Петра Ивановича.

— Вотъ я не помню хорошенько, — говорила Анфиса Ивановна, совершенно потерявшая память: — былъ-ли въ то время братъ Петръ Ивановичъ женатымъ или вдовцомъ.

— Кажись, вдовцомъ! — прошептала Дарья Θедоровна.

— Ой, женатымъ! — подхватила Домна. — Я помню, что съ нимъ пріѣзжала какая-то дама, красивая, высокая, румяная....

— Это была не жена, а кормилица!

— Нѣтъ, жена. Я какъ теперь помню, была имъ отведена угольная комната и они въ одной комнатѣ спали.... и кровать была одна, накрытая кисейнымъ пологомъ отъ комаровъ.

— Ты все перепутала, Домна! — говоритъ Анфиса Ивановна. — Кровать съ пологомъ мы устраивали для архіерея, когда онъ ночевалъ у насъ.

— А гдѣ же дама-то спала?

— Съ архіереемъ не было никакой дамы.

— Съ кѣмъ же дама пріѣзжала?

И старухи умолкли и углубились въ воспоминанья. Но какъ онѣ ни хлопотали, ничего припомнить не могли и, напротивъ, спутались еще болѣе. Въ воспоминаньяхъ этихъ Петръ Иванычъ то оказывался холостымъ, то женатымъ, то пріѣзжавшимъ вмѣстѣ съ женой, но безъ ребенка, то вдовцомъ, съ кормилицей и ребенкомъ. То представлялся онъ имъ хромымъ, то гусаромъ съ длинными усами, стройнымъ, ловкимъ и лихимъ. Наконецъ, дошло до того, что

Петръ Ивановичъ никогда будто не пріѣзжалъ и что Мелитина Петровна все наврала, объявивъ, что была въ Грачевкѣ груднымъ ребенкомъ.... Позвали Потапыча; стали спрашивать его: не припомнитъ-ли онъ, пріѣзжалъ-ли лѣтъ двадцать пять тому назадъ Петръ Ивановичъ съ кормилицей и груднымъ ребенкомъ? Потапычъ тутъ же припомнилъ.

— Да, какъ же!—почти вскрикнулъ онъ.—Извѣстно, пріѣзжалъ съ ребенкомъ и съ кормилицей. Еще помните разъ, опосля обѣда, ребенокъ потянулъ за скатерть и всю посуду переколотилъ.

— Такъ, такъ, такъ!—затараторили старухи, и въ ту же минуту въ ихъ памяти воскресла вся картина пріѣзда Петра Ивановича со всѣми ея мельчайшими подробностями. Вспомнили, что дѣйствительно лѣтъ двадцать тому назадъ Петръ Ивановичъ пріѣзжалъ въ Грачевку вдовцомъ, съ ребенкомъ и кормилицей, и прогостилъ недѣли три. Что кормилица была очень красивая, бѣлая, стройная, чернобровая и спала вмѣстѣ съ ребенкомъ въ угольной комнатѣ, а Петръ Ивановичъ рядомъ въ гостиной, на диванѣ. Но какого пола былъ ребенокъ, они рѣшительно припомнить не могли, а такъ какъ на часахъ пробило уже двѣнадцать часовъ ночи и всѣ они дремали, то порѣшили, что вѣроятно ребенокъ былъ дѣвочка, такъ какъ отецъ никоимъ образомъ при крещеніи ребенка не назвалъ-бы мальчика Мелитиной, ибо Мелитина имя женское.

VII.

На слѣдующій день Анфиса Ивановна по случаю пріѣзда племянницы встала ранѣе обыкновеннаго и про-

извела даже нѣкоторое измѣненіе въ своемъ туалетѣ, накрывъ голову какимъ-то чепцомъ, который называла она *уборомъ*. Но несмотря на то, что старуха была на ногахъ ранѣе обыкновеннаго, Мелитина Петровна все-таки предупредила ее. Она успѣла сходить на рѣку, искупаться, обойти весь садъ, потолковать съ Брагинымъ и даже побывать на гончарномъ заводѣ. Мелитина Петровна была въ восторгѣ и отъ Грачевки, и отъ сада, гончарнымъ же заводомъ осталась недовольна и объявила, что горшки на немъ работаются допотопнымъ образомъ и что въ настоящее время имѣются очень простыя и удобныя приспособленія, посредствомъ которыхъ горшки выдѣлываются несравненно скорѣе и лучше. За чаемъ Мелитина Петровна разспрашивала старуху о средствахъ окрестныхъ крестьянъ, на какомъ они надѣлѣ, на большомъ или маломъ, есть-ли въ этой мѣстности заводы или фабрики. Она высказала при этомъ свою любовь къ заводскому дѣлу, объяснила, что на заводахъ и фабрикахъ народъ гораздо развитѣе, что хлѣбопашество развиваетъ въ человѣкѣ мечтательность и идиллію, тогда какъ машины, перерабатывая пеньку, шерсть, бумагу, шелкъ и т. п., вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтно перерабатываютъ и человѣческій мозгъ. Мелитина Петровна разсказала, что какъ-то случилось ей быть въ Шуѣ и что она пришла въ восторгъ отъ народа. Затѣмъ она спросила, есть-ли въ Грачевкѣ школа и, узнавъ, что школы никакой не имѣется, потужила объ этомъ и слегка коснулась, что вообще въ Россіи необходимо было-бы ввести обязательное обученіе; что по имѣющимся свѣдѣніямъ у насъ на восемьдесятъ четыре человѣка приходится только одинъ учащійся, что начальныхъ школъ всего 22.400 и что по-

этому увлекаться оптимизмомъ намъ не къ лицу, а надо думать объ умноженіи начальныхъ школъ, причемъ не забывать и женскаго образованія, о которомъ даже и думать не начинали.

Послѣ чая Мелитина Петровна принялась за устройство своей комнаты, и Анфиса Ивановна, присутствовавшая при этомъ, не мало удивилась, что Мелитина Петровна ставитъ кровать какъ-то наискось комнаты. Замѣтивъ удивленіе старушки, Мелитина Петровна объяснила ей, что необходимо ложиться головой къ сѣверу, такъ какъ по увѣренію германскихъ врачей этимъ устраняются многія болѣзни, и что теорію эту объясняютъ они вліяніемъ земнаго магнетизма на человѣческій организмъ.

Анфиса Ивановна все это слушала и чувствовала, что въ головѣ у нея творится что-то недоброе. Болѣе всего поразила ее кровать, такъ что съ кровати этой она не спускала глазъ и все думала: «какъ же это такъ выходитъ, что спать надо наискось комнаты, а не вдоль стѣнки!» Затѣмъ Анфиса Ивановна, какъ и всякая женщина, вообще любившая подсмотрѣть, что у кого есть, начала разглядывать костюмъ Мелитины Петровны и нашла, что платьишко на ней немудреное и хотя и украшалось разными бантиками и оборочками, но тѣмъ не менѣе все-таки мизерное и то же самое, въ которомъ была вчера; что ботинки хотя и варшавскіе, но все-таки рыженькіе съ довольно значительными изъянцами и со стоптанными каблуками. Все это навело Анфису Ивановну на мысль, что мужъ Мелитины Петровны должно-быть одного поля ягоды съ *капитаномъ* и вѣроятно *сорви-голова,* коли уѣхалъ *на сраженіе.*

Уставивъ кровать, Мелитина Петровна открыла свой чемоданчикъ и, вынувъ изъ него нѣсколько книгъ, поставила ихъ на столъ. Она объявила Анфисѣ Ивановнѣ, что если ей угодно, то нѣкоторыя изъ этихъ книгъ она ей прочитаетъ; что книги очень интересныя и въ особенности расхвалила *Тайны Мадридскаго двора*, *Евгенію* и *Донъ-Карлоса.* Но Анфиса Ивановна была занята не книгами, а искоса посматривала на чемоданчикъ, гдѣ кромѣ какихъ-то тоненькихъ книжечекъ, перевязанныхъ бичевкой, ничего не виднѣлось. Анфиса Ивановна спросила племянницу, отчего не ставитъ она на столъ и тѣхъ книжекъ, которыя перевязаны бичевкой, но Мелитина Петровна объяснила, что тоненькія книжечки учебныя, изданныя комитетомъ грамотности, и поспѣшила закрыть и запереть чемоданъ ключомъ, который и сунула въ карманъ своего платья.

Устроивъ комнату, Мелитина Петровна спросила, далеко-ли отъ нихъ почтовая станція, на которой принимаются письма, и узнавъ, что таковая находится въ селѣ Рычахъ, и что почта отходитъ сегодня же часовъ въ шесть вечера, очень обрадовалась и объявила, что сейчасъ же отправитъ въ Петербургъ письмо, а когда Анфиса Ивановна спросила племянницу, зачѣмъ пишетъ она въ Петербургъ, если мужъ ея находится *на сраженіяхъ*, Мелитина Петровна отвѣтила, что мужу съ этою почтой она писать не будетъ, а будетъ писать одному петербургскому знакомому. Послѣ обѣда Мелитина Петровна попросила у тетки бумаги и все нужное для письма, кстати выпросила еще три рубля денегъ на покупку почтовыхъ марокъ и, расцѣловавъ за все это тетку, ушла въ

свою комнату писать письма. Анфиса Ивановна по обыкновенію удалилась въ свою спальню. Но на этотъ разъ старушка не усѣлась въ кресло подремать, а призвавъ къ себѣ Домну, начала передавать ей по секрету все видѣнное и слышанное. Анфиса Ивановна сообщила, что Мелитина Петровна умѣетъ дѣлать горшки, очень любитъ фабрики и заводы, на которыхъ выдѣлываютъ человѣческіе мозги, и что спитъ не вдоль стѣнки, а наискось комнаты. Домна же въ свою очередь передала, что вчера она хотѣла было приготовить Мелитинѣ Петровнѣ ночную сорочку, почему попросила ключъ отъ чемодана, но Мелитина Петровна ей ключей почему-то не дала; что у племянницы ничего-то ровнехонько нѣтъ и что платье только одно и есть. Что же касается бѣлья, то таковаго всего-навсего: двѣ сорочки, два полотенца и штуки четыре носовыхъ платковъ. Разсказъ этотъ еще болѣе убѣдилъ Анфису Ивановну, что мужъ Мелитины Петровны одного поля ягода съ капитаномъ и что, по всей вѣроятности, спустилъ все приданое жены, такъ какъ Анфиса Ивановна очень хорошо помнитъ, что у покойнаго брата Петра Ивановича было 500 душъ, которыя и должны были перейти къ Мелитинѣ Петровнѣ. Затѣмъ Домна передала, что и ее тоже разспрашивала о мужикахъ, а именно: хорошо-ли они живутъ, много-ли грамотныхъ, довольны-ли своимъ положеніемъ; на что она, Домна, отвѣтила ей, что дѣло ея дѣвичье, что объ этихъ дѣлахъ ничего не знаетъ.

Когда Анфиса Ивановна вышла изъ спальни, то была очень удивлена, узнавъ отъ Потапыча, что Мелитина Петровна ушла пѣшкомъ въ Рычи. Старушка сдѣлала

Потапычу выговоръ за то, что тотъ не распорядился заложить лошадей; но Потапычъ отвѣтилъ, что Мелитина Петровна отъ лошадей отказалась и объявила, что она любитъ ходить пѣшкомъ и никогда на лошадяхъ ѣздить не будетъ. Часовъ въ восемь вечера Мелитина Петровна воротилась. Она передала теткѣ, что письмо ею отправлено, что была въ лавкѣ Александра Васильевича Соколова, купила тамъ табаку и гильзъ для папиросъ и что встрѣтила въ лавкѣ учителя Знаменскаго и своего попутчика Асклипіодота Психологова. Село Рычи ей очень понравилось. Она не безъ ироніи замѣтила, что село это имѣетъ видъ цивилизованнаго мѣстечка, такъ какъ на базарной площади имѣется нѣсколько лавокъ, трактировъ, кабаковъ и даже двѣ, три золотыя вывѣски съ надписями: *Складъ вина такого-то князя, оптовая продажа вина такого-то графа*. Свой разсказъ она заключила сообщеніемъ, что въ селѣ напали на нее собаки и что какъ она ни отмахивалась зонтикомъ, а все-таки онѣ оборвали ей хвостъ. Тѣмъ не менѣе, однако, Мелитина Петровна была очень довольна своимъ путешествіемъ въ село Рычи. Затѣмъ она, выпросивъ у Домны иголку съ ниткой, принялась чинить оборванное собаками платье.

VIII.

Въ тотъ же день явился Асклипіодотъ Психологовъ. Онъ былъ въ пестрыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ, гороховомъ коротенькомъ пиджакѣ и въ пуховой шляпѣ, надѣтой на-бекрень. Встрѣтивъ Анфису Ивановну, онъ расшаркался передъ нею, проговоривъ: «*Слава*,

живіо!» (тогда по случаю сербской войны это было въ модѣ) и объявилъ, что такъ какъ ему отлично извѣстно, что Анфиса Ивановна его не долюбливаетъ (хотя бы, напротивъ, ей слѣдовало любить его, такъ какъ онъ ея крестный сынъ), то онъ и является съ визитомъ не къ ней, а къ своей бывшей попутчицѣ Мелитинѣ Петровнѣ. Вошла Мелитина Петровна. Асклипіодотъ быстро вскочилъ со стула, опять проговорилъ: «живіо, слава!» и очень развязно и крѣпко пожалъ ей руку. Анфиса Ивановна оставила ихъ однихъ и удалилась въ свою комнату. Мелитина Петровна, замѣтивъ это, тотчасъ же догадалась, что посѣщеніе Асклипіодота старухѣ непонутру. Асклипіодотъ пробылъ однако у Мелитины Петровны довольно долго, надымилъ табакомъ полную комнату и набросалъ на полъ столько окурковъ, что Потапычъ насилу даже собралъ ихъ. О чемъ бесѣдовали они — неизвѣстно, такъ какъ говорили они почти шепотомъ, а какъ только въ комнату входилъ Потапычъ съ крыломъ и полотенцемъ, такъ немедленно или умолкали совершенно, или же начинали говорить о погодѣ. Передъ прощаньемъ Мелитина Петровна увела Асклипіодота въ свою комнату и довольно долго говорила съ нимъ о чемъ-то. Наконецъ Асклипіодотъ ушелъ. Встрѣтившись однако въ залѣ съ Анфисой Ивановной, онъ снова раскланялся и, приложившись къ ручкѣ, проговорилъ: « — Грѣхъ вамъ, мамашенька, что вы не любите своего крестничка! Богъ васъ за это строго накажетъ!

«Хорошо, толкуй!» подумала про себя Анфиса Ивановна и, когда Асклипіодотъ ушелъ, проговоривъ: «живіо!» — прибавила, обращаясь къ племянницѣ:

— И въ кого только зародился такой *вѣтрогонъ*, не понимаю!...

Черезъ нѣсколько дней Домна, ходившая въ Рычи къ обѣднѣ, сообщила Анфисѣ Ивановнѣ, что Мелитина Петровна, тоже бывшая въ церкви, стояла рядомъ съ Асклипіодотомъ и долго съ нимъ болтала и смѣялась.

Все это не совсѣмъ-то приходилось по вкусу Анфисѣ Ивановнѣ, такъ что пріѣздъ племянницы былъ ей въ тягость. Но Мелитина Петровна была не изъ тѣхъ, которыя не сумѣли бы загладить такое впечатлѣніе. Напротивъ, вскорѣ она оказалась женщиной не только не тяжелою, но даже весьма предупредительною и любезною. Не прошло и двухъ недѣль, какъ Мелитина Петровна вполнѣ уже завоевала себѣ расположеніе старушки. Однажды она приготовила ей къ обѣду такіе сырники, что Анфиса Ивановна чуть не объѣлась ими. Узнавъ затѣмъ, что тетка очень любитъ квасъ и что хорошаго кваса никто здѣсь варить не умѣетъ, Мелитина Петровна потребовала себѣ ржаныхъ сухарей, сахару, сдѣлала сухарный квасъ, разлила его по бутылкамъ, въ каждую бутылку положила по три изюминки, и когда квасъ собрался, угостила имъ Анфису Ивановну. Старуха чуть не опилась этимъ квасомъ. Когда же Мелитина Петровна, прочитавъ присланный мировымъ судьей заочный приговоръ, которымъ Анфиса Ивановна по извѣстному намъ *Тришкинскому процессу* приговорена была къ четырехдневному аресту, съѣздила къ мировому судьѣ и привезла старухѣ мировую съ Тришкой, то Анфиса Ивановна чуть не принялась молиться на племянницу. Въ ту же минуту порѣшила она, что Мелитина Петровна *славная бабенка*, расцѣловала ее, примирилась

съ судьей и въ тотъ же день принялась вязать ему носки изъ самой тонкой бумаги. Мелитина Петровна пригодилась и въ данномъ случаѣ, ибо научила тетку такъ искусно сводить пятки, какъ никогда Анфиса Ивановна не сводила!...

IX.

Мелитинѣ Петровнѣ было лѣтъ двадцать; это была женщина небольшаго роста, тоненькая, съ пріятнымъ, веселымъ личикомъ, съ плутовскими глазками, весьма бойкая, говорливая и съ прелестными каштановыми волосами. Шиньоновъ она не носила, но роскошные волосы свои зачесывала назадъ и завязывала ихъ такимъ изящнымъ бантомъ, что всякій шиньонъ только испортилъ бы натуральную красоту волосъ. Весь недостатокъ Мелитины Петровны заключался въ ея костюмѣ, но Анфиса Ивановна, убѣдившись, что племянница ея *славная бабенка,* тотчасъ же подарила ей все нужное. Преподнося ей всѣ эти подарки, Анфиса Ивановна съ улыбкою объявила племянницѣ, что все это она даритъ ей за *Тришкинскій процессъ*. Мелитина Петровна расцѣловала тетку, выпросила у нея еще пятьдесятъ рублей на отдѣлку платьевъ и отправилась въ Рычи. Въ модномъ магазинѣ Семена Осиповича Голубева она накупила себѣ всевозможныхъ лентъ, прошивочекъ, нѣсколько дюжинъ пуговицъ, а затѣмъ, выпросивъ у знакомаго намъ Ивана Максимовича швейную машину (которая, по увѣренію его, шила съ *волкомъ двадцать,*) принялась все подаренное кроить и шить. Анфиса Ивановна хотѣла было пригласить

извѣстную въ околодкѣ модистку Авдотью Игнатьевну, но Мелитина Петровна объявила, что она сдѣлаетъ все сама, и дѣйствительно, немного погодя, у нея былъ уже новый гардеробъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ простенькихъ платьевъ, но сшитыхъ со вкусомъ и весьма пикантно выказывавшихъ всѣ ея физическія достоинства. Анфиса Ивановна не мало дивилась новому покрою, а именно: что рукава и юпка дѣлаются изъ одной матеріи, а лифъ совершенно изъ другой, что пуговицъ пропасть, и петель нѣтъ и застегивать нечего, что бантъ, который въ доброе старое время пришивался къ волнующейся груди и передавалъ трепетъ сердечный, нынѣ пришивается къ сидѣнью. Но тѣмъ не менѣе платья нашла она миленькими, а главное идущими къ хорошенькому личику Мелитины Петровны. Мелитина Петровна подошла къ зеркалу, полюбовалась собою и снова расцѣловала тетку. Мелитина Петровна не кокетка, но она женщина; а какая же женщина не испытываетъ тайнаго удовольствія въ увѣренности, что она можетъ нравиться!...

Окончивъ работу, Мелитина Петровна прочла Анфисѣ Ивановнѣ *Донъ-Карлоса* и *Тайны Мадридскаго Двора*. Старуха осталась въ восторгѣ, въ особенности отъ послѣднихъ, и внутренно сравнивала себя съ Изабеллой, а покойнаго капитана съ маршаломъ Примомъ.

Не менѣе Анфисы Ивановны полюбили Мелитину Петровну не только вся дворня, но даже и окрестные крестьяне. Она умѣла со всѣми поладить и всякому угодить. Александръ Васильевичъ Соколовъ безпрекословно отпускалъ ей въ долгъ табакъ, гильзы и разныя конфеты, которыя она раздавала крестьянскимъ

дѣтямъ. Извѣстный капиталистъ Кузьма Васильевичъ Чурносовъ, ругавшій всѣхъ обращавшихся къ нему съ просьбой дать взаймы денегъ, ссудилъ ее однажды серіей въ 50 рублей; портной Филаретъ Семеновичъ, постоянно пьяный и избитый, при встрѣчѣ съ Мелитиной Петровной бросалъ фуражку кверху и кричалъ «ура!» Даже самъ церковный староста, узнавъ, что Мелитина Петровна очень любитъ свѣжую осетрину съ ботвиньемъ, слеталъ въ губернскій городъ и привезъ ей живаго осетра аршина въ два длиной. Въ нѣсколько дней успѣла она познакомиться почти со всѣми бабами и мужиками и почти у всѣхъ перебывала въ избахъ. Съ бабами толковала она о коровахъ, о телятахъ, о томъ, какую вообще жалкую участь терпитъ баба въ крестьянской семьѣ; съ мужиками— о подушныхъ окладахъ, о нуждахъ ихъ, о господствѣ капитала надъ трудомъ, о волостныхъ судахъ и сходкахъ, о безграмотности старшинъ и грамотности волостныхъ писарей. Съ крестьянскими дѣвушками купалась, учила ихъ плавать и нырять, и говорила, что купанье очень полезно, и поэтому давала совѣтъ пользоваться нашимъ короткимъ лѣтомъ, чтобы на зиму запастись здоровьемъ. Иногда же она просила собравшихся на купанье дѣвушекъ уйти и оставить ее одну.

Итакъ, Анфиса Ивановна успокоилась и, убѣдившись, что племянница ея не изъ таковскихъ, которыя нарушаютъ чье бы то ни было спокойствіе, зажила попрежнему, не только не стѣсняясь ея присутствіемъ, но даже изрѣдка сѣтуя, что племянница такъ мало сидитъ съ ней и большую часть дня проводитъ внѣ дома. Ее тревожило только то обстоятельство, что

Мелитина Петровна уходя запирала всегда свою комнату ключомъ, а равно и то, что, не смотря на большую переписку, которую вела Мелитина Петровна, она ниразу не писала мужу и не получала отъ него писемъ. Какъ-то разъ она даже рѣшилась спросить ее объ этомъ:

— Ужь ты не въ ссорѣ ли съ мужемъ-то?

— Почему вы думаете?

— Не переписываетесь вы!... Я этого не понимаю. Ну какъ не увѣдомить жену, что вотъ, дескать, я живъ и здоровъ, желаю и о тебѣ узнать что-нибудь! А то на—поди! Уѣхалъ себѣ на *сраженья* и ни слова!... Ужь онъ у тебя, милая моя, *тюкнуть* не любитъ-ли?

— Что это значитъ *тюкнуть?*

— Выпить, то-есть?

— Онъ пьетъ, но очень мало.

— То-то, — проговорила Анфиса Ивановна: — а то у меня былъ одинъ знакомый капитанъ, — продолжала она вздохнувъ: — такъ тотъ, бывало, такъ *натюкается*, что ничего не помнитъ. Вытаращитъ, бывало, глаза, да такъ цѣлый день и ходитъ и то того кулакомъ треснетъ, то другаго.... «Это, говоритъ, чтобы рука не отекала!»

На этомъ и кончился разговоръ, и хотя Анфиса Ивановна, въ сущности, ничего не узнала относительно обоюднаго молчанія супруговъ, но все-таки, имѣя въ виду, что штабсъ-капитанъ Скрябинъ не *тюкаетъ*, она успокоилась. Итакъ, въ Грачевкѣ все пришло было въ надлежащій порядокъ, какъ вдругъ появился крокодилъ и появленіемъ своимъ надѣлалъ извѣстную уже намъ суматоху.

Однако возвратимся къ разсказу.

X.

Несчастная Анфиса Ивановна, послѣ описаннаго ужаснаго сна, не спала всю ночь и, разбудивъ Домну, напрасно старалась въ разговорахъ съ нею хоть сколько-нибудь забыть тяжелую дѣйствительность. О чемъ бы старушка ни говорила, какъ бы далеко ни удалялась отъ тяготившей ее мысли, а все-таки разговоръ незамѣтно сводился къ одному и тому же знаменателю. Среди разговоровъ этихъ иногда склоняла ее дремота, но тревожное забытье, это походило на тотъ мучительный сонъ, которымъ доктора успокаиваютъ измученнаго больнаго, давая ему морфій. Только-что смыкала Анфиса Ивановна свои отяжелѣвшія вѣки, какъ ей представлялось, что будто она приказываетъ Зотычу обнести свою усадьбу высокою кирпичною стѣной, съ желѣзными воротами. Зотычъ требовалъ на покупку матеріаловъ денегъ, а денегъ нѣтъ и послѣднія отданы Мелитинѣ Петровнѣ на отдѣлку платьевъ.... То представлялось ей, что стѣна готова и что около запертыхъ желѣзныхъ воротъ ходитъ Брагинъ съ ружьемъ. Анфиса Ивановна счастлива и напѣвала: *и на штыкѣ у часоваго горитъ полночная луна....* Но вдругъ на верху стѣны показывался крокодилъ; какъ-то разгорячившись, оглядывалъ онъ внутренность двора и затѣмъ, упираясь четырьмя лапами, начиналъ сползать внизъ, а Асклипіодотъ, почтительно приподнявъ шляпу, говорилъ ей: «Вотъ видите, мамашенька, я говорилъ вамъ, что Богъ накажетъ васъ за то, что вы не любите своего крестничка!...»

Зато какъ только начало свѣтать, и какъ только утренняя заря заглянула въ окно, возвѣщая о появленіи солнца, и защебетали подъ окномъ неугомонные воробьи, — Анфиса Ивановна вздохнула свободнѣе и; по мѣрѣ того какъ мракъ ночи блѣднѣлъ передъ свѣтомъ дня, уменьшалось и тревожное настроеніе старушки. Она уснула, и на этотъ разъ проспала спокойно часовъ до восьми утра.

Проснувшись, Анфиса Ивановна немедленно позвала къ себѣ Домну и приказала ей приготовить все необходимое для предстоявшаго молебна. Она указала, какія именно требовалось поставить иконы, съ какою начинкою испечь кулебяку, какую подать закуску, водку и наливку. Вмѣстѣ съ тѣмъ она распорядилась также, чтобы вся дворня, кромѣ конечно кухарки, всенепремѣнно присутствовала на молебнѣ. Приказывать объ этомъ было совершенно напрасно, ибо дворня, перепуганная событіями послѣднихъ дней, даже роптала, что Анфиса Ивановна, спятившая, какъ видно, съ ума, до сихъ поръ не догадывается отслужить молебенъ съ водосвятіемъ.

Отдавъ всѣ эти приказанія, Анфиса Ивановна умылась, одѣлась и принялась за утреннюю молитву. Однако молитву эту, въ виду предстоявшаго молебна, она значительно сократила и поспѣшила за чай, такъ какъ вчера сперепугу она легла безъ ужина. За чаемъ, который ей былъ поданъ въ спальню Дарьей Ѳедоровной, Анфиса Ивановна взяла было Четью-минею, но, розыскавъ святаго, приходившагося на этотъ день, махнула рукой и закрыла книгу.

— Не люблю я этого! — проворчала старушка и сдѣлала какую-то недовольную гримасу.

— Кого это, матушка? — полюбопытствовала Дарья Өедоровна.

— Да вотъ святаго-то нынѣшняго. Ужь такая-то рохля, прости Господи.... читать тошно.... Принеси-ка лучше крендельковъ да сухариковъ. Смерть какъ ѣсть хочется....

Когда Анфиса Ивановна, накушавшись чаю, вышла въ залу, тамъ все уже было готово. Въ переднемъ углу стоялъ столъ, накрытый бѣлой скатертью, и на столѣ старинныя иконы въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ. Передъ иконами возвышалось нѣсколько восковыхъ съ золотомъ свѣчей и тутъ же каменная помадная банка съ душистымъ ладаномъ. Немного отступя отъ этого стола, былъ поставленъ другой, ломберный, но уже безъ скатерти; столъ этотъ предназначался дьячкамъ для «возложенія» книгъ. Въ той же комнатѣ, вдоль стѣны, отдѣлявшей залу отъ гостиной, красовался третій столъ, опять-таки накрытый бѣлой скатертью, съ разставленными на немъ графинчиками, бутылками и обильной закуской. Тутъ были: отварные и соленые груздочки, маринованныя опеночки, заливной судакъ, отварныя рачьи шейки въ маслѣ, домашній сыръ и колбаса, окорокъ сочной, розовой ветчины, копченые гуси и утки и кусокъ желтаго сливочнаго масла. Виноградныхъ винъ не было, такъ какъ Анфиса Ивановна никогда ничего не покупала, зато была зорная водка, тминная, листовка, полынная, рябиновая и затѣмъ такія наливки и запеканки, какихъ нигдѣ нельзя было встрѣтить. Отъ стола этого распространялся по комнатѣ до того раздражающій ароматъ, что Анфиса Ивановна положительно не отходила отъ него и видимо соблазнялась чего-нибудь

покушать. Она даже взяла было на вилку одинъ груздочекъ, но вошедшій въ эту минуту Потапычъ остановилъ ее.

— Оставьте, что вы это! — проговорилъ онъ:—какъ несовѣстно! Путемъ еще лба не перекрестили, а ужь закусывать собрались!.. Что вы, маленькая, что ли...

Вбѣжала Мелитина Петровна въ шляпкѣ и съ зонтикомъ и, увидавъ столъ съ образами, спросила:

— Что это? молиться собираетесь?

— Да, молебенъ отслужить хочу. Только вотъ попы долго не ѣдутъ... Этотъ отецъ Иванъ всегда точно медвѣдь копается.

— По какому же случаю молебенъ-то?

Но по какому именно случаю служится молебенъ, Анфиса Ивановна племянницѣ не сообщила и даже не упомянула о крокодилѣ, ибо вчера еще оскорбилась на нее за то, что, вмѣсто успокоительнаго слова, та только расхохоталась, глядя на ея свалившуюся шляпку и тащившуюся по полу шаль. Старушка посовѣтовала только племянницѣ избрать для купанья какое-либо другое мѣсто, а лучше всего обливаться водой въ банѣ. Мелитина Петровна спросила о причинѣ и, узнавъ, что причиною являлся все тотъ же злосчастный крокодилъ, расцѣловала тетку, назвала ее трусихой и объявила, что такихъ крокодиловъ она не боится и если бы захотѣла, то давно бы поймала его за хвостъ.

— Но дѣло не въ крокодилѣ, — прибавила она: — а вотъ въ чемъ. Вы, тетушка, позволите мнѣ уйти отъ молебна?

— Ступай, матушка, сдѣлай милость...

— Я бы очень охотно осталась, тетя. помолилась бы вмѣстѣ съ вами, но посмотрите — вонъ вѣдь сколько...

И Мелитина Петровна показала Анфисѣ Ивановнѣ цѣлую кипу запечатанныхъ писемъ.

— Царь небесный! — вскрикнула та: — когда это успѣла ты!

— Всю ночь писала, а теперь бѣгу на почту, отправить надо...—И она принялась цѣловать старушку.

— Будете молиться, вспомните и меня грѣшную!— прибавила она: — а вечеромъ я прочту вамъ романъ «Всадникъ безъ головы»...

— Прочтемъ...

— Такъ до свиданья, милая, дорогая...

Анфиса Ивановна головой покачала.

— Вы что это головкой-то качаете, а?

— Да на тебя глядя...

— Что такое?

— Все-то у тебя «*трынъ трава!...*» Словно кипятокъ какой-то! Словно порохъ...

— Молодость, тетушка; ничего не подѣлаешь!..

— Все бѣгомъ, какъ на почтовыхъ...

— Жизнь-то коротка, мѣшкать некогда...

— Словно тебя погоняютъ...

— Нѣтъ, тетенька, сама тороплюсь...

— Ну, бѣги, бѣги, Господь съ тобой!.. А лучше было бы, если бъ лошадей запречь приказала да на дрогахъ бы поѣхала.

— Покуда вашъ кучеръ соберется лошадей-то закладывать, ужь я въ Рычахъ буду, тетенька милая!

И она снова расцѣловалась съ Анфисой Ивановной, а немного погодя шла уже по двору, красиво подобравъ юпку и давая возможность желающимъ вдоволь налюбоваться и на щегольски обутую ножку, и на тѣлеснаго цвѣта прозрачный чулокъ...

А Анфиса Ивановна тѣмъ временемъ опять было подошла къ столу и опять было взялась за вилку, да Потапычъ снова помѣшалъ ей.

— Да погодите же, говорятъ вамъ, — проворчалъ онъ: — что это за наказаніе!..

Анфиса Ивановна послушно положила вилку и, чтобы не соблазняться, принялась ходить изъ угла въ уголъ.

XI.

Услыхавъ отъ Мелитины Петровны, что если бы та захотѣла, то давно бы поймала крокодила, старушкѣ пришло въ голову послать за г. Знаменскимъ и посовѣтовать ему обратиться за помощью къ Мелитинѣ Петровнѣ, тѣмъ болѣе, что не далѣе какъ вчера г. Знаменскій прочелъ ей письмо, въ которомъ за доставку крокодила ему обѣщали громадныя деньги. Но только-что хотѣла она послать за г. Знаменскимъ, какъ тотъ вошелъ съ цѣлою кипой газетъ подъ мышкой.

Это былъ мужчина лѣтъ тридцати, высокій, длинный, со впалою грудью, зеленый, худой, съ чрезвычайно болѣзненнымъ видомъ и съ глазами, похожими на глаза соленаго леща. Платье сидѣло на немъ какъ на вѣшалкѣ, а такъ какъ онъ ходилъ съ какою-то перевалкой, то фалды сюртука его раскачивались свободно направо и налѣво. Онъ былъ въ крайне раздраженномъ состояніи, отчего и безъ того уже болѣзненное лицо его, со впалыми щеками и шишковатыми скулами, имѣло видъ совершенно мертваго человѣка.

Извинившись передъ Анфисой Ивановной, что без-

безпокоитъ ее своимъ посѣщеніемъ, онъ объяснилъ, что, шатаясь съ утра по берегамъ рѣки Грачевки, рѣшился зайти къ ней и немного отдохнуть. Проговоривъ это, онъ сильно закашлялся и добавилъ, что очень усталъ, а главное раздраженъ всѣми тѣми нелѣпостями, которыми наполняются въ настоящую минуту газеты по поводу крокодила. Проговоривъ это, онъ съ досадой швырнулъ газеты и, совершенно изнеможенный, опустился въ кресло. Анфиса Ивановна очень обрадовалась приходу г. Знаменскаго и передала ему немедленно слова Мелитины Петровны. Но г. Знаменскій не обратилъ даже вниманія на разсказанное Анфисой Ивановной и замѣтилъ только, что у Мелитины Петровны завидный характеръ, ибо она надо всѣмъ шутитъ и смѣется; что о поимкѣ крокодила не заботится, такъ какъ крокодилъ, какъ только получатся имъ книги отъ Вольфа, будетъ всенепремѣнно пойманъ. Но его бѣситъ одно только, что газеты точно сговорились и доказываютъ, что въ Грачевкѣ не крокодилъ, а какая-то гигантская змѣя, и что такое нахальство подмываетъ его ѣхать въ Москву и въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ авторами этихъ недобросовѣстныхъ статей. Затѣмъ онъ опять закашлялся, и немного погодя, отдохнувъ отъ кашля, высказалъ свое глубокое презрѣніе къ тѣмъ людямъ, которые такъ легко относятся къ печатному слову и ради какого-то глупаго гаерства затемняютъ истину искаженіемъ фактовъ.

Затѣмъ Анфиса Ивановна сообщила ему, что, по словамъ Ивана Максимовича, крокодиловъ не одинъ, а двадцать, что всѣ они прибыли изъ Петербурга кургузые, а одинъ безъ хвоста. Услыхавъ это, г. Зна-

менскій отъ души расхохотался и объяснилъ старухѣ, что крокодилъ только одинъ, за это онъ ручается, а что Иванъ Максимовичъ, употребляющій въ своихъ разговорахъ разныя глупыя прибаутки, весьма часто ни къ селу, ни къ городу, говоритъ и о «*кургузыхъ волкахъ*» и «*съ волкомъ двадцать*». Вспомнивъ дѣйствительно поговорки Ивана Максимовича, Анфиса Ивановна не мало удивилась, что вчера, встрѣтившись съ нимъ, забыла совершенно про его манеру говорить. Г. Знаменскій успокоилъ Анфису Ивановну и тѣмъ еще, что если она не будетъ ходить на рѣку и въ камыши, а ограничится прогулками по саду и по дому, то ей нечего опасаться быть проглоченною крокодиломъ, такъ какъ животное это ни въ садъ, обнесенный заборомъ, ни въ домъ никоимъ образомъ не пойдетъ. Послѣ этого, собравъ всѣ свои газеты, г. Знаменскій распростился съ Анфисой Ивановной и, повторивъ еще разъ, что крокодилъ его рукъ не минуетъ, зашагалъ по дорогѣ, ведущей въ село Рычи.

XII.

Посѣщеніе это подѣйствовало на Анфису Ивановну несравненно благотворнѣе капель фельдшера Нирьюта, и она видимо успокоилась, узнавъ, что «*тварь*» эта не можетъ пробраться ни въ домъ, ни въ садъ. «Фигура-то выходитъ не больно важная!» думала она и, придя къ таковому заключенію, чувствовала, что аппетитъ ея разыгрывался все болѣе и болѣе, а по мѣрѣ того какъ разыгрывался аппетитъ, усиливалось и негодованіе ея на медленность поповъ.

— Вѣдь это чортъ знаетъ что такое, прости Гос-

поди! — ворчала она, посматривая на часы, показывавшіе половину одиннадцатаго. Раза два она высылала даже Потапыча на крыльцо. — Выдь, погляди, пожалуйста, — говорила она ему: — не видать ли шутовъ-то этихъ...

Потапычъ выходилъ на крыльцо, прикладывалъ ко лбу ладонь козырькомъ, смотрѣлъ на дорогу и, возвратившись, объявлялъ преспокойно:

— Нѣтъ, не видать никого.

Наконецъ пріѣхали и попы.

— Насилу-то, — вскрикнула Анфиса Ивановна, увидавъ въ окно тележку, нагруженную попами и толстыми церковными книгами, поверхъ которыхъ торчала водосвятная чаша съ привязаннымъ къ ней кадиломъ. Въ передней завизжалъ дверной блокъ и затопало нѣсколько сапогъ. Расчесавъ волосы и бороду и стряхнувъ рукой пыль съ рясы, отецъ Иванъ вошелъ въ залу и чинно сталъ молиться на иконы.

— Ты, видно, совсѣмъ съ ума спятилъ? — проворчала Анфиса Ивановна, сложивъ руки и подходя подъ благословеніе.

— Какъ такъ!.. — удивился отецъ Иванъ, осѣняя старушку большимъ крестнымъ знаменіемъ.

— Просила въ девять, а теперь одиннадцать скоро... И вслѣдъ затѣмъ она прибавила гнѣвно: — Да ну же, начинай что ли! Чего на часы-то глаза вылупилъ! Тошнитъ даже...

— Начать-то я начну сейчасъ, — проговорилъ отецъ Иванъ, вынимая изъ кармана Требникъ: — только затрудняюсь я, какую именно молитву прочесть...

— Что? аль въ городѣ-то перезабылъ всѣ?

— Не перезабылъ, а молитвъ на этотъ случай под-

ходящихъ нѣтъ. Только и нашелъ одну, отъ гадъ... Напримѣръ, когда крыса въ кадушку съ огурцами ввалится, или въ горшокъ съ молокомъ...

— Какая же это крыса! — перебила его Анфиса Ивановна:—даже и сходства нѣтъ никакого!..

— Сходства точно нѣтъ, но... тоже вѣдь гадъ!..

— А другихъ болѣе подходящихъ нѣтъ?

— То-то вѣдь и горе-то, что нѣтъ! — чуть не вскрикнулъ отецъ Иванъ и затѣмъ прибавилъ нерѣшительно:—развѣ ту, которую въ крымскую кампанію читали...

Анфиса Ивановна даже руками замахала.

— Придумалъ! нечего сказать, — проговорила она.— Радъ, что за молитву эту мѣдный крестъ себѣ на шею получилъ и готовъ теперь совать ее повсюду.

— Ну, болѣе нѣтъ никакихъ...

— А вотъ какъ ты сдѣлай, — перебила его Анфиса Ивановна:—ты молитву-то о крысахъ читай, только вмѣсто крысы называй крокодила.

— Да вѣдь тамъ, въ молитвѣ этой, о крысахъ-то и не упоминается даже, а просто, вообще, о гадахъ говорится... Вотъ, напримѣръ, какъ-то недавно, къ одному мужичку въ колодезь кошка попала, приглашалъ насъ тоже... Я ту же самую молитву о гадахъ и прочиталъ... Одно только,—прибавилъ отецъ Иванъ вздохнувъ,—чинъ-то слишкомъ продолжительный, утомитесь, пожалуй.

— А какъ это дѣлается?

— А вотъ изволите ли видѣть какъ,— проговорилъ онъ и, отыскавъ въ Требникѣ нужную молитву, прочелъ слѣдующее: «*Чинъ бываемый, аще случится чесому скверному впасти въ кладезь водный.*»

— Ну, ну! — торопила его Анфиса Ивановна, соображая, что молитва эта и въ самомъ дѣлѣ подойдетъ какъ нельзя лучше, ибо въ ней именно и говорится о гадахъ, попавшихъ въ воду. — Ну, ну!..

«*Подобаетъ первѣе,*— началъ снова отецъ Иванъ: *вычерпать изъ кладезя кадей сорокъ и изъяти вонъ. Таже возжегъ священникъ свѣщы, и веземъ кадильницу, кадитъ окрестъ кладезя. Таже влагаетъ воду святыхъ богоявленій крестовидно трижды. И тако ставъ къ востоку молится...*»

— Это подойдетъ! — порѣшила Анфиса Ивановна.

— И я тоже думаю! — замѣтилъ отецъ Иванъ.

— Отлично! — перебила его Анфиса Ивановна: — а чтобы все это не такъ долго тянулось, такъ мы такъ сдѣлаемъ. Ты будешь молебенъ служить, а я тѣмъ временемъ велю рабочимъ поскорѣе изъ рѣки сорокъ кадушекъ воды вылить, и къ концу молебна у насъ все будетъ готово. Можно такъ?

Отецъ Иванъ пожалъ плечами.

— Отступленіе будетъ! — проговорилъ онъ: — но... принимая въ соображеніе преклонность лѣтъ вашихъ, слабость силъ... Полагаю, что особеннаго грѣха не будетъ...

— Ну, конечно! — проговорила совершенно уже довольная Анфиса Ивановна и, поблагодаривъ отца Ивана пожатіемъ руки, поспѣшила отдать нужныя распоряженія. Когда же она снова вернулась, отецъ Иванъ спросилъ ее, указывая рукой на столъ съ иконами:

— Дозволите приступить?

— Еще-бы, конечно...

XIII.

Ввалили дьячки, въ томъ числѣ и пономарь съ оборванной косичкой, и поклонившись издали Анфисѣ Ивановнѣ, стали на свои мѣста. Вошелъ церковный сторожъ съ узломъ и, развязавъ зубами этотъ узелъ, вынулъ изъ него эпитрахиль, ризу и подалъ то и другое отцу Ивану. Дворня вошла гурьбой, на цыпочкахъ, и скучившись въ заднемъ углу зала, принялась креститься и вздыхать. Дьячки откашливались и плевали на полъ. Потапычъ замѣтилъ это, подошелъ къ одному изъ нихъ и толкнулъ его кулакомъ подъ ребра.— «Чего харкаешь-то! — проворчалъ онъ. И снова возвратился на свое мѣсто. Наконецъ, отецъ Иванъ облачился, выправилъ волосы, обдернулъ руку,— и молебенъ начался.

Анфиса Ивановна, помѣстившаяся въ дверяхъ, ведущихъ изъ залы въ гостиную, опустилась на колѣна и вся превратилась въ молитву. Не менѣе усердно молилась и собравшаяся дворня. Драгунъ Брагинъ, надѣвшій по случаю молебна сильно развалившійся мундиръ свой, украшенный знаками неувядаемой военной доблести, счелъ нужнымъ стать впереди всѣхъ, рядомъ съ прикащикомъ Зотычемъ. Точно также пріодѣлись и всѣ остальные, а въ особенности женщины. Всѣ эти старушки сморщенныя были въ коленкоровыхъ бѣлыхъ чепцахъ, въ такихъ же косынкахъ и передникахъ, въ темныхъ, ситцевыхъ платьяхъ, стояли на колѣнахъ и усердно молились. Молебенъ шелъ торжественно. Отецъ Иванъ громко подпѣвалъ

дьячкамъ и еще громче дѣлалъ возгласы. Когда же приходилось читать *тайныя молитвы,* онъ низко преклонялъ голову, и тогда во всей комнатѣ воцарялась такая тишина, что можно было слышать полетъ мухи. Во время евангелія, которое отецъ Иванъ читалъ, обратясь къ молившимся, Анфиса Ивановна и вся дворня приблизились къ священнику и прослушали чтеніе съ наклоненными головами. Затѣмъ, приложившись по очереди къ Евангелію, всѣ чинно размѣстились по прежнимъ мѣстамъ.

Наконецъ молебенъ кончился, водосвятіе было совершено, и всѣ отправились на рѣку. Во главѣ процессіи шелъ отецъ Иванъ въ облаченіи и съ крестомъ, за нимъ дьячки съ чашей, наполненной святой водой, а потомъ Анфиса Ивановна и вся дворня. Шествіе на рѣку до того благотворно повліяло на все населеніе грачевской усадьбы, до того утѣшило и успокоило всѣхъ молившихся, что всѣ они, не смотря на дряхлость лѣтъ, словно воскресли, словно ожили и бодро слѣдовали на мѣсто молитвы. Только одна Анфиса Ивановна, утомленная продолжительнымъ стояніемъ на колѣнахъ, а пуще всего обезсилѣвшая отъ голода и безсонно проведенной ночи, едва тащила ноги. Отецъ Иванъ уговаривалъ было старушку не *«утруждать себя»*, справедливо поясняя, что молящихся достаточно и безъ нея, но, подозрѣвая, какъ-бы отецъ Иванъ чего-нибудь не *«сфинтилъ»* и не *«скомкалъ-бы»* молитвъ съ цѣлью добраться поскорѣе до закуски, она рѣшила слѣдовать непремѣнно за процессіею и лично наблюсти, чтобы все было выполнено по указанію Требника. На рѣкѣ между тѣмъ все уже было готово. Рабочіе успѣли вычерпать сорокъ кадушекъ воды и

развели такую грязь, что отцу Ивану и дьячкамъ пришлось стоять въ ней чуть-ли не по колѣна. Затепливъ свѣчи и раздавъ ихъ молящимся, отецъ Иванъ провозгласилъ:

«Господу помолимся!»

«Господи помилуй!» — подхватили дьячки, — и отецъ Иванъ началъ читать молитву.

Когда все было кончено, и когда святая вода была вылита въ рѣку, Анфиса Ивановна подошла украдкой къ пономарю съ оборванной косичкой и шепотомъ спросила:

— Гдѣ-же это онъ тебя *прищучилъ-то?*

— А вотъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, — отвѣтилъ пономарь и указалъ пальцемъ на обрывистый берегъ, покрытый камышами.

— Здѣсь?

— Да, здѣсь... Такъ изъ-подъ кручи-то и выхватилъ!

— За косичку? — спросила Анфиса Ивановна.

— За косичку... Уцѣпилъ, значитъ, и выхватилъ...

— И ты видалъ его?

— Ну гдѣ-же видать, коли у меня тутъ-же память отшибло!

Анфиса Ивановна вздохнула, покачала головой и отошла отъ пономаря.

Въ домикѣ Анфисы Ивановны все приняло праздничный видъ. Словно пасху праздновали. Успокоенные и согрѣтые молитвой, обитатели его, не снимая съ себя праздничныхъ нарядовъ, видимо ликовали. Они даже перестали не только говорить, но даже и думать о тѣхъ ужасахъ, которыми заняты были предшествовавшіе дни. Всѣ они разбрелись по своимъ

угламъ, зашипѣли привѣтливо самовары, и сидя вокругъ самоваровъ этихъ, старушки и старички, словно малыя дѣти, принялись праздновать свое успокоеніе. А солнце между тѣмъ такъ и обливало тепломъ и свѣтомъ ветхій домикъ Анфисы Ивановны, утонувшій въ зелени сада, привѣтливо заглядывало въ его маленькія окна, согрѣвало и ласкало всю усадьбу, и садъ, и огороды, и зеркало рѣки...

XIV.

Нечего и говорить, что и сама Анфиса Ивановна сіяла счастіемъ и радостью. Сморщенное личико ея словно оживилось и улыбалось... Потухшіе, впалые глазки заискрились живымъ огонькомъ, и вся она, преобразившаяся и довольная, не знала какъ и отблагодарить отца Ивана за оказанную имъ услугу.

— Ну, кумъ,— говорила она, крѣпко пожимая ему руку: — посердилась я на тебя сегодня, поругала тебя, нечего грѣха таить! а теперь большущее тебѣ спасибо!.. Успокоилъ ты меня, старуху, такъ успокоилъ, что я совсѣмъ словно иная стала; на сердцѣ весело, на душѣ легко. Спасибо тебѣ, спасибо! А теперь давай закусимъ... Богу послужили, надо послужить и мамону.

Но вдругъ, перемѣнивъ тонъ, она спросила:

— Или, можетъ, ты чайку хочешь?..

— Нѣтъ, кумушка, благодарствуйте, увольте. Я лучше вотъ тутъ посмотрю, не будетъ-ли чего подходящаго...

И проговоривъ это, отецъ Иванъ подошелъ къ столу.

— Посмотри, посмотри, а я пойду прикажу пирогъ нести. Не знаю — какъ удастся, а пирогъ заказала я на славу! съ вязигой, грибками и сомовымъ плесомъ, да приказала туда лучку да налимьихъ молокъ припустить! Ну что-же,— спросила она: — нашелъ себѣ подходящее-то?

— Да, вотъ, думаю рюмочку зобрной выпить для начала, — проговорилъ онъ, заворачивая рукава рясы и доставая графинъ съ зобрной настойкой. День зарей и начинается и кончается, такъ вотъ и я хочу послѣдовать теченію времени.

— Послѣдуй, послѣдуй! А я на счетъ пирога распоряжусь.

И проговоривъ это, Анфиса Ивановна куда-то юркнула (откуда и прыть взялась), а отецъ Иванъ налилъ себѣ большую рюмку настойки, перекрестилъ рюмку и, выпивъ ее залпомъ, отрѣзалъ отъ окорока ломоть сочной, жирной ветчины.

— Ну,— проговорила Анфиса Ивановна, снова влетѣвъ въ залу и накладывая себѣ на тарелку груздочковъ, опеночекъ и маринованной рыбы: — пирогъ вышелъ расчудесный! Слава Богу, такъ я рада!.. Кухарка при мнѣ разрѣзать его начала, такъ не повѣришь-ли, какъ только проткнула его, такъ паръ изъ него и повалилъ столбомъ, и сокъ запузырился!.. А ужь ароматъ какой!.. объяденье!..

И затѣмъ, понизивъ голосъ и подмигнувъ, спросила:

— Ну что, *тюкнулъ?*

Отецъ Иванъ только прикашлянулъ да головой кивнулъ.

— Ты бы еще...

Отецъ Иванъ опять заворотилъ рукавъ, налилъ

рюмку очищенной и выпилъ, а Анфиса Ивановна смотрѣла съ улыбочкой ему прямо въ ротъ и спрашивала:

— Ну что, хорошо?

— Важно.

— По жилкамъ разошлось?

— Разошлось.

— Ну вотъ закуси теперь груздочкомъ.

И поймавъ вилкой груздочекъ, она положила его въ ротъ отцу Ивану.

Принесли пирогъ, и только-что успѣли поставить его на столъ, какъ по всей комнатѣ разлился раздражающій запахъ печенаго лука, лавроваго листа и налимьихъ молокъ.

— Ну что, каковъ звѣрь-то? — вскрикнула Анфиса Ивановна, радуясь на пирогъ: — вспыжился-то какъ, а?!..

— На взглядъ хорошъ!

— А ты передъ пирогомъ еще бы рюмочку...

— Выпью-съ, не откажусь...

— Развѣ и мнѣ съ тобой тюкнуть?

— Чудесно сдѣлаете.

— Ну?

— Ей-ей!

— Такъ налей полрюмочки... Только мнѣ тминной, отъ желудка она очень помогаетъ! И тебѣ совѣтую....

— Попробуемъ.

И оба они выпили.

— Нѣтъ, не стану рыбу есть, — проговорила Анфиса Ивановна, передавая Потапычу тарелку съ недоѣденной рыбой: — чего добраго аппетитъ испортитъ!

Ну-ка накладывай себѣ пирога-то.... да ты что это одинъ кусокъ-то берешь! Вали два....

— Пожалуй, себя не оправдаю.

— Небось, оправдаешь! Вали, вали знай!... Поди, тоже проголодался. Бери, бери.... дѣло житейское!.. Смотри-ка, смотри-ка, — прибавила она, приподымая верхнюю корку пирога: — жиръ-то, словно янтарь!... Это все отъ плеса отъ сомовьяго. Ужь такіе-то вкусные они въ пирогахъ, что лучше нѣтъ ихъ....

И она принялась за пирогъ.

— Прелесть! — шептала Анфиса Ивановна.

— Чудно! — подхватилъ отецъ Иванъ и жадно глоталъ куски сочнаго и жирнаго пирога, поминутно отирая салфеткой и усы и бороду: — нечего сказать! пирогъ на славу.... рѣдко такъ пироги удаются, и нижняя корочка отмѣнно прожарилась....

— А ты сливочнаго масла подложи.... Возьми-ка, да этакъ по начинкѣ-то разстели и помажь и помажь...

— «*Поперчить*», полагаю, лучше будетъ.

— И *поперчить* хорошо.... перецъ идетъ.... *Поперчи, поперчи!*... Ну, слава тебѣ, Господи — прибавила Анфиса Ивановна, скушавъ кусокъ пирога: — теперь полегче стало, а то, не повѣришь-ли, даже животъ подвело! Грѣшница! Вѣдь я евангелія-то вовсе не слушала. Ты тамъ читаешь, а я мысленно въ кухнѣ пирогъ ѣла. А на рѣкѣ ветчины захотѣлось! Поди ты вотъ! Захотѣлось ветчины и конецъ дѣлу; такъ-бы вотъ и съѣла....

— Бываетъ, кумушка, бываетъ! — проговорилъ отецъ Иванъ вздохнувъ. — Иной разъ передъ святымъ алтаремъ стоишь и то въ смущеніе приходишь.... Всѣ мы люди, всѣ человѣки!...

— Вѣрно! — перебила его Анфиса Ивановна и прибавила:—Ну-ка, куманечекъ, отсади-ка мнѣ кусочекъ ветчинки.

— Желудокъ обременить не боитесь?...

— Ну! чего тамъ бояться!... Я, слава Богу, чувствую себя отлично.... У меня даромъ, что зубовъ нѣтъ, а я все жую!... Чего тамъ смотрѣть-то!... Я, братецъ, вотъ какъ: я все ѣмъ!... У меня этого нѣтъ, чтобы вредъ какой отъ кушанья происходилъ, никакого вреда нѣтъ.... А знаешь, почему?

— Желудокъ крѣпкій! — замѣтилъ отецъ Иванъ.

— Нѣтъ, потому, что въ наше время докторовъ не было.... Будь эти живодеры, давно-бы ты меня въ усопшихъ поминалъ! Ты посмотри-ка теперь, что дѣлается.... съ самыхъ пеленокъ человѣка разными лекарствами пичкать начали!... А въ наше-то время, самъ знаешь, какое леченіе было? Горчишникъ да трубка клистирная! Вотъ мы и уцѣлѣли съ тобой, и желудки у насъ въ порядкѣ, и ѣдимъ мы все, что хотимъ.... Ну-ка, отрѣжь-ка, отрѣжь-ка.... Ладно, спасибо.... А ты что-же не кушаешь?

— Я кушаю....

— Кушай, кушай....

Но потомъ вдругъ, какъ-будто что-то вспомнивъ, старушка засуетилась, сунула руку въ карманъ, пошарила тамъ, погремѣла ключами и, вынувъ какія-то бумаги, подала ихъ отцу Ивану.

— Посмотри-ка, родной, — проговорила она: — да растолкуй, что тутъ писано. Письмоводитель становаго привезъ мнѣ ихъ.... Толковалъ, толковалъ, а я все-таки не поняла ничего....

Отецъ Иванъ взялъ бумаги.

— Тебѣ очки не дать-ли?

— Не мѣшало-бы....

— Постой, я тебѣ дамъ сейчасъ, — проговорила Анфиса Ивановна, снова засунувъ руку въ карманъ: — очки чудесныя, я ихъ у этого самаго письмоводителя отняла, что съ бумагами-то пріѣзжалъ. Не давалъ-было, да я все-таки отняла....

И подавъ отцу Ивану очки, она прибавила:

— Ну-ка, попробуй-ка!... Ну что, по глазамъ?

— По глазамъ.

— И мнѣ тоже. Очки чудесныя!... Мой псалтырикъ, на что мелко напечатанъ, а съ этими очками разбираю хорошо.

Отецъ Иванъ просмотрѣлъ бумаги.

— Вотъ эта, — проговорилъ онъ, возвращая одну изъ нихъ Анфисѣ Ивановнѣ: — отъ исправника повѣстка, чтобы государственныя повинности поспѣшили уплатить....

— Такъ, — протянула Анфиса Ивановна.

— Другая отъ предводителя: проситъ дворянскую недоимку очистить.

— Такъ....

— А третья опять отъ исправника съ окладнымъ листомъ насчетъ земскихъ окладовъ....

— Тоже платить? — спросила Анфиса Ивановна.

— Да, платить.

— Все денегъ, значитъ, требуютъ?

— Да-съ, рубликовъ около трехсотъ...

— А ты не знаешь, куда эти деньги идутъ?

— Вообще на благоустройство...

Анфиса Ивановна подумала, подумала и вдругъ загородила такую ерунду, что отецъ Иванъ даже изу-

мился! Она начала увѣрять, что ей никакого благоустройства не нужно; что всѣ свои нужды она справляетъ на собственный свой счетъ, изъ своего собственнаго кармана, что ей нѣтъ никакой надобности ни въ министрахъ, ни въ губернаторахъ, ни въ генералахъ; что если спонадобится ей генералъ, такъ она найметъ его сама, и въ концѣ концовъ кончила тѣмъ, что отъ платежа повинностей отказалась наотрѣзъ....

— Знаю я, — горячилась она:—зачѣмъ имъ повинности-то эти! Меня не проведешь!... Это имъ жалованье спонадобилось, жрать нечего!... Вотъ они и вздумали повинности собирать.... А я ни въ чемъ не повинна.... Я къ нимъ за деньгами не хожу, значитъ, и ко мнѣ не ходи!... Повинностей съ нихъ не требую, и съ меня не требуй!... Вишь какіе!...

И проговоривъ это, старушка сунула бумаги въ карманъ и принялась кушать ветчину, состряпавъ предварительно подливку изъ горчицы, уксуса и прованскаго масла.

— Вотъ еще у васъ гуси копченые хорошо приготовляются, — замѣтилъ отецъ Иванъ, косясь на жирный гусиный полотокъ, красиво покоившійся на блюдѣ.

— Чего же смотришь-то! Бери, коли нравится; кстати и мнѣ положи. Полотки у меня отличные, пальчики оближешь!... Главная причина, чтобы гусь былъ хорошо откормленъ, а потомъ, и коптить надо умѣючи, чтобы жиръ не стекалъ, а въ немъ оставался. Для этого необходимо, чтобы огонекъ тлѣлся только, и коптить безпремѣнно можевельникомъ....

— Ну? а я и не зналъ этого....

— Непремѣнно. Намедни, какъ-то, предводитель заѣзжалъ ко мнѣ.... жрать онъ здоровый, самъ знаешь! Такъ не повѣришь-ли! Одинъ цѣлаго гуся оплелъ. Отъ удовольствія говорить даже не могъ, и только возьметъ кусокъ, ткнетъ въ него глаза и зарычитъ!...

XV.

Скушали полотка, потомъ рыбки заливной съ груздочками, опенками и раковыми шейками, затѣмъ телятины жареной съ маринованными дулями и вишнями и наконецъ добрались до сластей: до смоквы, варенья. Сластей отецъ Иванъ не употреблялъ, почему Анфиса Ивановна и предложила ему выпить наливки.

— Ты всѣхъ сортовъ попробуй, — говорила она, наложивъ себѣ цѣлую тарелку смоквы.—Наливка добрая. У меня такъ заведено, что моложе десятилѣтней не подаютъ.... Такъ она изъ году въ годъ и идетъ.

Отецъ Иванъ не заставилъ себя просить долго и тотчасъ же налилъ себѣ отъ каждаго сорта по рюмкѣ.

— Ну, слава Богу! — говорила между тѣмъ Анфиса Ивановна, откидываясь на спинку кресла: —теперь совсѣмъ легко стало. И напилась, и наѣлась, и успокоилась. А все ты! Ужь такъ ты меня успокоилъ, такъ успокоилъ, что незнаю какъ благодарить. Вѣдь я со страху-то всю ночь не спала.... Только глаза закрою—и *онъ* тутъ какъ тутъ! Спасибо тебѣ, благодарю....

— Помилуйте, кумушка, за что же! Это долгъ мой! — проговорилъ отецъ Иванъ, выпивая наливку.

— Я, такъ сказать, находился только при отправленіи своихъ обязанностей.

— Ну какъ тамъ ни толкуй, а все-таки успокоилъ. И вотъ тебѣ за это красненькую. На-ка, бери! — проговорила Анфиса Ивановна, подавая отцу Ивану десятирублевую бумажку.—Бери, бери!... А завтра я пришлю тебѣ окорокъ ветчины, два гусиныхъ полотка, да четыре утиныхъ, да наливочки, по одной бутылкѣ отъ каждаго сорта. Спасибо тебѣ, спасибо!... Признаться, сначала я только рублишка хотѣла дать тебѣ, думала: чего еще ему! а теперь сама вижу, что мало.

Отецъ Иванъ принялъ деньги, сунулъ ихъ въ карманъ и, отеревъ платкомъ сильно вспотѣвшее лицо, проговорилъ:

— Только мнѣ кажется, — началъ отецъ Иванъ, выпивъ еще рюмку наливки: — что опасенія-то ваши неосновательны и даже, можно сказать, напрасны, ибо самыхъ этихъ крокодиловъ у насъ быть не можетъ.

— Какъ такъ?

— Климатъ не тотъ.

— Какой же имъ надо?

— Обитаютъ они въ жаркихъ климатахъ.

Анфиса Ивановна задумалась немного, но какъ-бы сообразивъ что-то, проговорила поспѣшно:

— Нѣтъ, кумъ, ты такъ не говори, не грѣши! Тебѣ въ особенности грѣшно говорить такъ.... Не слѣдуетъ!... Богъ сотворилъ все, весь міръ, и вдругъ какой-нибудь крокодилъ будетъ съ Нимъ насчетъ климата спорить. — «Нѣтъ, дескать, не желаю я въ Грачевкѣ жить!» Ну какъ это возможно, самъ сообрази!

Отецъ Иванъ только потъ отеръ снова.

— И потомъ,—продолжала Анфиса Ивановна:—твой же сынъ видалъ его собственными своими глазами.

— Я боюсь, не съѣли-ли мы крокодила-то этого въ пирогѣ сегодня.

— Что-ты, Господь съ тобой, опомнись, голубчикъ...

— Я хочу сказать этимъ, что не принялъ-ли сынъ мой за крокодила сома. Вѣдь у насъ большущіе бываютъ.... Гусей цѣликомъ проглатываютъ, а ужь про утокъ и говорить нечего. Такъ вотъ, можетъ, такого-то именно крокодила мы и скушали съ вами.

— А пономаря-то забылъ? Пономаря-то сомъ тоже на берегъ-то вытащилъ?... Сегодня я сама видѣла это мѣсто.... Кручь такая, что взглянуть страшно.

— Искушеніе! — подумалъ отецъ Иванъ и снова принялся отирать потъ съ лица.

— Я, кумушка, одного только опасаюсь, не замерзли бы у насъ какъ-нибудь эти крокодилы, не пришлось бы намъ зимой въ тулупы одѣвать ихъ....

— У тебя все смѣшки въ головѣ! Все зубоскалишь ты!... Нехорошо, братъ, это.... Ну, да перестанемъ говорить объ этомъ.... Я теперь этихъ крокодиловъ не боюсь и спать буду спокойно.... Лучше разскажи-ка мнѣ, какъ ты въ городъ-то съѣздилъ? Вчера, признаться, ты такой противный былъ и такую чепуху городилъ, что я ничего не поняла.

Вспомнивъ вчерашній день, а вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ свои неудачи въ городѣ, отецъ Иванъ даже съ мѣста вскочилъ, словно его шиломъ кольнуло. Онъ зашагалъ по комнатѣ, замахалъ руками и проговорилъ, стуча себѣ въ грудь:

— Вотъ это такъ крокодилы! Вотъ въ этихъ я

вѣрю.... И въ существованіи ихъ вижу всемогущество Творца небеснаго. Хоть и свята земля наша, хоть и православная она, но и въ святомъ мѣстѣ проявились дьяволы....

— У Бога всего много! — замѣтила Анфиса Ивановна.

— Это точно-съ! — продолжалъ между тѣмъ отецъ Иванъ, какъ-то на ходу выпивъ рюмку вишневки.—Это вѣрно-съ! Дѣйствительно, ужасовъ такихъ я не видалъ еще....

— Да что случилось-то?

— Разсказывать долго....

— Теперь, на сытый-то желудокъ ничего....

— А то случилось, что ограбили....

— Разбойники?

— Извѣстно....

— Неужто-же ихъ не переловили до сихъ поръ! Столько развелось у насъ становыхъ, исправниковъ да урядниковъ какихъ-то.... а разбойники все-таки есть....

— Теперь, сударыня, новенькіе пошли, другаго фасона....

— Какого же это другаго фасона? — спросила Анфиса Ивановна и, широко зѣвнувъ, снова прислонилась къ спинкѣ кресла.

Но отецъ Иванъ прямаго отвѣта на вопросъ не далъ. Онъ только разсказалъ подробно свою исторію съ купцомъ, какъ именно за проданнаго коня получилъ вмѣсто трехъ радужныхъ три красненькихъ, и затѣмъ прибавилъ:

— Все это, однако, цвѣтики! Лично я только 270 рублей потерялъ, а я видѣлъ такихъ, которые всего состоянія лишились....

— Ну? — спросила Анфиса Ивановна, позѣвывая и осѣняя крестнымъ знаменіемъ широко раскрытый ротъ свой.

— Мнѣ даже долго не вѣрилось....

И понизивъ голосъ, онъ прошепталъ.

— Въ мѣстномъ банкѣ всю кассу слопали....

— Ишь-ты! — замѣтила Анфиса Ивановна и снова зѣвнула.

— Хорошо еще, что моихъ денегъ тамъ не было, а то и мнѣ пришлось-бы на орѣхи! Пришлось-бы волкомъ выть... а въ мои лѣта, согласитесь сами, это не совсѣмъ-то ловко! Въ городѣ-то ревъ идетъ... Сколько этого народищу наѣхало, поповъ сколько... Видимо-невидимо! Я полагалъ прежде, что какое-нибудь молебствіе предполагается, а оказалось, что попы эти суть вкладчики банковскіе! И весь этотъ народъ съ утра и до глубокой ночи передъ банкомъ толпится. Солдатъ ужь приставили народъ отгонять, но и солдаты ничего не могли подѣлать! Солдаты отгоняютъ, а толпа, знай, претъ себѣ впередъ, къ дверямъ банка! — «Подавай намъ ихъ сюда!» — кричатъ всѣ: «подавай, въ клочки разорвемъ грабителей!..» Больше, вишь, милліона хватили. Вотъ вѣдь кровожадность какая!.. Сколькихъ по-міру пустили! И, повторяю, нашего брата попа больше всего! У одного знакомаго мнѣ протоіерея цѣлыхъ пять тысячъ рублей ухнуло! все, что накопилъ, все туда ухнулъ, въ эту прорву, коей нѣтъ ни дна, ни покрышки. Видѣлъ я толпу эту, и глядя на нее, сердце кровью обливается. Тамъ — старикъ-ветеранъ, съ деревяшкой вмѣсто ноги; здѣсь, растерзанная мать, окруженная птенцами; тутъ, попъ съ раскосматившимися волосами... Купцы,

мѣщане, провіантскіе чиновники, кабатчики, желѣзнодорожники, казенные поставщики, ротные, полковые и батарейные командиры, аптекаря... И все это напираетъ!.. Вопли, стоны!.. Случилось мнѣ какъ-то, доложу вамъ, видѣть копію съ картины г. Брюлова «Послѣдній день Помпеи»,—дѣйствительно, картина потрясающая; но если посравнить ее съ той, про которую я вамъ докладываю, такъ брюловская-то дѣтской работы представляется!.. Помилуйте! скажите, развѣ такъ возможно?.. Хоша-бы и мнѣ довелось!.. Всю жизнь трудиться, собирать крохи, грѣшить иной разъ...—безъ грѣха, сами знаете, не проживешь вѣдь, и вдругъ, трахъ! и нѣтъ ни гроша! Вѣдь это что-же выходитъ? Выходитъ такъ, что надѣвай суму и ступай въ люди Христовымъ именемъ питаться, подъ окнами кусокъ хлѣба вымаливать... Вотъ это такъ крокодилы-съ! Это не чета тѣмъ, про которыхъ вамъ дурацкій Знаменскій распускаетъ столько дурацкихъ сообщеній! Отъ этихъ-то никакой молитвой не отмолишься! и не только сорокъ, а хоть четыреста кадушекъ вычерпывай, такъ и то не очистишь ту рѣку, по которой они только прокатятся на лодкѣ. А наши, какіе это крокодилы?—агнцы, въ сравненіи съ тѣми!.. Наши-то не грабители, наши-то не слопаютъ насъ!.. Э! да что и говорить! Такой-то пошелъ грабежъ всеобщій, что не придумаешь, куда и прятаться!.. Лучше наливки выпить, я еще, кажется, розовой не пробовалъ... Разрѣшаете что-ли, кумушка драгоцѣнная?..

Но драгоцѣнная кумушка молчала, и отецъ Иванъ только теперь замѣтилъ, что старушка, накушавшись, уснула, сидя въ креслѣ. Голова ея склонилась на грудь, руки покоились на колѣнахъ, на щекахъ,

отъ выпитой тминной, игралъ дѣтскій румянецъ, а впалыя губы сложились въ тихую, счастливую улыбку.

Вошелъ Потапычъ, посмотрѣлъ на уснувшую Анфису Ивановну и проговорилъ шепотомъ:

— Започивала никакъ?

— Започивала,—прошепталъ отецъ Иванъ:—утомилась, бѣдная!..—И любовно посмотрѣвъ на старушку, прибавилъ:

— Вотъ они, лѣта-то, что значатъ!.. И разсказъ интересный былъ, а она все-таки заснула! Что ей! Немного надо! Помолится, покушаетъ, поговоритъ и счастлива!.. Ахъ! блаженный возрастъ, счастливое дѣтство!..

Услыхавъ, что вдругъ все смолкло, Дарья Ѳедоровна перепугалась и тоже пришла въ залу. Она взглянула на Анфису Ивановну и, обратясь къ отцу Ивану, спросила шепотомъ:

— Започивала?

— Започивала.

— Ужь вы не тревожьте ее... Пусть отдохнетъ. Вѣдь она, бѣдненькая, всю ночь не спала...

И затѣмъ, осторожно подставивъ стулъ къ Анфисѣ Ивановнѣ, Дарья Ѳедоровна вынула изъ кармана чистый платокъ и принялась отмахивать мухъ отъ уснувшей.

Отецъ Иванъ благословилъ старушку, еще разъ съ улыбкой посмотрѣлъ на нее и вмѣстѣ съ Потапычемъ вышелъ осторожно изъ комнаты.

— А къ вамъ, батюшка, отъ становаго сотскій пріѣхалъ,—проговорилъ Потапычъ, когда оба они были въ передней.

— Это зачѣмъ?—испуганно спросилъ отецъ Иванъ.

И въ ту-же минуту ему пришло почему-то въ голову полученное изъ Москвы письмо.

— Не могу знать-съ,— отвѣтилъ Потапычъ: — сотскій тамъ на крыльцѣ дожидается.

— Ты ко мнѣ? — спросилъ отецъ Иванъ сотскаго, выходя на крыльцо.

— Такъ точно-съ.

— Зачѣмъ?

— Не могимъ знать-съ! Приставъ послалъ. «Ступай, говоритъ, попроси ко мнѣ батюшку, очень, молъ, нужно.»

— А становой гдѣ, у меня, что-ли?

— Никакъ нѣтъ-съ, въ волостной конторѣ. Они подати, значитъ, *выколачивать* пріѣхали, такъ теперь сходъ собрали.

— Ладно, сейчасъ буду.

И дѣйствительно, немного погодя, лошади были поданы, и отецъ Иванъ попрежнему, вмѣстѣ съ дьячками, книгой и водосвятной чашей, покатилъ по дорогѣ, ведущей въ село Рычи.

XVI.

Между тѣмъ становой (фамилія котораго была Дуботолковъ), пріѣхавшій, по выраженію сотскаго, «*выколачивать подати*», успѣлъ уже собрать къ себѣ всю волость и, допрашивая каждаго домохозяина, почему имъ не внесены подати, составлялъ опись имущества, обѣщаясь черезъ двѣ недѣли снова пріѣхать и, въ случаѣ невнесенія податей въ этотъ, назначенный имъ срокъ, продать все съ аукціона до послѣдней нитки.

Народъ галдѣлъ, охалъ, ахалъ, но, не имѣя денегъ, все-таки не могъ придумать, какъ *«выцарапаться»* изъ таковой *«напасти»*. Вокругъ волостнаго правленія собралась такая громадная толпа, и въ толпѣ этой стоялъ такой стонъ, что можно было подумать, что въ Рычахъ происходитъ ярмарка.

Самъ становой Дуботолковъ (фамилію эту онъ получилъ въ семинаріи, потому что говорилъ — словно дубъ толокъ), громадный и толстый мужчина въ форменномъ мундирѣ со жгутами на плечахъ и съ лицомъ, напоминавшимъ морду бульдога, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, съ длинной трубкой въ зубахъ, и поминутно выпуская изо рта облака табачнаго дыма, допрашивалъ старосту о количествѣ имѣющагося у крестьянъ скота.

— Ну! — кричалъ онъ: — говори! У Ивана Булатова много ль лошадей?

— Одна, ваше превосходительство.

— Молчать! — заоралъ становой, ударяя кулакомъ по столу.—Сколько разъ тебѣ толковать дураку, что я не превосходительный, а просто высокоблагородный. Дослужишься съ вами до генерала, какъ-же, дожидайся! Съ вами, чертями, и послѣдній чинишко какъ разъ отнимутъ! Ну, сколько лошадей?

— Одна, вашескородіе.

— Коровъ?

— Тоже одна.

— Овецъ?

— Овечекъ у него нѣтъ, вашескородіе.

— Это почему?

— Кто-жь его знаетъ!

Становой поднялъ голову и, окинувъ молніеноснымъ взоромъ толпу, крикнулъ:

— Гдѣ этотъ Булатовъ? подать его сюда!

— Здѣсь я, — отозвался мужикъ.

И протискавшись, онъ подошелъ къ становому, поклонился и проговорилъ:

— Здравствуйте...

— Мое вамъ нижайшее почтеніе,— подхватилъ становой, комично вскакивая съ мѣста и еще комичнѣе раскланиваясь съ растерявшимся Булатовымъ.—Садитесь пожалуйста...

Но вдругъ, перемѣнивъ тонъ и вытянувшись во весь ростъ, крикнулъ грозно:

— Почему нѣтъ овецъ? а, почему?

— У меня-то?

— Извѣстно у тебя, скотина! — заревѣлъ становой, затопавъ ногами.—Говори! Почему овецъ нѣтъ? Пропилъ, каналья!..

— Подохли...

— Подохли! отлично!.. Такъ почему-же ты-то не изволилъ подохнуть одновременно съ ними!.. На кой же тебя чортъ, коли ты податей не платишь, и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣднѣе нищаго!.. Говори, отчего податей не уплатилъ...

— Знамо отчего!.. Управка не взяла...

— Какая ужь тамъ управка! — загалдѣло нѣсколько мужиковъ. — Сами-то чуть не подохли...

— Молчать! — крикнулъ становой и такъ сильно ударилъ могучимъ кулакомъ по столу, что вся толпа мгновенно притихла.—Жаль, что не подохли!.. Плодитесь вы, черти, а не дохнете... Жрете только да

дѣтей рожаете... Вишь, съ голодухи-то навоняли какъ!.. Тьфу!

И обратясь къ письмоводителю, сидѣвшему за тѣмъ-же столомъ, съ перомъ въ рукахъ, прибавилъ:

— Пиши! У Ивана Булатова лошадь одна, корова — одна, овецъ нѣтъ...

Письмоводитель пригнулся, сбоченился, и перо быстро забѣгало по бумагѣ, а становой снова обратился къ толпѣ:

— Вотъ я вамъ покажу, какъ податей не платить! Вишь, брюхà-то распустили!.. Чего въ затылкѣ-то скребешь!.. Обовшивѣлъ!.. Небось, я и вшиваго достану, не побрезгаю... Отъ меня не уйдешь! Въ воду бросишься — неводъ запущу! Въ лѣсъ убѣжишь — лѣсъ вырублю!.. Въ землю уйдешь — землю раскопаю!.. Въ солому уткнешься — солому подожгу...

XVII.

Въ этотъ самый моментъ дверь распахнулась, и въ правленіи показался отецъ Иванъ.

— Чуръ меня! Чуръ меня! — кричалъ онъ: — батюшки, какія страсти!

— Врешь, не отчураешься, — крикнулъ становой.

— Неужто?

— Вѣрно говорю.

— За мной податей нѣтъ...

— Податей нѣтъ, такъ другія провинности найдутся. — У полиціи чистаго человѣка нѣтъ... Хоть что-нибудь, а ужь найдетъ...

— Бѣдовый же ты! — проговорилъ отецъ Иванъ, и

подойдя къ становому, подалъ ему руку.— Однако поздороваться все-таки надо. Здорово, коллега.

Становой былъ ему товарищъ по семинаріи.

— Здорово, здорово...

— Какъ поживаешь?

— Твоими священными молитвами скрипимъ коекакъ...

— И окромѣ меня, молельщиковъ-то у тебя много.

— Еще-бы!— подхватилъ становой:—изъ священной породы тоже! Кто попомъ, кто дьякономъ, кто дьячкомъ. Только, видно, молиться-то лѣнивы. Вотъ, часа три кричу здѣсь, охрипъ даже, а толку нѣтъ все-таки... А все ты виноватъ,— закричалъ становой, обращаясь къ старшинѣ, почтительно стоявшему впереди толпы.— Вишь, медаль-то развѣсилъ!.. Не медаль тебѣ, а бабьи ожерелья навѣсить-бы надо, потому— самъ-то ты не старшина, а баба.

И быстро обернувшись къ отцу Ивану, становой прибавилъ:

— Ахъ, въ Рѣпьевской-то волости старшина у меня прелестный!.. Брилліантъ, а не старшина! Волость вотъ какъ въ рукахъ держитъ... Всѣ по стрункѣ ходятъ... Какіе мосты, какія гати! Намедни губернаторъ проѣзжалъ, такъ даже обнялъ и расцѣловалъ его! Такъ, посреди гати, остановилъ лошадей, вышелъ изъ кареты и расцѣловалъ... Все-то у него въ порядкѣ, куда ни загляни. Пожарный обозъ восторгъ, по улицамъ деревья растутъ.

— Помилуйте, Аркадій Өедоровичъ,— перебилъ его на этотъ разъ старшина: — что-же это за деревья!.. Вѣдь мы знаемъ! Позвольте доложить. Вѣдь деревья-то просто въ лѣсу были срублены да наканунѣ губер-

наторскаго пріѣзда и воткнуты по улицамъ. Оно точно-съ красиво смотрѣть, только сейчасъ эти деревья къ старшинѣ на дворъ свезены... Все это фальшь одна...

— Тамъ фальшь-ли, нѣтъ-ли, а все-таки человѣкъ, значитъ, заботится, хлопочетъ... Начальство ѣдетъ и видитъ, что повсюду порядокъ и благоустройство... А какое мнѣ дѣло, что на другой день ни одного дерева нѣтъ, очень мнѣ нужно!.. Можетъ, губернаторъ-то въ первый и въ послѣдній разъ былъ у него... А ужъ насчетъ податей... не старшина, а золото. Вотъ какъ... Хоть-бы копѣйка недоимки! все чисто!..

— Тоже и на счетъ податей, осмѣлюсь доложить вамъ,—замѣтилъ старшина:—вѣдь рѣпьевскій-то старшина — не со мной сравнять. Человѣкъ онъ денежный, торговый, гурты имѣетъ, салотопни свои... У него и сейчасъ тысячъ пять мелкаго скота нагуливается да ста полтора рогатаго... Окромѣ того штукъ пять кабаковъ, да сурочные промыслы... Ему хорошо! Не платитъ обчествó податей, онъ собралъ стариковъ, перетолковалъ съ ними, да свои денежки и закладываетъ. — «Нате, говоритъ, смотрите, свои кровные за васъ вношу!» Вотъ у него и чисто!.. А волость-то у него въ рукахъ, извѣстное дѣло, что хочетъ, то съ нею и дѣлаетъ! Круглый годъ на него работаетъ!.. И пашутъ, и сѣютъ ему, и жнутъ, и косятъ... Ужь онъ свое выворотитъ, небось... Ему хорошо... И я радъ-бы такъ-то дѣлать, да средствъ не хватаетъ...

— А что все это доказываетъ?—спросилъ становой.

— То и доказываетъ, Аркадій Ѳедоровичъ, что Курицынъ человѣкъ сильный...

— Нѣтъ, врешь! — перебилъ его становой. — Это доказываетъ, что Курицынъ человѣкъ, а ты баба...

— Однако вотъ что,— проговорилъ отецъ Иванъ, обращаясь къ становому: — ты обѣдалъ что-ли?

— Конечно, нѣтъ; жрать какъ собака хочу.

— Такъ пріѣзжай ко мнѣ обѣдать.... А коли въ самомъ дѣлѣ я тебѣ нуженъ, такъ тамъ, у меня и переговоримъ....

— Ладно.

— У тебя какое же до меня дѣло-то?

— Вотъ узнаешь....

— А ты скоро здѣсь покончишь?

— Теперь скоро.

— Ну, вотъ и отлично. А я покамѣстъ поѣду приготовлюсь....

— Чего тамъ готовиться-то! Что есть въ печи, на столъ и мечи.

— Такъ до свиданья.

И вслѣдъ затѣмъ, пригнувшись къ уху становаго, онъ прибавилъ шепотомъ.

— Коньячекъ у меня есть, лѣтъ пять ужь стоитъ....

— Отлично.

— Такъ я буду ждать тебя....

— Пріѣду, не бось....

И отецъ Иванъ отправился домой, а становой снова принялся допрашивать мужиковъ.

— Анохинъ Ѳедотъ! — крикнулъ онъ.

— Здѣсь.

— Выходи живѣй.... Лошадь есть?

— Нѣтъ.

— Корова?

— Нѣтъ.

— Овцы?

— Нѣтъ.

Становой даже плюнулъ.

— Жена есть что-ли?

— Нѣтъ.

— Дѣти?

— Нѣтъ.

— Любовница?

— Есть.

Но въ этотъ моментъ раздался такой хохотъ, что даже самъ становой не могъ остановить его, а Ѳедотъ Анохинъ принялся оправдываться.

— Ну, чего зубы-то скалите, чего! — кричалъ онъ на хохотавшихъ мужиковъ. — Знамо, обмолвился!... Я думалъ — про собаку спрашиваютъ и молвилъ, что есть, а вышло вонъ что! Ну чего ржать-то! Что вы жеребцы что-ли!... знамо, обмолвился.... Какая тамъ любовница, коли насилу ноги передвигаю.

Но мужики, къ великой досадѣ Анохина, не унимались и продолжали хохотать, поддобривая хохотъ скоромными остротами. Наконецъ становой усмирилъ ихъ и, снова принявъ олимпійскій видъ, обратился къ старостѣ.

— Иди сюда, — крикнулъ онъ ему.

Староста подошелъ.

— Есть что-нибудь у этого паршивца?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе.

— Чѣмъ же онъ занимается?

— Да чѣмъ.... Лѣтомъ бахчи караулитъ, а зимой зайцевъ капканами ловитъ.... Самый лядащій изо всего села....

Становой вскочилъ и подбѣжалъ къ Анохину.

— Какъ-же смѣешь ты жить! — крикнулъ онъ.

— Знамо, что толку мало отъ меня.... какой толкъ. Извѣстно, толковъ нѣтъ никакихъ.... Кабы богатый али здоровый былъ.... Ну точно.... а то все мочи нѣтъ....

— Такъ умри.

— Знамо, что надо-бы.... только вотъ часъ-то смертный не приходитъ.

— Ахъ вы, черти, ахъ вы, дьяволы! Небо коптишь только вѣдь, подлецъ.... Что-же, и хлѣба не съешь?

— Ну, я и сохи-то не подниму....

— А жрешь, небось....

— Безъ этого нельзя....

— Ахъ вы, дьяволы! ахъ вы, черти.... Ну постойте-же я вамъ докажу! — крикнулъ становой и сѣлъ на прежнее мѣсто.

Наконецъ часа черезъ полтора опись была покончена.

— Ну, дьяволы! — кричалъ становой сильно уже охрипшимъ голосомъ и потрясая въ воздухѣ только-что составленною описью: — чтобы черезъ двѣ недѣли подати были всѣ въ казначействѣ, всѣ до одной копѣйки, и чтобы казначейская квитанція была мнѣ представлена. Эй, ты старшина! Подойди сюда....

Старшина подошелъ.

— Квитанцію ты привезешь мнѣ самъ, ко мнѣ, въ становую квартиру; слышишь?...

— Слушаю-съ, Аркадій Ѳедоровичъ.

— А если черезъ двѣ недѣли подати не будутъ внесены, — продолжалъ становой, снова обращаясь къ крестьянамъ: — то я привезу сюда Курицына, и онъ живо купитъ у меня весь вашъ скотъ.... Слышите?...

Пощады отъ меня не ждать.... Вотъ вамъ даю дв недѣли срока. Внесете деньги — спасибо скажу, а нѣтъ — не прогнѣвайтесь. Камня на камнѣ не оставлю.... въ муку васъ сотру.... Ахъ вы, подлецы, ахъ вы, дьяволы!....

И затѣмъ передавъ бумаги письмоводителю, онъ крикнулъ:

— Сотскій!

— Здѣсь, вашескородіе.

— Лошади готовы?

— Готовы, вашескородіе.

— Небось, хромыя опять?

— Никакъ нѣтъ, вашескородіе.

— Смотри у меня!... Ахъ, да и забылъ! — И вдругъ подбоченясь и подойдя къ сотскому, онъ спросилъ: — А почему мостъ черезъ Грачевку не въ исправности?

— Ѣздилъ, вашескородіе, сколько разъ ѣздилъ, до самой до помѣщицы до Анфисы Ивановны доходилъ, въ ноги кланялся ей.... ничего не подѣлаешь.... даже обругала меня.... «Ты, говоритъ, видно, съ ума сошелъ! никакого закона нѣтъ, чтобы барыни мосты чинили! на это, говоритъ, мужики есть».

— Мужиковъ бы заставилъ!

— И у нихъ былъ, вашескородіе! Цѣлый день ругался!... Не ѣдутъ! «Дьяволы, говорю, черти, анаѳемы вы проклятые!» признаться, побилъ даже кое-кого, а все-таки не выѣхали! Уперлись, дьяволы, что мостъ на господской землѣ, и не ѣдутъ....

— Дуракъ ты, вотъ что! — крикнулъ становой и, обратясь къ письмоводителю, прибавилъ:—Александръ Тимоѳѣевичъ, отецъ родной, поѣдешь въ Голявку, заверни въ Грачевку.... Уломай какъ-нибудь ста-

рушку-то! Сохрани Господи, губернаторъ поѣдетъ, вѣдь онъ за этотъ мостъ шкуру сдеретъ. Ужь мнѣ и такъ отъ исправника нахлобучка была.... вѣдь провалился недавно и съ тарантасомъ, и съ лошадьми!... Ну какъ, этакъ-то, губернаторъ ухнетъ! Что тогда будетъ!... Заверни, благодѣтель....

— Хорошо, — проговорилъ письмоводитель, мрачный и угрюмый мужчина лѣтъ сорока. — Только да будетъ вамъ извѣстно, что къ старухѣ я не пойду....

— Что такъ?

— Да помилуйте, какъ ни пріѣдешь, непремѣнно что-нибудь отниметъ. Спичечницу отняла.... а послѣдній разъ очки серебряныя....

— Какъ такъ?

— Очень просто.... Я къ ней съ окладными листами пріѣхалъ, а она у меня очки отняла. — «Дай-ка, говоритъ, я попробую! не по глазамъ-ли!» — велѣла себѣ псалтырикъ принести самой мелкой печати, надѣла очки.... а потомъ сняла ихъ, положила въ футляръ и въ карманъ.— «Какъ разъ», говоритъ! Такъ и не отдала. — «Ты, говоритъ, себѣ другія купишь!» Пять рублей были заплачены. Нѣтъ ужь, я лучше съ прикащикомъ поговорю.... Ну ее къ чорту!

— Поговори, Христа ради!

— Хорошо.

— Пожалуйста.

И снова обратясь къ мужикамъ, онъ проговорилъ, грозя кулакомъ:

— Ну, черти, берегитесь! Чтобы черезъ двѣ недѣли квитанція была у меня!...

И круто повернувшись, онъ вышелъ изъ правленія.

Старшина, староста и сотскій бросились провожать

становаго, подсадили его въ тарантасъ, прокричали въ одинъ голосъ: «счастливо оставаться!» — и гремя и звеня колокольчиками и бубенцами, становой приставъ покатилъ по направленію къ дому своего коллеги, отца Ивана.

XVIII.

Пріѣхавъ къ отцу Ивану, становой уже не могъ говорить, а только хрипѣлъ какъ-то.

— Вотъ, слышишь, слышишь, — хрипѣлъ онъ: — видишь, вотъ она служба-та наша какая, хуже протодьяконской! Тотъ хоть въ извѣстные часы оретъ, а становой ежеминутно.... Только глоткой и берешь. Есть у тебя глотка здоровая — служи, а нѣтъ, бери шапку въ охапку и переселяйся въ болѣе вѣжливое вѣдомство. Только въ вѣдомство это нашему брату, божьей роднѣ, попасть трудно, потому что въ немъ правды больше.

Но отцу Ивану было не до правовѣдовъ, ему хотѣлось узнать поскорѣе, по какому именно дѣлу пріѣхалъ становой, и потому, какъ только ввелъ онъ его въ залу, въ которой и столъ былъ уже накрытъ, и стояла закуска и водка, онъ спросилъ:

— По какому-же это ты дѣлу пріѣхалъ?

Становой даже оскорбился.

— Господи Боже мой! — крикнулъ онъ: — да позволь-же хоть отдохнуть-то немного!

— Ну ладно, ладно, — поспѣшилъ успокоить его отецъ Иванъ: — и точно отдохнуть надо.

И затѣмъ, подведя его къ столу съ закуской, онъ прибавилъ:

— Ну-ка, дружище, выпей-ка водочки-то! Можетъ тогда и хрипота пройдетъ.

— Надолго-ли пройдетъ-то, — проговорилъ становой, съ какой-то досадой швырнувъ на стулъ портфель съ бумагами: — за ночь пройдетъ, а утромъ опять захрипишь какъ запаленая лошадь, потому утромъ опять оранье предстоитъ. Сегодня въ Рычахъ, завтра въ Ростошахъ, потомъ въ Дубовой.... Плохо дѣло!

— Чѣмъ?

— А тѣмъ, что все безъ толку орешь...

— Такъ ты не ори!

— Пойди-ка, попробуй лаской-то!... Орешь, орешь, а поощренія все-таки никакого!... Хоть-бы нигилиста поймать какого!...

— Зачѣмъ онъ тебѣ?

— Какъ же, толкуй!.. Вонъ Ломпетовъ-то изловилъ одного, такъ сначала денежную награду получилъ, потомъ благодарность отъ губернатора, затѣмъ орденокъ повѣсили, а наконецъ изъ становыхъ-то въ помощники перевели.... Вотъ это такъ!... На грѣхъ, вѣдь, ни одного соціалиста въ моемъ станѣ нѣтъ.... Только одни паршивые отставные солдатики ругаются, да хромой Вѣтошинскій рѣчи на обѣдахъ либеральныя говоритъ.... А поймать его все-таки нельзя!

— А хотѣлось-бы?

— Еще бы!

И, затѣмъ, подойдя къ столу съ закуской, становой прибавилъ:

— Эге! да ты, я вижу, совсѣмъ порядки-то забылъ!

— Что такое?

— Рюмокъ-то наставилъ, а стакана нѣтъ ни одного.

Я, другъ любезный, изъ этой мелкой посуды не балуюсь. У меня положено: утромъ стаканъ, передъ обѣдомъ два и передъ ужиномъ одинъ. Долбану—и конецъ.

— Можно и стаканъ поставить.

— Сдѣлай милость.

Становой «долбанулъ» два стакана, закусилъ, и затѣмъ пріятели принялись обѣдать.

— Ну, — проговорилъ становой, когда обѣдъ былъ покончень: — теперь можно и о дѣлѣ потолковать.

— Потолкуемъ, потолкуемъ! только пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ, чтобы никто насъ не подслушалъ. Откровенно сказать, я чую, по какому ты дѣлу-то пріѣхалъ.

— Чуешь?

— Чую.

— И прекрасно! меньше разговоровъ будетъ....

Они перешли въ небольшую комнату съ однимъ окошечкомъ, выходившимъ на дворъ. Возлѣ окна стоялъ письменный столъ, вдоль правой стѣны помѣщался громадныхъ размѣровъ диванъ, а вдоль лѣвой — комодъ, два, три стула и сундукъ, окованный желѣзомъ.

— Такъ вотъ онъ твой кабинетецъ-то! — проговорилъ становой, поглядывая на сундукъ.

— Этотъ самый.

— Проповѣди-то здѣсь сочиняешь?

— Чего ихъ сочинять, коли никто слушать не хочетъ.

— А въ сундукѣ что? деньги, небось!—И развалясь на диванѣ, становой подложилъ подъ бокъ подушку, набилъ трубку, закурилъ ее и принялся дымить на всю комнату.

Но отецъ Иванъ не слушалъ шутокъ становаго, и подсѣвъ къ нему, вынулъ изъ кармана знакомое уже читателю письмо и, подавая его становому, спросилъ:

— Ужь не по этому-ли дѣлу ты пріѣхалъ-то?

— Вишь, какъ засалилъ! — проворчалъ становой, развертывая лѣниво письмо: — словно блины въ него завертывалъ.

— Еще бы. Третій день читаю. Ну что, по этому?

— Вѣрно! Отгадалъ!

Отецъ Иванъ даже руками всплеснулъ.

— Ахъ, — вскрикнулъ онъ; — ахъ!.. Что же дѣлать-то?

— Что дѣлать-то? — переспросилъ становой и выпустилъ изо рта такое густое кольцо изъ дыма, что отецъ Иванъ не вытерпѣлъ и поймалъ его на палецъ.

— Да, что дѣлать?

— А вотъ то же самое, что ты сейчасъ съ кольцомъ продѣлалъ! — проговорилъ становой и на этотъ разъ выпустилъ уже нѣсколько колечекъ, одно другаго меньше.

— Я что-то тебя не понимаю.

— Потрафь въ центръ дѣла, какъ ты потрафилъ въ центръ кольца, вотъ тебѣ и все, Понялъ?

— Понялъ.... Только-то тамъ иное.

И немного помолчавъ, онъ спросилъ:

— Какую же ты грамотку-то привезъ?

— Грамотка хорошая, печатная...

— Неужто повѣстку? — чуть не вскрикнулъ отецъ Иванъ.

— Повѣстку.

— Такъ, стало-быть, дѣло-то началось ужь?!

— Стало-быть, началось, коли въ судъ вызываютъ.

— Покажи-ка...

— Можно. Только портфель мой въ той комнатѣ, и идти лѣнь... наѣлся очень...

И становой выпучилъ на отца Ивана сонные глаза свои.

— Принести?

— Сдѣлай божескую милость... лѣнь...

Отецъ Иванъ поспѣшно вскочилъ съ дивана, бросился вонъ изъ комнаты и, немного погодя, воротился съ портфелемъ въ рукахъ. Становой проговорилъ: «спасибо», кряхтя досталъ изъ кармана брюкъ вязку ключей, розыскалъ тотъ, который требовался, щелкнулъ замочкомъ и, пошаривъ въ бумагахъ, вытащилъ повѣстку.

— На-ка, почитай! — проговорилъ онъ.

Отецъ Иванъ взялъ бумажку и прочелъ повѣстку, которой столичный мировой судья вызывалъ Асклипіодота Психологова въ камеру, по дѣлу объ обвиненіи его въ кражѣ у коллежскаго регистратора Скворцова изъ незапертаго стола двухсотъ рублей.

— Что, ловко? — спросилъ становой.

— Ахъ, мерзавецъ! ахъ, мерзавецъ!.. — горячился отецъ Иванъ, хлопая себя по бедрамъ: — ахъ, расточитель!..

— Ну ужь и расточитель! — проворчалъ становой.

— Что же теперь дѣлать! Какъ быть...

— А вотъ позови сына, и я вручу ему повѣстку.

— Да не про то говорю я, — перебилъ съ досадой отецъ Иванъ, продолжая метаться по комнатѣ какъ бѣлка въ клѣткѣ. — Я спрашиваю у тебя совѣта какъ поправить дѣло!..

— Да вѣдь въ письмѣ-то тебѣ пишутъ, какъ по-

править. Такъ и сдѣлай... Отопри вотъ этотъ сундукъ, вынь приличную пачку денегъ, поѣзжай въ Москву и постарайся замять дѣло. Вотъ и все! — проговорилъ становой, продолжая преспокойно полеживать на диванѣ.

Отецъ Иванъ даже испугался.

— Что, не любишь?

— Легко сказать!

— А коли трудно сдѣлать, — перебилъ его становой, переворачиваясь на другой бокъ:—такъ не ѣзди.

— А тогда что будетъ?

— Въ острогъ запрячутъ.

Отецъ Иванъ опять замолчалъ.

— Главная причина, — говорилъ онъ: — этотъ самый Скворцовъ въ полиціи, говорятъ, кварташкой служитъ, слѣдовательно, пощады не жди... Оберетъ такъ, что шкуры не оставитъ...

— Ну, братъ, въ этомъ случаѣ, я даже затрудняюсь рѣшить — кто жаднѣе, попы или полиція?..

— Сказалъ тоже! — вскрикнулъ отецъ Иванъ.

— Не правда развѣ? — проворчалъ становой и, вздохнувъ, прибавилъ: — полагаю, что ни у одного квартальнаго не найдется такого сундука, какой у тебя имѣется... Однако, вотъ что! Позови-ка сына-то.

Но Асклипіодота нигдѣ не могли найти.

Давно уже стемнѣло, а отецъ Иванъ все еще бесѣдовалъ со становымъ, сидя за бутылкой коньяку, все въ томъ же кабинетѣ. Но о чемъ говорили они, никто не слышалъ, только старуха-нянька, вошедшая въ кабинетъ доложить, что Асклипіодота нигдѣ не нашли, видѣла, что отецъ Иванъ ходилъ по комнатѣ, а становой писалъ какую-то бумагу. Наконецъ часовъ въ двѣнадцать ночи становому были поданы лошади.

— Ну, — проговорилъ онъ: — видно, его не дождешься.

— Подожди, придетъ...

— Нѣтъ, ждать некогда.

— Ты бы переночевалъ, — упрашивалъ отецъ Иванъ. — Ночь темная, какъ разъ въ оврагъ влетишь...

— Нельзя, надо въ Ростоши ѣхать... Тоже податей не платятъ скоты. Опять орать придется...

— Какъ же съ повѣсткой-то быть?

— Очень просто, тебѣ передамъ, а ты распишешься, что для передачи получилъ. На-ка, распишись-ка...

Отецъ Иванъ расписался.

— Такъ ѣхать совѣтуешь? — спросилъ онъ, передавая становому подписанную повѣстку.

— Извѣстно, — проговорилъ становой, кладя повѣстку въ портфель: — коли сынокъ накуралесилъ, такъ батюшкѣ зѣвать нечего! Ступай-ка, ступай-ка; ты въ Москвѣ-то былъ что ли когда?..

— Нѣтъ, не былъ...

— Такъ вотъ и увидишь; городъ богатѣющій!.. Смотри, не забудь мнѣ гостинчикъ привезти.

И посмѣявшись надъ растерявшимся отцомъ Иваномъ, становой сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ «орать» въ село Ростоши.

XIX.

Между тѣмъ, въ Грачевкѣ, въ саду Анфисы Ивановны происходила иная сцена. Тамъ Асклипіодотъ и Мелитина Петровна, лежа на травѣ и покуривая папиросы, вели слѣдующую бесѣду.

— Чортъ знаетъ, — говорилъ Асклипіодотъ, — теперь не придумаю, что мнѣ и дѣлать! Послѣдняя надежда лопнула...

— Мнѣ и самой досадно! — замѣтила Мелитина Петровна.

— Неужели же у старухи и двухсотъ рублей не нашлось!..

— Божилась и клялась, что нѣтъ.

— Не повѣрю я ей...

— А я — такъ вѣрю...

— Куда же она деньги дѣваетъ?

— Такъ зря уходятъ.... На монастыри, на поповъ, на нищихъ. Еслибы у нея деньги были, она бы мнѣ не отказала, потому что послѣ знаменитаго *«тришкинскаго процесса»*, я въ милостяхъ у нея нахожусь.

— Ты вѣчно шутишь, — перебилъ ее Асклипіодотъ съ досадой:—а мнѣ право не до шутокъ. Опять таки повторяю, что никогда не повѣрю, чтобы у старухи не было денегъ. А просто ты не настойчиво просила.... Не своя бѣда, а чужая!

— Ахъ ты безсовѣстный.... Битыхъ два часа упрашивала! Въ сочиненія даже пустилась.... Сочинила, что деньги эти мужу необходимы, что онъ боленъ, что онъ умираетъ, что при Бабиной главѣ ему ногу оторвало. Что-же еще? Кажется, чувствительно.

— Что-же дѣлать теперь!—какъ-то отчаянно вскрикнулъ онъ.

— Къ отцу пристань.

— Приставалъ ужь....

— Почему же ты раньше не позаботился.... Дѣло-то вѣдь не шуточное....

— Раньше, раньше! — перебилъ ее Асклипіодотъ.

Въ томъ-то и дѣло, что не хватило духа заговорить! Все сегодня, да завтра!... Какой-то доброй минуты ждалъ.... Вотъ и дождался!...

— Бѣдненькій! — подшутила Мелитина Петровна.

— Сверхъ того не ожидалъ я, чтобы Скворцовъ не отказалъ мнѣ въ отсрочкѣ.... Вѣдь я самъ же открылъ ему истину!... Не напиши я, онъ и до сихъ поръ не зналъ-бы, кѣмъ именно были взяты деньги. Вѣдь я разсказывалъ тебѣ, какъ было дѣло. Была пирушка, всѣ мы были болѣе чѣмъ пьяны, ящикъ у стола былъ выдвинутъ, я увидалъ пачку денегъ и взялъ двѣсти рублей.... Наконецъ, вѣдь онъ пріятель мой.... наконецъ, я вѣдь писалъ же ему, что деньги возвращу, чтобы онъ не безпокоился объ нихъ....

— Почему же не возвратилъ?

— А потому и не возвратилъ, что ждалъ все доброй минуты.

И вдругъ, перемѣнивъ тонъ, онъ спросилъ:

— А что будетъ за это?

— Извѣстно что....

— А именно?

— Одно наказаніе за кражу.... тюрьма.

— Да развѣ это кража!

— А что же по-твоему?

— Но если женщинѣ нечего было ѣсть, если у нея ребенокъ умиралъ! Если не на что было дровъ купить, чтобы протопить и согрѣть холодную квартиру. Не кралъ я, а просто взялъ деньги и отдалъ ихъ той, которой онѣ были необходимы....

— Цѣлый романъ! — перебила его Мелитина Петровна: — все есть: и угнетенная невинность, и голодъ

и холодъ, и больной умирающій ребенокъ, и даже кража!...

— Тебѣ смѣшно, а меня ждетъ позоръ!

— Что же! И развязка романа не дурная.... Но, почему же позоръ?

— Да вѣдь я воръ.

— Въ глазахъ однихъ воръ, а въ глазахъ другихъ — рыцарь. Помилуй! Ради спасенія своей Дульцинеи даже передъ кражей не остановился. А ребенокъ-то этотъ твой былъ?

— Перестань ради Бога... Право, мнѣ не до шутокъ!

— Я и не подозрѣвала, чтобы ты могъ быть такимъ нѣжнымъ, такимъ ловеласомъ....

Но Асклипіодотъ не слушалъ ее.

— Любопытно было бы знать, — говорилъ онъ, какъ будто самъ съ собою: — зачѣмъ это становой къ отцу поѣхалъ?...

— Развѣ онъ у него?

— Да.

— Ты почемъ знаешь, — вѣдь ты цѣлый день здѣсь скрываешься....

— Письмоводитель пріѣзжалъ сюда, и вотъ онъ-то говорилъ мнѣ.... Этотъ косолапый чортъ даже какъ будто намекаетъ, что дѣло касается меня....

— Ага! знаетъ, видно, кошка, чье мясо съѣла!...

— Поэтому-то я и домой не пошелъ.... и не пойду....

— Гдѣ же ты ночь-то проведешь?

— Міръ не тѣсенъ!

И немного помолчавъ, онъ добавилъ;

— Ужь не началъ-ли Скворцовъ дѣла!... Въ Москву не требуютъ-ли!

— И отлично! Въ Москвѣ тебя никто не знаетъ, отсидишь тамъ свой срокъ и вернешься сюда, какъ ни въ чемъ не бывало....

— Чистъ, какъ трубочистъ! —перебилъ ее Асклипіодотъ.

— Умоемся, причешемся и ничего, сойдетъ! Люди нашего времени не особенно брезгливы, а воровъ, повѣрь мнѣ, несравненно больше, чѣмъ честныхъ людей, и еслибы воры пошли войной на честныхъ, то послѣдніе конечно были бы побиты жестоко! Успокойся, общество у тебя будетъ большое....

— Какъ не стыдно смѣяться....

— Надъ несчастіемъ ближняго, хочешь ты сказать?— перебила его Мелитина Петровна.

— Именно надъ несчастіемъ.

— Кто же виноватъ.... Я тебѣ предлагала.... Самъ отказался.... А деньги были бы.... Только бы телеграмму послать....

— Нѣтъ ужь, спасибо. На такую сдѣлку не пойду...

— Почему?

— Ужь я разъ двадцать говорилъ тебѣ почему....

— Къ довольнымъ принадлежишь, значитъ....

— Не къ довольнымъ, а просто къ робкимъ....

— Значитъ, весь міръ гори въ огнѣ, лишь бы мой пирогъ испекся.

— Храбрости не хватаетъ....

— Жалкій человѣкъ!... Ужь не службой-ли земству думаешь принести пользу?

— Думаю.

— Слышала я, что тебѣ «мѣсто секретаря обѣщано».... Только въ земство-то вѣру потеряла я, а въ здѣшнее особенно....

— Это почему?

— Ужь очень земцы-то хороши!... Хлопотали о возобновленіи смертной казни....

— Кто же это?

— Все вашъ премьеръ, что съ ключемъ-то ходитъ!... Мужики обозлились на него и подожгли какой-то ометъ соломы.... Вотъ онъ и хлопоталъ на земскомъ собраніи, чтобы ходатайствовать о наказаніи поджигателей смертной казнью.... А прежде, когда мировой посредникъ былъ, говорятъ, либеральничалъ, всѣхъ крѣпостниковъ возстановилъ противъ себя, общее ихъ негодованіе возбудилъ!... Даже стихи про него писали....

И проговоривъ это, Мелитина Петровна начала декламировать.

Вамъ нуженъ не такой посредникъ мировой,
Вамъ нуженъ, чтобы онъ какъ прежній становой
Съ помѣщикомъ крестьянъ отнюдь не разбиралъ....
А просто-напросто ихъ дралъ бы, дралъ бы, дралъ....

— А теперь этотъ либералъ о смертной казни хлопочетъ. Вотъ какъ люди-то мѣняются. Итакъ, видишь-ли! Ваше земство казнить собирается, а сосѣднее хлопотало, чтобы разрѣшили рабочихъ пороть.... Ты запиши это въ земскую хронику, будущій земецъ....

— Теперь, пожалуй, и въ земство-то не попадешь... Узнаютъ про это поганое дѣло, и мѣста не дадутъ....

— Не дадутъ секретаря — ступай въ адвокаты.

— Хорошъ адвокатъ.... изъ острога-то!

— Зато на самомъ себѣ законы изучишь.... Не даромъ же въ какой-то французской книжонкѣ, описывая познанія одного адвоката, авторъ выразился про него такъ: il connut le code, comme un voleur.

— Остроумно....

И помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Неужели же ты не можешь достать мнѣ денегъ?...

— Согласись на мои условія — и деньги будутъ высланы немедленно.

— А безъ этого? — спросилъ Асклипіодотъ.

— Безъ этого не будетъ ничего.

— Но вѣдь это жестоko!

— За то справедливо.... развѣ ты заслужилъ....

Но въ это время въ кустахъ что-то хрустнуло, раздались чьи-то шаги, и Асклипіодотъ быстро вскочилъ на ноги.

XX.

Немного погодя онъ бѣжалъ уже по дорогѣ, ведущей въ село Рычи. Бѣжалъ, поминутно оглядываясь, какъ-бы боясь погони,—бѣжалъ, не разбирая дороги и къ чему-то прислушиваясь. Такъ добѣжалъ онъ до моста, о починкѣ котораго хлопоталъ становой, какъ вдругъ чуть слышный звукъ колокольчика остановилъ его. Асклипіодотъ замеръ и сталъ прислушиваться. Все было тихо, только колокольчикъ продолжалъ звенѣть гдѣ-то. Наконецъ Асклипіодотъ сообразилъ, что колокольчикъ раздавался въ сторонѣ Рычей и что онъ приближался! — «Ужь не становой-ли!» мелькнуло вдругъ въ головѣ Асклипіодота, и первой его мыслью было скрыться подъ мостъ.... Но не сдѣлалъ онъ и двухъ шаговъ, какъ позади его выросла чья-то длинная фигура и подошла къ нему.

— Ахъ, это вы! — проговорила фигура.

Асклипіодотъ обернулся и увидалъ передъ собою Знаменскаго.

— Откуда это? — изъ Грачевки?

— Съ чего это вы взяли.

— Мнѣ показалось.... Вы такъ бѣжали.... Ужь не случилось-ли чего?

— Ничего рѣшительно....

— А я все здѣсь по камышамъ шатался....

— Ужь не крокодила-ли искали? — спросилъ немного оправившійся отъ испуга Асклипіодотъ.

— Именно!... Подите-же! не удается подсмотрѣть, и только!... Утромъ ходилъ.... наконецъ думаю: дай, ночью пойду!... И все-таки нѣтъ ничего! Вы счастливѣе меня....

— Однако знаете-ли что! — перебилъ его Асклипіодотъ, прислушиваясь къ приближавшемуся колокольчику: — пойдемте-ка подъ мостъ скорѣе.

— Это за чѣмъ?

— Да что вы оглохли что-ли! — вскрикнулъ Асклипіодотъ сердито: — не слышите развѣ колокольчика....

— По всей вѣроятности, это становой.... Онъ у вашего батюшки былъ.... И, знаете-ли, васъ за чѣмъ-то искали.... Покрайней мѣрѣ ко мнѣ приходила Видиневна узнать, не у меня-ли вы сидите....

— Пойдемте же, пойдемте же!...—чуть не кричалъ Асклипіодотъ.

— Зачѣмъ же?

— «Да вѣдь я воръ!» хотѣлъ было сказать Асклипіодотъ, но опомнился. — Встрѣтиться не хочу съ нимъ, — проговорилъ онъ.

И крѣпко, судорожно схвативъ Знаменскаго за руку, онъ потащилъ его подъ мостъ. Въ это самое время подъѣхалъ и тарантасъ.

— Стой! — крикнулъ становой.—Сотскій! слѣзай, осмотри.

Послышался прыжекъ, и чьи-то торопливые шаги на мосту.

— Ну, что? — кричалъ становой.

— Ничего, вашескородіе, — проѣхать можно еще. Только правѣе держаться надо, а то налѣво дыра....

— Большая?

— Большущая, вашескородіе; лошадь пролетитъ — не зацѣпитъ!

— Погоди, слѣзу.

И Асклипіодотъ слышалъ, какъ становой, пыхтя и сопя и вмѣстѣ съ тѣмъ ругаясь, прошелъ по мосту, поддерживаемый сотскимъ.

— Ну, съ Богомъ! трогай!...

Тарантасъ въѣхалъ на мостъ, и въ ту же минуту мостъ заскрипѣлъ, заколыхался, застоналъ.... Послышалось фырканье лошадей, крики сотскаго: «правѣй! лѣвѣй!» понуканья ямщика, ругань стоявшаго на берегу становаго и, наконецъ, осыпавъ спрятавшихся землей, соломой и навозомъ, тарантасъ проѣхалъ мостъ и, выбравшись на дорогу, остановился.

— Благополучно-съ! — доложилъ сотскій становому и поспѣшилъ подсадить его въ тарантасъ...—Трогай!

И тарантасъ загремѣлъ, покатившись по гладкой, укатанной дорогѣ, а Асклипіодотъ съ Знаменскимъ, осыпанные соромъ и мусоромъ, вышли изъ-подъ моста и направились къ Рычамъ.

XXI.

Между тѣмъ отецъ Иванъ, проводивъ становаго, заглянулъ было въ комнату Асклипіодота, но, увидавъ, что комната была пуста, а постель не тронута, воротился въ кабинетъ, приказалъ постлать себѣ постель и легъ спать. Сына отецъ Иванъ не видалъ со вчерашняго дня, а именно съ той минуты, когда тотъ бросился ему въ ноги и просилъ «выручить». Читателю извѣстно уже, что просьбы эти не особенно тронули отца Ивана. И дѣйствительно, мольбы сына не разжалобили его, а только раздражили, и, не будь онъ въ душѣ добрымъ и любящимъ, онъ, подъ вліяніемъ раздраженія этого, не задумался бы даже проклясть сына. Но отецъ Иванъ только накричалъ, нашумѣлъ и прогналъ сына съ глазъ долой. Однако, по мѣрѣ того, какъ дѣло принимало все болѣе и болѣе серьезный оборотъ, когда въ рукахъ его имѣлась повѣстка, вызывавшая Асклипіодота въ судъ, отецъ Иванъ невольно вспомнилъ эти слезы, и сердце его снова начало болѣзненно ныть и сжиматься. Ему стало жаль сына, хотя онъ и чувствовалъ, что еслибы сынъ этотъ подвернулся ему теперь, въ настоящую минуту, то онъ опять бы нашумѣлъ и накричалъ на него. Тѣмъ не менѣе необходимость ѣхать въ Москву и какъ можно скорѣе повидаться съ Скворцовымъ, представлялась отцу Ивану все яснѣе и яснѣе, и онъ наконецъ порѣшилъ, что завтра же утромъ отправится въ путь.

Нечего говорить, что ночь провелъ онъ не особенно

спокойно, и проснувшись тотчасъ же поспѣшилъ заглянуть въ комнату Асклипіодота, но комната попрежнему была пуста. «Ужь не случилось-ли чего съ нимъ!» — подумалъ отецъ Иванъ и пошелъ розыскивать Асклипіодота. Онъ осмотрѣлъ конюшню, сѣновалъ, погребицу; побывалъ въ банѣ, помѣщавшейся на огородѣ, думая гдѣ-нибудь найти Асклипіодота. Но Асклипіодота нигдѣ не оказалось, и отецъ Иванъ струсилъ не на шутку. Блѣдный и запыхавшійся прибѣжалъ онъ въ кухню и, увидавъ тамъ старуху няньку, крикнулъ:

— Да гдѣ же Асклипіодотъ?

— А я почемъ знаю! — проговорила старуха, все еще сердившаяся на отца Ивана за его грубое обхожденіе съ сыномъ.—Я ужь и сама искала его повсюду, да нѣтъ нигдѣ....

— Къ дьякону, къ дьячку ходила?

— Нѣтъ, не ходила.

— А къ лавочнику, къ фельдшеру?

— И у нихъ не была. Вечоръ ходила, а нынче нѣтъ. Еще бы не убѣжать! Отъ этакого страха и крика, на край свѣта убѣжишь!

Отецъ Иванъ, не дослушавъ ворчанья старухи, бросился вонъ изъ кухни и отправился на село розыскивать сына. Онъ побывалъ у дьякона, у дьячка, у лавочника, обошелъ трактиры, заглянулъ къ фельдшеру, но Асклипіодотъ словно въ воду канулъ. Наконецъ уже, зайдя къ Знаменскому, онъ получилъ кое-какія свѣдѣнія о сынѣ. Знаменскій разсказалъ ему свою встрѣчу съ Асклипіодотомъ на мосту, и отецъ Иванъ немного успокоился.

— Куда же онъ послѣ-то отправился?—спросилъ онъ.

— А ужь этого не знаю,—отвѣтилъ Знаменскій: — онъ проводилъ меня вплоть до училища, я пошелъ домой, а онъ....

— А онъ? — перебилъ его отецъ Иванъ.

— А онъ — по направленію къ вашему дому.

Отецъ Иванъ возвратился домой, снова заглянулъ въ кухню, обошелъ дворъ и, не найдя нигдѣ Асклипіодота, приказалъ кучеру запрягать лошадей.

Наконецъ, часовъ въ двѣнадцать дня возвратился и Асклипіодотъ. Онъ вошелъ черезъ заднее крыльцо и, встрѣтившись въ сѣняхъ съ старухой нянькой, спросилъ ее.

— Ну, что отецъ?

Старуха даже вскрикнула отъ радости, увидавъ свое дѣтище.

— Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ, Царица Небесная.... Гдѣ это ты пропадалъ, батюшка.... съ ногъ мы сбились, искамши тебя....

— Что отецъ? — повторилъ Асклипіодотъ.

— И отецъ все тоже.... все село обѣгалъ сегодня, всѣ мышиныя норки осмотрѣлъ....

— А теперь онъ какой?..

— А теперь его дома нѣтъ...

— Гдѣ же онъ?

— А въ Москву уѣхалъ.

Асклипіодотъ даже вздрогнулъ.

— Какъ въ Москву?

— Такъ, въ Москву.

— Онъ самъ тебѣ сказалъ это?

— Самъ.

— За чѣмъ?

— А ужь этого, батюшка, не знаю, а слышала

только вечоръ, что становой совѣтовалъ ему скорѣе въ Москву ѣхать. «Поспѣши, — говоритъ, — не мѣшкай, коли хочешь дѣло замять!» — А ужь какое дѣло... не знаю, батюшка...

Асклипіодотъ обнялъ старуху, расцѣловалъ ее и бросился въ свою комнату. Онъ, доставъ листъ почтовой бумаги, сѣлъ за столъ и написалъ слѣдующую записку: «Милая Меля! Дѣла мои приняли благопріятный оборотъ. Отецъ уѣхалъ въ Москву и, судя по нѣсколькимъ словамъ, подслушаннымъ нянькой во время разговора отца со становымъ, поѣхалъ съ цѣлью замять какое-то дѣло... Такъ какъ въ Москвѣ у отца не можетъ быть иныхъ дѣлъ кромѣ моего, то и выходитъ, что онъ поѣхалъ, именно, по моему. Теперь меня безпокоитъ вчерашній случай... Я ужасно боюсь, не узнали ли насъ? увѣдомь, пожалуйста, чѣмъ все это кончилось. Я такъ бѣжалъ, что теперь даже вспомнить смѣшно! А на мосту, вообрази, встрѣчаю Знаменскаго... Дуралей этотъ шатался всю ночь по камышамъ, жаждая увидѣть крокодила!.. Ну, да чортъ съ нимъ! Если возможно, приходи сегодня въ Рычи, хоть на почту, напримѣръ, а я постараюсь съ тобою встрѣтиться... Приходи, пожалуйста!

Вложивъ письмо это въ конвертъ и тщательно запечатавъ, онъ бросился въ кухню.

— Няня! — крикнулъ онъ, — какъ бы письмо это переслать барышнѣ грачевской?..

— Отчего же не переслать? Можно! Послать батрака и конецъ дѣлу... Теперь мы хозяева въ домѣ-то, что хóтимъ, то и дѣлаемъ!.. Наша властъ!..

— Такъ пошли его скорѣе.

— Ты, батюшка, покушать не хочешь ли?

— Ты прежде письмо отправь! Да строго-настрого закажи, чтобы передалъ его самой барышнѣ, Мелитинѣ Петровнѣ, въ собственныя руки... Ну, ступай, ступай.

И повернувъ старуху за плечи, онъ чуть не вытолкнулъ ее изъ кухни.

Немного погодя, Асклипіодотъ сидѣлъ уже за столомъ и съ жадностью пожиралъ приготовленный для него обѣдъ, а старуха нянька сидѣла рядомъ съ нимъ и любовно, съ улыбкой заглядывала ему въ лицо, причитывая нараспѣвъ:

— Кушай, батюшка, кушай!.. Кушай, родименькій мой, ласковый!.. Ужь и поплакала я за эти дни-то... Кушай, батюшка, кушай!..

Но Асклипіодотъ врядъ ли обращалъ вниманіе на причитанія старухи. Онъ былъ слишкомъ счастливъ! Открытое лицо его, опушенное маленькой бородкой и окаймленное разсыпавшимися кудрями, дышало довольствомъ. Онъ съѣлъ тарелку жирнаго борща, съѣлъ студня съ хрѣномъ, добрый кусокъ жареной баранины съ зелеными, свѣжими огурцами, выпилъ кружки двѣ холоднаго, прямо со льда принесеннаго, квасу и, расцѣловавъ старуху за хлѣбъ за соль, пошелъ спать въ свою комнату.

XXII.

Въ то же самое утро, только-что Анфиса Ивановна проснулась, какъ въ спальню къ ней вошла Домна и объявила, что ночью что-то приходило въ садъ и что садовникъ Брагинъ, не желая болѣе жить въ такомъ

страшномъ мѣстѣ, просить сегодня же расчесть его. Анфиса Ивановна, только-что было успокоившаяся, даже обмерла со страха и не замѣтила, какъ псалтырь вывалился у нея изъ рукъ. Домну била лихорадка. Позвали Брагина. Онъ вошелъ въ комнату мрачный и нахмуренный, а болѣе всего перепуганный:

— Что такое еще случилось? — чуть не со слезами спросила Анфиса Ивановна.

— Я и самъ не знаю что! — проговорилъ Брагинъ: — но только оставаться у васъ я болѣе не могу. Я такихъ страховъ никогда не видывалъ.

— Да что такое? — говори ради Бога.

— А вотъ что. Должно-быть, этакъ часу въ первомъ ночи, вышелъ я изъ своей сторожки, и послышалось, какъ-будто что-то шумитъ въ кустахъ сирени. Я стою и слушаю... Шумъ раздавался и вмѣстѣ съ тѣмъ слышался какъ-будто какой-то шепотъ, словно какъ кто шипѣлъ, и трескъ сухихъ сучьевъ. Я подумалъ себѣ: безпремѣнно крестьянскіе ребятишки пришли малину воровать, либо смородину; дай, думаю, изловлю хоть одного. Воротился въ сторожку, обулъ валенки, взялъ дубинку и пошелъ. Около сирени остановился, слушаю, все тихо, ничего не слыхать. А ночь была темная, хоть глазъ выколи. Я пошелъ по дорожкѣ къ малинѣ, какъ вдругъ направо отъ меня что-то блеснуло. Я остановился, смотрю, а напротивъ меня, въ кустахъ-то, два огненныхъ глаза, да прямо такъ на меня и смотрятъ... Я такъ и присѣлъ, да какъ крикну *караулъ*... и въ ту же секунду глаза потухли, и по кустамъ пошелъ такой трескъ и шумъ, что я отродясь такого не слыхивалъ.

— Крокодилъ! — въ одинъ голосъ вскрикнули старухи.

— Такъ ты его видалъ? — спросила Анфиса Ивановна.

— Я только видалъ два огненныхъ глаза.

— А когда ты закричалъ *караулъ*, ты видѣлъ, какъ онъ бросился?

— Я вамъ говорю, что ночь была темная, а шумъ я слышалъ, а потомъ, немного погодя, я слышалъ, какъ затрещалъ плетень, какъ-будто кто-нибудь черезъ него перепрыгнулъ... На крикъ мой прибѣжалъ Карпъ съ колотушкой. Я разсказалъ ему, какъ было дѣло, но только-что отошли мы съ нимъ отъ этого мѣста, какъ въ акаціяхъ опять послышался трескъ... Тутъ ужь мы давай Богъ ноги и прямо въ людскую.

— Это непремѣнно крокодилы и непремѣнно самка съ самцомъ! — проговорила Анфиса Ивановна. — Кажется, Знаменскій говорилъ мнѣ, что объ эту пору они кладутъ яйца... Ты не смотрѣлъ, яицъ тамъ не было?

— Утромъ мы всѣ туда ходили, но ничего не нашли.

— И никакихъ слѣдовъ не замѣтно?

— Какіе же могутъ быть слѣды... Трава точно была помята, а слѣдовъ никакихъ... А вотъ плетень точно погнутъ и какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, откуда раздался трескъ. Воля ваша, Анфиса Ивановна, а вы меня разочтите, я у васъ не останусь.

Анфиса Ивановна чуть не со слезами на глазахъ принялась упрашивать Брагина не покидать ее, объяснила ему, что только на него одного и надежда, такъ какъ онъ человѣкъ военный, доказавшій на службѣ свою храбрость, и дѣло кончилось тѣмъ, что Брагинъ рас-

чувствовался и рѣшился остаться, съ тѣмъ, однако, непремѣннымъ условіемъ, что спать онъ будетъ не въ садовой сторожкѣ, а въ людской, вмѣстѣ съ другими.

Какъ только Анфиса Ивановна одѣлась, такъ въ ту же минуту, не помолившись Богу, отправилась разсказать о случившемся племянницѣ, но комната ея была заперта, и Мелитина Петровна спала самымъ безмятежнымъ сномъ.

Въ это самое время къ экономкѣ Дарьѣ Өедоровнѣ, сидѣвшей въ своей комнатѣ, вошелъ Иванъ Максимовичъ и, помолившись на образа, передъ которыми теплилась лампадка, присѣлъ на сундукъ.

— На счетъ *говяжьихъ дѣловъ* пришелъ справиться, — проговорилъ онъ.—Корову зарѣзалъ *ухорскую — оторви хвостъ! Сорокъ—пятнадцать далъ.*

— Ужь не знаю, нужна ли говядина-то! — сказала экономка.

— Кухарка говорила, что вся похарчилась.

— Коли похарчилась, такъ, значитъ, вези.

— На счетъ задку, а то, можетъ, и передочка ничего?

— Нѣтъ, заднюю часть, самую лучшую.

— Говядина и толковать нечего — первый сортъ, *изъ Петербурга, съ овцу*... Постомъ и то не грѣхъ ѣсть... Ну, а на счетъ крокодиловъ-то, какъ дѣла идутъ?

Дарья Өедоровна махнула рукой и разсказала все случившееся ночью.

— Вотъ гдѣ *грѣха-то куча!* — проговорилъ Иванъ Максимовичъ, заливаясь смѣхомъ. — *Вотъ такъ съ волкомъ двадцать!..*

— А у батюшки-то, отца Ивана,— началъ онъ, немного погодя, — вчера на счетъ полицейскаго занимались, самъ становой на *ухорской* тройкѣ пріѣзжалъ!..

— Что еще случилось?

— На счетъ, вишь, петербургскаго-то! Скорпіонъ что ли онъ прозывается, сынъ-то его...

— Ну?

— Письмоводитель разсказывалъ... Вишь, парень-то въ Москвѣ съ пріятелемъ жилъ на одной квартирѣ... ну, и занялся *по слесарному мастерству*, на счетъ, значитъ, замочныхъ дѣловъ, да и того... на чугунку и маршъ!.. Пріятель-то спохватился, а денегъ-то нема.

— Неужто укралъ? — спросила Дарья Ѳедоровна.

— Украсть, значитъ, не укралъ, а такъ выходитъ, по-пріятельски, *по карманной части* занялся, а чтобы тамъ въ Москвѣ не получить на счетъ *шейнаго или затылочнаго*, онъ сюда тягу... А изъ Москвы-то *по почтовому отдѣленію* бумагу *съ овцу* прислали, читали, вишь, всю ночь и то до конца не дочитали... а какъ только разсвѣтало, ужь отецъ Иванъ въ Москву, да денегъ съ собой, вишь, *съ волкомъ двадцать* взялъ. Вотъ гдѣ грѣха-то куча!.. На счетъ, значитъ, тушенія поѣхалъ хлопотать, чтобы *ухорскій-то по острожному департаменту* не угодилъ...

XXIII.

Возвратясь въ Рычи, Иванъ Максимовичъ зашелъ въ лавку Александра Васильевича Соколова и передалъ все слышанное имъ отъ Дарьи Ѳедоровны. Не прошло часа времени, какъ въ Рычахъ всѣмъ ужь

было извѣстно, что въ саду Анфисы Ивановны прошлою ночью садовникъ Брагинъ видѣлъ двухъ крокодиловъ, самца и самку, собиравшихся класть яйца. Вѣсть эта дошла и до г. Знаменскаго, успѣвшаго уже кое-что прочесть изъ полученныхъ отъ Вольфа книгъ, и хотя, относительно ловли крокодиловъ, онъ ничего подходящаго къ дѣлу не почерпнулъ, но тѣмъ не менѣе, обдумавъ серьезно предпринятое имъ, онъ составилъ довольно подробный планъ дѣйствій, каковымъ и порѣшилъ руководствоваться. Онъ убѣдился, что способы, до сего времени употреблявшіеся имъ для поимки крокодила, не достигали цѣли и потому оказались непримѣнимыми. Мужики, которыхъ онъ обыкновенно приглашалъ, подъ конецъ напивались всегда до того, что теряли всякое сознаніе и забывали не только про крокодила, но даже не понимали, что именно творилось съ ними самими!.. Слѣдовательно, чтобы достигнуть цѣли, необходимо было придумать что-нибудь другое: подыскать людей, которые относились бы къ дѣлу съ подобающею серьезностью и которые не напивались бы до положенія ризъ. Только тогда, при такой обстановкѣ, можно будетъ ожидать благопріятныхъ результатовъ.

Какъ только г. Знаменскій додумался до этого, такъ въ ту же минуту вспомнилъ недавно прочтенную имъ въ «Сынѣ Отечества» статью объ ученыхъ обществахъ Германіи, Англіи и Франціи. Онъ вспомнилъ, что нѣчто подобное происходило на съѣздахъ нѣмецкихъ естествоиспытателей; что ежегодные съѣзды эти стали все болѣе и болѣе принимать характеръ увеселительныхъ собраній, такъ что спеціальная цѣль, въ сравненіи съ празднествами, играла лишь незначи-

тельную роль. Поэтому сдѣлалось необходимымъ устроить отдѣльные частные съѣзды, посвященные какой-нибудь отдѣльной отрасли естествознанія, и пригласить къ этому дѣлу людей серьезныхъ и любящихъ науку. Какихъ результатовъ достигло этимъ общество естествоиспытателей, ясно доказываетъ происходившій въ университетскомъ городѣ Іенѣ, подъ предсѣдательствомъ профессора Цителли, изъ Мюнхена, съѣздъ нѣмецкихъ антропологовъ и геологовъ. Ни Вирховъ изъ Берлина, ни Декенъ и Шафгаузенъ, изъ Бонна, ни Фрасъ и Хельдеръ изъ Штутгардта, ни Кольманъ и Іоганесъ Ранке изъ Мюнхена, никто изъ нихъ на съѣздѣ этомъ не помышлялъ объ увеселеніяхъ, а напротивъ, со всею энергіей преслѣдовали предпринятую ими на себя задачу. Итакъ, ясно, что слѣдуетъ воспользоваться примѣромъ нѣмецкихъ ученыхъ, образовать общество съ извѣстною цѣлію и выбрать членами этого общества людей болѣе или менѣе благоразумныхъ.

Разобравъ и обдумавъ эту мысль, г. Знаменскій отправился осуществлять ее въ лавку Александра Васильевича Соколова. На счастье г. Знаменскаго, вся интеллигенція села Рычей какъ разъ была въ то время въ лавкѣ и бесѣдовала о появившихся въ саду Столбиковой крокодилахъ. Тутъ былъ и фельдшеръ Нирьютъ, и извѣстный капиталистъ Кузьма Васильевичъ Чурносовъ, Иванъ Максимовичъ, ветеринаръ Капитонъ Аѳанасьевичъ, дьяконъ Космолинскій, словомъ — всѣ, которые съ нѣкоторымъ успѣхомъ могли-бы въ предполагаемомъ обществѣ, если не олицетворить, то по крайней мѣрѣ принять на себя видъ Вирховыхъ, Шафгаузеновъ, Кольмановъ и другихъ.

Поздоровавшись со всѣми, г. Знаменскій объяснилъ цѣль своего прихода. Ясно и толково изложилъ онъ, что дѣло о крокодилахъ оставлять въ такомъ положеніи, въ какомъ находится оно въ данную минуту, невозможно, что если оставить его безъ изслѣдованія, то результатомъ этой бездѣятельности, очень вѣроятно, будетъ то, что крокодилы положатъ яйца и въ скоромъ будущемъ заполонятъ не только данную мѣстность, но, чего добраго, всю Россію, и обратятъ страну эту въ нѣчто похожее на Египетъ. Онъ удачно разсказалъ при этомъ тѣ ужасы, которыми наполняютъ крокодилы вообще всю Африку; вспомнилъ разсказъ Стенли, какъ, при переправѣ черезъ рѣку Малагарази, крокодилъ схватилъ за горло осла, и какъ ни билось несчастное животное, и какъ ни старались вытащить его за веревку, привязанную къ шеѣ, оселъ былъ увлеченъ и скрылся подъ водой. Передалъ, какъ на озерѣ Мугигева, тотъ-же Стенли видѣлъ, какъ верховье озера, отъ западнаго до восточнаго берега, кишѣло крокодилами, и что и озеро Рузизи тоже наполнено ими; прибавилъ, что многое о крокодилахъ онъ могъ-бы разсказать имъ изъ разныхъ путешествій, но что исполнитъ это когда-нибудь послѣ... Всѣ слушали съ жадностью разсказы г. Знаменскаго, но составить изъ среды своей «общество» — видимо робѣли, предполагая, что общество это можетъ не понравиться начальству. Иванъ же Максимовичъ прямо высказалъ свое опасеніе, какъ-бы за все это не досталось *насчетъ шейнаго и затылочнаго*. Въ томъ-же смыслѣ высказался и Александръ Васильевичъ Соколовъ, но боялся онъ не на счетъ *шейнаго,* а насчетъ цѣлости лавки. Капиталистъ Кузьма Васильевичъ

Чурносовъ, услыхавъ про общество, надулся какъ мышь на крупу и въ ту же минуту ухватился за карманъ. Г. Знаменскій выходилъ изъ себя, доказывая, что «общество» ихъ,—не «общество червонныхъ валетовъ», что правительство не только не преслѣдуетъ обществъ съ благотворительными цѣлями, но, напротивъ, поощряетъ ихъ; привелъ имъ нѣсколько примѣровъ того, и въ концѣ концовъ указалъ имъ на Пензенскую губернію, гдѣ губернаторъ поощрялъ «общество трезвости...» Но ни губернаторъ, ни другіе примѣры не дѣйствовали. Пришлось послать за водкой!.. Изъ лавки перебрались въ теплушку. Принесли водку, Александръ Васильевичъ накрошилъ колбасы, почему-то завалявшейся года три, и бесѣда пошла. Водка подѣйствовала, и къ вечеру, хотя и съ нѣкоторыми отступленіями отъ правилъ «общества антропологовъ», тѣмъ не менѣе, общество, къ великому удовольствію г. Знаменскаго, сформировалось. Всѣ нашли мѣру эту необходимою, всѣ сознали, что крокодиловъ такъ оставлять невозможно, и что начальство, пожалуй, спасибо не скажетъ, узнавъ, что не было принято своевременно никакихъ мѣръ къ искорененію бѣдствія въ самомъ его зародышѣ. Одинъ только Иванъ Максимовичъ, не пившій водки, все толковалъ насчетъ *затылочнаго*, и наотрѣзъ отказался отъ участія въ обществѣ. Г. Знаменскій, скромно отказываясь отъ званія предсѣдателя, предложилъ выбрать въ эту должность фельдшера Нирьюта, какъ человѣка все-таки знакомаго съ естественными науками. Нирьютъ былъ единогласно выбранъ. Затѣмъ приняты членами: Чурносовъ, Соколовъ, Капитонъ Аѳанасьевичъ и другіе, въ

секретари же г. Знаменскій предложилъ дьякона, пишущаго почти безъ грамматическихъ ошибокъ.

Прослышавъ, что въ лавкѣ Соколова устраивается какое-то «общество» и что поятъ водкой, народъ началъ подваливать и предлагать себя въ члены. Явился портной Филаретъ Семеновичъ, пьяный, безъ шапки и весь въ крови; прокричалъ ура и предложилъ себя въ члены, но его тутъ-же выгнали вонъ. Подъѣхалъ торговецъ красными товарами, Гусевъ, съ пономаремъ села Рычей, которые въ ту же минуту и были выбраны въ члены. Словомъ, къ вечеру общество насчитывало у себя болѣе тридцати членовъ. Г. Знаменскій торжествовалъ. «Общество» составилось, оставалось только дать этому «обществу» названіе. Учредитель и почетный предсѣдатель г. Знаменскій предложилъ назвать его «Обществомъ ревнителей пополненія естественной исторіи вообще, и поимки грачевскихъ крокодиловъ въ особенности». Названіе это было принято единогласно при восторженныхъ крикахъ, и всѣ принялись за качаніе учредителя, предсѣдателя и членовъ. Предсѣдатель Нирьютъ предложилъ выпить за процвѣтаніе и успѣхъ общества. Предложеніе было принято съ восторгомъ. Торжество началось и вѣроятно продолжалось-бы до слѣдующаго дня, еслибы членъ Соколовъ не оттаскалъ за волосы, пріѣхавшаго съ Гусевымъ, пономаря. Драка эта немного освѣжила общество; принялись разнимать дравшихся и, когда благопріятные результаты были достигнуты, всѣ порѣшили, что на первый разъ довольно, и разошлись по домамъ.

XXIV.

Отецъ Иванъ или, какъ звали его, «попъ Иванъ», принадлежалъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ поповъ. Это былъ мужикъ (именно мужикъ) среднихъ лѣтъ, плотный, коренастый, съ круглымъ, всегда засаленнымъ, животомъ, поверхъ котораго носилъ шитый шерстями, широкій поясъ, и съ лицомъ почти сплошь заросшимъ волосами. Только одинъ носъ совершенно русскій, т. е. круглый какъ картофель, узенькій лобъ да самая незначительная часть скулъ были свободны отъ волосъ. Узенькіе глазки его, которые, сверхъ того, онъ имѣлъ еще привычку прищуривать, тоже были опушены длинными рѣсницами и накрыты широкими, дугообразными бровями; тѣмъ не менѣе, глазки эти горѣли какъ угольки, и постоянно мелькая и перебѣгая съ одного предмета на другой, словно боялись какъ-бы не упустить чего-либо изъ вида. Священствовалъ отецъ Иванъ лѣтъ тридцать, и все въ одномъ и томъ-же селѣ Рычахъ; слылъ, и въ самомъ дѣлѣ былъ умнымъ мужикомъ, и благодаря этому природному уму (нѣсколько извращенному пребываніемъ въ бурсѣ, а затѣмъ складомъ жизни) постоянно былъ благочиннымъ, и благочиніе свое держалъ въ «субординаціи». Такъ какъ «субординація» эта не только была любимѣйшимъ его выраженіемъ, но даже идеей, руководившей всею его служебною дѣятельностью, то ничего нѣтъ удивительнаго, что въ глазахъ эпархіальнаго начальства, тоже склоннаго къ «субординаціи», отецъ Иванъ слылъ

всегда примѣрнымъ благочиннымъ, получалъ награды, и въ описываемое время имѣлъ уже набедренникъ, камилавку и какой-то крестикъ. Ладить отецъ Иванъ умѣлъ со всѣми. Ладилъ онъ съ архіереемъ, съ консисторіею, съ исправниками, становыми, съ попами и съ прихожанами. Нрава былъ самаго веселаго; любилъ при случаѣ выпить, «сразиться въ картишки», побалагурить, поврать, и въ обхожденіи какъ со свѣтскими людьми, такъ и съ духовенствомъ (которое, шутя, онъ называлъ іисусовой пѣхотой) былъ необыкновенно простъ. Не наговорится, не нарадуется бывало, встрѣтившись съ кѣмъ-либо изъ знакомыхъ, растопыритъ руки, растянетъ ротъ въ самую пріятнѣйшую улыбку, разспроситъ про домашнихъ, про овечекъ, про коровокъ, все-ли въ домѣ благополучно и всѣ-ли «здравствуютъ»; разскажетъ два-три смѣшныхъ анекдота, угоститъ на славу, и только продѣлавъ все это, отпуститъ съ «миромъ!» Простота эта нисколько однако не мѣшала ему обдѣлывать свои дѣлишки. Набуфонитъ, наговоритъ въ три короба, а ужь въ карманѣ побываетъ у каждаго! Дѣло въ томъ только, что простота эта, доходившая до смѣшнаго, какъ-то мирила всѣхъ съ шельмоватостью отца Ивана. Поругаютъ, покричатъ бывало, а потомъ и расхохочутся!.. а тамъ, гдѣ смѣхъ, понятно, нѣтъ ни гнѣва, ни злобы. Его и бранили, и вмѣстѣ съ тѣмъ любили. Доказательствомъ того, что отецъ Иванъ былъ дѣйствительно любимъ, служитъ то, что онъ оставался благочиннымъ даже и въ то время, когда благочинные стали назначаться не консисторіями, а по выбору самого духовенства. Правда, на первыхъ порахъ выбрали было какого-то молодаго попика, съ воротничками и

запонками; правда, что молодой попикъ этотъ взятокъ не бралъ, но зато такую надѣлалъ кутерьму, что чуть было все свое благочиніе не подвелъ подъ судъ! Ужь отецъ Иванъ, спасибо, выручилъ, распутавъ всю путаницу молодаго благочиннаго. Съ тѣхъ поръ и начали опять выбирать отца Ивана. «Тотъ хоть и карманъ вывернетъ, да дѣло сдѣлаетъ!» И дѣйствительно, обдѣлывать дѣла отецъ Иванъ былъ великій мастеръ! Кому кредитными свезетъ, кому кадушечку маслица, кому гусей племенныхъ подаритъ, кому медкомъ сотовымъ поклонится, а иного — такъ просто шуточкой обойдетъ! Шуточки выручали его иной разъ не хуже денегъ. Разъ какъ-то одинъ священникъ его благочинія, разсердившись за что-то на своихъ прихожанъ, принялся швырять въ нихъ изъ алтаря просворами. На грѣхъ, въ село это пріѣхалъ архіерей и какъ-то узналъ про эту выходку сердитаго попа. Гнѣву архіерейскому не было конца! Владыка расшумѣлся, растопался, приказалъ немедленно-же произвести слѣдствіе, грозилъ попу «красной шапкой», а въ концѣ-концовъ накинулся на отца Ивана, недонесшаго ему о таковомъ происшествіи. Отецъ Иванъ молчалъ, слушалъ, и наконецъ обратился къ владыкѣ: «Ваше преосвященство! — проговорилъ онъ смиренно и сложивъ на груди руки: — ваше преосвященство! дозвольте слово сказать!» — «Ну, говори!» — «Ваше преосвященство! чѣмъ же больше бросать-то? Вѣдь въ алтарѣ вещи все освященныя, а просфоры-то освящены еще не были, только отъ просвирни принесли ихъ!» Архіерей расхохотался, махнулъ рукой, и дѣло тѣмъ и кончилось!

Хозяинъ отецъ Иванъ былъ примѣрный. Онъ не только самъ за всѣмъ присматривалъ, но даже и самъ

работалъ. Хлопотунъ былъ превеликій. Онъ и обѣдни служилъ торопливо потому только, что ему все какъ-то некогда было!.. И дѣйствительно, благодаря этой неутомимости, домъ отца Ивана представлялъ изъ себя полную чашу. Въ его конюшнѣ стояло всегда два-три жеребца собственнаго завода, по двору кудахтали превосходныя брамапутровскія куры, на пруду въ огородѣ плавали породистые гуси и утки; овцы его отличались нѣжностію и обиліемъ шерсти, коровы молокомъ, и всѣ такія были красивыя-рыжія на короткихъ ногахъ, съ выкатившимися черными глазами, что любо было посмотрѣть на нихъ. И все это отецъ Иванъ развелъ шутя, безъ малѣйшихъ расходовъ. Матокъ своихъ онъ случалъ съ казенными жеребцами, выбиралъ жеребцовъ рысистыхъ и приплодъ продавалъ за дорогую цѣну. Куръ развелъ незамѣтно отъ сосѣда помѣщика...

— Ахъ! — вскрикнулъ онъ, заѣхавъ къ помѣщику: — курочки-то у васъ отмѣнныя! Откуда добыли?

— Изъ Москвы привезъ, съ выставки.

— А дороги?

— Не дешевы! За пѣтуха двадцать пять далъ, а за куръ по десяти...

— Рублей? — испугался отецъ Иванъ.

— Конечно, не копѣекъ...

— Э, хе, хе, хе!..

И кончилось тѣмъ, что отецъ Иванъ выпросилъ себѣ нѣсколько яичекъ, бережно уложилъ ихъ въ вату, бережно привезъ домой и, подложивъ яйца подъ простую насѣдку, получилъ въ концѣ-концовъ превосходныхъ цыплятъ.

Такимъ образомъ развелъ онъ гусей, утокъ, ин-

дѣекъ, цесарокъ и почти такимъ же овецъ и коровъ.

— Нѣтъ, други мои,—говорилъ онъ: — съ благочинія да съ прихода-то не очень разживешься. Приходится за хозяйство приниматься да скотинку разводить!...

Въ особенности же отецъ Иванъ былъ страстнымъ охотникомъ до лошадей! Лошади у него выходили на славу, и потому маленькій заводецъ его былъ извѣстенъ не только въ околодкѣ, но и во всей губерніи. Когда наступала пора жеребленія матокъ, отецъ Иванъ бросалъ все и даже ночевалъ у нихъ въ денникахъ. Знатокъ въ лошадяхъ онъ былъ великій, и, словно цыганъ, съ одного взгляда замѣчалъ всѣ пороки и качества лошади. Лошадей своихъ онъ всегда выѣзжалъ самъ, и дѣла этого отнюдь никому не довѣрялъ. Заложитъ, бывало, бѣговыя дрожки, надѣнетъ на себя какую-то куртку, косу запрячетъ за воротникъ, голову прикроетъ рваной шляпенкой и маршъ на выгонъ! А выгонъ въ Рычахъ былъ громадный, глазомъ не окинешь, ровный, гладкій, дорога—словно утрамбованная, и такъ-то бывало «отжаритъ» отецъ Иванъ по этому выгону, что только пыль столбомъ. Всѣ наѣздники хвалили его ѣзду и говорили, что у отца Ивана замѣчательно «мягкая вожжа!» Такихъ лошадей, т. е. рысистыхъ, отецъ Иванъ даже самъ подковывалъ. Сдѣлаетъ бывало подкову, отшлифуетъ ее, прикинетъ на вѣсы, чтобы одна подкова не была тяжелѣе другой, и тогда уже подкуетъ лошадь, и не въ станкѣ, а просто на рукахъ, въ стойлѣ.

Водились у отца Ивана и деньги. Но и деньги не лежали у него непроизводительно, а клалъ онъ ихъ въ банкъ и получалъ на нихъ проценты. Какъ только,

бывало, накопитъ рублей сто, такъ запряжетъ тележечку и въ городъ.

— Что, аль въ банкъ деньги тащишь? — спрашивали бывало скалозубы: — тащи больше! Тамъ денежки нужны.... Живой рукой расхватаютъ! Только подавай!

Но отецъ Иванъ даже и вниманія не обращалъ на этихъ, какъ онъ выражался, мякинниковъ, и только бывало презрительно окинетъ ихъ съ ногъ до головы холоднымъ взглядомъ.

XXV.

Онъ былъ вдовецъ. Послѣ смерти жены, у него на рукахъ остались дочь и сынъ. Дочери было шестнадцать лѣтъ, а сыну девять. Похоронивъ жену, отецъ Иванъ испугался было своего положенія, думалъ, что весь домъ пойдетъ вверхъ дномъ, однако вышло не такъ. Благоразумная дочка Серафима принялась такъ усердно за хозяйство и такъ ловко и умѣло повела дѣло, что отецъ Иванъ не могъ нарадоваться достаточно, глядя на дочь. Осенью онъ свезъ сына въ уѣздный городъ, опредѣлилъ въ духовное училище и, помѣстивъ его на хлѣбы къ знакомому дьякону, возвратился домой. Мальчикъ имѣлъ хорошія способности, пошелъ отлично, и отецъ Иванъ успокоился окончательно.

Прошло два года. Встрѣтилась надобность поновить въ церкви стѣнную живопись. Отецъ Иванъ отправился въ губернскій городъ розыскивать живописца. Ему отрекомендовали Жданова, молодаго человѣка, только-что кончившаго курсъ въ московской школѣ

живописи. Отецъ Иванъ съѣздилъ къ нему, разсказалъ, что именно требовалось, и сторговавшись, возвратился домой. Недѣли черезъ двѣ живописецъ пріѣхалъ съ двумя подмастерьями и остановился въ домѣ священника. Вскорѣ пустая церковь наполнилась громомъ уставляемыхъ подмостковъ и стукомъ молотковъ; когда же все было готово, и когда по зыбкимъ подмосткамъ можно было взобраться подъ самый куполъ, Ждановъ нарядился въ блузу и съ кистями и красками полѣзъ на верхъ. Работа шла успѣшно и къ концу лѣта должна была окончиться.

Однажды Ждановъ, желая попытать свои силы въ портретной живописи, задумалъ сдѣлать портретъ Серафимы. Она согласилась.... Ждановъ принялся за работу и, работая, не на шутку сталъ заглядываться на серьезное и миловидное лицо дѣвушки. Отецъ Иванъ куда-то на время уѣхалъ, и когда онъ возвратился и увидалъ совершенно уже оконченный портретъ, то даже развелъ руками.

— Ну, братъ, молодецъ ты! — проговорилъ онъ. — Я думалъ, что ты однихъ только угодниковъ малевать умѣешь, и за мѣсто того ты и дѣвокъ тоже.... молодецъ, молодецъ!...

— Хорошо?

— Еще бы, лучше чѣмъ настоящая!...

— Такъ давайте мѣняться. Я вамъ копію дамъ, а вы мнѣ оригиналъ.

Отецъ Иванъ этого не ожидалъ. Ему сейчасъ же пришло въ голову домашнее хозяйство: кухня, горшки, доеніе коровъ, скопы масла, словомъ — все то, чѣмъ такъ примѣрно завѣдывала Серафима, и отецъ Иванъ заартачился и наотрѣзъ отказалъ Жданову. Молодежь,

успѣвшая по уши влюбиться другъ въ друга, опечалилась. Ждановъ началъ лѣниться, а Серафима хандрить и немного погодя слегла въ постель. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, еслибы въ дѣло не вмѣшалась старуха нянька.

— Ты что это, съ ума что-ли спятилъ? — проговорила она, однажды съ глазу на глазъ отцу Ивану. — Ты что это дѣвку-то въ прокъ что-ли бережешь?... Солить что-ли собираешься?

— А домомъ-то кто заправлять будетъ? Забыла это? — крикнулъ отецъ Иванъ.

— Смотри!... Дѣвка на возрастѣ — отъ грѣха на вершокъ!... Не таковскій это товаръ, чтобы его въ прокъ-отъ беречь!

Отецъ Иванъ задумался. Продумалъ день, продумалъ два и наконецъ порѣшилъ отдать Серафиму за Жданова.

— Только смотри, впередъ говорю, что приданаго за ней, окромя тряпья, нѣтъ ничего.... Послѣ чтобы не обижаться!

Но такъ какъ Ждановъ искалъ не приданаго, а жену, то согласіе и незамедлило послѣдовать.

Въ тотъ день, когда въ Рычахъ праздновалось обновленіе храма, сыграли и свадьбу Серафимы съ Ждановымъ. Посаженной матерью была, конечно, Анфиса Ивановна и свадебная гульба шла недѣли двѣ, такъ что отецъ Иванъ совершенно очумѣлъ за это время.

Прошелъ еще годъ. У Серафимы родился сынъ, который привелъ конечно въ восторгъ не только родителей, но даже и дѣдушку. Всѣ они порѣшили, что такого крѣпкаго, красиваго и умнаго ребенка

никогда и ни у кого еще не бывало, а когда отецъ Иванъ, крестившій ребенка, далъ на зубокъ только одинъ червонецъ, то Серафима даже обидѣлась; цѣлый день не говорила съ отцомъ, а прощаясь не вытерпѣла и высказала отцу, «что за *такого ребенка не грѣхъ бы подарить что-нибудь посущественнѣе червонца*. Черезъ годъ послѣ того, Серафима родила дочь. Дочь тоже оказалась прелестною, но уже далеко не тѣмъ, чѣмъ былъ первенецъ. Третьяго ребенка отецъ Иванъ даже крестить не поѣхалъ, а крестилъ заочно, ибо въ самое это время у него начали жеребиться матки; когда же, по истеченіи года, Серафима сообщила отцу, что Богъ далъ ей двойню, то отецъ Иванъ разсердился даже.

— Съ ума ты сошла, матушка, — говорилъ онъ, пріѣхавъ къ дочери:—развѣ такъ возможно!

На этотъ разъ даже родители и тѣ чувствовали себя неловко, а Серафима сверхъ того расплакалась и опять намекнула отцу, что не худо бы было помочь дочери и внучатамъ.

XXVI.

Между тѣмъ Асклипіодотъ кончилъ курсъ въ училищѣ и за отличные успѣхи и поведеніе былъ награжденъ похвальнымъ листомъ. Листъ этотъ отецъ Иванъ вставилъ въ рамочку и, полный дѣтской радости (отецъ радовался больше сына!), повѣсилъ листъ на стѣнку своего кабинета, а осенью отвезъ сына въ семинарію, помѣстивъ его на хлѣбы къ Жданову. Въ семинаріи

однако Асклипіодотъ пошелъ хуже, началъ лѣниться и отмѣтки получалъ незавидныя.

— Ты что же это? — спрашивалъ его отецъ.

Сначала Асклипіодотъ отмалчивался, затѣмъ сталъ объяснять неудовлетворительность отмѣтокъ болѣзнью, а потомъ прямо уже сталъ говорить отцу, что учиться ему надоѣло, что предметы, проходимые въ семинаріи, нисколько его не интересуютъ, что преподаваніе идетъ вяло, скучно, что преподаватели плохіе педагоги, и наговорилъ столько, что отецъ Иванъ даже въ изумленіе пришелъ и не хотѣлъ вѣрить ушамъ своимъ.

— А какъ же мы-то учились! — говорилъ онъ. — Какъ же мы-то тѣ же самые предметы не находили скучными! ты, видно, забылъ, что *корни ученья горьки, но плоды его сладки.*

Но Асклипіодотъ не отвѣтилъ ни слова и въ продолженіе всѣхъ лѣтнихъ каникулъ все-таки ни разу не бралъ въ руки учебниковъ. Отецъ Иванъ разсердился на сына, пересталъ съ нимъ говорить, а когда кончились каникулы, даже не поѣхалъ съ нимъ въ городъ, а отправилъ съ работникомъ.

Однако осенью отецъ Иванъ получилъ отъ Жданова письмо, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ его, что Асклипіодотъ ведетъ себя изъ рукъ вонъ дурно и что не худо бы ему самому пріѣхать въ городъ и повліять на сына. Дѣлать было нечего, и отцу Ивану пришлось ѣхать въ городъ, хотя по настоящему, вслѣдствіе наступившихъ холодовъ, слѣдовало бы заняться уборкой пчелъ въ закуту. Пріѣхавъ въ городъ, отецъ Иванъ поспѣшилъ съ поклонами къ семинарскому начальству, но начальство это завалило его жалобами на Асклипіодота. Одинъ жаловался на его заносчивость,

другой на насмѣшки, третій на невнимательность, четвертый на лѣность, а отецъ ректоръ прямо объявилъ отцу Ивану, что если Асклиніодотъ не исправится, то онъ доложитъ о немъ владыкѣ и исключитъ изъ семинаріи. Отецъ Иванъ снова напустился на Асклипіодота, а Асклипіодотъ, вмѣсто раскаянія, опять-таки сталъ говорить, что семинарія ему надоѣла, а профессора—люди, не заслуживающіе уваженія. Онъ разсказалъ отцу, какъ профессора эти держатъ себя въ классѣ, какъ ведутъ дѣло преподаванія, какъ нелѣпыми и мелочными придирками отбиваютъ всякую охоту заниматься, какъ унижаютъ и даже оскорбляютъ своихъ слушателей, — взяточничаютъ, подличаютъ, интригуютъ другъ противъ друга; а затѣмъ, перейдя къ преподаваемымъ предметамъ, принялся утверждать, что предметы эти могутъ только сдѣлать человѣка тупымъ, а нисколько не развить его природныя способности. Выслушавъ все это, отецъ Иванъ пришелъ въ такое смущеніе, что даже не нашелся, что именно отвѣтить сыну. Онъ только могъ сказать, что все это не дѣло ученика, что разбирать годность и негодность профессоровъ подлежитъ начальству, а обязанность ученика учиться, а не разсуждать.

Жаловался также и Ждановъ на Асклипіодота.

— Помилуйте, терпѣнья нѣтъ! — говорилъ онъ,— Двѣ иконы писалъ я, великомученицу Екатерину и Андрея Первозваннаго. Иконы были совсѣмъ готовы, какъ вдругъ, во время моего отсутствія, онъ забрался въ мою мастерскую и что же сдѣлалъ? Великомученицѣ Екатеринѣ усы подрисовалъ, а на Андрея Первозваннаго, который рисуется всегда лысымъ, надѣлъ

шапку какую-то!... Краски засохли, и мнѣ пришлось съизнова писать иконы!»

Была недовольна и Серафима пребываніемъ въ ея домѣ Асклипіодота.

— Положимъ, что онъ братъ мнѣ родной, но вѣдь вы, батюшка, такъ мало даете на содержаніе, что намъ наконецъ обидно становится, у насъ своя семья есть....

Однако, кое-какъ отецъ Иванъ уломалъ дѣло; всѣхъ умаслилъ, всѣхъ упросилъ, передъ нѣкоторыми поподличалъ, иныхъ задобрилъ; кое-какъ упросилъ сына выбросить изъ головы дурь и приняться за дѣло, и покончивъ все это, поѣхалъ домой убирать пчелъ.

Мѣсяца три прошло благополучно, но только-что наступило время ягненія овецъ, какъ отцу Ивану опять пришлось скакать въ городъ; на этотъ разъ Ждановъ писалъ, что Асклипіодотъ положительно отбивается отъ рукъ, дѣлаетъ дерзости и ему и Серафимѣ, и что въ виду этого, онъ рѣшительно отказывается держать его у себя въ домѣ. Дѣлать было нечего. Отецъ Иванъ призвалъ работника, строго-настрого приказалъ ночевать въ овечьемъ хлѣву, объягнившихся овецъ вмѣстѣ съ ягнятами переносить въ теплую избу, беречь тѣхъ и другихъ «пуще своего глаза», а самъ отправился въ городъ.

— Что это ты дѣлаешь со мной! — кричалъ онъ на сына: — намедни, по твоей милости двѣ колоды пчелъ пропало, а теперь того и гляди всѣхъ ягнятъ поморозятъ....

Серафима же встрѣтила отца слѣдующими словами:

— Теперь какъ будетъ вамъ угодно, а держать у

себя въ домѣ такого разбойника мы не намѣрены. Куда хотите туда, и дѣвайте!

Отецъ Иванъ накинулся на сына, разругалъ его, и чтобы отнять у него всякую возможность лѣниться и повѣсничать, помѣстилъ его къ одному профессору, отличавшемуся «субординаціею» и державшему въ рукахъ не только учениковъ, но даже и самого ректора съ преподавателями. Асклипіодотъ дѣйствительно какъ-будто присмирѣлъ, и къ концу года даже перешелъ въ богословскій классъ.

Когда Асклипіодотъ пріѣхалъ въ Рычи на каникулы, то отецъ Иванъ не зналъ даже какъ приласкать сына.

— Ты вѣдь у меня —добрый, хорошій,говорилъ онъ, обнимая сына: — я знаю это.... только вотъ вѣтеръ у тебя въ головѣ ходитъ.... вотъ что нехорошо! Но ты исправился и потому не будемъ поминать стараго, а теперь отдыхай и набирайся силами.

Но отдохнуть Асклипіодоту не пришлось.

Отецъ Иванъ простудился, слегъ въ постель, и немного погодя съ нимъ открылась злѣйшая горячка. Когда фельдшеръ Нирьютъ сообщилъ объ этомъ Асклипіодоту, прибавивъ, что жизнь старика находится въ опасности, то Асклипіодота словно громомъ поразило. Въ ту же секунду поскакалъ онъ въ городъ, привезъ съ собою доктора и необходимыхъ лекарствъ, а затѣмъ, — не отходилъ уже отъ постели больнаго отца. Онъ сидѣлъ у его изголовья, не спускалъ съ него глазъ, мѣнялъ компрессы, давалъ лекарства и слѣдилъ за каждымъ малѣйшимъ его движеніемъ. Стоило, бывало, больному открыть глаза, какъ Асклипіодотъ припадалъ къ нему, спрашивалъ: не нужно-ли

ему чего-нибудь? Но больной, находившійся въ безсознательномъ состояніи, словно не узнавалъ сына, и тогда на глазахъ Асклипіодота навертывались слезы. Цѣлые дни, цѣлыя ночи просиживалъ онъ у больнаго, вливалъ ему въ ротъ лекарства, вливалъ холодную воду и точно не чувствовалъ утомленія. Мысль, что отецъ можетъ умереть, приводила его въ отчаяніе. Асклипіодотъ послалъ къ сестрѣ нарочнаго съ извѣщеніемъ, что отецъ умираетъ, и просилъ ее пріѣхать; но Серафима сама не пріѣхала, а прислала вмѣсто себя мужа. Однако Ждановъ оказался плохимъ помощникомъ Асклипіодоту; даже, напротивъ, чуть было не испортилъ все дѣло леченія. Оказалось, что всякій разъ, какъ только больной приходилъ въ себя, такъ Ждановъ начиналъ намекать ему о духовномъ завѣщаніи, и что не худо-бы было ему самому распорядиться своимъ состояніемъ и вспомнить про дочь. Все это кончилось тѣмъ, что Асклипіодотъ, подслушавшій какъ-то подобный разговоръ, выгналъ Жданова вонъ изъ дома, а сестрѣ написалъ ругательное письмо. Только одна старуха Веденѣвна была настоящею помощницею Асклипіодоту и, подобно ему, ухаживала за больнымъ. Наконецъ, сильная натура отца Ивана преодолѣла болѣзнь; онъ сталъ поправляться, и Асклипіодотъ вздохнулъ свободнѣе. Къ концу каникулъ отецъ Иванъ былъ уже на ногахъ и снова принялся за обычныя свои занятія.

Наконецъ пришло время отправлять сына въ городъ. Отецъ Иванъ крѣпко обнялъ Асклипіодота, прильнулъ губами къ его лбу, и слезы градомъ полились изъ глазъ его. «Спасибо, братъ, спасибо!» — проговорилъ онъ.

Онъ отправилъ сына съ работникомъ, а строгому профессору послалъ въ подарокъ кадушечку сотоваго меду, большую банку соленыхъ груздочковъ и сколько-то денегъ въ конвертѣ. Отецъ Иванъ проводилъ сына за околицу, снова расплакался тамъ, а когда Асклипіодотъ сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ, долго провожалъ его взоромъ, и только тогда, когда тарантасъ скрылся изъ вида, онъ отправился домой.

XXVII.

Проводивъ сына, отецъ Иванъ принялся за молотьбу. Гумно его было заставлено скирдами, и необходимо было торопиться, чтобы за «ведро» обмолотить весь этотъ хлѣбъ. Погода стояла превосходная, молотьба шла дружно, спорно, и не прошло двухъ недѣль, какъ весь хлѣбъ былъ обмолоченъ, перевѣянъ и ссыпанъ въ амбары. Налетѣлъ даже купецъ какой-то съ предложеніемъ купить рожь и ячмень, но отецъ Иванъ не продалъ ни зерна.

Пошли дожди, и старикъ принялся за посѣвъ озимаго, а отсѣявшись, въ виду наступавшихъ конскихъ ярмарокъ, необходимо было позаботиться о подготовкѣ лошадей. Сверхъ того, съ наступленіемъ осени и дождливой погоды, по деревнямъ пошли свадьбы, а одновременно со свадьбами появился дифтеритъ и скарлатина. Отецъ Иванъ съ ногъ сбился! То надо было «Исаія ликуй» пѣть, то «со святыми упокой!» А тамъ, на конюшнѣ, откормленные кони всѣ станки разбили! Такъ отецъ Иванъ и метался между церковью, кладбищемъ и конюшней. Идетъ, напримѣръ,

впереди гроба и «святый Боже» поетъ, а минутъ черезъ двадцать, глядишь, ужь онъ верхомъ на дрожкахъ по выгону лупитъ! Конь бѣжитъ на славу, шея дугой, хвостъ на отлетѣ, а на встрѣчу наѣзднику цѣлый экскадронъ верховыхъ мужиковъ и нѣсколько троекъ съ бубенчиками, колокольчиками.... Это свадьба! — «Батюшка! верни назадъ!» — кричатъ поѣзжане, и отецъ Иванъ поворачиваетъ коня, снимаетъ куртку, облачается въ парчевую ризу, а немного погодя обводилъ уже вокругъ налоя жениха и невѣсту и вмѣстѣ съ дьячками пѣлъ «Исаія ликуй!» И такъ изо дня въ день!..

Въ такую-то именно горячую пору, когда отцу Ивану приходилось чуть не на части разрываться, онъ опять получилъ письмо изъ города, и на этотъ разъ уже не отъ Жданова, а отъ того самаго профессора, у котораго жилъ Асклипіодотъ. Въ письмѣ этомъ профессоръ извѣщалъ его, что Асклипіодота онъ выгналъ вонъ, ибо не желаетъ держать «змѣю» у себя въ домѣ. Отецъ Иванъ такъ и ахнулъ! Какъ тутъ быть?! Съ одной стороны свадьбы, съ другой — конская ярмарка, а съ третьей — выгнанный сынъ! Однако, на этотъ разъ отецъ Иванъ думалъ не долго. Онъ пригласилъ къ себѣ какого-то заштатнаго священника, поручилъ ему исполненіе всѣхъ требъ, а самъ поскакалъ въ городъ. Въ городѣ онъ узналъ, что причиною изгнанія Асклипіодота была молоденькая жена профессора, по имени Валентина Петровна. Валентина Петровна дотого увлеклась молодымъ богословомъ, что всякій разъ, какъ только стараго мужа не было дома, являлась въ комнату Асклипіодота и просиживала съ нимъ по цѣлымъ часамъ.

Это было замѣчено профессоромъ, и вотъ, однажды, поймавъ жену на мѣстѣ преступленія, онъ выгналъ вонъ любовника. Извѣстіе это такъ ошеломило отца Ивана, что онъ окончательно растерялся и не зналъ, что ему дѣлать. Спасибо, Ждановъ надоумилъ его, посовѣтовавъ нанять для Асклипіодота квартиру. Такъ отецъ Иванъ и сдѣлалъ. У какой-то старой дьячихи онъ снялъ одну комнату и помѣстилъ въ ней Асклипіодота.

— Ну, братъ,— ворчалъ отецъ Иванъ, собираясь домой: — не сносить тебѣ своей головы!

А Асклипіодотъ тѣмъ временемъ обнималъ отца и говорилъ ему:

— Ну, простите, не сердитесь, батюшка!.. Будьте снисходительны! вспомните свою молодость; доживу до вашихъ лѣтъ, тоже смирнымъ сдѣлаюсь...

Отецъ Иванъ промолчалъ, словно не слышалъ словъ этихъ, а дорогой, дѣйствительно, припомнилъ свою молодость и вздохнулъ о ней съ сожалѣніемъ.

XXVIII.

На ярмарку отецъ Иванъ пріѣхалъ въ самый «разгаръ». Вся площадь была уставлена лошадьми; на той-же площади сталъ и отецъ Иванъ съ своими жеребцами. Народу съѣхалось на ярмарку видимо-невидимо. Тутъ были и помѣщики, и купцы, и попы, а ужь крестьянъ набралось столько, что некуда было яблоку упасть. Въ числѣ пріѣзжихъ издалека, было два московскихъ барышника. Барышники эти бродили по «конной» и, нѣтъ-нѣтъ, подходили къ телегѣ отца

Ивана, къ которой были привязаны жеребцы. Подойдутъ и начнутъ смотрѣть на коней, а отецъ Иванъ сидитъ себѣ на телегѣ, грызетъ сѣмечки и даже не смотритъ на нихъ. Два дня бродили такимъ образомъ барышники, наконецъ, на третій заговорили съ отцомъ Иваномъ:

— Эй, ты, отецъ святой! Ты что это, сѣмечки, что-ли, на ярмарку-то пріѣхалъ грызть, аль лошадей продавать?

— Одно другому не мѣшаетъ! — отвѣтилъ отецъ Иванъ: — и сѣмечки не покупныя, и лошади свои...

— Своего завода?

— Извѣстно.

— А дороги?

— Какъ кому! По мнѣ дешевле пареной рѣпы.

— Однако, ты балагуръ, я вижу, за словомъ въ карманъ не полѣзешь!

— Слова-то, поди, не сѣмечки, не въ карманѣ лежатъ!

— Это точно!.. Такъ дороги?

— Восемь!

— Чего восемь-то?

— Извѣстно, «катеринокъ!»

Барышники только головами покачали и пошли прочь, а отецъ Иванъ даже ухомъ не повелъ.

Помѣщики и купцы то и дѣло подходили къ отцу Ивану.

— Отъ казеннаго? — спрашивали они.

— Отъ казеннаго.

— Отъ котораго?

— Отъ «Визапура».

— А мать?

— А мать хрѣновская, «Лебедка 4-я», отъ «Варвары» и «Услады».

— А другой?

— Другой тоже отъ «Визапура» и «Казарки.»

— А «Казарка-то» хрѣновская тоже?

— У меня всѣ матки хрѣновскія, у Голохвастова куплены были, когда заводъ распродавался.

— Такъ. Отъ кого-же «Казарка»-то?

— Отъ «Важнаго» и «Рынды».

— Аттестаты есть?

— Извѣстно. Нынѣ на слово-то плохо вѣрятъ.

Немного погодя, изъ-за этихъ лошадей даже аукціонъ пошелъ. Какой-то помѣщикъ надавалъ семьсотъ рублей, но отецъ Иванъ и не слушалъ ничего! Сидитъ себѣ на возу и все сѣмечки грызетъ! Вечеромъ повелъ отецъ Иванъ лошадей на квартиру, поставилъ ихъ въ конюшню, убралъ какъ слѣдуетъ, корму задалъ и принялся за чай. Смотритъ, входятъ барышники московскіе.

— Ну, отецъ, надумали мы! бери семьсотъ съ полусоткой...

— Не возьму.

— Смотри, не прогадай! Не пришлось-бы домой тащить.

— Небось! и сами дойдутъ.

— Ну, какъ знаешь...

И дѣйствительно, утромъ отецъ Иванъ повелъ своихъ коней не на площадь, а домой, въ село Рычи, но не отъѣхалъ онъ и двухъ верстъ, какъ барышники нагнали его.

— Стой! — крикнули они: — будь по твоему! бери восемь сотенныхъ, отвязывай лошадей.

Но отецъ Иванъ даже не остановился, а только крикнулъ:

— Теперь цѣна иная! Теперь меньше тысячи не помирюсь...

Барышники обругали его и вернулись назадъ.

Однако не прошло и недѣли, какъ барышники—къ отцу Ивану въ Рычи.

— Ну ужь и «жохъ» ты только!—проговорили они.

Выпили водочки, закусили, сѣли чай пить, а за чаемъ и дѣльце покончили. Выложили отцу Ивану десять радужныхъ и взяли съ собой лошадей.

Съѣздилъ отецъ Иванъ въ уѣздный городъ, положилъ эту тысячу въ общественный банкъ и вернулся домой. А дома опять ожидало его письмо отъ Жданова, въ которомъ послѣдній извѣщалъ, что Асклипіодотъ, за оскорбленіе, нанесенное профессору, исключенъ изъ семинаріи.

Отецъ Иванъ только лошадей покормилъ и тотчасъ-же поѣхалъ къ Асклипіодоту. «Погубили таки, погубили!» — раздумывалъ онъ, и полагалъ встрѣтить Асклипіодота сконфуженнымъ и убитымъ. Но на дѣлѣ вышло совершенно иначе. Сынъ встрѣтилъ отца съ лицомъ веселымъ и счастливымъ, и объявилъ, что онъ поступилъ уже на службу конторщикомъ на одну изъ пригородныхъ станцій желѣзной дороги, что ему назначили 25 рублей въ мѣсяцъ жалованья, и что въ скоромъ времени онъ надѣется получить должность помощника начальника станціи. Отцу Ивану не понравилось, что сынъ остался недоучкой, но Асклипіодотъ вскорѣ успокоилъ отца.— «Я и самъ знаю,— говорилъ онъ вечеромъ, сидя съ отцомъ за самоваромъ: — что я, такъ сказать, неучъ, но я утѣ-

шаю себя только мыслью, что если-бы я даже и кончилъ курсъ, то все-таки не могъ-бы быть ученымъ, по той простой причинѣ, что въ семинаріи ничему не научишься. Вѣдь вотъ вы, напримѣръ,— прибавилъ онъ: — вѣдь вы кончили курсъ, а что изъ этого вышло. Все-таки вы не ученый, и все-таки семинарія, кромѣ широкихъ рукавовъ, вамъ ничего не дала, и не будь у васъ умной головы на плечахъ, а будь глупая, такъ она только-бы болѣе поглупѣла отъ всего того мусора, которымъ ее нашинковали въ семинаріи. Противна она мнѣ, тошнитъ меня отъ нея, и я очень радъ, что избавился отъ этой тошноты! — А отецъ Иванъ сидѣлъ и думалъ: — «Что-же это значитъ такое? Со всѣми умѣлъ справляться, съ архіереями, секретарями консисторскими, съ исправниками, торгашами, всѣхъ, такъ сказать, въ рукахъ держалъ, дѣлалъ изъ нихъ что хотѣлъ, а вотъ съ сыномъ, съ мальчишкой, справиться не съумѣлъ!» Однако, дѣлать было нечего, и отцу Ивану только и оставалось, что покориться обстоятельствамъ. Онъ сшилъ Асклипіодоту хорошенькую пару, купилъ бѣлья, ваточное пальто съ мѣховымъ воротникомъ, далъ ему рублей двадцать денегъ и, расплатившись за квартиру съ старухой дьячихой, отправился домой. Мечты отца Ивана, видѣть Асклипіодота священникомъ села Рычей, не сбылись, но старикъ утѣшалъ себя тѣмъ, что Асклипіодотъ, не имѣя призванія къ священству, пожалуй, поступилъ даже честно, избравъ себѣ иную дорогу. Мѣсяца черезъ два, Асклипіодотъ увѣдомилъ отца, что онъ утвержденъ въ должности помощника начальника станціи, что жалованья получаетъ теперь не 25, а 40 рублей, прислалъ ему свою фотографи-

ческую карточку въ мундирѣ и форменной фуражкѣ, и просилъ навѣстить его. Отецъ Иванъ былъ въ восторгѣ отъ перваго успѣха своего сына, читалъ его письмо чуть-ли не каждому встрѣчному, поставилъ портретъ на свой письменный столъ и немедленно-же отправился къ сыну. Поѣздка эта утѣшила его какъ нельзя больше, ибо онъ вполнѣ убѣдился, что сыну его жилось хорошо: у него была уютная, чистенькая квартира, съ чистенькой казенною мебелью, съ занавѣсочками на окнахъ и съ олеографическими картинками на стѣнахъ, и квартирка на столько помѣстительная, что Асклипіодотъ отвелъ отцу даже особую комнату, выходившую окнами на платформу станціи. Отецъ Иванъ справился въ конторѣ, и убѣдился, что Асклипіодотъ, дѣйствительно, получаетъ по сорока рублей въ мѣсяцъ, и сверхъ того, имѣетъ даровое отопленіе и освѣщеніе. Въ то время, когда отецъ Иванъ гостилъ у сына, начальникъ станціи хворалъ, и потому исправленіе должности его было поручено Асклипіодоту. Не безъ гордости смотрѣлъ отецъ на распоряженія сына, и внутренно утѣшался, что распоряженія его были аккуратны, разумны и быстры. Въ то время на станціи происходило особенно усиленное отправленіе грузовъ. Грузили на Ревель рожь, пшеницу и ячмень, и Асклипіодоту приходилось работать даже по ночамъ. Приходилось прицѣплять и отцѣплять вагоны, составлять поѣзда, принимать деньги, выдавать квитанціи, и все это производилось подъ личнымъ наблюденіемъ Асклипіодота. Отецъ Иванъ долго вникалъ въ дѣло и наконецъ убѣдился, что дѣло это весьма сложное, хлопотливое и требующее большой аккуратности, и онъ утѣшался въ душѣ, что дѣло

такое было довѣрено его сыну, и что сынъ справляется съ нимъ какъ нельзя лучше. Когда-же отецъ Иванъ навѣстилъ больнаго начальника, и узналъ отъ него, что онъ весьма доволенъ Асклипіодотомъ, то отецъ Иванъ даже прослезился и подарилъ сыну серебряные свои часы. Недѣли двѣ прогостилъ отецъ Иванъ у сына и возвратился домой совершенно уже успокоеннымъ.

XXIX.

Однако, мѣсяца черезъ четыре, онъ получилъ отъ сына письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ его, что службу на желѣзной дорогѣ онъ оставилъ, и что теперь, въ качествѣ учителя, живетъ въ домѣ князя Баталина и занимается приготовленіемъ сына его къ 4 классу гимназіи. Въ письмѣ этомъ Асклипіодотъ подробно описываетъ отцу имѣніе князя, домъ, паркъ, роскошную обстановку, свое новое житье-бытье въ томъ домѣ, общество, въ которомъ вращается, семейство князя, гувернеровъ и гувернантокъ, приставленныхъ къ дѣтямъ, и кончаетъ письмо тѣмъ, что князь назначилъ ему 700 рублей въ годъ, а когда сынъ будетъ принятъ въ гимназію, то выдастъ ему столько-же, въ видѣ награды. Отецъ Иванъ навелъ справки, и изъ справокъ этихъ узналъ, что князь Баталинъ — въ полномъ смыслѣ аристократъ, женатъ на графинѣ Ханской, имѣетъ двухъ дочерей и сына, богатъ и съ большими связями какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ. Свѣдѣнія эти даже въ восторгъ привели отца Ивана. Ему только не понравилось, что

въ письмѣ своемъ Асклипіодотъ особенно много говоритъ о какой-то гувернанткѣ, нѣмкѣ, дѣвушкѣ лѣтъ двадцати, которая вызвалась сама обучать его нѣмецкому языку. «Набѣдокуритъ онъ съ этой нѣмкой», думалъ отецъ Иванъ: «голова-то горячая», и тотчасъ написалъ сыну, чтобы онъ держалъ ухо востро, чтобы дорожилъ мѣстомъ, угождалъ-бы князю, прилежнѣе-бы занимался съ своимъ ученикомъ, ибо, если ученикъ этотъ выдержитъ съ успѣхомъ экзаменъ, то князь можетъ многое сдѣлать для него. «Я узналъ»,— прибавилъ онъ: «что князь, человѣкъ сильный, вліятельный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добрый, а такіе люди, для молодыхъ людей, только-что начинающихъ жить, болѣе чѣмъ необходимы. Пусть онъ тебя полюбитъ, и тогда ты смѣло можешь разсчитывать на его высокое покровительство!» Въ концѣ-же концовъ, онъ совѣтуетъ ему уроки нѣмецкаго языка прекратить, ибо, зная его пылкую голову, онъ опасается, какъ-бы уроки эти не пришлись ему слишкомъ дорого и какъ-бы, вмѣсто уроковъ, онъ чего-бы не «набѣдокурилъ»! Прошло лѣто, и отецъ Иванъ опять получилъ письмо отъ сына. Асклипіодотъ пишетъ ему, что дѣло его увѣнчалось полнѣйшимъ успѣхомъ, что его ученикъ блистательно сдалъ экзамены, поступилъ въ 4 классъ 2-й московской гимназіи, и что счастливый князь упросилъ его остаться у него быть репетиторомъ сына, а за то, что сынъ такъ блистательно былъ подготовленъ, назначилъ ему вмѣсто 700 рублей 1000. «Но вы не думайте, что всѣмъ этимъ я обязанъ вашей семинаріи», — прибавлялъ онъ: «нѣтъ, семинарія тутъ ни причемъ... Я много читаю, много работаю, у князя великолѣпная библіотека, и

вотъ что именно послужило мнѣ школой!» Письмо это было прочитано отцомъ Иваномъ чуть-ли не всему уѣзду, покрайней мѣрѣ, встрѣтившись съ кѣмъ-бы то ни было, отецъ Иванъ вынималъ изъ кармана письмо, развертывалъ его и, подавая встрѣтившемуся, говорилъ: «Вотъ, прочтите-ка, что пишетъ мнѣ сынъ!.. А? каково?.. А изъ семинаріи его исключили!.. Вотъ вы судите теперь!...»

Но радость отца Ивана продолжалась не долго, въ концѣ октября онъ получилъ иное извѣстіе, и на этотъ разъ опасенія отца Ивана, относительно нѣмки, оправдались! Асклипіодотъ «набѣдокурилъ»! и набѣдокурилъ такъ неудачно, что вывернуться изъ бѣды не представлялось уже никакой возможности! Оказалось, что Асклипіодотъ перешелъ дорогу старому князю, и, на сколько хлопоты князя были безуспѣшны, на столько успѣвалъ мало-хлопотавшій репетиторъ. Открывъ истину, старый князь упалъ въ обморокъ, а на другой день выгналъ изъ дома и нѣмку, и Асклипіодота; новые Фаустъ и Маргарита остались безъ всякихъ средствъ (разбѣшенный князь не выдалъ имъ даже заслуженнаго жалованья), а потому, весьма естественно, что квартиру они наняли себѣ гдѣ-то на чердакѣ, а существовали на деньги, вырученныя отъ продажи платья. Такъ протянули они мѣсяца три. Наконецъ средства истощились и существовать было нечѣмъ, а между тѣмъ у нихъ родился ребенокъ. Ходилъ было Асклипіодотъ къ князю, думая разжалобить его картиною всѣхъ переносимыхъ имъ мукъ и лишеній, но князь его не принялъ; писалъ Асклипіодотъ ему письма, но и письма остались безъ отвѣта. Всѣхъ этихъ подробностей отецъ Иванъ однако

не зналъ, и только весной онъ получилъ отъ Асклипіодота письмо, въ которомъ тотъ просилъ его о высылкѣ ему трехсотъ рублей. — «У меня есть долги, — писалъ онъ: — съ которыми необходимо расплатиться, а по полученіи денегъ, немедленно пріѣду къ вамъ, въ Рычи. Я слышалъ, что въ нашей земской управѣ скоро освободится мѣсто секретаря. Ты знакомъ съ предсѣдателемъ управы, кажется, онъ даже крестилъ меня, такъ попроси, чтобы онъ не отказалъ мнѣ въ этой должности. Пожалуйста, похлопочи объ этомъ... хочется опять въ провинцію... тамъ и люди добрѣе, и живется легче, да и къ тебѣ я буду поближе... Пожалуйста, похлопочи, и поспѣши высылкою трехсотъ рублей. Послѣ, при свиданіи, я все разскажу тебѣ.

Трехсотъ рублей, однако, отецъ Иванъ сыну не послалъ, а послалъ всего пятьдесятъ, и въ томъ же письмѣ сообщилъ, что въ городъ онъ ѣздилъ, говорилъ о немъ съ предсѣдателемъ управы, и предсѣдатель далъ ему слово, что мѣсто секретаря, которое дѣйствительно скоро освободится, будетъ принадлежать Асклипіодоту.

Недѣли черезъ двѣ пріѣхалъ и Асклипіодотъ одновременно съ Мелиѳиной Петровной. На этотъ разъ онъ пріѣхалъ уже совсѣмъ взрослымъ молодымъ человѣкомъ. Онъ отпустилъ себѣ бородку, носилъ пенсне, роскошные кудрявые волосы закидывалъ назадъ и говорилъ какимъ-то звучнымъ, пѣвучимъ баритономъ. Отецъ Иванъ встрѣтилъ своего «блуднаго сына» на крыльцѣ, обнялъ его и проговорилъ, обратясь къ Веденѣевнѣ: — «Принеси лучшую одежду и одѣнь его, и дай перстень на руку его и обувь на

ноги. Приведи откормленнаго теленка и заколи; станемъ ѣсть и веселиться. Ибо сей сынъ мой былъ мертвъ — и ожилъ, пропадалъ — и нашелся!» Ну, здорово, братъ, здорово!

А старушка Веденѣвна, не обращая вниманія на отца Ивана, глазъ не сводила съ своего любимца, плакала отъ радости свиданья съ нимъ и причитывала:

— Красавчикъ ты мой... Ласковый... Какой-же ты большой выросъ, да молодецъ какой...

И отстранивъ рукой отца Ивана, повисла на шеѣ Асклипіодота.

XXX.

Пока отецъ Иванъ былъ въ Москвѣ, Мелитина Петровна чуть не каждый день навѣщала Асклипіодота. Она проходила прямо въ его комнату и просиживала иногда до поздней ночи. Раза два она обѣдала у Асклипіодота, и старуха Веденѣвна не мало удивлялась развязности манеръ и разговоровъ грачевской барышни. Старушка словно смущалась, глядя на нее, и только покачивала головой. Разъ какъ-то нянька не вытерпѣла и, когда Мелитина Петровна закурила во время обѣда папиросу, замѣтила, что встарину «тахта» не дѣлалось, и что во время обѣда не курить надо, а молитвы читать. Выслушавъ замѣчаніе старушки, Мелитина Петровна весело расхохоталась и объявила, что все это было встарину, и то въ монастыряхъ только, что если обѣдающій будетъ читать молитвы, то останется голоднымъ, а затѣмъ прибавила, что чѣмъ обѣдъ проходитъ веселѣе, тѣмъ легче

совершается пищевареніе, въ виду чего французы даже допускаютъ за обѣдомъ пѣніе веселыхъ куплетовъ.

Нянька выслушала все это недовѣрчиво, а когда Мелитина Петровна ушла, посовѣтовала Асклипіодоту не очень довѣрять барышнѣ.

— Ну ее! — говорила она: — брось ты это знакомство... не по душѣ она мнѣ что-то!..

И какъ Асклипіодотъ ни старался увѣрить Веденѣевну, что Мелитина Петровна, наоборотъ, заслуживаетъ полнаго уваженія, что она женщина вполнѣ добрая, развитая и съ прекраснымъ, любящимъ сердцемъ, старушка осталась все-таки при своемъ мнѣніи, и каждый разъ, когда Мелитина Петровна приходила къ Асклипіодоту, избѣгала встрѣчи съ нею.

Цѣлые дни проводили они вмѣстѣ, и такъ какъ погода стояла все время прекрасная, то много гуляли. Они ходили по лугамъ и полямъ, собирали въ лѣсу грибы... побывали на двухъ сосѣднихъ сельскихъ ярмаркахъ, и Мелитина Петровна не на шутку заинтересовалась ими. Она заходила почти во всѣ лавки, знакомилась съ торгашами, узнавала, откуда они получаютъ товаръ, гдѣ онъ производится, хорошъ-ли сбытъ, богатъ-ли народъ деньгами. Выводы изъ всего слышаннаго она иногда заносила въ свою книжечку. Не пропускала она и ярмарочныхъ балагановъ, и тамъ, сидя среди этой сельской публики, Мелитина Петровна отъ души смѣялась наивности странствующихъ фокусниковъ и акробатовъ. Но разъ она пришла въ ужасъ, когда одинъ изъ акробатовъ, запустивъ себѣ въ носъ двухтесный гвоздь, вытащилъ его оттуда окровавленнымъ. Показывая его публикѣ, фокусникъ пріятно улыбался, но Мелитина Петровна схватила

Асклипіодота за руку и поспѣшила оставить балаганъ. Другой разъ она была поражена слѣдующей сценой. Какой-то пьяный старикъ, лысый, тщедушный, стоя возлѣ воза съ горшками, разбивалъ эти горшки о свой голый черепъ. Толпа народа окружала этого старика, и всякій разъ, какъ горшокъ разлетался вдребезги, ударяясь объ окровавленный черепъ, толпа эта принималась хохотать. Оказалось, что старикъ колотилъ горшки изъ-за денегъ. Купитъ кто-нибудь горшокъ, передаетъ его старику, и тотъ за семикъ продѣлывалъ эту штуку. Возъ былъ раскупленъ быстро, а старикъ, съ окровавленнымъ черепомъ и съ карманомъ, наполненнымъ семиками, отправился въ кабакъ. — «Что за гадость!» — проговорила Мелитина Петровна, и долго, подъ вліяніемъ этого тяжелаго впечатлѣнія, ходила сердито, сдвинувъ брови и ничего не говоря съ Асклипіодотомъ. Не нравился ей этотъ разгулъ пьянаго народа, разгулъ грубый, невѣжественный, неимѣющій ничего общаго съ достоинствомъ человѣка. Она прислушивалась къ пѣснямъ, распѣваемымъ этимъ пьянымъ народомъ, и невольно дивилась, что прежнихъ пѣсенъ, полныхъ поэзіи и тоски, народъ не поетъ уже, а поетъ какія-то глупыя и видимо новѣйшаго произведенія. Слышалось много военныхъ, занесенныхъ солдатами, много грязныхъ, сальныхъ, и не одной хватающей за сердце. Зато пѣсни слѣпыхъ нищихъ поразили ее своею духовною поэзіею. Сидя на землѣ съ чашечками въ рукахъ для сбора подаяній, съ оловянными, вытаращенными глазами, устремленными на солнце, пѣвцы эти, въ тактъ покачиваясь, монотонно распѣвали свои риѳмованныя сказанія и глубоко дѣйствовали на впечатлительную душу

Мелитины Петровны. Однако, въ общемъ, ярмарки эти Мелитинѣ Петровнѣ не понравились. Она опять увидала тамъ торжество кулака, торгаша и кабатчика и ту апатичность народа, которая возмущала ее болѣе всего.

Однажды, придя къ Асклипіодоту, Мелитина Петровна проговорила:

— Я за тобой... Пойдемъ-ка, навѣстимъ одного больнаго... его лачуга отсюда недалеко, рукой подать... Ужь такой-то бѣдненькій!.. семья большущая, а работникъ онъ одинъ... Теперь трава у него такъ и стоитъ нескошенная...

— Ужь не хочешь-ли ты меня косить заставить?..

— Думала, да, пожалуй, только дѣло испортишь!.. Нѣтъ, я мужика наняла, и завтра онъ примется за покосъ. Не хочешь-ли завтра въ луга идти?

— Пойдемъ.

Немного погодя они подходили уже къ покосившейся избушкѣ, въ которой лежалъ больной. Лежалъ онъ безъ памяти, въ переднемъ углу, подъ образами. Маленькіе ребятишки его играли на дворѣ, а сморщенная, хилая жена стирала бѣлье въ корытѣ.

— Ну что, какъ? — спросила ее Мелитина Петровна.

— Все въ одномъ положеніи... Вечо́ръ причастила его...

— А фельдшеръ былъ?

— Нѣтъ, не приходилъ.

Мелитина Петровна посмотрѣла на больнаго, пощупала его голову, пульсъ, и снова обратясь къ женщинѣ, проговорила:

— На счетъ покоса, ты, Агаѳья, не безпокойся; я наняла косца, и завтра онъ явится на работу.

Агаѳья какъ стояла, такъ и упала въ ноги Мелитинѣ Петровнѣ.

— Кормилица ты наша... — заголосила Агаѳья, но Мелитина Петровна не дала докончить. Она быстро подняла женщину на ноги и, объявивъ ей, что не выноситъ подобныхъ поклоновъ, внушила, что кланяться въ ноги не слѣдуетъ никогда, ибо таковые поклоны унижаютъ и оскорбляютъ человѣческое достоинство. Тѣмъ временемъ Асклипіодотъ глазъ не сводилъ съ больнаго и морозъ пробѣгалъ по его жиламъ. И, дѣйствительно, было отъ чего содрогнуться. Больной имѣлъ видъ мертвеца, какъ-будто начинавшаго разлагаться. Впалые, закрытые глаза его были окаймлены какими-то черными кругами, посинѣвшія губы потресканы, стиснутые зубы словно замерли... И ни единаго движенія, ни единаго стона или вздоха... а кругомъ грязь, вонь, духота, мухи, нужда непреодолимая...

— Да онъ умретъ! — чуть не вскрикнулъ Асклипіодотъ, выходя въ сопровожденіи Мелитины Петровны изъ избы.

— Да, минутъ черезъ двадцать, — отвѣтила та: — а знаешь ли, чѣмъ онъ боленъ?

— Чѣмъ?

— Тифомъ.

— И ты не боялась ходить къ нему!..

На слѣдующій день Мелитина Петровна опять зашла къ Асклипіодоту. Она объявила ему, что крестьянинъ, у котораго они были вчера, умеръ и что сейчасъ она была на его выносѣ, и затѣмъ пригласила его въ луга, посмотрѣть, хорошо ли коситъ траву нанятый ею косецъ. Идя подъ руку съ Асклипіодотомъ, она увѣ-

ряла его, что, если бы имѣла состояніе, то по меньшей мѣрѣ, половину раздѣлила бы между бѣдными. При этомъ она не безъ желчи отнеслась къ нашей благотворительности вообще и къ дамской въ особенности. Она разсказала, какъ въ одномъ большомъ приволжскомъ городѣ существуетъ дамскій попечительный комитетъ, который прошлой зимой устроилъ балъ въ пользу бѣдныхъ. Какъ дамы нашили себѣ роскошныхъ платьевъ, причемъ платье одной, выписанное изъ Парижа, стоило девятьсотъ рублей, и какъ отъ бала этого въ пользу бѣдныхъ очистилось только шесть рублей! Всѣхъ этихъ дамъ-патронесъ она обругала пустыми, никуда негодными сороками и выразила свое удивленіе, что общество до сихъ поръ не потеряло вѣру въ столь глупую форму благотворительности.

— А знаешь-ли, что на дняхъ Латухинъ сотворилъ?

— Какой Латухинъ?

— Который былъ управляющимъ у знаменитаго богача Лапина.... Описали скотъ у крестьянъ за неплатежъ податей, а у Латухина было собственныхъ денегъ тысячъ пять, нажитыхъ трудами. Пріѣхали продавать скотъ, пріѣхалъ и Латухинъ, да всю скотину и купилъ, а на другой день взялъ да и роздалъ ее опять крестьянамъ. Вотъ, это—такъ благотворитель! Не чета вашимъ князьямъ да графамъ, снимающимъ кабаки у крестьянъ.

Когда пришли они на лугъ, Мелитина Петровна осмотрѣла произведенную косцомъ работу и, найдя ее крайне небрежною, вышла изъ себя.

— Помилуй, — разсердилась она: — да развѣ такъ ко-

сятъ, посмотри, что у тебя за атава!... Вѣдь ты только половину травы скашиваешь; развѣ такъ высоко можно косить....

И она рѣшилась не уходить съ покоса и лично наблюсти за нанятымъ косцомъ. И, дѣйствительно, вплоть до вечера она пробыла тамъ и добилась-таки хорошей работы.

— Вѣдь ты не для барина, не для купца косишь, а для своего же брата крестьянина, для сиротъ его,— говорила она.—Впрочемъ,—прибавила она:—вы до того всѣ испились и оскотинились, что даже и для себя-то работаете скверно.

И Мелитина Петровна принялась разбирать крестьянское хозяйство и крестьянскіе порядки данной мѣстности. Асклипіодотъ слушалъ и удивлялся, откуда и когда только успѣла она почерпнуть всѣ эти свѣдѣнія. Она знала все. Знала крестьянскіе посѣвы, количество скота, какъ крупнаго, такъ и мелкаго, знала по именамъ всѣхъ бобылей и кулаковъ, сколько за крестьянами недоимокъ, какъ государственныхъ, такъ земскихъ и общественныхъ, изучила порядки волостнаго правленія, волостныхъ сходовъ и волостнаго суда и, изучивъ все это, удивлялась болѣе всего неразвитости крестьянъ.

— Вѣдь, вотъ какіе простофили, — проговорила она. —Съ кабака князя Изюмскаго общество села Рычей получаетъ въ годъ 1200 рублей, за трактиръ 300, за базаръ и лавочки 250 рублей, за складъ графа Пѣтухова 400 рублей, итого 2150 рублей; а когда спросила я, куда дѣваются эти деньги?— никто изъ нихъ не могъ отдать мнѣ отчета. Оказывается, что доходъ этотъ они дѣлятъ между собой поравну, по

мелочи и незамѣтно несутъ его туда же, откуда онъ пришелъ!... Хороши тоже и эти князья и эти графы,— прибавила она, всплеснувъ руками: — драпирующіеся въ княжескія и графскія мантіи и скрывающіе подъ ними штофы и косушки! Хороши слуги отечества!... И чѣмъ же лучше они Колупаевыхъ и Деруновыхъ.

XXXI.

Раза два Асклипіодотъ заходилъ и къ Анфисѣ Ивановнѣ, и оба раза старушка была съ нимъ ласкова, каждый разъ оставляла его обѣдать, а потомъ послѣ обѣда, угощая сластями, расхваливала Мелитину Петровну.

— Ужь такая-то прелестная бабенка, такая-то милая! — говорила она, и потомъ понизивъ голосъ, спрашивала: — Про «тришкинскій-то процессъ» слышалъ?

— Слышалъ, маменька....

— А! Каково обдѣлала-то! Каково! Вѣдь со мной обморокъ сдѣлался, когда мнѣ доложили, что въ острогъ-то меня сажать собирались!... Часа два безъ памяти лежала!... А она, ни слова не говоря, маршъ къ судьѣ и.... и все перевернула по своему!... Ужь такая-то милая!... А? какова! все по своему!... а?... Я очень рада, что ты подружился съ нею....

И потомъ, пригнувшись къ уху Асклипіодота, она прошептала:

— Мужу-то ея на войнѣ и руки и ноги оторвало, самъ писалъ...: Навѣрное умретъ!... вотъ ты и женись.... Славная!...

И ласково, съ улыбочкой посмотрѣвъ на Асклипіодота, — она прибавила:

— Чего улыбаешься.... Я не шутя говорю.... хочешь, свахой буду.... Ты вѣдь тоже славный.... вѣтрогонъ только.... да, вѣдь, это съ лѣтами пройдетъ.... Я вѣдь смолоду тоже не мало куралѣсила, и вотъ прошло время, и кончено.... тю-тю!

— Какъ же онъ писалъ-то, мамашенька, коли ему обѣ руки оторвало?

— Ахъ, Господи Боже мой! Ну другаго попросилъ! А ужь ему не жить.... какъ можно!...

Возвращаясь однажды отъ Анфисы Ивановны поздно вечеромъ и проходя по базарной площади села Рычей, Асклипіодотъ замѣтилъ небольшую толпу крестьянъ, сидѣвшихъ на завалинкѣ кабака.

— Старички, здравствуйте! — крикнулъ имъ Асклипіодотъ, подходя къ нимъ.

— Здорово....

— Что, аль думушку думаете какую?... головы что-то повѣсили!

— Повѣсишь....

— Что, съ похмѣлья чердаки трещатъ?...

— Трещатъ, да не съ похмѣлья! — проговорили мужики.

— Съ чего же это?

— А съ того, что вотъ подушныхъ негдѣ взять... Становой надысь пріѣзжалъ, всю скотину описалъ... а вотъ, скоро опять пріѣдетъ... распродастъ все...

— Хорошенько, васъ олуховъ...

— Ну?

— Пробрать васъ надо, шкуру бы дудкой спустить....

— За что же это? — загалдѣли мужики.

— А за то, что ослы вы....

— Что-то ты больно чудно говоришь, Склипіонъ Иванычъ! — замѣтилъ одинъ изъ мужиковъ.

— Не Склипіонъ я, а Асклипіодотъ! — подхватилъ послѣдній.—Такой святой былъ.... празднуется онъ третьяго іюля, и въ этотъ же знаменитый день умеръ Иванъ Скоропадскій, гетманъ малороссійскій!... Вотъ что, голова съ мозгомъ....

— Тяжелыя времена, что и говорить! Спасибо еще, что въ нынѣшнемъ году хлѣбецъ-то радуетъ, а то хоть душиться, такъ впору, — замѣтилъ одинъ изъ крестьянъ.

— И все-таки не поправимся! — подхватилъ другой. — Ужь очень задолжали сильно. Въ прошломъ году за землю не оправдались, за нынѣшній тоже.... Скотинушку размотали!... Начнутъ подати взыскивать, опосля за землю теребить, ни шиша и не останется....

— А ты не плати! — вскрикнулъ Асклипіодотъ.

— Подати-то? — спросили крестьяне.

— И подати не плати....

— Ну ужь, братъ, отъ податей-то не отдѣлаешься....

— Еще бы!

— Знамо! Вонъ лѣтомъ Свинорыльскіе тоже зартачились было, такъ солдатъ на нихъ выслали цѣлыхъ двѣ роты.... палили въ мужиковъ-то!... да, спасибо, ружья-то однимъ порохомъ заряжены были.... Сколько бы народу положили!...

— А за землю-то и подавно платить надоть! — замѣтилъ другой:— не будешь платить, такъ и земли не дадутъ....

— Еще бы! — проворчалъ Асклипіодотъ: — съ кашей ѣсть будутъ!..

— Не съ кашей, а сами, значитъ, распахивать зачнутъ, собственные свои посѣвы увеличать....

— Извѣстное дѣло! Господа перчатки надѣнутъ, купцы брюха подберутъ, заложутъ сохи и маршъ на загоны!... А вы всѣ въ господа да въ генералы пойдете, ни солдатъ не будетъ — пушечнаго-то мяса значитъ — ни податей некому платить! Что тогда становымъ-то дѣлать!

Мужики захохотали даже.

— И впрямь нечего!

Асклипіодотъ еще разъ обругалъ ихъ дураками, и пошелъ по направленію къ дому.

— Чудакъ! — проговорили мужики вслѣдъ ему.

Но въ это время дверь кабака скрипнула, и на порогѣ показался сидѣлецъ.

— Господа старички!—проговорилъ онъ:—я кабакъ запирать собираюсь, завтра пожалуйте, а теперь домой ступайте, здѣсь сидѣть нельзя....

Мужички кряхтя поднялись и, попрощавшись съ сидѣльцемъ, разошлись по домамъ.

На другое утро, Веденѣвна вошла въ комнату Асклипіодота, когда тотъ лежалъ еще въ постели.

— А я къ тебѣ!... — прошептала она таинственно.

— Что случилось? — спросилъ Асклипіодотъ.

— Брось ты барышню эту.... Не знайся ты съ ней.... Сейчасъ Иванъ Максимовичъ былъ у меня.... Не ладно говоритъ про нее.

— А ты слушай больше....

— Смотри! — проворчала старуха и погрозила пальцемъ.

— Чего смотрѣть-то?...

— А то, что одинъ по льду ходитъ, только ледъ трещитъ, а подъ инымъ проламывается....

Асклипіодотъ повернулся даже.

— Что такое ты городишь! — вскрикнулъ онъ.

— Не нагороди самъ-то!

— Не понимаю я тебя....

— Напрасно....

И подсѣвъ къ Асклипіодоту на постель, она пригнулась къ его уху и принялась что-то шептать.

— Такъ-то, родимый! — проговорила она вслухъ, покончивъ свое таинственное сообщеніе, и вышла изъ комнаты. Минутъ десять пролежалъ Асклипіодотъ въ раздумьѣ, наконецъ вскочилъ, наскоро умылся, одѣлся, схватилъ шляпу и чуть не побѣжалъ по направленію къ деревнѣ Грачевкѣ.

XXXII.

Пріѣхалъ въ тотъ же день и отецъ Иванъ.

Около двухъ недѣль пробылъ онъ въ Москвѣ. Возвратился домой вечеромъ, неожиданно, и засталъ Асклипіодота сидящимъ на крылечкѣ. Тотъ и обрадовался и испугался.

— Батюшка! — вскрикнулъ онъ: — насилу-то! Здоровы-ли?...

И онъ бросился было къ отцу, чтобы обнять его и расцѣловать, но, увидавъ сердитое и недовольное лицо, остановился какъ вкопанный....

Между тѣмъ отецъ Иванъ сопя и кряхтя выгрузился изъ тележки (онъ пріѣхалъ съ желѣзной дороги

на ямской парѣ), какъ-то искоса посмотрѣлъ на сына, снялъ шляпу и, поклонившись ему чуть не до земли, проговорилъ:

— Слава Богу здоровъ-съ! Вашими святыми молитвами съѣздилъ благополучно-съ!.. Привелъ Господь святынямъ московскимъ поклониться!..

У Асклипіодота даже сердце защемило.

— Батюшка! — чуть не вскрикнулъ онъ: — вѣдь это жестоко! вы мнѣ сердце разрываете!.. пожалѣйте же наконецъ...

Но отецъ Иванъ молча отвернулся отъ сына и молча же направился въ домъ. Асклипіодотъ послѣдовалъ за нимъ. Войдя въ залу, отецъ Иванъ даже на образа не помолился (словно и на нихъ разсердился!), пододвинулъ къ окну кресло, сѣлъ на него и принялся смотрѣть на церковь. Асклипіодотъ стоялъ поодаль, опустя голову, и слова не смѣлъ промолвить.

Вошла Веденѣвна радостная, веселая, переваливаясь съ боку на бокъ, и увидавъ отца Ивана, вскрикнула:

— Насилу-то пріѣхалъ, сударикъ! а ужь мы заждались тебя!

И сложивъ набожно руки, подошла подъ благословеніе.

Но отецъ Иванъ словно не видалъ и не слыхалъ ее и продолжалъ упорно смотрѣть на церковь.

— Да ты, что это, сударикъ! — чуть не вскрикнула, наконецъ, Веденѣвна:—аль въ Москвѣ-то благословлять разучился!

Отецъ Иванъ благословилъ старуху.

— Ну, вотъ такъ-то лучше будетъ! — проговорила она, принявъ благословеніе и поцѣловавъ руку отца Ивана, а затѣмъ, присѣвъ рядомъ съ нимъ, прибавила:

— А теперь разсказывай, хорошо ли съѣздилъ, здоровъ ли?

— Здоровъ! — проворчалъ отецъ Иванъ: — только вотъ спину разогнуть не могу.

— Еще бы! въ твои-то лѣта, да такую путину обломать! Ну, да спина — плёвое дѣло!.. Сходи въ баньку, попарься, перцовкой натрись — и все какъ рукой сниметъ!..

Отца Ивана словно кольнулъ кто.

— Нѣтъ ужь, покорно благодарю-съ! — проговорилъ онъ: — самимъ неугодно ли! а меня и въ Москвѣ достаточно и напарили и натерли-съ.

— Ну и слава тебѣ Господи, коли московской баньки попробовалъ!

— Попробовалъ-съ.

— А у Сергія-то преподобнаго былъ что ли?

— Нѣтъ-съ.

— Что такъ?

— Денегъ не хватило-съ.

— Ах ты, батюшка, Царь небесный! Куда жь это ты размоталъ-то ихъ!.. ужь не въ карты ли продулъ?.. Вѣдь я видѣла, какъ ты бумажникъ-то въ карманъ совалъ... толстый, растолстый былъ, насилу втискалъ въ штаны-то!..

Отца Ивана передернуло даже. Быстро отворотилъ онъ фалду полукафтанья, вынулъ тощій сафьянный бумажникъ и, похлопавъ по немъ рукой, чуть не вскрикнулъ:

— А теперь онъ вотъ какой-съ!

— Владычица пресвятая! — ахнула старуха, всплеснувъ руками: — тощѣй блина поминальнаго... Неужто все въ карты продулъ?

— Мои денежки! собственнымъ пóтомъ и кровью нажиты... вотъ этими самыми руками выработаны... такъ, значитъ, куда хочу, туда и дѣваю...

— Въ Москвѣ-то, по крайности, поклонился ли мощамъ-то святымъ?

— Поклонился.

— Петру, Іонѣ и Филиппу... вѣдь, почитай, кажинный день поминаемъ ихъ... У Матушки, у Иверской былъ ли?

— Вездѣ побывалъ.

— Ну, слава тебѣ Господи, — проговорила старушка, набожно крестясь. — Спасибо, хоть этихъ-то вспомнилъ.

И помолчавъ немного, она спросила:

— Ну, чѣмъ же прикажешь просить тебя съ дорожки-то: — чайкомъ, аль водочкой что ли?

— Что, аль самой выпить захотѣлось?

Старуха плюнула даже.

— Господь съ тобой, батюшка... когда же это я сроду водку-то твою пила! опомнись...

— Ну, такъ чаю давай! — словно огрызнулся отецъ Иванъ и снова принялся смотрѣть на церковь, не обращая вниманія на Асклипіодота, все еще стоявшаго съ поникшей головой.

— Батюшка! — проговорилъ, наконецъ, Асклипіодотъ, когда Веденѣвна вышла изъ комнаты: — что же вы мнѣ-то ничего не скажете!..

— Извольте, скажу!.. — крикнулъ отецъ Иванъ и, подумавъ немного, проговорилъ: — вамъ господинъ Скворцовъ кланяться приказалъ.

— Знаю я, что вы къ нему ѣздили, слышалъ отъ

людей намеками, но мнѣ хотѣлось бы отъ васъ слышать теперь... покончилось ли это дѣло, или нѣтъ?

— Безстыжіе глаза твои! вотъ что! — крикнулъ отецъ Иванъ и, вдругъ вскочивъ съ кресла, принялся ходить по комнатѣ.

Какъ ни была гнѣвно брошена послѣдняя фраза, а все же Асклиніодотъ уловилъ въ ней добрую, любящую нотку. Одно то уже, что въ фразѣ этой отецъ Иванъ произнесъ *ты*, словно ободрило молодаго человѣка.

— Батюшка! — проговорилъ онъ уже болѣе звучнымъ голосомъ: — я и безъ васъ знаю, что поступокъ мой скверенъ... Но, выслушайте же меня. Лицевая сторона дѣла этого вамъ извѣстна, она гаже гадкаго!.. Но позвольте же показать вамъ изнанку. Вамъ извѣстно, что я встрѣтился съ дѣвушкою, которую полюбилъ и которая родила отъ меня ребенка. По моей винѣ эта дѣвушка была выгнана изъ дома, въ которомъ жила. Пока были у насъ деньги, мы имѣли еще теплый уголъ, имѣли кусокъ хлѣба и даже изрѣдка позволяли себѣ маленькія развлеченія и удовольствія. Но деньги подходили къ концу, и изъ теплаго угла пришлось переселиться въ сырой и холодный подвалъ. Въ этомъ-то подвалѣ дѣвушка родила ребенка, ребенокъ захворалъ. Требовалось лекарство и докторъ, а денегъ даже на хлѣбъ не хватало!.. Въ эту-то критическую минуту я просилъ васъ о высылкѣ мнѣ денегъ. Я понимаю, батюшка, очень хорошо, что письмо это могло раздражить васъ, что вы были вправѣ отказать мнѣ, но тѣмъ не менѣе деньги были необходимы! И денегъ требовалось не десять, не пятнадцать рублей, а гораздо больше. Въ это самое время

у Скворцова была пирушка; мы изрядно подпили. Въ чаду этого-то хмѣля я увидалъ въ ящикѣ письменнаго стола толстую пачку денегъ и въ ту же минуту мнѣ пришла мысль воспользоваться случаемъ. Такъ я и сдѣлалъ. Когда всѣ вышли изъ комнаты, я взялъ пачку и вынулъ изъ нея двѣ, только двѣ радужныхъ, хотя ихъ было тамъ гораздо больше, и передалъ по назначенію. Я думалъ тогда, что я возвращу ему взятое, что я выпрошу у васъ денегъ, но вышло не такъ. Схоронивъ ребенка и отправивъ на родину мать, я пріѣхалъ сюда и каждый день собирался открыть вамъ все случившееся со мною... Но языкъ не поворачивался... Я откладывалъ со дня на день... Наконецъ, я рѣшился и открылъ все, но только опять таки не вамъ, а Скворцову. Я написалъ ему длинное письмо и въ письмѣ этомъ сознался, что деньги были взяты мною; вѣдь онъ даже и не подозрѣвалъ меня! и затѣмъ просилъ подождать нѣкоторое время возвращенія этихъ денегъ. Остальное вамъ извѣстно. Теперь какъ хотите, такъ и судите меня, но прошу васъ, не мучьте только, и скажите мнѣ, какъ покончили вы съ Скворцовымъ?

— Очень просто! — крикнулъ отецъ Иванъ, продолжая шагать изъ угла въ уголъ:—очень просто! Вмѣсто двухсотъ, отдалъ ему шестьсотъ, и взялъ отъ него заявленіе, что деньги нашлись, и что обвиненіе онъ беретъ назадъ.

— Неужели шестьсотъ?

— Кромѣ неоднократныхъ обѣдовъ и угощеній!.. И все-таки дѣло не кончилось!

— Какъ-же это?

— Говорятъ, что обвиненіе должно быть разо-

брано... Завтра къ становому поѣду, съ нимъ посовѣтуюсь...

— А вы-то, батюшка, простите что-ли меня! — чуть не вскрикнулъ Асклипіодотъ.

Но отецъ Иванъ ничего не отвѣтилъ, да и не могъ, ибо въ это самое время въ комнату вошла Веденѣвна съ подносомъ, на которомъ стояло два стакана чаю и граненый графинчикъ съ ямайскимъ ромомъ.

— На-ка, покушай-ка, можетъ и отойдетъ немного хворь-то твоя, какъ чайку-то съ ромкомъ выпьешь! — проговорила старуха.

Отецъ Иванъ выпилъ нѣсколько стакановъ, и если хворь его не прошла отъ чаю, то расположеніе его духа значительно измѣнилось. Онъ сдѣлался видимо добрѣе, разговорчивѣе, и даже разсказалъ старухѣ, какъ осматривалъ онъ царь-пушку и какъ лазилъ на Ивана великаго. А когда, напившись чаю и осмотрѣвъ все свое хозяйство, своихъ лошадей, пригнанныхъ овецъ и коровъ, и найдя все въ надлежащемъ порядкѣ, возвратился снова домой, то отецъ Иванъ и подавно повеселѣлъ. Асклипіодотъ воспользовался этой минутой и, подсѣвъ къ отцу, проговорилъ:

— А у насъ здѣсь новость, батюшка!

— Какая это?

— «Общество» составилось...

— Ужь не трезвости-ли? — спросилъ отецъ Иванъ.

— Нѣтъ-съ. «Общество ревнителей къ пополненію естественной исторіи вообще и къ поимкѣ грачевскаго крокодила въ особенности.»

— Ты-то чѣмъ-же въ этомъ обществѣ?

— Я — ничѣмъ.

— Напрасно. Кто-же устроилъ это общество?

— Знаменскій. Все бреднями по рѣкѣ бродятъ. Сегодня я посылалъ къ нимъ за рыбой; цѣлое ведро окуней принесли. Не прикажете-ли уху сварить?

Отецъ Иванъ разсмѣялся даже.

— А крокодила-то поймали? — спросилъ онъ.

— Теперь уже два оказывается.

— Какъ два?

— Двухъ видѣли, самца и самку, въ саду Анфисы Ивановны. Всѣ эти дни яйца искали; всю малину и всю смородину поломали.

Отецъ Иванъ разсмѣялся снова.

Послѣ ужина, за которымъ была подана между прочимъ и уха изъ окуней, присланныхъ «обществомъ ревнителей», отецъ Иванъ повеселѣлъ окончательно. Прощаясь съ сыномъ, онъ поцѣловалъ его въ голову и перекрестилъ, а немного погодя, утомленный дорогой, заснулъ богатырскимъ сномъ.

Однако, часовъ въ семь утра, онъ былъ уже на ногахъ, и снова обойдя все свое хозяйство, приказалъ работнику заложить тележку, съ тѣмъ, чтобы послѣ чаю, ѣхать къ становому. Такъ онъ и сдѣлалъ, и часовъ въ девять утра отецъ Иванъ катилъ уже на своей лихой парочкѣ по дорогѣ, ведущей къ становому.

XXXIII.

Становой Дуботолковъ принялъ отца Ивана чуть не съ распростертыми объятіями. Онъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Угрюмое и нахмуренное лицо его сіяло довольствомъ, толстыя губы весело улыбались, а вѣчно сердитые глаза блестѣли какимъ-то

самымъ добродушнымъ блескомъ. Завидѣвъ отца Ивана, онъ даже выбѣжалъ на крыльцо и заранѣе растопырилъ руки для объятій.

— Говори: слава Богу! — крикнулъ онъ.

Отецъ Иванъ вылѣзъ изъ тележки, и въ ту-же минуту почувствовалъ себя въ могучихъ объятіяхъ становаго.

— Говори: слава Богу.

— Да что такое?

— Говори...

— Ты объясни прежде.

— Не отстану! — говори...

— Говори, говори! — передразнилъ его отецъ Иванъ, однако тутъ-же исполнилъ желаніе становаго.

— А теперь пойдемъ въ кабинетъ, и я тебѣ все разскажу...

И схвативъ отца Ивана за руку, онъ потащилъ его въ домъ. Когда они очутились въ кабинетѣ, становой усадилъ своего бывшаго коллегу въ кресло, усѣлся рядомъ съ нимъ и, пригнувшись къ уху, прошепталъ едва слышно:

— Наклевываются!

— Кто? — спросилъ отецъ Иванъ.

— Они.

— Да кто они-то?

— За кого награды-то выдаютъ!

И вдругъ вскочивъ со стула, онъ ринулся къ письменному столу, торопливо отперъ ящикъ и, вынувъ какую-то брошюрку, торжественно поднялъ ее кверху.

— Вотъ она! вотъ она! — шепталъ онъ захлебываясь: — вотъ она, матушка! вотъ она, родимая!..

И поднеся брошюрку чуть не подъ носъ отцу Ивану, прибавилъ:

— Прочти-ка!

Отецъ Иванъ прищурилъ глаза, прочиталъ заглавіе, и остолбенѣлъ.

— Каково?!

— Откуда-же это? — спросилъ отецъ Иванъ.

— Богъ послалъ!

— Ты шутишь все...

— Нѣтъ, не шучу, братъ!

И снова понизивъ голосъ, прибавилъ:

— А коли проявились у насъ эти книжонки, значитъ, проявились и *они*. Теперь у меня сыщики по всему стану разсыпаны! Кишатъ какъ муравьи въ муравейникѣ, какъ гончія собаки по лѣсу, какъ пчелы въ ульѣ... по деревнямъ, по селамъ, по хуторамъ, по базарамъ, по трактирамъ, по церквамъ даже — всюду разсыпались!

А отецъ Иванъ сидѣлъ задумавшись, опустя голову, и словно не слушалъ расходившагося становаго.

— Вотъ это такъ дѣло! — восклицалъ между тѣмъ становой, потирая руки.

— Однако ты все-таки не сообщилъ мнѣ: откуда-же именно добылъ ты эту книжонку? — спросилъ наконецъ отецъ Иванъ.

— Въ Путиловѣ, братецъ, въ селѣ Путиловѣ, на базарѣ.

— Какъ! продавали? — чуть не вскрикнулъ батюшка. А становой подскочилъ къ нему и, закрывъ ему ротъ ладонью, прошепталъ:

— Что ты, съ ума спятилъ! Тише!

— Да вѣдь здѣсь же нѣтъ никого.

— А окна, а двери, а ты, а я! Теперь я самого себя боюсь... Ложусь спать, такъ всѣ двери запираю, всѣ окна закупориваю — чтобы во снѣ не сбрехнуть!.. Запирай и ты.

— На кого-же подозрѣніе-то падаетъ?

— Пока ни на кого еще!.. Брошюрка, братецъ ты мой, была подброшена во время базара на площадь, и поднята однимъ мужикомъ. Мужикъ былъ неграмотный, встрѣтился ему писарь волостной, онъ и показалъ ему книжонку, а писарь какъ прочиталъ, такъ въ ту-же секунду ко мнѣ. Теперь оба они, и мужикъ, и писарь подъ арестомъ сидятъ, подъ строжайшимъ карауломъ!

— Ихъ-то за что-же?

— А чтобы не разболтали!

И перемѣнивъ тонъ, прибавилъ:

— Позавтракаю, и тотчасъ въ Путилово...

— Зачѣмъ?

— Причуивать, разнюхивать... Ужь я донесъ и прокурору, и исправнику, и жандармскому...

— Да, грустно, — замѣтилъ отецъ Иванъ.—Вѣдь Путилово-то всего въ пяти верстахъ отъ Рычей... Однако,— прибавилъ онъ, немного помолчавъ и поднимая опущенную голову:—у всякаго с вои заботы! У тебя свои, а у меня свои! Вѣдь я по дѣлу къ тебѣ пріѣхалъ...

— Ахъ, да! — вскрикнулъ становой, ударивъ себя по лбу.—Про тебя-то я забылъ совсѣмъ! Ну что, съѣздилъ въ Москву-то?

— Съѣздилъ!

— Что-же, удачно?

— Въ томъ-то и дѣло, что не совсѣмъ...

— Почему-же?

— Не знаю. Скворцовъ взялъ съ меня деньги, подписалъ составленное тобою заявленіе къ мировому, а мировой не принимаетъ его въ резонъ...

— Какъ такъ! вѣдь въ заявленіи сказано-же, что деньги нашлись, что подозрѣніе, падавшее на твоего сына, не имѣетъ основанія, и что Скворцовъ, наконецъ, проситъ о прекращеніи дѣла.

— Да, все это сказано!.. Скворцовъ даже лично къ мировому ѣздилъ, а мировой говоритъ, что все-таки дѣло безъ разбора нельзя покончить, что заявленіе необходимо провѣрить на судѣ, ибо дѣло это не гражданское, а уголовное.

Становой задумался, прошелся раза два по комнатѣ, и затѣмъ остановившись, проговорилъ:

— А вѣдь пожалуй, что и такъ! Какъ-же быть-то?

— Иными путями хочу! — проговорилъ отецъ Иванъ.

— А именно?

— Оказывается, что судья родной братъ нашему прокурору.

— Ну?

— Хочу его просить, чтобы онъ замолвилъ за меня словечко.

— А ты знакомъ съ нимъ?

— Съ нимъ-то я незнакомъ, но вѣдь онъ другъ и пріятель предводителя... Такъ вотъ я и хочу ѣхать къ Анфисѣ Ивановнѣ и попросить ее переговорить съ предводителемъ, кстати, теперь онъ у себя въ имѣніи живетъ. Предводитель, конечно, уважитъ старуху, и не откажется повліять на прокурора, а прокуроръ на брата. Вотъ я и пріѣхалъ съ тобой посовѣтоваться! Одобришь-ли ты мой планъ?

Становой хотѣлъ былъ отвѣтить что-то, но, услыхавъ въ сосѣдней комнатѣ стукъ ножей и тарелокъ и звонъ стекляной посуды, подхватилъ отца Ивана подъ руку и проговорилъ:

— Чу! завтракъ подали! Пойдемъ-ка выпьемъ да закусимъ!.. Авось за завтракомъ-то лучше придумаемъ, какъ быть и что дѣлать.

И оба они оставили кабинетъ, и перешли въ залу. Завтракъ былъ дѣйствительно поданъ. Становой «долбонулъ» квасной стаканъ водки, отецъ Иванъ двѣ рюмки, и пріятели принялись за ѣду.

— Эй, ты, рыло свиное! — крикнулъ вдругъ становой, обращаясь къ двери. Дверь мгновенно распахнулась, и въ ней показался разсыльный. Словно кукушка на часахъ, выскочилъ онъ и сталъ какъ вкопанный. — Лошадей закладываютъ?

— Такъ точно, вашескородіе.

— Хорéкъ ѣдетъ?

— Такъ точно, вашескородіе.

— Скажи, чтобы поскорѣй запрягали.

— Слушаю, вашескородіе.

— А теперь исчéзни!

Разсыльный изчезъ опять-таки, какъ исчезаетъ кукушка, а отецъ Иванъ и становой принялись за ѣду и за обсужденіе Асклипіодотовскаго дѣла. Къ концу завтрака они порѣшили, что такъ какъ ни въ одномъ серьезномъ дѣлѣ невозможно обойтись безъ барыни, то и въ данномъ случаѣ слѣдуетъ ѣхать къ Анфисѣ Ивановнѣ и просить ея содѣйствія. Въ это самое время у крыльца послышался стукъ подъѣхавшаго экипажа, звонъ колокольчиковъ, громыханіе бубенцовъ, и становой, заглянувъ въ окно, вскрикнулъ:

— А! вотъ и лошади поданы!

И быстро вскочивъ съ мѣста, бросился въ кабинетъ.

— А знаешь-ли, что я придумалъ! — проговорилъ онъ, возвращаясь въ залу съ портфелемъ подъ мышкой, въ шинели и въ кепи на головѣ.—Вѣдь въ Рычи-то тебѣ черезъ Путилово ѣхать... Поѣдемъ-ка со мной. До Путилова поболтаемъ дорогой, а въ Путиловѣ ты можешь пересѣсть на своихъ лошадей и слѣдовать дальше!.. Тамъ ужь недалеко... Ну, говори, ѣдешь что-ли?

— А какъ мои лошади за ямскими-то не поспѣютъ! — возразилъ отецъ Иванъ.

— Охъ, ужь разсказывай!.. Будетъ тебѣ сиротой-то прикидываться!.. Точно я лошадей твоихъ не знаю!

— Да вѣдь и я знаю, какова тройка у Хорька!

— Ну, нечего зубы-то заговаривать! Ѣдемъ!

— Пожалуй! — проговорилъ отецъ Иванъ нехотя, и взялъ свою шляпу.

Когда они вышли на крыльцо, экипажи были уже поданы. Впереди стоялъ тарантасъ становаго, а сзади тележка отца Ивана.

— А! пріятель, здорово! — крикнулъ отецъ Иванъ Хорьку, кивнувъ головой и бросивъ взглядъ на тройку.

— Здравствуйте, батюшка! — проговорилъ тотъ.

— Что? Все лопоухій въ корню-то бѣгаетъ?

— Все онъ, батюшка.

— Добрый конь, выносливый...

— Нѣтъ, у васъ вотъ такъ лошадки! Не велички, а съ огонькомъ.

— Чего тамъ! Одры, такъ онѣ одры и есть! —

проговорилъ отецъ Иванъ, польщенный похвалою Хорька, садясь въ тарантасъ рядомъ съ становымъ.

— Трогай!

XXXIV.

Хорёкъ подобралъ возжи, осторожно выѣхалъ со двора, чтобы не зацѣпить за вереи колесами, поворотилъ направо, свистнулъ сквозь зубы и легонькой рысцой покатилъ по улицѣ села. Отецъ Иванъ, перекидываясь то направо, то налѣво, глазъ не сводилъ съ лихой тройки и, любуясь ею, даже облизывался какъ-то, словно и не вѣсть какую сласть во рту держалъ.

Выѣхавъ изъ села, они спустились въ лощинку, переѣхали мостикъ, и только было вылетѣли на гору, какъ увидали впереди какую-то жирно раскормленную тройку, едва тащившую ноги по гладкой полевой дорогѣ. Отецъ Иванъ первый увидалъ ее.

— Ну,— проговорилъ онъ: — кто-то намъ на встрѣчу ѣдетъ!

— Ужь не ко мнѣ-ли! — вскрикнулъ становой.— Бѣда, какъ задержатъ!..—И обратясь къ Хорьку, спросилъ: не знаешь, кто это?

— Не разгляжу что-то, Аркадій Өедоровичъ; далеко еще...

Но отецъ Иванъ перебилъ Хорька.

— А я такъ разглядѣлъ! — проговорилъ онъ:—лошади знакомыя...

— Чьи?

— Анфисы Ивановны.

— Быть не можетъ!

— Ея.

— Неужто она сама ѣдетъ.

— Кто ѣдетъ—не разгляжу еще, а лошади ея, вонъ и Абакумъ на козлахъ.

— Господи! Неужели она!—засуетился становой.— Ужь не ко мнѣ-ли насчетъ моста. Чуръ меня, чуръ меня! — бормоталъ становой, крестясь и отплевываясь.—Я спрячусь, ей-ей спрячусь...

И быстро сбросивъ съ себя шинель, онъ укрылся ею съ головой. Но опасенія становаго оказались напрасными, ибо, только-что онъ успѣлъ спрятаться, какъ отецъ Иванъ, продолжавшій пристально всматриваться въ тройку, вдругъ вскрикнулъ:

— Успокойся! не она это, а Мелитина Петровна!

Услыхавъ, что ѣхавшая имъ на встрѣчу была не Анфиса Ивановна, а ея племянница, становой быстро выскочилъ изъ-подъ шинели и принялся хохотать во все могучее свое горло.

— Вотъ такъ штука!—кричалъ онъ.—Сама полиція струсила!..

И онъ продолжалъ хохотать даже и въ то время, когда обѣ тройки остановились, поравнявшись между собой.

— Что это вы хохочете? — крикнула Мелитина Петровна, не сходя съ дрогъ: — ужь не надъ моимъ-ли экипажемъ?

Становой взглянулъ на экипажъ, и увидавъ высокія и длинныя дроги, на которыхъ Мелитина Петровна имѣла видъ воробья, сидѣвшаго на крышѣ, и кучера Абакума, преспокойно набивавшаго себѣ носъ табакомъ, захохоталъ еще пуще.

— Чего онъ хохочетъ? — спросила Мелитина Петровна отца Ивана.

— Съ радости, сударыня, съ радости.

— Съ какой это?

— Думалъ, что Анфиса Ивановна ѣдетъ, и испугался, а когда увидалъ, что это вы, то обрадовался.

— Послушайте-ка вы, веселый человѣкъ! — проговорила Мелитина Петровна, подбѣгая къ тарантасу и толкая становаго за плечо: — будетъ вамъ хохотать! Я къ вамъ...

— Ко мнѣ? — вскрикнулъ становой: — виноватъ, некогда...

— По очень важному дѣлу! — перебила его Мелитина Петровна.

— Что такое? — спросилъ становой. И вдругъ словно окаменѣлъ и насторожилъ уши.

— Ходатаемъ являюсь...

— За кого?

— За рычевскихъ крестьянъ. Вы у нихъ весь скотъ описали, дали двѣ недѣли сроку... Завтра срокъ этотъ истекаетъ, слѣдовательно, завтра вы являетесь въ Рычи и распродаете скотъ.

— Распродаю.

— Послушайте, голубчикъ, не дѣлайте этого.

— А подати?!.. Нѣтъ, этого невозможно!..

— Вы выслушайте.

— Не могу-съ! Я глохну, когда дѣло касается податей; я слѣпну, нѣмѣю... и перестаю быть человѣкомъ.

— Да вы не горячитесь. Черезъ недѣлю они получатъ арендную плату съ кабака кн. Изюмскаго, со склада графа Пѣтухова, съ лавочника, съ трактир-

щика, и деньги вамъ внесутъ, но только не завтра, а черезъ недѣлю.

— Что-же они молчали, подлецы! — крикнулъ становой, мгновенно, какъ порохъ, вспыхнувъ отъ гнѣва.

— Фи! какъ вы ругаетесь! — перебила Мелитина Петровна, и даже слегка ударила его зонтикомъ.

— Какъ-же не ругаться-то! За что-же они, скоты, цѣлый-то день промучили меня. Вѣдь я охрипъ съ ними! Ахъ, подлецы! ахъ, мерзавцы!

— Видно, что стараго лѣса кочерга! — подшутила Мелитина Петровна.

— Стараго, сударыня, стараго! Скажи они мнѣ тогда-же, что у нихъ предвидится аренда, я-бы наложилъ на нее арестъ, и шабашъ! А вѣдь они, скоты, цѣлый день заставили меня орать!..

— Такъ это возможно?

— Конечно возможно!

— Спасибо вамъ. Такъ я, значитъ, поѣду и успокою ихъ...

Становой даже руками всплеснулъ.

— Господи! Что за наивность! — вскрикнулъ онъ: — охъ, ужь эти мнѣ сантиментальныя барышни! Слышите: успокою! ха, ха, ха!

И перемѣнивъ тонъ, онъ спросилъ съ досадой:

— Такъ неужели-же вы думаете, что они, подлецы эти, безпокоятся о чемъ-либо!..

— Конечно...

— О, идилія! о, поэзія!..

— Если-бы не безпокоились, не поймали-бы меня среди улицы...

— Охъ, ужь эти мнѣ барышни.

— Не стали-бы просить меня...

— Не стали-бы, конечно! А ужъ этому рычевскому старшинѣ, вы меня извините, я морду попорчу...

Но, вдругъ что-то вспомнивъ, становой засуетился, накинулъ на плечо шинель и заговорилъ торопливо:

— Однако я съ вами заболтался!.. Извините, но... мнѣ ѣхать надо; извините, до свиданья...

— Вы куда теперь?

— Въ Путилово... дѣло важное, не терпящее отлагательствъ.

— Небось, подати опять?

— Нѣтъ-съ, поважнѣе...

— Ну, мертвое тѣло...

— Нѣтъ-съ, это не мертвое.

И вдругъ, пригнувшись къ уху Мелитины Петровны, онъ принялся ей что-то шептать.

— Вотъ какъ! — протянула та.

— Н-да-съ, вотъ-съ мы какъ-съ! на европейскій манеръ!..

И онъ даже подмигнулъ глазомъ.

— Что-же вы намѣрены дѣлать?

— Пронюхивать, а потомъ хапать!

— А вы куда, отецъ Иванъ? — спросила вдругъ Мелитина Петровна, обращаясь къ священнику.

— Ко дворамъ, сударыня...

— Это ваши лошади, сзади?

— Мои-съ.

— Знаете что! — проговорила она какъ-то особенно быстро.—Лошади Анфисы Ивановны такъ дряхлы, что я никогда не доѣду на нихъ... а у меня тоже «спѣшное дѣло есть, не требующее отлагательствъ», — передразнила она становаго.—Поэтому, позвольте мнѣ сѣсть

въ вашу тележку... вѣдь вамъ мимо Грачевки-то ѣхать!..

— Въ такомъ случаѣ, со мной садитесь! — перебилъ ее становой.—Я довезу васъ до Путилова, а въ Путиловѣ пересядете къ отцу Ивану.

— Мнѣ все равно... Только гдѣ-же я сяду?..

— Рядомъ со мной, а «батяй» на своихъ поѣдетъ!

Немного погодя, Мелитина Петровна сидѣла уже рядомъ съ становымъ, а отецъ Иванъ—въ своей тележкѣ. Абакуму было приказано ѣхать домой.

— Ну, Хорéкъ! — говорилъ становой, когда поѣздъ тронулся:—прокатишь что-ли?

— Извольте, Аркадій Ѳедоровичъ...

— Такъ, чтобы духъ замиралъ...

— Можно-съ! Только надо подождать, когда на степь выѣдемъ!..

Хорéкъ подобралъ возжи, качнулся направо, качнулся налѣво, свистнулъ сквозь зубы, и пустилъ тройку крупной рысью. Хотя отца Ивана и обдавало пылью изъ-подъ тарантаса становаго, но онъ все-таки не отставалъ. Такъ проѣхали они съ версту. Наконецъ, поля окончились, и началась степь. Словно скатертью раскидывалась она на далекое пространство, ровная, гладкая, безпредѣльная... Трава была уже скошена, и сметали въ стога. Молодая атава изумруднымъ бархатомъ покрывала степь... въ воздухѣ кружились ястреба, а солнце между тѣмъ такъ и проливало свои лучи на все окружающее. Выѣхали наши путешественники на степь, и словно духомъ воспряли! Хорéкъ свистнулъ, повелъ возжами, и тройка понеслась маршъ-маршемъ. Она мчалась, вздымая облака пыли,

но не дремалъ и отецъ Иванъ... кровь закипѣла въ немъ, онъ выхватилъ возжи изъ рукъ батрака, сталъ стоймя въ тележкѣ, ахнулъ, гикнулъ, и не прошло пяти минутъ, какъ вылетѣлъ изъ-за тарантаса, и поровнявшись съ нимъ, полетѣлъ рядомъ. Онъ стоялъ, немного запрокинувшись назадъ, выставивъ впередъ правую ногу, вытянувъ обѣ руки... волосы и борода развѣвались по вѣтру, фалды полукафтанья тоже, а лошади летѣли все шибче и шибче, закусивъ удила, разметавъ гривы, приложивъ уши...

— У волости подожду, — крикнулъ онъ Мелитинѣ Петровнѣ. И вдругъ, опустивъ возжи, разомъ обогналъ тройку Хорька и, вылетѣвъ впередъ, понесся быстрѣе вѣтра вольнаго!..

Какъ ни мчался Хорёкъ, какъ ни метался на козлахъ, какъ ни рвался впередъ, а все-таки остался позади. А Мелитина Петровна сидѣла сдвинувъ брови, погруженная въ думу, и словно не замѣчала всей этой страстной борьбы!..

XXXV.

Въ тотъ-же день, вечеромъ, отецъ Иванъ позвалъ къ себѣ рычевскую просвирню, Авдотью Гавриловну.

— Какъ-бы ты мнѣ просфору испекла,— говорилъ онъ:—только не такую, какія пекутся у насъ, а большущую...

— Какъ у Сергія преподобнаго! — перебила его просвирня.

— Вотъ, вотъ!

— Что-же, это ничего, можно, батюшка.

— Только ты займись этимъ дѣломъ сегодня-же, потому что завтра просфора эта мнѣ въ обѣдню спонадобится...

— Слушаю-съ.

— И нельзя-ли испечь ее изъ самой лучшей муки.

— У меня немножко картофельной муки осталось, такъ я изъ нея и испеку; какъ разъ подъ лаврскую подойдетъ.

— Вотъ это-то мнѣ и требуется!

— Слушаю-съ, испеку...

Просвирня вышла, а отецъ Иванъ, пройдясь раза два по комнатѣ, развелъ руками и проговорилъ: «Что-же дѣлать! хотя и не настоящая лаврская просфора будетъ, а все-таки скажу, что изъ лавры привезъ, что заздравная, о здравіи ея вынимать подавалъ... Старухѣ будетъ это пріятно, а просфора — все просфора, гдѣ-бы испечена ни была!»

На слѣдующій день, отецъ Иванъ всталъ ранешенько, отслужилъ заутреню и обѣдню, за проскомидіей, вынулъ изъ большущей просфоры частицу за здравіе рабы Божьей Анфисы, просфору эту тщательно завернулъ въ бумажку, и пошелъ домой пить чай. Асклипіодотъ все еще спалъ. Напившись чаю, отецъ Иванъ позвалъ Веденѣвну и вмѣстѣ съ нею отправился въ погребицу и въ кладовую. Изъ погребицы онъ собственными своими руками вытащилъ маленькую липовую кадочку съ превосходнымъ сотовымъ медомъ, а изъ кладовой—красивую коробочку пастилы, которую, во время поѣздки своей въ Москву, онъ купилъ на станціи Коломна. Все это отецъ Иванъ порѣшилъ отвезти въ даръ Анфисѣ Ивановнѣ. Внеся кадушечку въ комнату, онъ тщательно пересмотрѣлъ

соты, полюбовался гнѣздившимся въ нихъ медомъ, выкинулъ мертвыхъ пчелъ, затѣмъ, аппетитно облизавъ пальцы, прикрылъ соты громадными листьями лопуха и увязалъ кадочку чистымъ полотенцемъ. Кадушечка съ медомъ, коломенская пастила и лаврская просфора поселили въ отцѣ Иванѣ увѣренность, что при видѣ всего этого Анфиса Ивановна всенепремѣнно придетъ въ умиленіе и ужъ никоимъ образомъ не откажется отъ поѣздки къ предводителю. Таковая увѣренность настолько благотворно подѣйствовала на отца Ивана, что поступокъ сына казался ему уже не столь позорнымъ, каковымъ казался прежде. «И въ самомъ дѣлѣ,» разсуждалъ онъ: «чѣмъ-же особенно позоренъ данный поступокъ? Деньги взялъ онъ не для себя, а для несчастной женщины, самъ открылъ это Скворцову, далъ слово, при первой же возможности, возвратить взятое... гдѣ-же тутъ кража?! Не правильнѣе-ли проступокъ этотъ назвать просто-напросто, легкомысліемъ юноши, у котораго въ головѣ не пересталъ еще крутить вѣтеръ. Вотъ, напримѣръ, разграбленіе банковъ, лихоимство, это дѣло десятое! Это дѣйствительно позоръ!»

Вспомнивъ исторію банка, а одновременно съ тѣмъ и обанкротившагося купца, отецъ Иванъ окончательно уже примирился съ поступкомъ сына, и когда тотъ вошелъ въ комнату, то даже съ какою-то лаской встрѣтилъ его.

— Что рано вскочилъ? — спросилъ онъ его.

— Не спится что-то!

— Безпокоишься?

— Еще-бы!

— А Богъ-то на что! — проговорилъ отецъ Иванъ: — Онъ, братъ, все видитъ и о всѣхъ печется!..

— До Бога-то далеко, говорятъ! — замѣтилъ Асклипіодотъ. — Нѣтъ, ужь лучше къ Анфисѣ Ивановнѣ, это поближе будетъ...

Отецъ Иванъ плюнулъ даже.

— Что ты это! — вскрикнулъ онъ: — возможно-ли говорить такимъ образомъ! Никто, какъ Богъ. Богъ міръ создалъ. Онъ одинъ и правитъ имъ! Безъ Бога ни Анфиса Ивановна, ни прокуроръ, ни предводитель, ничего не сдѣлаютъ. Добрый ты, братецъ, малый, а иногда такую штуку ляпнешь, что даже волосъ дыбомъ становится.

— Спасибо, что хоть добрымъ-то назвали...

— А что-же! Развѣ у тебя не доброе сердце?.. Нѣтъ, сердце у тебя доброе, только вѣтеръ въ головѣ! Ну, да Богъ дастъ, все это современемъ пройдетъ! Поступишь на службу, авось остепенишься! — Однако, вотъ что,— проговорилъ онъ, взглянувъ на часы: — время и къ Анфисѣ Ивановнѣ отправляться... прикажи-ка мнѣ лошадей запречь. Вѣдь съ Анфисой Ивановной только и можно поутрамъ разговаривать, а потомъ она какъ-то разумомъ тускнѣть начинаетъ.

— Такъ вотъ почему вы съ нею только повечерамъ въ карты-то и играете! — вскрикнулъ Асклипіодотъ.

— Дуракъ! — проворчалъ отецъ Иванъ, но «дуракъ» этотъ былъ произнесенъ такъ добродушно, что Асклипіодотъ невольно принялся обнимать отца.

Немного погодя, отецъ Иванъ ѣхалъ уже въ деревню Грачевку. Изъ-за пазухи торчала у него коробка съ коломенской пастилой въ ногахъ помѣща-

лась кадушечка съ медомъ, а въ рукахъ держалъ онъ просфору, завернутую въ бумагу.

Увидавъ въ окно подъѣхавшаго отца Ивана, Анфиса Ивановна даже ахнула отъ удовольствія.

— Ну что, благополучно-ли съѣздилъ? — спросила старушка, встрѣчая его въ дверяхъ залы.

— Покорнѣйше васъ благодарю, — отвѣтилъ батюшка, помолясь на иконы и благословляя Анфису Ивановну.— Съѣздилъ благополучно, Господь привелъ святынямъ поклониться...

И подавая ей просфору, прибавилъ:

— А вотъ это, вамъ, сударыня кумушка, просфора отъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, за ваше здравіе вынута...

— Спасибо, спасибо! — проговорила Анфиса Ивановна, крестясь и цѣлуя просфору:—а это что у тебя изъ-за пазухи торчитъ?

— Это пастила коломенская...

— Ну-ка, дайка попробовать...

— Зачѣмъ-же пробовать, кумушка! Кушайте на здоровье... это тоже для васъ куплено, въ Коломнѣ, на мѣстѣ преступленія...

— Тамъ у тебя въ тележкѣ еще кадушечка стояла какая-то! — перебила его Анфиса Ивановна, взявъ коробку съ пастилой.

— Стояла.

— Съ чѣмъ она?

— Съ медомъ сотовымъ...

— Это мнѣ тоже?

— Вамъ, кумушка, конечно вамъ, кому-же еще...

Но Анфиса Ивановна уже не слушала священника и, отворивъ дверь въ переднюю, крикнула Потапычу

— Тамъ, у батюшки, въ тележкѣ, кадушечка съ медомъ стоитъ, принеси сюда...

И потомъ, обратясь къ отцу Ивану, спросила:

— А медъ изъ Москвы тоже?

— Нѣтъ-съ! Медъ собственный, свои пчелки натаскали. Тѣ два предмета изъ Москвы, а этотъ— домашній...

— А калачиковъ и саичекъ не привезъ?

— Не догадался, кумушка, простите великодушно... изъ ума вышло!..

— Ну, что-же дѣлать! Оно, конечно, жалко, что не привезъ, а все-таки теперь не воротишь... жалѣй, не жалѣй!.. А хорошо было-бы чайку напиться съ калачикомъ, съ московскимъ...

— Чего-бы лучше! — подхватилъ батюшка; — ну да, вотъ подите-же. Словно вѣтромъ изъ головы выдуло!..

— Жалко, жалко... — повторила Анфиса Ивановна, и какъ-будто немножко разсердилась.

Медъ однако поправилъ все дѣло. При видѣ кадушечки, до верху наполненной бѣлыми, душистыми сотами, Анфиса Ивановна отъ удовольствія улыбнулась и даже руками всплеснула.

— Ну, вотъ, за это спасибо! — проговорила она. — Это не чета твоей пастилѣ дурацкой!.. Спасибо, спасибо!.. Вотъ мы съ тобою пообѣдаемъ, а послѣ обѣда и поѣдимъ медку со свѣжими огурчиками. Чудесная, братъ, штука, медъ съ огурцами!.. Да! — прибавила она, какъ-будто что-то вспомнивъ:—ты водочки тяпнуть не хочешь-ли?..

— Не рано-ли будетъ?

— А ты ужь не притворяйся, по глазамъ вижу, что хочешь!..

И обратясь къ Потапычу, проговорила:

— Ну-ка, Потапычъ! принеси-ка сюда водочки, а на закуску грибковъ опеночекъ, ветчинки, и еще чего-нибудь... а потомъ на столъ накрывай, что-то въ животѣ урчать начинаетъ, обѣдать пора. Мелитина-то Петровна дома что-ли?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А, нѣтъ, такъ послѣ пообѣдаетъ, ждать ее не стану! Вотъ еще!

И какъ-то особенно пріятно улыбнувшись, прибавила:

— По правдѣ сказать, обѣдать-то и раненько, да ужъ очень медку захотѣлось!.. А это я соврала, — прибавила она, — что въ животѣ-то урчитъ! Соврала, чтобы Потапычъ не ворчалъ!.. ѣсть не хочется, рано...

XXXVI.

Однако, не смотря на то, что Анфисѣ Ивановнѣ ѣсть не хотѣлось, она все-таки не пропустила ни одного блюда. Она преисправно скушала цѣлую тарелку зеленыхъ щей съ поджаренными яйцами и ватрушками, скушала кусокъ поросенка подъ хрѣномъ, цѣлаго цыпленка съ малосольными огурцами и моченой брусникой и глубокую тарелку малины съ густыми, желтыми сливками. Послѣ обѣда она пригласила отца Ивана на балконъ, гдѣ уже ихъ ожидалъ столъ, накрытый, бѣлой какъ снѣгъ, скатертью, а на столѣ нѣсколько бутылокъ наливокъ, запеканокъ, глубокая тарелка съ сотовымъ медомъ и цѣлое блюдо свѣжихъ, зеленыхъ огурцовъ.

— Это для тебя наливка-то! — проговорила Анфиса Ивановна, садясь за столъ: — а меду я не дамъ тебѣ, — у тебя своего много... коли захочешь, такъ дома можешь поѣсть... Кушай-ка наливку-то, кушай-ка... Не церемонься...

И Анфиса Ивановна принялась угощать кума.

Но отцу Ивану было не до угощенья. Выпивъ рюмку вишневки, онъ откашлялся, погладилъ бороду, высморкался, и рѣшился наконецъ приступить къ цѣли своего пріѣзда въ Грачевку. Пока Анфиса Ивановна кушала медъ съ огурцами, отецъ Иванъ разсказывалъ ей, что дѣлалъ онъ въ Москвѣ, какъ обошелъ всѣ храмы и соборы, какъ служилъ молебенъ въ Иверской часовнѣ, а затѣмъ принялся полегоньку и за изложеніе Асклипіодотовскаго дѣла. Такъ какъ упоминать о нѣмкѣ отецъ Иванъ почему-то счелъ неудобнымъ, то онъ рѣшился нѣсколько измѣнить подробности романа, и вмѣсто нѣмки, вывелъ совершенно новаго героя, а именно бѣднаго студента, неимѣвшаго никакихъ средствъ къ продолженію дальнѣйшаго своего образованія и рѣшившагося поэтому на самоубійство. Героя этого Асклипіодотъ застаетъ на москворѣцкомъ мосту, готовымъ броситься въ воду, удерживаетъ его сильною рукою, читаетъ ему приличную нотацію, упрекаетъ въ недовѣріи къ Божескому милосердію и, въ концѣ-концовъ, обѣщаетъ ему добыть денегъ.

— Что было дѣлать ему? — вскрикнулъ отецъ Иванъ, откинувшись на спинку кресла и бросивъ на Анфису Ивановну вопросительный взглядъ. — Обѣщалъ денегъ, а денегъ не было!..

— Обѣщать не надо-бы! — отозвалась Анфиса Ива-

новна, облизывая пальцы и отмахивая мухъ отъ меда. — Кшь! проклятыя! — прибавила она, накинувшись на мухъ. — Кшь! Вотъ жадныя-то!

— А онъ обѣщалъ, далъ слово! Ко мнѣ писать... меня просить о высылкѣ денегъ?.. Нельзя!.. Когда-то письмо дойдетъ!.. когда-то отвѣтъ получится,— вралъ отецъ Иванъ, — а ждать некогда, потому что деньги требовались завтра-же, непремѣнно...

— Ну какъ-же онъ вывернулся? — спросила Анфиса Ивановна, продолжая кушать: — занялъ, что-ли?

— Гмъ! занялъ! — перебилъ ее отецъ Иванъ вздохнувъ.—Кто-же дастъ ему! Развѣ нынѣ тѣ времена, чтобы въ займы давали! Помилуйте! Теперь это вывелось уже... Кажется, всякій скорѣе удушится, а ужь руку помощи не протянетъ... Сердца̀ нынѣ черствыя стали, а уши перестали внимать воплямъ нужды.

И отецъ Иванъ разсказалъ Анфисѣ Ивановнѣ, какъ именно «вывернулся» Асклипіодотъ.

Старушка даже ахнула, даже выронила изъ рукъ половинку огурца, намазанную медомъ, но когда отецъ Иванъ растолковалъ ей, что дѣло, въ сущности, выѣденнаго яйца не стоитъ, такъ какъ въ основаніи его лежитъ добрая и даже, можно сказать, святая цѣль, то волненіе старушки не замедлило утихнуть.

— Сами подумайте, кумушка дорогая! — говорилъ отецъ Иванъ:—вѣдь, можетъ быть, онъ человѣка спасъ черезъ это самое. Конечно, мы съ вами не рѣшились-бы на такую штуку... Но вѣдь тамъ молодость! Молодость увлекающаяся, пылкая, безразсудная часто!.. Вѣдь кровь-то молодая, ключемъ кипитъ, удержу не знаетъ...

— Правда, правда! — перебила его Анфиса Ивановна: — сама молода была... по себѣ знаю...

— А я-то развѣ забылъ свою молодость!.. Для молодежи нѣтъ препятствій! Она не разсуждаетъ, она не обдумываетъ такъ, какъ мы теперь все обдумываемъ... Помню я свою-то молодость очень хорошо!.. Такое выкинешь иной разъ колѣно, что даже теперь стыдно вспомнить.

— Вѣрно, вѣрно! — перебила его опять Анфиса Ивановна.—Я такая-же была!.. Ухъ, какая я была... огонь!..

И вдругъ, какъ будто что-то вспомнивъ, она оживилась, бросила огурецъ съ медомъ, круто повернулась къ отцу Ивану и заговорила волнующимся голосомъ:

— Ты послушай-ка, что разъ со мною было!.. Послушай-ка! Ужь такъ и быть, разскажу... На духу никогда не каялась тебѣ въ грѣхѣ этомъ, а теперь, къ случаю пришлось, не утаю. Молодою вдовушкою была я въ то время. Изъ себя была красивая, кровь съ молокомъ, и за мной пріударилъ капитанъ одинъ... Была у меня подруга (я тогда еще въ городѣ жила), пріятельница задушевная, а у той пріятельницы браслетъ имѣлся расчудесный. Такой браслетъ, что я на него хладнокровно глядѣть не могла! Какъ увижу бывало, такъ и затрясусь. Хорошо! Назначается балъ въ собраньи... Подруга моя больная лежитъ, на балъ ѣхать докторъ запретилъ. Вотъ я и говорю ей: «*Экуте, ма шеръ!*» (это значитъ: послушай!) *Экуте, ма шеръ*, говорю, ты больна, на балъ ѣхать тебѣ запрещено, а я поѣду, такъ позволь, говорю, мнѣ твой браслетъ надѣть!» Куда тебѣ! и слышать не хочетъ! — «Какъ

это возможно,—говоритъ,— на тебѣ всѣ увидятъ браслетъ, а когда я надѣну его сама, то подумаютъ, что я въ твоемъ браслетѣ! Низачто!» Отказала наотрѣзъ. Пригорюнилась я, не повѣришь-ли, ночей не сплю, тоска взяла! А знаю я, что капитанъ мой безпремѣнно на балѣ будетъ! Наконецъ, подходитъ день бала. Ѣду я къ подругѣ, авось, думаю, не выпрошу-ли... Пріѣзжаю, а она, братецъ, безъ памяти! разметалась на кровати, въ жару вся, словно огненная лежитъ, и даже меня не узнала. Я такъ и ахнула! пропало, думаю себѣ, мое дѣло!.. Не будетъ на мнѣ браслета!.. Глядь! а ключи-то на столѣ отъ шифоньерки лежатъ. Я даже задрожала вся! выгнала изъ комнаты горничную, схватила ключи, отперла шифоньерку да браслетъ-то и стибрила... Какъ тебѣ это понравится, а? Вѣдь украла, понимаешь-ли, украла!

Отецъ Иванъ только головой кивнулъ,—«понимаю», молъ!

— Такъ вотъ она, молодость-то что значитъ!.. Конечно, браслетъ я возвратила на другой-же день, а все-таки какъ ни верти, а украла...

— Только, кумушка, народъ былъ тогда попроще,— замѣтилъ отецъ Иванъ: — вѣдь, поди, подъ судъ-то васъ не отдали за это!

— Ну вотъ еще! съ какой это стати! — обидѣлась Анфиса Ивановна. — Я думаю, подруга-то, пріятельница мнѣ была.

— Да вѣдь и Скворцовъ пріятель Асклипіодоту... вмѣстѣ въ семинаріи учились, вмѣстѣ проказничали...

Анфиса Ивановна принялась что-то соображать, задумалась, думала долго, какъ-будто силясь припомнить что-то, и вдругъ вскрикнула:

— Да, да, вспомнила! Вѣдь тогда судовъ-то не было еще! Вѣдь суды-то послѣ пошли!.. А если-бъ были, такъ сгноили-бы въ острогѣ... какъ по «тришкинскому процессу», — слыхалъ, поди!

— Слыхалъ-съ...

— Кабы не племянница, такъ вѣдь тю-тю!.. Такъ, такъ, не было судовъ, не было... Помню я, у насъ въ городѣ вольнодумецъ жилъ одинъ... Крикунъ, ругатель былъ такой, что всѣ даже боялись его. Всѣхъ бывало ругалъ: и Бога, и царя, и губернатора, и законы разные... только разъ его изловили!.. Такъ тоже не судили, а просто—тайнымъ образомъ посѣкли!.. Говорятъ, кресло такое съ пружинами было... Какъ сядешь на него, такъ ноги кверху, и высѣкутъ. Это тогда «*чичи-фачи*» бывало называлось! «*Чичи-фачи*»!..

— Это точно-съ,—замѣтилъ отецъ Иванъ:—прежде много проще было!..

И Анфиса Ивановна принялась опять за медъ съ огурцами; священникъ воспользовался этой минутой и сталъ просить старушку заступиться за «крестника» и съѣздить къ предводителю.

— Предводитель-то пріятель прокурору! — проговорилъ онъ.

— А прокуроръ, это что за птица? — спросила Анфиса Ивановна.

— Чиновникъ тоже...

— Дворянами выбирается?

— Нѣтъ-съ, не дворянами.

Анфиса Ивановна презрительно сложила губки и махнула рукой.

— Какая-же его обязанность?

— Въ родѣ прежнихъ стряпчихъ, кумушка, только

повозвышеннѣе! — проговорилъ отецъ Иванъ, и принялся затѣмъ объяснять старушкѣ, въ чемъ именно должно состоять ея заступничество, и чего именно должна она добиться.

Такъ какъ Анфиса Ивановна давно уже, кромѣ Рычей, никуда не выѣзжала, то предстоявшая поѣздка до того напугала ее, что отъ ужаса она словно остолбенѣла. Видно было по всему, что на умѣ у нея вертѣлась даже мысль отдѣлаться отъ этой поѣздки и отречься отъ крестника; но когда отецъ Иванъ сообщилъ ей, что предводитель находится въ настоящее время не въ городѣ, а у себя въ имѣніи, верстахъ въ десяти отъ Грачевки, то Анфиса Ивановна не замедлила успокоиться и даже нѣкоторымъ образомъ почувствовала себя польщенною, что именно къ ней, а ни къ кому другому, обратились съ просьбою, оказать столь важную протекцію. Она даже прослезилась, сообразивъ ту бѣду, которая обрушилась на голову Асклипіодота, съ участіемъ справилась не тоскуетъ-ли онъ? не приходитъ-ли въ отчаяніе? — и когда отецъ Иванъ передалъ, что бѣдный мальчикъ не спитъ по ночамъ и даже лишился аппетита, Анфиса Ивановна расплакалась еще пуще. Въ ту же минуту она дала слово, что завтра-же поѣдетъ къ предводителю, и даже увѣрила, что просьба ея будетъ исполнена, на томъ простомъ основаніи, что какъ-бы люди ни были злы, но что все-таки истина должна одолѣть злобу.

— Только вотъ что, другъ любезный! — проговорила она: — память у меня плохая, да и не умѣю я называть всѣхъ этихъ новыхъ крючкотворовъ... ужь ты потрудись, напиши мнѣ на бумагѣ, о чемъ я проситъ

должна и что говорить надо, а то — какъ-бы не перепутать... Только пиши крупнѣе, глаза что-то плохо видѣть стали, а очки брать не хочется... какъ можно крупнѣе, и по-церковному...

Отецъ Иванъ исполнилъ просьбу старушки, написалъ славянскими буквами все, что требовалось, и еще разъ попросивъ ее заступиться за крестника, поѣхалъ домой.

Какъ только священникъ ушелъ, Анфиса Ивановна въ ту же минуту позаботилась предупредить кучера Абакума, что завтра утромъ она ѣдетъ къ предводителю, чтобы поэтому онъ заранѣе натеръ себѣ табаку и приготовилъ-бы карету. Абакумъ, успѣвшій уже пронюхать, что тутъ дѣло пахнетъ не табакомъ, а поѣздкой къ предводителю, у котораго производится всегда отличное угощеніе всѣмъ пріѣзжающимъ съ гостями кучерамъ, принялся немедленно за приготовленія. Затѣмъ Анфиса Ивановна сдѣлала распоряженія о своемъ туалетѣ, и вынула изъ комода дюжину тонкихъ носковъ, которые она связала было для судьи за *Тришкинскій процессъ*, и завернувъ ихъ аккуратно въ розовую бумажку, порѣшила носки эти презентовать предводителю.

— Онъ теперь нужнѣе,— разсуждала она: — а *Тришкинскій процессъ-то* кончился.

— Говорятъ, вы къ предводителю завтра? — спросила Мелитина Петровна, входя въ комнату тетки.

— Да, мой другъ,— отвѣчала Анфиса Ивановна.— Ты меня пожалуйста извини, что я не беру тебя съ собою.

— Чтó вы, чтó вы! — перебила ее племянница.—

Къ чему эти извиненія, мнѣ даже и некогда, потому что сегодня придется много работать.

— Ну и прекрасно. А мнѣ надо говорить съ предводителемъ о важныхъ дѣлахъ.

— Что такое случилось?

— Ничего особеннаго... тамъ, въ Москвѣ... Отецъ Иванъ просилъ...

— Ахъ, это вѣрно о деньгахъ... я думала что-нибудь другое! Да, кстати,— прибавила Мелитина Петровна:— смотрите, хорошенько расфрантитесь... вы встрѣтите у предводителя большое общество... Я слышала, что завтра должны прибыть туда исправникъ, прокуроръ и другія служащія лица.

— Ты почему знаешь это?

— Иногда самыя важныя тайны познаются черезъ ничтожныхъ людей. Такъ случилось и теперь.

Мелитина Петровна всю ночь писала письма, и всю ночь Карпъ видѣлъ огонь въ ея комнатѣ.

XXXVII.

На слѣдующій день, часовъ въ девять утра, передъ крыльцомъ грачевскаго дома происходило нѣчто весьма необыкновенное. У крыльца толпилась не только вся дворня Анфисы Ивановны, но даже замѣчалось нѣсколько бабъ и мужиковъ, а въ особенности ребятишекъ, прибѣжавшихъ изъ деревни. Дѣло въ томъ, что у крыльца стояла, запряженная въ шесть лошадей, желтая карета, на стоячихъ рессорахъ и на огромнѣйшихъ колесахъ. Карета эта, напоминавшая царя Гороха, походила скорѣе на огромную тыкву,

болтавшуюся на какихъ-то крюкахъ, прикрѣпленныхъ къ осямъ. На козлахъ этой тыквы, въ зеленомъ армякѣ и въ рыжей шляпѣ съ павлиньимъ перомъ, возсѣдалъ Абакумъ и держалъ въ рукахъ цѣлую кучу возжей, а впереди — форейторомъ, на плюгавой пѣгой лошаденкѣ, садовникъ Брагинъ. Для Брагина, Абакумъ тоже розыскалъ было зеленый кафтанъ, но старый драгунъ напрямикъ отказался нарядиться въ этотъ балахонъ, а надѣлъ свой мундиръ съ нѣсколькими медалями на груди. Костюмъ этотъ, хотя и не походилъ на форейторскій, но, въ виду торжественности поѣзда, не только не портилъ общей картины, но даже, нѣкоторымъ образомъ, дорисовывалъ ее. На крыльцѣ стоялъ Потапычъ. На немъ была гороховая ливрея съ нѣсколькими коротенькими капюшонами, красный воротникъ которой доходилъ до ушей, а на головѣ огромная треугольная шляпа. Онъ свысока посматривалъ на окружающую толпу, какъ будто сожалѣя, что люди эти такъ мало видѣли, что даже простая карета удивляетъ ихъ, тогда какъ для него все это штука обыкновенная. Наконецъ показалась и Анфиса Ивановна. На ней была турецкая шаль одного цвѣта съ каретой, роскошная шляпа и барежевое платье такихъ огромныхъ размѣровъ, что старуха едва помѣщалась на крыльцѣ. Въ рукахъ она держала розовый свертокъ съ носками. Какъ только Анфиса Ивановна показалась, такъ Потапычъ въ ту же секунду ловко подскочилъ къ каретѣ, отворилъ дверку, откинулъ десятка два подножекъ и, посадивъ барыню, снова защелкалъ подножками, махнулъ дверкой, и хотѣлъ было крикнуть «пошелъ»! но не крикнулъ, потому что сшибъ съ себя дверкой шляпу, которая,

къ общему удовольствію публики, и очутилась подъ каретой. «Скверная примѣта!» — подумала про себя Анфиса Ивановна, вспомнивъ разсказъ Брагина про Наполеона, съ котораго подъ Москвой тоже слетѣла шляпа. Шляпа, однако, вскорѣ была надѣта; Потапычъ взобрался на запятки и, уцѣпившись обѣими руками за болтавшіеся ремни, крикнулъ «пошелъ!» — и поѣздъ тронулся. Въ воротахъ однако онъ долженъ былъ остановиться, потому что Абакумъ, не имѣвшій глазъ въ затылкѣ, по обыкновенію, зацѣпилъ заднимъ колесомъ за столбъ, и такъ какъ столбъ былъ врытъ прочно и не подался, то и пришлось относить задъ кареты. Сбѣжался народъ, и общими усиліями экипажъ былъ поставленъ на трактъ.

Выѣхавъ изъ воротъ, лошади затрусили рысцой, и карета покатилась по гладкой дорогѣ въ село Хованщину, имѣніе предводителя. День былъ жаркій, красное солнце пекло немилосердно, пыль поднималась облаками и слѣдовала за каретой. Брагинъ, отвыкшій ѣздить верхомъ, отчаянно махалъ и локтями, и ногами, и какъ-будто раскаивался, что сѣлъ на коня. Однако, ѣхать было необходимо, и карета, дребезжа и колыхаясь, катилась себѣ по дорогѣ. Вдругъ, сзади кареты раздался голосъ, кричавшій что было мочи: «стой! стой!» Карета остановилась. Оказалось, что отъ сильной тряски у Потапыча опять свалилась шляпа, а покуда онъ бѣгалъ поднимать ее, перепутались лошади и пришлось ихъ распутывать. Распутавъ лошадей, поѣздъ тронулся, но начали отвинчиваться разныя гайки, и пришлось опять нѣсколько разъ останавливаться и завинчивать таковыя. Абакумъ слѣзалъ съ козелъ, и такъ какъ въ карманахъ кареты

ключа не было, то приходилось завинчивать гайки руками и зубами, что и заняло довольно много времени. Анфиса Ивановна, сидя въ каретѣ и выглядывая изъ нея, словно воробей изъ скворечни, сердилась и ворчала. Но на ворчанье это рѣшительно никто не обращалъ вниманія.

— Скоро, чтó-ли? — спрашивала она.

— Чего?

— Да Хованщина-то?

— Вотъ это отлично! — вскрикивалъ Абакумъ. — Только, благослови Господи, отъѣхали отъ дому; а ужь вы про Хованщину заговорили!

Гайки однако были подвинчены, и карета поѣхала. Анфиса Ивановна успокоилась и, прислонившись къ спинкѣ, даже задремала, но дремота эта вскорѣ была нарушена раздавшимся, опять-таки сзади, неистовымъ крикомъ Потапыча. Оказалось, что запятки отвалились прочь, и Потапычъ, запутавшій было ремни за руки, тащился за каретой, едва не лишившись совершенно рукъ. Кое-какъ распутали отекшія руки Потапыча; но такъ какъ запятокъ уже не существовало, а козлы отличались лишь вышиной, а не шириной, то и пришлось посадить Потапыча въ карету рядомъ съ Анфисой Ивановной, что, въ сущности, вышло весьма эффектно, принимая въ соображеніе треугольную шляпу, надѣтую поперекъ, и ливрею съ краснымъ воротникомъ. Карета заколыхалась, попадавшіеся мужики принялись кланяться, и Анфиса Ивановна, думая, что поклоны эти адресуются ей, тогда какъ въ сущности они посылались Потапычу, видимо была довольна, и снова углубившись въ карету, принялась мечтать о предстоявшемъ свиданіи

съ предводителемъ и о важности возложеннаго на нее порученія; но мечты эти поминутно прерывались шляпой Потапыча, которою онъ долбилъ Анфису Ивановну прямо въ високъ.

— Скинь ты свою дурацкую шляпу! — разсердилась, наконецъ, Анфиса Ивановна. — Ты мнѣ всѣ виски продолбилъ!

— Куда жь мнѣ теперь дѣвать ее! — вскрикнулъ Потапычъ, справедливо обиженный тѣмъ, что шляпу назвали дурацкою.

— Сними и держи на колѣнахъ.

Потапычъ снялъ шляпу и положилъ на колѣни.

Дорога пошла подъ горку, и карета покатилась шибче. Мимо оконъ мелькали поля, засѣянныя хлѣбомъ, среди которыхъ кое-гдѣ правильными квадратами бѣлѣла покрытая цвѣтами греча. Анфиса Ивановна всѣмъ этимъ любовалась и забыла даже про дурную примѣту, которую видѣла она въ свалившейся съ Потапыча шляпѣ.

Но бѣдному Потапычу было не до шляпы и не до картинъ, мелькавшихъ мимо оконъ кареты. Не привыкшій ѣздить въ закрытыхъ экипажахъ, онъ начиналъ чувствовать тошноту и съ тошнотой не зналъ какъ и справиться. Бѣдный старикъ поминутно вскакивалъ на ноги, высовывалъ голову въ окно, жадно глоталъ въ себя воздухъ, но пыльный воздухъ плохо помогалъ бѣдѣ и даже наоборотъ, производя въ горлѣ щекотаніе, еще болѣе усиливалъ тошноту. Нѣсколько разъ онъ собирался просить даже, чтобы на минутку остановились, но, боясь раздражить и до того уже раздраженную Анфису Ивановну, терпѣлъ, перенося поистинѣ адскія муки. На его счастье, однако,

вскорѣ лопнула постромка, карета остановилась, и Потапычъ стремглавъ выскочилъ изъ нея.

— Что тамъ еще! — крикнула Анфиса Ивановна. Но не получивъ отвѣта, снова повторила вопросъ:

— Что случилось?

— Извѣстно что!... Постромка лопнула! — прокричалъ Абакумъ.

Анфиса Ивановна взглянула на лицо кучера и ахнула. И дѣйствительно было отчего ахнуть, ибо лицо Абакума представляло изъ себя нѣчто весьма необыкновенное! Оно все было перепачкано кровью и грязью и положительно не имѣло образа человѣческаго. Оказывается, что Абакумъ, завинчивая зубами гайки, ободралъ себѣ губы, носъ и десны и сверхъ того выпачкалъ все лицо пылью и дегтемъ. Принялись связывать постромку, а Анфиса Ивановна снова начала волноваться,

— Это ни на что не похоже! — ворчала она: — этакъ мы никогда не доѣдемъ!..

— Не доѣдемъ и есть! — ворчалъ Абакумъ, тоже въ свою очередь начинавшій волноваться. — Помѣщица, а хорошей сбруи купить не можетъ!

— Далеко еще?

— Извѣстно, далеко.

— Да поскорѣе копайся! — крикнула уже Анфиса Ивановна, и даже ногой притопнула...

Минутъ черезъ десять постромка была кое-какъ связана и лошади тронулись. Дорога опять пошла подъ гору, карета покатилась довольно шибко, и лошади, почувствовавъ, что экипажъ накатывается самъ по себѣ, весело затрусили, помахивая головами.

— Вытягивай, вытягивай, Брагинъ! — крикнулъ

Абакумъ, помахивая кнутомъ и посвистывая: — вытягивай!..

Брагинъ молотилъ кнутомъ направо и налѣво и тоже весело покрикивалъ и посвистывалъ. Анфиса Ивановна тоже повеселѣла и на этотъ разъ уже не углубилась въ карету, а напротивъ поднялась на ноги и, высунувшись въ окошко, смотрѣла вдаль, желая поскорѣе увидать село Хованщину. То же самое дѣлалъ и Потапычъ, но только совершенно съ другою цѣлью. Отъ шибкой ѣзды и качки онъ снова почувствовалъ припадокъ тошноты и снова начиналъ страдать. Видно было по всему, что старикъ изнемогалъ! И дѣйствительно, голова его кружилась, сердце усиленно билось, и лицо приняло совершенно зеленый цвѣтъ.

Наконецъ показалась и Хованщина.

— Вонъ она! — крикнулъ Абакумъ.

— Гдѣ, гдѣ? — спрашивала Анфиса Ивановна и, завозившись, снова вскочила и высунулась въ окно.

— Вонъ за бугоркомъ, ветлы-то!.. Это Хованщина и есть... Вытягивай, вытягивай, Брагинъ, вытягивай!

Анфиса Ивановна даже перекрестилась, увидавъ Хованщину.

Подошла лощинка, внизу которой виднѣлся мостикъ, и Абакумъ еще шибче припустилъ лошадей... Вдругъ на мосту карету какъ-то шибнуло! Сначала она вспрыгнула кверху, потомъ какъ-то опустилась, послышался какой-то трескъ, и вдругъ Анфиса Ивановна и Потапычъ, стоявшій на ногахъ, почувствовали, что полъ подъ ними словно проваливается. Мгновенно схватились они за окна кареты и повисли на нихъ.

— Стой! — кричалъ Потапычъ.

— Вытягивай, Брагинъ, вытягивай! — кричалъ Абакумъ.

— Стой! — кричала Анфиса Ивановна.

Но Абакумъ ничего не слыхалъ. Обрадованный, что увидалъ Хованщину, онъ продолжалъ себѣ весело покрикивать, посвистывать и похлестывать лошадей.

— Стой! стой! дьяволъ!..

— Вытягивай, вытягивай! — кричалъ Абакумъ.

— Стой!

Наконецъ Абакумъ остановился, слѣзъ съ козелъ и ахнулъ отъ удивленья.

— Ну, теперь ужь совсѣмъ развалилась! — проговорилъ онъ.

— Это все ты виноватъ! — кричала Анфиса Ивановна на Потапыча.

— Вотъ-тѣ, здравствуй! какъ это!

— Извѣстно какъ!.. вскакивалъ все вотъ и продавилъ...

— А вы-то не вскакивали!..

— Какъ же быть-то теперь?

— Да ужь теперь неиначе, какъ пѣшкомъ! — проговорилъ Абакумъ и, вынувъ тавлинку, съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ втянулъ въ свой носъ огромную щепоть табаку.

Такъ и сдѣлали. Анфиса Ивановна подобрала платье и въ сопровожденіи Потапыча, незамедлившаго надѣть шляпу, пошла полегоньку по дорогѣ къ селу.

XXXVIII.

Мелитина Петровна не ошиблась: дѣйствительно, у предводителя были уже прокуроръ, исправникъ, жандармскій офицеръ, мировой судья и непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Все это общество вмѣстѣ съ предводителемъ и женой его сидѣло на большой крытой террасѣ, уставленной разными оранжерейными растеніями. На одномъ концѣ террасы стоялъ столъ съ закуской и винами, къ которому иногда и подходило общество подкрѣпиться и закусить. На небольшомъ столикѣ, нѣсколько поодаль, лежали сигары и папиросы. Общество расположилось группами и бесѣдовало.

Товарищъ прокурора былъ мужчина средняго роста, съ продолговатымъ, сухимъ лицомъ, оловянными презрительными глазами и тонкими, поджатыми губами— типъ петербургскаго чиновника изъ правовѣдовъ. Онъ носилъ бакенбарды, какими обыкновенно украшаютъ себя прокуроры, а слѣдовательно и товарищи ихъ; усы брилъ и одѣвался, какъ вообще одѣваются прокуроры. Онъ сидѣлъ, развалясь на креслѣ и покачивая ногой. Въ уѣздѣ звали его *«Я полагалъ бы»*, потому что, оканчивая на судѣ свои заключенія, онъ говорилъ всегда: *въ силу сего вышеприведеннаго я полагалъ бы...* причемъ всегда какъ-то особенно напиралъ на слогъ *галъ*. Когда *Я полагалъ бы* говорилъ на судѣ, то онъ говорилъ такъ, какъ-будто противъ всего сказаннаго имъ никакихъ возраженій быть не можетъ; причемъ хлопалъ себя по колѣну ладонью, вертѣлъ въ рукахъ

карандашъ и когда пріостанавливался, то ставилъ карандашомъ на лежавшемъ листѣ бумаги точку и точку эту довольно долго развертывалъ. Походку *Я полагалъ бы* имѣлъ увѣренную, твердую, и когда говорилъ не на судѣ, а въ обществѣ, то говорилъ не разговорнымъ языкомъ, а отборными фразами, очень громко и съ нѣкоторою прокурорской интонаціей; но, не имѣя въ рукахъ карандаша, видимо смущался и въ такихъ случаяхъ прибѣгалъ къ ногтямъ, на которые постоянно и смотрѣлъ очень близко, поднося ихъ къ глазамъ.

Исправникъ, тоненькій, рыженькій мужчина, сидѣвшій постоянно какъ-то перевивъ одну ногу за другую, былъ въ синихъ панталонахъ, бѣломъ жилетѣ съ форменными пуговицами, со Станиславомъ на шеѣ, носилъ усы и бакенбарды по-военному. Говорилъ очень скоро, причемъ очень часто мигалъ и дѣлалъ руками такіе жесты, которыми хотѣлъ какъ-будто еще болѣе убѣдить, что все сказанное имъ есть сущая правда. Онъ имѣлъ привычку шмыгать цѣпочку и закручивать усы, хотя, въ сущности, въ его наружности ничего военнаго не было. Исправникъ всегда имѣлъ при себѣ кабинетный портретъ губернатора, который всѣмъ показывалъ, говоря: «вчера губернаторъ прислалъ мнѣ свой портретъ, посмотрите, какая прекрасная фотографія.... Красивый мужчина!»

Жандармскій офицеръ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, но молодившійся и довольно красивой наружности, вслѣдствіе чего дамы называли его *Опаснымъ Васильком*ъ. Онъ былъ большой руки франтъ. Воротникъ его вицъ-мундира былъ вышиною не болѣе, какъ въ палецъ, что давало возможность значительно выставлять на видъ, какъ снѣгъ, бѣлые воротнички

рубашки, всегда торчавшіе безукоризненно, почему мировой судья увѣрялъ, что жандармскій офицеръ носитъ воротнички бумажные и мѣняетъ ихъ разъ пять въ день. Какъ и большая часть его сослуживцевъ, онъ старался казаться человѣкомъ въ высшей степени деликатнымъ, предупредительнымъ и обладающимъ самыми изящными манерами. На красивыхъ рукахъ онъ носилъ множество дорогихъ перстней; когда вынималъ изъ своего щегольскаго серебрянаго портсигара папиросу, онъ спрашивалъ даже курящихъ—не безпокоитъ ли дымомъ?—и когда закуривалъ папиросу, всегда какъ-то особенно живописно оттопыривалъ мизинецъ, кончавшійся длиннымъ-предлиннымъ и заостреннымъ ногтемъ. Сапогъ онъ не употреблялъ, а носилъ лаковые штиблеты съ пуговочками; вицъ-мундиръ его былъ изъ самаго тонкаго сукна, и вообще весь костюмъ самаго безукоризненнаго качества.

Мировой судья былъ человѣкъ тоже среднихъ лѣтъ, брюнетъ съ весьма симпатичнымъ лицомъ, носилъ бороду, въ которой кое-гдѣ пробивалась сѣдина, и ходилъ съ палкой. Судья говорилъ тихо, баритономъ, серьезно, безъ улыбки и всегда что-нибудь сочинялъ. На немъ были: шелковый, лѣтній пиджакъ цвѣта *беръ-фре*, такіе же панталоны, башмаки и соломенная шляпа отъ Лемерсье съ большими полями. Вообще смотрѣлъ бариномъ. Такъ какъ мировой судья слегка пораженъ былъ параличомъ, то ходилъ онъ тихо, прихрамывая на лѣвую ногу и выдѣлывая какія-то судорожныя движенія пальцами лѣвой руки. Онъ постоянно придумывалъ разные анекдоты, а такъ какъ передавалъ ихъ весьма серьезно, то многіе вѣрили въ

справедливость слышаннаго и въ свою очередь передавали другимъ за истину.

Непремѣнный членъ или, какъ онъ самъ себя называлъ — article indispensable былъ сухой, высокій мужчина съ длинной, сѣдой бородой, остриженный подъ гребешокъ, видный, съ выразительнымъ, умнымъ лицомъ, живой, разговорчивый и весьма любезный. На немъ былъ простенькій сѣрый пиджакъ, одинаковый съ панталонами, и бѣлая драгунская фуражка. Онъ смотрѣлъ кавалеристомъ, манеры у него пріятныя. Ему было ни почемъ проскакать цѣлую недѣлю на тележкѣ и сряду нѣсколько ночей переночевать по избамъ.

Вся компанія помѣщалась на крытой террасѣ предводительскаго дома и, раздѣлившись на группы, вела бесѣду. Исправникъ шмурыгалъ цѣпочкою и, завинтивъ одну ногу за другую, говорилъ съ прокуроромъ, дѣлалъ руками жесты, между тѣмъ какъ товарищъ прокурора смотрѣлъ на свои ногти и, отрывисто кивая головою, размахивалъ ногой. Жандармскій офицеръ, принявъ граціозную позу, говорилъ съ хозяйкой дома. Предводитель ходилъ по балкону, подходилъ то къ той, то къ другой группѣ.

Какъ, однако, ни былъ обыкновененъ происходившій на террасѣ разговоръ, но тѣмъ не менѣе во всемъ обществѣ проглядывало что-то не совсѣмъ обычное. Въ разговорахъ часто упоминалось о какихъ-то подметныхъ письмахъ и какихъ-то брошюркахъ. При этомъ исправникъ разсказалъ въ довольно забавной формѣ, что не дальше какъ сегодня онъ, надѣвая въ Рычевской станціи пальто, лежавшее все время на террасѣ, нашелъ въ карманѣ брошюрку политическаго

содержанія съ надписью: сія книга принадлежитъ господину исправнику Ардаліону Васильичу Каблукову.

Затѣмъ къ исправнику и къ жандармскому офицеру приходили какіе-то люди; вызывали ихъ въ переднюю и что-то сообщали по секрету. Переговоривъ съ этими людьми, исправникъ и офицеръ возвращались на террасу и съ удовольствіемъ передавали компаніи, что все идетъ какъ по маслу, отлично, превосходно, и выражали увѣренность, что всѣ ихъ хлопоты увѣнчаются самымъ блестящимъ успѣхомъ. Приводили къ нимъ какихъ-то мужиковъ, которыхъ жандармскій офицеръ о чемъ-то допрашивалъ и все показанное ими записывалъ хорошенькимъ карандашикомъ въ хорошенькую памятную книжечку. Иногда въ этихъ разговорахъ упоминалось что-то о крокодилахъ, о г. Знаменскомъ, Асклипіодотѣ, Анфисѣ Ивановнѣ, Мелитинѣ Петровнѣ, Нирьютѣ и другихъ. Пріѣзжалъ зачѣмъ-то становой Дуботолковъ, сообщилъ что-то исправнику, пришелъ на нѣсколько минутъ на террасу, какъ-то на ходу и торопливо выпилъ стаканъ водки и, закусивъ наскоро селедкой, опять уѣхалъ, не отеревъ даже губы, по которымъ текла горчичная подливка.

Словомъ, въ домѣ предводителя происходило что-то такое, выходившее изъ ряда обыкновеннаго. Всѣ, видимо, находились въ возбужденномъ состояніи и только одинъ мировой судья да членъ присутствія какъ-то подшучивали, глядя на исправника, прокурора и «Опаснаго Василька», и предлагали пари, что все предпринятое ими кончится ничѣмъ. Сначала на шутки эти отвѣчали шутками же, но когда мировой судья принялся увѣрять, что всѣ они подобно Пошлепкиной

«сами себя высѣкутъ», жандармскій офицеръ не на шутку разсердился и даже вступилъ въ споръ съ мировымъ судьею. Неизвѣстно, чѣмъ бы весь этотъ споръ покончился, если бы въ этотъ самый моментъ не показалась на террасѣ утомленная и измученная Анфиса Ивановна.

Всѣ даже ахнули отъ удивленія.

— Анфиса Ивановна, милая, дорогая! — заговорила жена предводителя: — какими судьбами... какъ я рада...

Но Анфисѣ Ивановнѣ было не до разговоровъ.

— Постой, постой! — бормотала она: — дай опомниться, отдохнуть!..

— Да что случилось-то! — вскрикнули всѣ, только теперь замѣтивъ волненіе и испугъ старушки.

— Охъ, ужь и не спрашивайте...

— Да что такое?..

— Карета развалилась.. и я отъ самаго, отъ овражка пѣшкомъ... Охъ, дай воды кто-нибудь...

— Вы не хотите-ли, дорогая, ко мнѣ въ спальню? — спросила предводительша, подавая Анфинѣ Ивановнѣ стаканъ воды: — Полежали-бы, отдохнули-бы.

— Спасибо тебѣ, спасибо...

— Право пойдемте-ка!

— Ну что-же, пойдемъ, пойдемъ...

— Тамъ и чаю покушаете...

— Да, я-бы теперь выпила чашечку, а то и двѣ, пожалуй... въ горлѣ пересохло... Только постой, дай поздороваться съ хозяиномъ...

И затѣмъ, взглянувъ на подбѣжавшаго предводителя, прибавила:

— Все толстѣешь, батюшка!

— Толстѣю, Анфиса Ивановна! — проговорилъ предводитель, цѣлуя протянутую ему руку.

— Ѣшь много да спишь все... вотъ и толстѣешь... И, потомъ увидавъ исправника, проговорила:

— А! и ты здѣсь!..

— Здѣсь, Анфиса Ивановна, здѣсь...

И тоже приложился къ ручкѣ.

— Да, кстати! Ты съ чего это, батюшка, выдумалъ барынь мосты заставлять чинить... а?

— Это не я, Анфиса Ивановна, а становой.

— Ну такъ ты вотъ и скажи своему становому, что онъ дуракъ! На это мужики есть, а не барыни.

— И снова обратясь къ предводительшѣ, она прибавила:

— Не повѣришь-ли, голубушка, одолѣли просто! пристали, чтобы я мостъ починила... Сама посуди!.. ну какъ я починю его!.. а то вдругъ какого-то косматаго чиновника прислали, какія-то тамъ повинности взыскать съ меня... Я говорю: денегъ у меня нѣтъ теперь, а онъ знать ничего не хочетъ! вынь да положь!.. «Ахъ, батюшка, говорю, да неужто у васъ тамъ ни гроша денегъ нѣтъ, что ты пристаешь такъ!.. Вотъ продамъ яблоки, получу деньги, тогда и милости просимъ!..» Однако ничего, послѣ обошелся, добрый сдѣлался и даже очки мнѣ свои отдалъ! Ужь такъ-то они мнѣ пришлись по глазамъ, что просто прелесть!.. Долго не отдавалъ, но я такъ къ нему пристала, что наконецъ не выдержалъ и отдалъ...

И затѣмъ посмотрѣвъ на жандармскаго офицера, она спросила шепотомъ:

— А этотъ офицерикъ-то кто такой?..

— Жандармскій

— Ишь франтъ какой!.. Недуренъ! — прошептала она и потомъ прибавила громко:—Однако съ остальными я послѣ познакомлюсь, а теперь веди меня къ себѣ, я полежу немножечко... устала... И чайку вели туда подать... Да булочекъ нѣтъ ли?

Хозяйка подхватила ее съ одной стороны, хозяинъ съ другой и оба повели старушку въ спальню.

— Ну, вотъ что, обжора!.. — проговорила Анфиса Ивановна, усаживаясь въ мягкое кресло и обращаясь съ улыбкой къ предводителю: — Я къ тебѣ по дѣлу пріѣхала, ты мнѣ устрой...

— Приказывайте, Анфиса Ивановна, приказывайте, дорогая...

— Приказывать, мой милый, не хочу, а просить буду слезно... Вотъ, первымъ дѣломъ дарю тебѣ дюжину носковъ собственнаго моего вязанья, — проговорила она, подавая предводителю носки: — носи на доброе здоровье... шелковые хорошіе... вѣдь я знаю, что сухая ложка ротъ деретъ!.. а вторымъ дѣломъ — на-ка тебѣ вотъ эту грамотку и внимательно прочти ее...

И она подала записку, писанную ей «для памяти» отцомъ Иваномъ.

— Почитай-ка, почитай-ка...и потомъ скажи, можно-ли дѣло это обдѣлать?.. Только помни, что отказовъ я не люблю. Это ты намотай себѣ на усъ... да, намотай!..

А пока предводитель читалъ записку, Анфиса Ивановна говорила предводительшѣ:

— Ты ему много ѣсть не давай, а заставляй ходить больше... теперь лѣтнее время, ходить хорошо... И потомъ вотъ еще что: каждый мѣсяцъ по ложкѣ

касторки... Непремѣнно... Ты посмотри-ка, какъ у него на шеѣ жилы-то напрыжились! Долго-ли до грѣха, сохрани Господи!..

— Вѣдь не послушается, пожалуй! — перебила ее предводительша.

— Пустяки! послушается! Всякій мужчина подъ башмакомъ у женщины... или у жены или у любовницы.

И пригнувъ къ себѣ предводительшу, она спросила ее на ухо:

— У твоего-то есть «мерзавка» какая-нибудь?

— Не знаю...

— Навѣрно есть! гдѣ-нибудь въ прачешной или на птичномъ, а ужь есть непремѣнно!.. Сама была замужемъ... Хорошо знаю! Ужь я какая была... кровь съ молокомъ... а все-таки помимо меня еще двѣ «мерзавки» въ домѣ жили.

И замѣтивъ, что предводитель покончилъ чтеніе, обратилась къ нему:

— Ну что дочиталъ?

— Дочиталъ.

— Можно?

— Конечно можно... Кстати и прокуроръ у меня теперь...

— Ну вотъ и отлично. Такъ ты ступай и поговори съ нимъ, а потомъ приди сказать мнѣ... Только вотъ что: ты не говори ему, что я тебѣ носки подарила... Пожалуй, обидится, почему не ему... а я ему послѣ... Слышишь, послѣ... Ну ступай же, ступай... да чайку-то мнѣ пришли... да булочекъ.

Предводитель вышелъ, а Анфиса Ивановна пустилась въ бесѣду съ его женой.

XXXIX.

Пріѣздъ старушки Столбиковой породилъ въ обществѣ цѣлый рядъ догадокъ и предположеній. Всѣхъ занималъ вопросъ: зачѣмъ пріѣхала Анфиса Ивановна, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что Анфиса Ивановна давнымъ-давно никуда не выѣзжала. Попытали было узнать что-нибудь отъ Потапыча, но Потапычъ, успѣвшій уже выпить и закусить, на всѣ вопросы отвѣчалъ только: *не могу знать*, и больше ничего не говорилъ. Кучеръ Абакумъ тоже ничего не зналъ.

Болѣе же всѣхъ Анфиса Ивановна смутила жандармскаго офицера и исправника. Они не шутя ломали головы, стараясь отгадать причину пріѣзда, но какъ они ни старались открыть тайну, а пришлось ограничиться лишь однѣми догадками, да и догадки эти были крайне сбивчивы, ибо одинъ говорилъ, что вѣроятно Анфиса Ивановна пріѣхала похлопотать насчетъ поимки крокодиловъ, а другой объ отсрочкѣ земскихъ платежей. Только одинъ мировой судья увѣрялъ, что Анфиса Ивановна пріѣхала съ единственною цѣлію познакомиться съ *Опаснымъ Василькомъ*, прослышавъ про его красоту и изящныя манеры, и даже посовѣтовалъ жандармскому офицеру пріударить за вдовушкой и принять въ соображеніе, что у нея превосходное имѣніе и что жить ей, по всей вѣроятности, остается очень не долго.

Немного погодя предводитель положилъ конецъ всѣмъ догадкамъ, объявивъ цѣль пріѣзда Анфисы Ивановны.

За обѣдомъ Анфиса Ивановна была особенно весела, во-первыхъ потому, что она достаточно отдохнула, а во-вторыхъ и потому, что товарищъ прокурора далъ ей слово немедленно-же просить брата о прекращеніи Асклипіодотовскаго дѣла и, сверхъ того, заранѣе поручился, что просьба его всенепремѣнно будетъ исполнена въ точности. Таковая любезность прокурора окончательно плѣнила Анфису Ивановну и она придумать не могла, чѣмъ и какъ именно отблагодарить его за это.

Послѣ обѣда все общество опять перешло на балконъ.

— А что, какъ Мелитина Петровна поживаетъ, — спросилъ исправникъ, подсаживаясь къ Анфисѣ Ивановнѣ.

— Ничего, живетъ.

— Дома она?

— Нѣтъ, ушла куда-то... сегодня и не видала ее....

— Да, но все-таки она въ Грачевкѣ? не уѣхала?

— Куда же ей уѣхать!.. Вѣдь мужъ ея *на сраженіяхъ*...

— Получаетъ она отъ него письма?

— А позволь тебя спросить, чѣмъ онъ писать-то будетъ? — спросила Анфиса Ивановна.

— Какъ чѣмъ? рукой! — вскрикнулъ исправникъ.

— То то и дѣло, что ему *на сраженіяхъ* и руки, и ноги оторвало, поэтому и не пишетъ...

— А она мнѣ очень понравилась! — проговорилъ мировой судья, подходя къ Анфисѣ Ивановнѣ. — Я имѣлъ удовольствіе видѣть ее у себя въ камерѣ...

— Ахъ, Боже мой! — почти вскрикнула Анфиса Ивановна, всплеснувъ руками. — Вотъ память-то! Вѣдь я и забыла, батюшка, поблагодарить тебя за «*Триш-*

кинскій процессъ.» Прости ради Бога, совсѣмъ изъ ума вышли...

Судья сконфузился.

— За что-же! — бормоталъ онъ... — Ужь если благодарить, такъ надо благодарить не меня, а Мелитину Петровну...

— Такъ это она была вашимъ защитникомъ? — спросилъ непремѣнный членъ.

— Она, она...

— Молодецъ барыня, молодецъ! Очень сожалѣю, что незнакомъ съ нею, а то непремѣнно ручку поцѣловалъ бы у нея... Прелесть просто!.. Вы пожалуйста передайте это Мелитинѣ Петровнѣ.

— Хорошо, передамъ...

— А ты было Анфису Ивановну въ острогъ приговорилъ? — спросилъ непремѣнный членъ, быстро обернувшись къ судьѣ и уставивъ на него большущіе глаза свои.

— Нѣтъ, не въ острогъ, а къ аресту на четыре дня.

— Молодецъ, нечего сказать!

— Да помнишь-ли, — оправдывался судья: — за самоуправство по 142 статьѣ...

— Да чортъ бы тебя подралъ совсѣмъ съ твоими статьями! — горячился непремѣнный членъ: — ну какъже Анфису Ивановну въ арестантскую-то сажать!..

— Куда-же?

— Никуда нельзя...

— Это невозможно...

— Врешь, возможно! Ее можно посадить на диванъ, на кресло, а ужь никакъ не въ арестантскую!.. Шутъ ты гороховый!.. Смѣшное, право, дѣло! Вообразилъ

себѣ, что если его выбрали въ судьи, такъ ужь онъ можетъ всѣхъ сажать...

— Успокойся! — перебилъ его судья: — дѣло кончилось миромъ...

— А если-бы не кончилось!.. Если-бы этотъ, чортъ бы его подиралъ, Тришка, Гришка, Мартышка заупрямился!..

— Тогда, конечно, пришлось-бы отсидѣть...

— Отсидѣть! — перебилъ его непремѣнный членъ, и, обратясь затѣмъ къ Анфисѣ Ивановнѣ, прибавилъ:

— Пожалуйста, прошу васъ не забудьте... передайте Мелитинѣ Петровнѣ, что я отъ нея въ восторгѣ и что цѣлую у нея и ручки и ножки...

— Непремѣнно...

— А она кстати очень хорошенькая! — замѣтилъ судья.

— Отличная бабенка — и говорить нечего!

Послѣ чая Анфиса Ивановна собралась было домой, но и хозяинъ и хозяйка упросили ее остаться у нихъ переночевать и хорошенько отдохнуть. Приглашеніе было такъ радушно, что старушка согласилась, однако съ условіемъ, чтобы ее извинили, если она пораньше другихъ уйдетъ спать.

— Слава Богу! — проговорилъ исправникъ на ухо прокурору: — я очень радъ, что она остается.

— Да это вышло очень кстати...

Когда совсѣмъ стемнѣло, къ крыльцу предводительскаго дома было подано два тарантаса. Прокуроръ, исправникъ и жандармскій офицеръ взялись за шапки и, распрощавшись со всѣми, вышли на крыльцо.

— А что, — спросилъ исправникъ: — не подвязать-ли колокольчики?..

— Конечно, конечно! — подхватилъ жандармскій.

Колокольчики были подвязаны, бубенчики сняты и чиновники покатили въ село Рычи.

— Куда ихъ въ такую темноть-то понесло! — спросила Анфиса Ивановна, прислушиваясь къ шуму отъѣхавшихъ экипажей: — вотъ переломають себѣ шеи, тогда и будутъ знать какъ по ночамъ-то ѣздить...

— А не хай ихъ! — проговорилъ непремѣнный членъ, и подойдя къ окну, какъ-то особенно нервно забарабанилъ пальцами по стеклу.

XL.

Въ тотъ же день «общество ревнителей» имѣло свое засѣданіе и, согласно состоявшагося журнальнаго постановленія, порѣшило съ наступленіемъ сумерекъ открыть дѣйствія общества, приступить къ ловлѣ крокодиловъ. Такъ какъ описываемый день былъ воскресный, то почти всѣ члены были налицо и собраніе вышло самое оживленное. Рѣчей было произнесено нѣсколько, дебаты велись шумно, но только безъ очереди, а одновременно, такъ какъ ораторы, не будучи въ силахъ сдерживать себя и, сверхъ того, опасаясь позабыть озарявшія ихъ мысли, торопились ихъ высказывать, справедливо требуя при томъ о скорѣйшемъ занесеніи таковыхъ въ журналъ, въ томъ соображеніи, что «написано перомъ не вырубишь топоромъ», тогда какъ «слово не воробей и за хвостъ его не поймаешь». Какъ ни хлопоталъ г. Знаменскій водворить порядокъ, какъ ни старался внушить обществу, что для веденія дебатовъ необходимо соблюдать

очередь,— какъ ни звонилъ предсѣдатель Нирьютъ въ колокольчикъ, призывая собраніе къ порядку, но ни внушенія г. Знаменскаго, ни перезвонъ Нирьюта не могли достигнуть желаемыхъ результатовъ. Г. Знаменскій выходилъ изъ себя, потъ катился съ него ручьями, онъ метался по комнатѣ, подбѣгая то къ одному, то къ другому члену, и въ отчаяніи хотѣлъ было бѣжать даже изъ собранія; но припомнивъ, что тоже самое происходитъ даже и на собраніяхъ земскихъ, рѣшилъ терпѣть до конца. Секретарь собранія, дьяконъ Космолинскій, помѣстившійся за особымъ столикомъ, разложилъ передъ собою нѣсколько листовъ бумаги, написалъ на одномъ изъ нихъ весьма красивымъ почеркомъ «Журналъ засѣданія» и принялся было записывать дебаты, но такъ какъ рука его никакимъ образомъ не могла поспѣть за теченіемъ произносившихся мыслей, то онъ сразу-же спутался, а чтобы не быть празднымъ зрителемъ, кончилъ тѣмъ, что началъ писать все, что только приходило ему въ голову. Поэтому къ концу засѣданія, на трехъ исписанныхъ имъ листахъ, были изложены всѣ молитвы, которыя онъ зналъ только наизусть. Но такъ какъ журналъ по случаю всеобщаго утомленія никѣмъ прочитанъ не былъ, то дѣло кончилось тѣмъ, что грамотные его подписали, а неграмотные скрѣпили, начертивъ на немъ нѣсколько крестовъ.

Въ этомъ засѣданіи были осмотрѣны всѣ снасти, предназначавшіяся для ловли крокодиловъ. Снастѣй таковыхъ было нѣсколько и всѣ они оказались наилучшей доброты. Всего больше шумѣли и спорили, когда разсматривался вопросъ о приспособленіи этихъ снастей къ дѣлу и вообще какой именно тактики дер-

жаться при ловлѣ крокодиловъ. Одни предлагали опустить на дно и потомъ вдругъ вытащить ихъ, а другіе наоборотъ доказывали, что опускать на дно нельзя, ибо крокодилы могутъ оказаться внизу сѣтей, а что всего лучше примѣнить систему забродовъ. Споръ этотъ продолжался болѣе часа. Наконецъ г. Знаменскій, добившійся кое-какъ слова, предложилъ одною сѣтью перегородить рѣку повыше того мѣста, гдѣ чаще всего появлялся крокодилъ, другую-же сѣть опустить въ воду, пониже сказаннаго мѣста, и тянуть по направленію къ первой сѣти. Но такъ какъ крокодилы могутъ выскакивать изъ воды въ камыши и обратно, то Знаменскій предложилъ разставить въ камышахъ верховыхъ, вооруживъ ихъ желѣзными вилами и топорами. Соглашаясь съ главными основаніями предложенія, нѣкоторые изъ членовъ предлагали однако вооружить верховыхъ не вилами и топорами, а ружьями и трещетками, а если трещетокъ не окажется, то дать имъ арапники и чтобы арапниками этими они хлопали, какъ хлопаютъ обыкновенно охотники, выпугивая изъ кустовъ зайцевъ. Предложеніе это было принято почти единогласно. Затѣмъ г. Знаменскій доложилъ собранію, что имъ было вычитано у доктора Эдуарда Фогеля, что крокодилы имѣютъ большую склонность къ музыкѣ; что были примѣры на берегахъ озера Малагарази, что къ пастухамъ игравшимъ на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ, подползали крокодилы, слушали съ увлеченіемъ музыку и когда пастухи, увидавъ ихъ переставали играть, то крокодили ихъ пожирали. Въ виду этого г. Знаменскій считалъ-бы весьма полезнымъ — попросить Нирьюта захватить съ собою гитару, сѣсть въ камыши и

сыграть что-либо. Предложеніе это вызвало общій хохотъ и, какъ это случается даже и на болѣе серьезныхъ собраніяхъ, нѣсколько умиротворило расходившіяся страсти, и программа дѣйствій была немедленно утверждена.

Затѣмъ собраніе принялось за распредѣленіе каждому члену его обязанностей съ цѣлію избѣжать толкотни и суеты: чтобы члены не совались туда, куда ихъ не спрашиваютъ; чтобы верховые не лѣзли въ воду тянуть сѣть, а пѣшіе не становились на мѣста, назначенныя верховымъ. Распредѣленіе это возбудило много шума и споровъ. Никому не хотѣлось лѣзть въ воду, а другіе напротивъ не желали быть въ цѣпи, гдѣ, стоя на довольно далекомъ разстояніи, они рисковали во-первыхъ ничего не видѣть, а во-вторыхъ быть забытыми при раздачѣ водочной порціи. Много спорили, много шумѣли, но наконецъ и это дѣло уладилось и каждому члену было назначено, что именно онъ долженъ былъ дѣлать. Г. Знаменскій, говорившій и хлопотавшій болѣе всѣхъ, былъ въ совершенномъ изнеможеніи, а такъ какъ и остальные члены тоже поизмучились, то общество и порѣшило послать за водкой и подкрѣпить свои силы. Съ появленіемъ водки собраніе вздохнуло свободнѣе!

Въ это самое время дверь съ шумомъ распахнулась, и въ комнату вошелъ какой-то неизвѣстный мужчина мрачнаго вида, съ косыми глазами, бритымъ подбородкомъ и черными усами въ родѣ двухъ громадныхъ запятыхъ, поднятыхъ къ верху. На вошедшемъ былъ нанковый пиджакъ, такія-же брюки, заправленныя за голенищи длинныхъ сапогъ, и лѣтняя, бѣлая фуражка военнаго покроя. Висѣвшій за спиной

мѣшокъ и длинная палка въ рукахъ указывали, что то былъ какой-то пѣшеходъ. Войдя въ комнату и снявъ фуражку, «мрачный незнакомецъ» помолился на образа и поклонился обществу.

— Миръ честной компаніи!—проговорилъ онъ, поднявъ кверху правую руку наподобіе Любима Торцова.—Возвращаюсь съ богомолья изъ Кіева, изъ Воронежа, но услыхавъ, что у васъ здѣсь неладно, что завелась какая-то *нечисть*, которую вы собираетесь изловить, задумалъ переночевать и предложить вамъ свои услуги. Изъ военныхъ я, прапорщикъ въ отставкѣ, но бывалъ во многихъ сраженіяхъ и баталіяхъ, и за отечество немало крови пролилъ... Не будь на свѣтѣ водки, давнымъ-бы давно въ полковничьемъ чинѣ состоялъ. Походы ломалъ я дальніе, на краю свѣта былъ, и даже въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ эта самая *нечисть* зародилась и размножилась... Коли хотите принять въ компанію, пособить могу... А прежде всего стаканчикъ водки, а то усталъ очень, да и въ глоткѣ такъ пересохло, что словно мнѣ суконкой вытерли.

Собраніе было весьма удивлено появленіемъ «мрачнаго незнакомца», тѣмъ не менѣе, однако, поспѣшило угостить его водкой и колбасой съ бѣлымъ хлѣбомъ. Такъ какъ о принятіи его въ число членовъ требовалось обсужденіе собранія, то г. Знаменскій пригласилъ его въ особую комнату, предложилъ чаю, а самъ снова вернулся въ залу засѣданія. Тамъ уже опять шли оживленныя пренія и предметомъ этихъ преній былъ «мрачный незнакомецъ». Нѣкоторые изъ членовъ были противъ «незнакомца», а нѣкоторые наоборотъ — за него. Въ числѣ противниковъ былъ и Але-

ксандръ Васильевичъ Соколовъ, увѣрявшій собраніе, что «незнакомецъ» все вретъ, что онъ вовсе не офицеръ, а просто переодѣтый жандармъ, котораго онъ видѣлъ какъ-будто на какой-то станціи желѣзной дороги; членъ же Чурносовъ опровергалъ это сообщеніе и завѣрялъ, что незнакомца этого онъ встрѣчалъ въ полицейскомъ управленіи въ числѣ занимавшихся тамъ писцовъ. Вспомнили пророчество Ивана Максимовича *насчетъ шейнаго и затылочнаго*, и порѣшили «незнакомца» не принимать. Г. Знаменскій выходилъ изъ себя и началъ доказывать, что собранію нѣтъ никакой надобности входить въ разсмотрѣніе послужнаго списка «мрачнаго незнакомца», что незнакомецъ этотъ могъ быть и жандармомъ и писаремъ, а прежде участвовать въ баталіяхъ, ломать походы и проливать кровь за отечество. Что имъ нужны люди отличающіеся храбростью и что собраніе, не имѣя подъ рукою данныхъ, опровергающихъ храбрость «незнакомца», не имѣетъ права недовѣрять ей! Цѣлыхъ полчаса продолжались споры, наконецъ справедливые и вполнѣ основательные доводы г. Знаменскаго одержали верхъ и «мрачный незнакомецъ» былъ торжественно введенъ въ комнату засѣданія и поздравленъ съ выборомъ въ члены общества. По поводу этого выпили еще по стаканчику, а затѣмъ «мрачный незнакомецъ» попросилъ г. Знаменскаго разсказать, какъ именно будетъ производиться ловля крокодиловъ. Г. Знаменскій подробно разсказалъ ему программу и программой этой «мрачный незнакомецъ» остался доволенъ. Онъ только выразилъ сожалѣніе, что забыли садъ Анфисы Ивановны, на который, однако, слѣдовало бы обратить вниманіе, такъ какъ въ саду и именно въ кустахъ

акаціи крокодилы однажды появились и были усмотрѣны садовникомъ Брагинымъ и ночнымъ сторожемъ Карпомъ. Собраніе спохватилось, что дѣйствительно столь важный пунктъ былъ совершенно забытъ, и поспѣшило пополнить этотъ пробѣлъ. «Мрачный незнакомецъ» объявилъ, что пунктъ этотъ займетъ онъ. Собраніе поблагодарило и предложило ему двухствольное ружье, но онъ отказался и, вынувъ изъ жилетнаго кармана свистокъ, объявилъ, что для него совершенно достаточно этого, такъ какъ извѣстно, что крокодилы боятся свистковъ. Г. Знаменскій былъ этимъ очень удивленъ, но когда незнакомецъ объяснилъ, что открытіе это принадлежитъ новѣйшему времени, то г. Знаменскій почувствовалъ къ прибывшему еще болѣе увѣренія. Затѣмъ «мрачный незнакомецъ» предложилъ разставить по камышамъ нѣсколько волчьихъ капкановъ, а ловлю начать съ наступленіемъ сумерекъ. Членъ общества, Александръ Васильевичъ Соколовъ, какъ человѣкъ практическій, сверхъ возложенной на него собраніемъ обязанности въ числѣ прочихъ быть у сѣти, преграждающей рѣку, рѣшился въ то же время воспользоваться случаемъ и сдѣлать коммерческую операцію. Убѣдившись изъ прежнихъ попытокъ общества, что во время ловли крокодиловъ попадалось въ сѣти огромное количество лещей и судаковъ, и сверхъ того, имѣя въ виду, что подъ вліяніемъ страха никому изъ владѣльцевъ рѣки не придетъ въ голову запретить ловлю, за которую до этого обыкновенно взималась плата,—Александръ Васильевичъ немедленно распорядился заготовленіемъ кадушекъ и соли. Все это онъ приказалъ перевезти на берегъ къ тому мѣсту, гдѣ будетъ производиться ловля,

чтобы, буде крокодиловъ не окажется, то имѣть подъ руками все необходимое для солки леща и судака, которыхъ онъ не безъ основанія разсчитывалъ сбыть выгодно въ виду имѣющаго наступить успенскаго поста. Александръ Васильевичъ отлично зналъ, когда въ *ходу гвоздь, стручекъ, фотонафтиль, карамель, подкова, осетръ*, и потому ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ и въ данную минуту сейчасъ смекнулъ, что тутъ убытка не будетъ, и потому строго приказалъ своей супругѣ и сыну быть на мѣстѣ, нанять двухъ-трехъ бабъ и не дремать при солкѣ. Онъ разсчитывалъ заготовить одного *малосолу*, во-первыхъ, потому что до успенскаго поста времени остается *нѣсколько* и лещу нѣкогда будетъ *пустить духъ*, а во-вторыхъ, и по той причинѣ, *что объ эту пору публика болѣе какъ-то уважаетъ малосолъ, чѣмъ крѣпкую соль*. Александръ Васильевичъ съ такимъ усердіемъ занялся этимъ дѣломъ, что часамъ къ пяти вечера четыре большія кадушки и мѣшокъ соли были уже уложены въ телегу и телега въ сопровожденіи супруги Соколова, сына его и трехъ бабъ, которымъ за труды было обѣщано дать мелкой рыбешки на уху, отправились по направленію къ деревнѣ Грачевкѣ.

Немного погодя къ лавкѣ Соколова стали подваливать и члены общества, а часамъ къ семи всѣ были въ сборѣ, и пѣшіе, и верховые, и телега для перевозки снастей.... Такъ какъ всѣ снасти и другія орудія сохранялись въ лавкѣ Соколова, то каждому и было роздано то, что выпало ему на долю. Затѣмъ перекрестившись, толпа эта, человѣкъ въ тридцать, къ которой присоединилось еще человѣкъ сорокъ мужиковъ, двинулась къ Грачевкѣ.

XLI.

Почти одновременно съ этимъ отецъ Иванъ, усѣвшись у раствореннаго окна, принялся было за чай. Но только-что успѣлъ онъ выпить одинъ стаканъ, какъ къ крыльцу его домика подкатили извѣстные намъ тарантасы. Сначала онъ было обрадовался гостямъ и поспѣшилъ къ нимъ на встрѣчу, но, увидавъ въ числѣ пріѣхавшихъ жандармскій мундиръ, смутился, оробѣлъ и сталъ, какъ вкопанный.

— Что, не ожидали, не ожидали! — весело и какъ-то шутя кричалъ исправникъ, сбрасывая съ себя шинель и дружески хлопая отца Ивана по рукѣ: — не ожидали!

— Дѣйствительно, не ожидалъ!... — пробормоталъ отецъ Иванъ.

— А мы вотъ взяли да и нагрянули!... Думаемъ себѣ: — дай-ка навѣстимъ батюшку рычевскаго... давно не видались....

— Милости просимъ....

Пріѣхавшіе вошли въ залу, и исправникъ принялся суетливо знакомить отца Ивана съ товарищемъ прокурора и «Опаснымъ Василькомъ».

— Все люди хорошіе, — говорилъ онъ:—пріятели, друзья!...

Отецъ Иванъ пригласилъ ихъ въ гостиную, усадилъ на диванъ и предложилъ чаю.

— Некогда бы! Ну, да по стакану выпьемъ! — проговорилъ исправникъ.

Подали чай.

— Ну что какъ поживаешь?

— Понемножку-съ....

— Лошадки какъ?

— Слава Богу-съ....

— Рысачки есть?

— Есть одинъ.

— Какъ-нибудь заѣду, посмотрю, — проговорилъ исправникъ и, затѣмъ обратясь къ прокурору и «Васильку», прибавилъ: — Вотъ господа, посмотрѣли бы лошадки-то какія! Прелесть! Большой охотникъ!... И не повѣрите-ли, все самъ дѣйствуетъ.... и подковываетъ и наѣздничаетъ....

— Нѣтъ, ужь старъ становлюсь! — перебилъ его отецъ Иванъ: — лѣниться сталъ....

— Разсказывайте!... Знаемъ мы это!... А вы, говорятъ, въ Москвѣ недавно были?

— Да, Богъ привелъ.... посмотрѣлъ на старости лѣтъ древнюю столицу, нашу православную старушку.... кормилицу....

— Именно, именно, что кормилица.... Сколько милліоновъ русскихъ вынянчала да на ноги поставила!... Сочтите-ка!

И исправникъ даже умилился немножко....

— А что сынокъ какъ? — спросилъ онъ немного погодя.

— Ничего, здоровъ.

— Говорятъ, въ управу секретаремъ опредѣлить хотите?

— Да, обѣщалъ предсѣдатель....

— Доброе дѣло, доброе дѣло! Пусть послужитъ, человѣкъ молодой, развитый, энергичный.... а намъ такихъ и нужно!..

И пригнувшись къ уху отца Ивана, онъ прибавилъ шепотомъ:

— Правду сказать: старичье-то надоѣло ужь!... Чего отъ нихъ дожидаться?... Ничего! Только небо коптять!

И потомъ онъ спросилъ громко:

— А что, дома онъ?

— Кто?

— Асклипіодотъ Ивановичъ?

— Нѣтъ-съ.

— Гдѣ же онъ?

— Да въ Грачевку послалъ я его, къ Анфисѣ Ивановнѣ....

— Ахъ, Боже мой! да ея дома нѣтъ! — вскрикнулъ исправникъ. Она у предводителя, сейчасъ вмѣстѣ обѣдали и даже ночевать будетъ тамъ....

И исправникъ принялся разсказывать отцу Ивану, какъ у Анфисы Ивановны сломалась дорогой карета, какъ пришлось идти ей «по образу пѣшаго хожденія», какъ обругала его за мостъ и за требованіе повинностей, и даже разсказалъ, какъ она отняла очки у письмоводителя....

И все это передалъ онъ весело, шутя и съ такимъ юморомъ, что у отца Ивана какъ-то невольно отъ души отлегло.

— Вѣдь она по вашему же дѣлу поѣхала къ предводителю! — прибавилъ онъ.

— То-есть по дѣлу сына, — поправилъ его отецъ Иванъ.

— Ну да.

— А вамъ неизвѣстно, — спросилъ отецъ Иванъ

вкрадчиво и какъ-то искоса поглядывая на товарища прокурора:—просьба Анфисы Ивановны была уважена.

— Извѣстно....

— Что же?

— Все улажено, все устроено....

— Да, — перебилъ товарищъ прокурора, я далъ слово Анфисѣ Ивановнѣ похлопотать за вашего сына, и заранѣе увѣренъ, что дѣло его будетъ прекращено.... Я обѣщалъ Анфисѣ Ивановнѣ.... обѣщалъ....

Вѣсть, что дѣло сына улажено, еще болѣе ободрила отца Ивана. Онъ принялся благодарить товарища прокурора, а затѣмъ на радостяхъ предложилъ гостямъ выпить водочки и закусить чѣмъ Богъ послалъ. Но гости отъ водки и отъ закуски отказались.

— Мы вѣдь отчасти по дѣлу, — проговорилъ исправникъ опять-таки шутя и весело: — только вы пожалуйста не пугайтесь, не волнуйтесь, а главное не обращайте на насъ никакого вниманія....

— Что такое? — спросилъ отецъ Иванъ.

— Ну вотъ такъ и зналъ, — вскрикнулъ исправникъ, всплеснувъ руками и глядя на отца Ивана.—И поблѣднѣлъ, и перепугался и трясется весь.... точно школьникъ какой!... Говорятъ вамъ, что все вздоръ и пустяки.... Нечего волноваться.... Сидите себѣ на диванѣ, пейте свой чай преспокойно....

— Объясните ради Бога....

— Хочется! хочется непремѣнно, а? хочется?!...

— Конечно....

— Ну извольте....

И исправникъ, игриво и шутя передавъ цѣль пріѣзда, опять-таки принялся тараторить и упрашивать отца

Ивана не безпокоиться, не волноваться и пить себѣ чай на доброе здоровье.

— Мы произведемъ обыскъ, составимъ актъ и конецъ.

И проговоривъ это, онъ попросилъ только «на минуточку побезпокоиться и указать имъ комнату Асклипіодота».

Отецъ Иванъ указалъ комнату. Всѣ вошли въ нее.

— А! — проговорилъ исправникъ, оглядывая мебель: комодъ, столъ, шкафъ.... И вдругъ повернувшись къ отцу Ивану, спросилъ:

— А ключиковъ у васъ нѣтъ?

— Нѣтъ, ключи у него....

— Жаль, очень жаль, ломать придется.... Какъ же быть-то! Топорикъ бы что-ли....

— Надо понятыхъ пригласить,— замѣтилъ товарищъ прокурора.

— Непремѣнно, непремѣнно! — подхватилъ исправникъ.

Вошли понятые съ громомъ и шумомъ, а исправникъ подбѣжалъ къ отцу Ивану, взялъ его за плечо, повернулъ назадъ и, подведя къ двери, заговорилъ:

— А теперь ступайте себѣ; не волнуйтесь, не пугайтесь и забудьте объ насъ совсѣмъ, какъ будто насъ и нѣтъ!...

Отецъ Иванъ вышелъ въ залу, и почувствовалъ, что въ головѣ у него какой-то туманъ, какой-то хаосъ.... въ глазахъ позеленѣло, а въ ушахъ происходила какая-то трескотня; какой-то шумъ, какъ будто домъ обрушился на него и придавилъ его своею тяжестью! Машинально подошелъ онъ къ окну, машинально отворилъ его и дрожавшими и похолодѣв-

шими руками.... взглянулъ въ сумракъ ночи.... а тамъ, въ сумракѣ этомъ, у крыльца дома, у воротъ, у палисадника двигаются какія-то тѣни и въ одной изъ этихъ тѣней онъ узнаетъ становаго Дуботолкова. Отецъ Иванъ отшатнулся даже, закрылъ глаза рукою, а ноги между тѣмъ отказывались служить! «Не тревожьтесь, не пугайтесь, не волнуйтесь!» трещало въ его ушахъ, но вдругъ какъ будто кто-то ударилъ его по головѣ, все закружилось, завертѣлось и онъ немощно опустится въ кресло....

Что было дальше, онъ не помнилъ и только утромъ очнулся онъ. Онъ былъ уже въ кровати, на головѣ лежали холодные компрессы, возлѣ него сидѣла Веденѣвна.... Онъ хотѣлъ ее спросить о чемъ-то, но языкъ не двигался, онъ только промычалъ что-то....

А Веденѣвна, какъ-то улыбаясь и лаская костлявой рукой своей руку отца Ивана, шептала ему на ухо.

— Ничевохонько не нашли, ничевохонько.... съ чѣмъ пріѣхали, съ тѣмъ и уѣхали.... А ты, сердечный, усни теперь....

Отецъ Иванъ хотѣлъ было перекреститься, но рука не поднялась....

XLIII.

Покончивъ въ домѣ отца Ивана, тарантасы покатили въ усадьбу Анфисы Ивановны, которая тоже была окружена какими-то таинственными людьми и во главѣ которыхъ, опять-таки, находился становой Дуботолковъ. Въ домѣ Анфисы Ивановны произошло то же самое, что и въ домѣ отца Ивана, съ тою

только разницею, что Потапычъ, Домна и Дарья Θедоровна, съ наступленіемъ сумерекъ, боясь нападенія крокодиловъ, заперли всѣ двери и окна и низачто не хотѣли впустить въ домъ пріѣхавшихъ. «Барыни нѣтъ дома!» — отвѣчали они на раздававшійся снаружи стукъ въ дверь, а потому и вамъ здѣсь нечего дѣлать!» — «Отоприте именемъ закона»!... горячился жандармскій офицеръ, но такъ какъ старикамъ законъ былъ не писанъ, то законъ былъ замѣненъ хитростью, и, дѣйствительно, когда исправникъ объявилъ старикамъ, что пріѣхалъ онъ не въ гости, а ловить крокодиловъ и что объ этомъ просила его сама Анфиса Ивановна, старики уступили и отперли дверь. Мелитины Петровны дома не было и никто изъ прислуги не могъ объяснить, куда и когда она ушла.

Въ комнатѣ Мелитины Петровны тоже ничего подозрительнаго не оказалось; въ комодѣ и шкафу кромѣ одного стараго платья, въ которомъ она пріѣхала въ Грачевку, да худыхъ, никуда негодныхъ, ботинокъ, ничего не нашлось, и только въ углу, подъ кроватью была усмотрѣна большая куча пепла отъ сожженныхъ бумагъ.

— Я говорилъ, я говорилъ, что такъ дѣлать нельзя! — горячился товарищъ прокурора: — Надо было внезапно, вдругъ.... молніей упасть....

— И упадемъ!... не уйдутъ! — возражалъ исправникъ.

— Дожидайтесь!.. Правду говорилъ судья, что мы, какъ Пошлепкина, сами себя высѣчемъ.

— Не безпокойтесь, не уйдутъ-съ....

— А я говорю — уйдутъ....

— Посмотримъ!

Но исправникъ уже не слушалъ прокурора. Онъ выскочилъ въ переднюю и позвалъ становаго.

— Все устроено? — спросилъ онъ его.

— Все какъ слѣдуетъ....

— Живодеровъ тамъ?

— Тамъ.

— Изволили слышать! — вскрикнулъ исправникъ, обратясь къ прокурору.

— Слышалъ.... ну что же?

— А то, что гдѣ Живодеровъ, тамъ и смерть!...

Прокуроръ захохоталъ даже.

Затѣмъ и здѣсь былъ составленъ актъ, скрѣпленъ подписомъ, и прибывшіе расположились въ домѣ Анфисы Ивановны, ожидать дальнѣйшихъ результатовъ принятаго дѣла, а чтобы ожиданіе не оказалось особенно томительнымъ, исправникъ скомандовалъ самоваръ, скомандовалъ закуску, которые и не замедлили явиться къ услугамъ нагрянувшей компаніи.

XLIII.

Между тѣмъ ночь давно наступила. Это была одна изъ тѣхъ ночей, когда и небо и земля сливаются въ одно нераздѣльное, и когда всякій идущій ступаетъ осторожно, изъ боязни слетѣть куда-нибудь въ оврагъ, и протягиваетъ впередъ руки изъ той же боязни на что-нибудь наткнуться. Словомъ, одна изъ тѣхъ ночей, когда легче слышать, нежели видѣть землю. Тучи заволокли все небо и даже на западѣ не оставили той свѣтлой полоски, глядя на которую можно было бы опредѣлить, гдѣ кончается земля и гдѣ начинается небо.

Но зато среди этой темной ночи, берега рѣки Грачевки и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ «общество ревнителей» производило ловлю крокодиловъ, представляли великолѣпную картину, достойную кисти художника. По случаю темноты, обществу пришлось зажечь нѣсколько костровъ, такъ какъ дѣйствительно безъ этихъ костровъ нельзя было бы ни снастей разобрать, ни разсмотрѣть мѣстности. Костры эти, состоявшіе изъ сухаго валежника и сухаго камыша, багровымъ заревомъ освѣщали и окрестность и толпившійся вокругъ нихъ народъ, и въ какой-то кровавый потокъ обращали доселѣ сонную и тихую рѣку Грачевку. Успѣли уже оцѣпить мѣстность на далекое пространство кольцомъ верховыхъ, на обязанности которыхъ лежало стеречь окрестности, и въ случаѣ побѣга крокодиловъ, дать сигналъ и преслѣдовать ихъ. Всѣ эти верховые были снабжены желѣзными вилами, походившими на трезубецъ Нептуна. Разставили капканы, а г. Знаменскій, несмотря на то, что насилу передвигалъ отъ усталости ноги, все-таки поспѣваетъ туда и сюда, поощряя и ободряя участвовавшихъ. Сѣть, долженствовавшая перегородить рѣку пониже того мѣста, гдѣ купалась Мелитина Петровна, была уже въ водѣ, и къ каждому крылу этой сѣти было приставлено по пяти человѣкъ. На обязанности ихъ лежало тащить сѣть на берегъ, какъ только почувствуютъ они возню запутавшихся крокодиловъ, а для болѣе быстраго и вѣрнаго исполненія этого, у каждаго берега было приставлено по одному члену въ лодкахъ. Члены эти обязаны были съ быстротою молніи, въ случаѣ успѣха, *завезти* сѣть и при этомъ сильно ботать ботами, чтобы помѣшать крокодиламъ

выпутаться изъ сѣти и броситься назадъ. Пунктъ этотъ считался самымъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, такъ какъ именно здѣсь, по общему убѣжденію, должна была разыграться настоящая драма.

На этомъ-то самомъ мѣстѣ расположился Соколовъ съ своими кадушками и солью. Онъ былъ въ самомъ возбужденномъ состояніи. Онъ то подбѣгалъ къ берегу, то къ кадушкамъ, то разставлялъ столы, на которыхъ должна была производиться чистка рыбы; то заставлялъ сына своего, который по молодости лѣтъ собирался было задать лезгача къ толпившимся неподалеку бабамъ и дѣвкамъ, натачивать хорошенько ножи; словомъ, членъ Соколовъ ни минуты не былъ спокоенъ и все упрашивалъ г. Знаменскаго приказать поскорѣе начать. Между нами, членъ этотъ побаивался и того, какъ бы владѣльцы рѣки не вздумали прибыть на мѣсто и отобрать рыбу.

Тѣмъ временемъ, фельдшеръ Нирьютъ распоряжался погруженіемъ въ воду той сѣти, которую должны были тянуть по рѣкѣ, къ тому мѣсту, гдѣ преграждалась рѣка уже погруженною сѣтью. Чтобы захватить бо́льшее пространство воды, Нирьютъ опустилъ сѣть гораздо выше того мѣста, гдѣ купалась Мелитина Петровна, и надо отдать справедливость, порученіе это исполнилъ блистательно. Во все время, пока опускалась сѣть, тишина соблюдалась страшная! Всѣ распоряженія отдавались шепотомъ, и только плескъ воды изрѣдка нарушалъ эту тишину. Сѣть была опущена, и къ каждому ея крылу было приставлено по семи человѣкъ, на которыхъ была возложена обязанность тянуть сѣть.

Итакъ, то мѣсто рѣки, гдѣ чаще всего появлялся

крокодилъ, было охвачено сѣтями, но крокодилъ показывался тоже и въ камышахъ, густо покрывавшихъ на далекое пространство берегъ и затѣмъ примыкавшихъ къ лѣсу, отдѣляющему деревню Грачевку отъ села Рычей. Надо было заставить крокодиловъ, буде они скрываются въ камышахъ, нырнуть въ воду. Для этого, весь противоположный край камышей, начиная отъ самаго лѣса, былъ обставленъ цѣпью загонщиковъ. Загонщики эти, держа другъ друга за руки, по данному сигналу должны были идти камышами по направленію къ рѣкѣ. Такъ какъ людямъ этимъ болѣе всего грозила опасность, и такъ какъ, при малѣйшемъ нападеніи крокодиловъ, цѣпь могла дрогнуть и обратиться въ бѣгство, то для предупрежденія этого, необходимо было выбрать командирами цѣпи людей наиболѣе храбрыхъ и обладающихъ желѣзною волей. Люди эти незамедлили явиться въ силу того непреложнаго закона, что война родитъ героевъ. Начальство приняли на себя: членъ г. Знаменскій и «мрачный незнакомецъ».

Затѣмъ, оставалось укрѣпить лѣвый берегъ рѣки, на которомъ хотя и была расположена деревня Грачевка, но все-таки крокодилы могли пробраться и бѣжать, преслѣдованіе-же ихъ, по случаю расположенныхъ по берегу огородовъ, обнесенныхъ плетнями, дѣлалось почти невозможнымъ. Для предупрежденія этого, весь лѣвый берегъ былъ тоже уставленъ цѣпью, но такъ какъ членовъ не хватило, то, для составленія этой цѣпи были приглашены мужики и бабы, которые, за два ведра водки, охотно согласились принять на себя эту обязанность. Командованіе этою цѣпью г. Знаменскій поручилъ Кузьмѣ Васильевичу

Чурносову. Итакъ, всѣ пути для бѣгства крокодиловъ были отрѣзаны. Осталось подать сигналъ, чтобы вся эта машина пришла въ дѣйствіе. Нирьютъ, обойдя всѣ посты, и убѣдившись, что все готово и отличается примѣрнымъ порядкомъ, и что духъ людей превосходенъ, возвратился къ той сѣти, которую должны были тянуть по рѣкѣ, взялъ ружье, и сдѣлавъ выстрѣлъ на воздухъ, подалъ тѣмъ сигналъ къ открытію дѣйствій. Толпа какъ-будто дрогнула, но не прошло и минуты, какъ все снова стихло тою зловѣщею тишиной, которая охватываетъ невольнымъ трепетомъ, пророча о наступающей грозѣ... Все замерло!.. ни одного возгласа!.. ни одного громко сказаннаго слова... слышался только отдаленный трескъ камышей, — это подвигалась цѣпь загонщиковъ. Слышался тихій плескъ воды — это подвигалась громадная сѣть... Все покорилось этой воцарившейся тишинѣ; даже затихъ членъ Соколовъ, забывъ про свои кадушки!.. Тихо и торжественно, впереди двигавшейся сѣти, плылъ на челнокѣ дьяконъ Космолинскій... Онъ плылъ стоя, заправивъ подъ шляпу свои длинные волосы и мягко огребаясь весломъ... Слышно было даже, какъ капли съ весла падали въ воду... Вдругъ въ темнотѣ, и именно въ цѣпи загонщиковъ раздался отчаянный крикъ. — Кто-то крикнулъ, что крокодилъ схватилъ его за ногу и грызетъ ее...

— Сомкнись! — ревѣлъ гдѣ-то во мракѣ «мрачный незнакомецъ».

Цѣпь загонщиковъ дрогнула, намѣреваясь бѣжать, но «незнакомецъ» не допустилъ. Онъ былъ впереди, и выбросивъ вонъ схваченнаго крокодиломъ, заста-

вилъ цѣпь снова сомкнуться... Стоявшіе на берегу насторожились...

Опять раздался новый крикъ, и опять голосъ «незнакомца», кричалъ:

— Сомкнись!..

Но тутъ, вдругъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Цѣпь загонщиковъ застонала, и изъ камышей раздались десятки голосовъ моливших о помощи и кричавшихъ, что ноги ихъ грызутъ крокодилы.

— Сомкнись! — командовалъ «незнакомецъ».

Но на этотъ разъ никто уже не слушалъ его. Цѣпь дрогнула, и тѣ, что остались еще не схваченными, обратились въ бѣгство... «Незнакомецъ» разразился бранью, со сжатыми кулаками бросился было останавливать бѣжавшихъ, но никто ему не повиновался. Разсерженный, разъяренный, онъ вмѣстѣ съ Знаменскимъ выбѣжалъ на рѣку за подкрѣпленіемъ, но едва достигъ берега, какъ вдругъ изъ-подъ ногъ его, словно изъ земли, выросла какая-то фигура.

— Крокодилъ! — закричалъ было Знаменскій, но, вдругъ услыхавъ хохотъ, замеръ на мѣстѣ.

То былъ Асклипіодотъ Психологовъ!.. Всѣ ахнули, и только одинъ «незнакомецъ» сохранилъ полное хладнокровіе, и подойдя къ Асклипіодоту,— проговорилъ раскланявшись:

— Честь имѣю представиться, сыщикъ Живодеровъ.

И предложивъ Асклипіодоту руку, вмѣстѣ съ нимъ пошелъ по направленію къ усадьбѣ Анфисы Ивановны.

Въ камышахъ между тѣмъ продолжали раздаваться стоны и крики о помощи. «Спасите!» — раздавалось

съ разныхъ сторонъ. «Крокодилы грызутъ насъ!» Всѣ бросились въ камыши, но каково-же было изумленіе толпы, когда на ногахъ раненыхъ, принесенныхъ изъ камышей, оказались не крокодилы, а просто разставленные волчьи капканы.

XLIV.

Только на третій день послѣ описаннаго, Анфиса Ивановна возвратилась домой. Все случившееся ей уже было извѣстно, такъ какъ исправникъ, прокуроръ и *Опасный Василекъ,* послѣ ловли крокодиловъ, пріѣзжали къ предводителю и все подробно ей передали. Старушка все-таки ничего не могла понять изъ разсказаннаго, и все удивлялась, зачѣмъ имъ понадобилась Мелитина Петровна и Асклипіодотъ Психологовъ, и какъ это такъ случилось, что вмѣсто крокодиловъ поймали Асклипіодота; стало-быть, крокодилы все-таки остались! Не понимала также Анфиса Ивановна, куда уѣхала Мелитина Петровна, и отчего она не подождала ее и не простилась съ нею. Но болѣе всего удивляло ее, зачѣмъ арестовали Асклипіодота, тогда какъ она уладила его дѣло, и прокуроръ его *простилъ*. Прокуроръ даже самъ говорилъ ей объ этомъ, а теперь вонъ что вышло! Пріѣхавъ домой, она все слышанное передала Домнѣ, Дарьѣ Ѳедоровнѣ и Потапычу, но и тѣ тоже не поняли ничего. Когда же Анфиса Ивановна отворила комодъ, чтобы спрятать серги и брошку, которыя надѣвала къ предводителю, и когда съ ужасомъ замѣтила она, что шкатулка, въ которой сохранялись ея брилліанты, сломана, и что

бриллiантовъ нѣтъ, Анфиса Ивановна вдругъ про зрѣла.

— Вѣдь бриллiантовъ-то нѣтъ! — вскрикнула она.

— Гдѣ-жь они? — подхватили Потапычъ, Домна и Дарья Өедоровна.

— И шкатулка сломана. Вѣдь это племянница украла!

Старики переглянулись.

— Она и есть! — вскрикнулъ Потапычъ.

И онъ разсказалъ, что дѣйствительно, во время отсутствiя Анфисы Ивановны, Мелитина Петровна входила въ ея спальню, выгнала оттуда Домну, и заперлась на ключъ, а когда вышла, то заперлась опять въ своей комнатѣ, и въ это время имъ послышался запахъ дыма; они было перепугались, но Мелитина Петровна вошла къ нимъ въ залу и объявила, что дымъ отъ того, что она жгла бумаги; и послѣ этого они уже Мелитину Петровну не видали. Въ тотъ-же самый день Анфиса Ивановна получила съ почты письмо слѣдующаго содержанiя:

«Милостивая государыня Анфиса Ивановна. — По встрѣтившимся обстоятельствамъ, я нашлась вынужденною тайно покинуть вашъ домъ, и прошу васъ извинить меня, что по нѣкоторымъ соображенiямъ мнѣ пришлось васъ обмануть. Но цѣль оправдываетъ средства. Теперь, когда я далеко уже отъ вашего гостепрiимнаго крова, мнѣ становится возможнымъ открыть вамъ, что я вовсе не ваша племянница, вовсе не Мелитина Петровна, и о вашемъ существованiи случайно узнала отъ Асклипiодота, въ вагонѣ Рязанской дороги. Изъ его-же разговоровъ я узнала, что у васъ есть племянница Мелитина Петровна, которую вы видѣли еще груднымъ ребенкомъ, и мнѣ

пришло въ голову пріѣхать къ вамъ подъ именемъ племянницы. Я ѣхала совершенно не къ вамъ, совершенно не въ вашу губернію, но рѣшилась измѣнить маршрутъ, и пріѣхать къ вамъ для достиженія извѣстныхъ мнѣ цѣлей. Но разсчеты мои оказались невѣрными, и я принуждена была перенести свою дѣятельность на почву болѣе благодарную. Такъ какъ мнѣ нужны были деньги, а таковыхъ, по тщательному розыску, у васъ не оказалось, то мнѣ и пришлось распорядиться вашими бриллiантами, продавъ которыя, я выручила лишь пятьдесятъ семь рублей сорокъ двѣ коп., каковыя деньги и употреблены мною на издержки по проѣзду. Не трудитесь меня розыскивать. Утѣшаю себя мыслію, что, прочитавъ это письмо, вы не будете сожалѣть о своихъ бриллiантахъ, такъ какъ взамѣнъ ихъ вы получаете спокойствіе, вытекающее изъ убѣжденія, что крокодиловъ въ имѣніи вашемъ болѣе нѣтъ».

— Слава тебѣ Господи! — проговорила Анфиса Ивановна, набожно крестясь и складывая письмо.

— Что такое? — спросили Потапычъ, Домна и Дарья Өедоровна,

— Крокодиловъ у насъ нѣтъ.

— Ну и слава тебѣ Господи! — проговорили старики, тоже крестясь. — Да кто-же это пишетъ-то вамъ?

— Я и сама не знаю кто, отвѣтила Анфиса Ивановна, и тутъ-же забыла про все происшедшее въ эти дни.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого, въ камерѣ мироваго судьи разбиралось дѣло, по обвиненію приставомъ 4-го стана, личнаго почетнаго гражданина Знаменскаго,

въ распространеніи ложныхъ слуховъ, о появленіи будто-бы въ рѣкѣ Грачевкѣ крокодиловъ, то-есть слуховъ, хотя и не имѣющихъ политической цѣли, но возбуждающихъ безпокойство въ умахъ. Камера была биткомъ набита публикой, тутъ были: непремѣнный членъ, Соколовъ, Чурносовъ, Гусевъ, Голубевъ, Иванъ Максимовичъ, Нирьютъ и всѣ члены общества ревнителей. Несчастный Знаменскій, распростудившійся и расхворавшійся, стоялъ, весь окутанный шарфами, въ тепломъ ваточномъ пальто, щелкая зубами отъ бившей его лихорадки. Лицо его позеленѣло еще болѣе, глаза выкатились, и точно хотѣли выскочить изъ предназначеннаго имъ помѣщенія. Судья писалъ приговоръ; все было тихо, и только скрипъ судейскаго пера да бряканіе судейскаго знака нарушали эту мертвую тишину. Наконецъ, судья пригласилъ всѣхъ встать и объявилъ, что, признавая г. Знаменскаго виновнымъ въ распространеніи ложныхъ слуховъ о появившихся крокодилахъ, чѣмъ и возбудилъ безпокойство въ умахъ многихъ окрестныхъ жителей, онъ приговорилъ: на основаніи ст. 119 Устава Угол. Суд. и ст. 37 Устава о Нак. нал. мировыми судьями, личнаго почетнаго гражданина Знаменскаго подвергнуть аресту на пятнадцать дней.

Всѣ, выслушавъ приговоръ, вышли изъ камеры.

— Чтó? — разсуждалъ Иванъ Максимовичъ.— Я говорилъ, что будетъ *насчетъ затылочнаго и шейнаго... Вотъ такъ съ волкомъ двадцать.*

Между тѣмъ, по окончаніи разбора, непремѣнный членъ завернулъ къ мировому судьѣ.

— А ты, любезный другъ,— горячился непремѣнный членъ: — кажется помѣшался на арестахъ?!

— А что? — хладнокровно спросилъ судья.

— Да какъ-же! И Анфису Ивановну хотѣлъ подъ арестъ, и Знаменскаго туда-же...

— Нельзя-же...

— А ты не видишь развѣ, что человѣкъ съ ума спятилъ... Ну жалко, что я не зналъ о разборѣ этого дѣла... Я-бы явился въ твою камеру защитникомъ Знаменскаго.

— И все тоже-бы вышло.

— Нѣтъ, постой, любезный другъ... Я вѣдь читалъ статьи про морскихъ чудовищъ! Ты мнѣ вотъ и скажи теперь... Отчего-же всѣхъ этихъ миссіонеровъ, Гансовъ Егедовъ, епископовъ Понтопидановъ, всѣхъ этихъ ученыхъ и этихъ разныхъ капитановъ Древаровъ, которые, чортъ ихъ знаетъ, чего только не писали въ газетахъ про морскихъ чудовищъ... этихъ подъ арестъ не сажаютъ, а Знаменскаго посадили.

— Тѣ писали правду,— замѣтилъ судья.

— Нѣтъ, врешь! Смитъ доказалъ, понимаешь-ли, доказалъ, что все это вздоръ, и что всѣ эти морскія чудовища, не что иное, какъ водяныя поросли громадныхъ размѣровъ... Вотъ ты-бы имъ и послалъ повѣстку, да ихъ-бы въ арестантскую и засадилъ.

— Они не въ моемъ участкѣ, — проговорилъ серьезно мировой судья, и этимъ невозмутимымъ хладнокровіемъ еще болѣе разсердилъ непремѣннаго члена.

— А еслибъ они были въ твоемъ участкѣ?

— Тогда и ихъ-бы засадилъ.

Непремѣнный членъ разсердился окончательно.

XLV.

На сколько дѣло г. Знаменскаго по поводу крокодиловъ покончилось быстро и рѣшительно, на столько дѣло Асклиніодота Психологова тянулось вяло и долго. Тянулось оно около года и хотя по суду Асклиніодотъ и оказался ни въ чемъ не повиннымъ, тѣмъ не менѣе, однако, подозрѣніе въ его неблагонадежности продолжало тяготѣть надъ нимъ. Его знакомство съ женщиной, именовавшей себя Мелитиной Петровной Скрябиной, уличавшейся во многихъ преступныхъ дѣяніяхъ, сильно поддерживало это подозрѣніе. Было доказано, что Асклиніодотъ не только водилъ съ нею знакомство, но даже состоялъ съ нею въ любовной связи; что имѣлъ съ нею тайныя свиданія въ камышахъ и въ саду Анфисы Ивановны и что свиданія эти почему-то тщательно скрывалъ. Г. Знаменскій, допрошенный въ качествѣ свидѣтеля, хотя и не подозрѣвалъ настоящей причины этихъ свиданій, однако таинственность ихъ вполнѣ подтвердилъ, разсказавъ какъ однажды ночью онъ встрѣтилъ Асклиніодота бѣжавшимъ сломя голову изъ грачевскаго сада, и какъ Асклиніодотъ, не желая встрѣтиться съ ѣхавшимъ въ то время становымъ, спрятался подъ мостъ, затащивъ туда же и его, Знаменскаго. Принимая все это въ соображеніе, Асклиніодоту приписывали даже мысль организаціи кружка подъ наименованіемъ «общества ревнителей», съ тою именно цѣлью, чтобы въ средѣ этого общества распространять извѣстныя идеи. Хотя на этотъ разъ г. Знаменскій выступилъ уже въ за-

щиту Асклипіодота, и чуть не съ пѣною у рта, отстаивая свои учредительскія права, доказывалъ, что «общество» было организовано не Асклипіодотомъ, а имъ по примѣру іенскихъ съѣздовъ естествоиспытателей и антропологовъ, и что если онъ, Знаменскій, отчасти впалъ въ заблужденіе, такъ это не велика еще бѣда, имѣя въ виду, что въ сферѣ науки, гдѣ приходится иногда идти шагъ за шагомъ, заблужденія свойственны; но показанію этому почему-то давали мало вѣры. Все хотѣлось докопаться: не заключалось-ли въ выдумкѣ о крокодилѣ какой-либо преступной аллегоріи? и не имѣлось-ли въ виду аллегоріей этой сначала пошатнуть вѣру въ личную безопасность обывателя, и потомъ уже направить его на ложный путь спасенія? Асклипіодотъ долго отмалчивался, но когда сообразилъ, что его подозрѣваютъ въ чемъ-то такомъ, чего у него не было даже и въ головѣ, и сверхъ того убѣдившись, что скрыть свои любовныя похожденія являлось уже дѣломъ невозможнымъ, онъ чистосердечно повинился, что хотя мысль о крокодилѣ принадлежитъ не ему собственно, а г. Знаменскому, пустившемуся въ розыски какихъ-то чудовищъ, но что онъ все-таки воспользовался этими чудовищами и, желая избавиться отъ людей мѣшавшихъ его свиданіямъ, выдумалъ исторію встрѣчи съ крокодиломъ. При этомъ онъ сознался также и въ томъ, что для большей правдоподобности присутствія въ Грачевкѣ крокодила онъ опрокинулъ и челнокъ рыбака Данилы Сѣдова, незамѣтно поднырнувъ подъ него, и напугалъ крикомъ и щелканьемъ зубовъ, купавшихся грачевскихъ дѣвицъ, а затѣмъ выхватилъ изъ рѣки и пономаря за косичку. Несовсѣмъ довѣряя искрен-

ности этихъ показаній, слѣдователи принялись допрашивать Асклипіодота, неизвѣстно-ли ему имя и званіе женщины, именовавшей себя женою Скрябина, Мелитиною Петровною? а равно и о томъ, куда именно женщина эта скрылась? но въ данномъ случаѣ Асклипіодотъ зналъ столько же, сколько и сами слѣдователи, т. е.: ровно ничего. Онъ только передалъ имъ, что, возвращаясь изъ Москвы, случайно встрѣтился въ вагонѣ съ какою-то неизвѣстною ему женщиной, съ которой незамедлилъ разговориться. Сообщивъ куда именно онъ ѣдетъ, почему-то завелъ рѣчь про Анфису Ивановну, про образъ ея жизни, а заговоривъ про это, невольно сообщилъ, что Анфиса Ивановна живетъ совершенно одна, ни дѣтей, ни родныхъ не имѣетъ, кромѣ какой-то племянницы Мелитины Петровны Скрябиной, которую старушка видѣла только груднымъ ребенкомъ. Разсказъ этотъ видимо заинтересовалъ незнакомку, она разспрашивала о всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ, а когда онъ, Асклипіодотъ, разсказавъ ей все, что только зналъ, выразилъ свое удивленіе, что она могла такъ заинтересоваться столь ничтожною въ сущности исторіею, спутница весело расхохоталась и объявила, что для нея напротивъ вся самая Мелитина Петровна, о которой зашла рѣчь. Навели справки и дѣйствительно розыскали настоящую Мелитину Петровну. Оказалось, что настоящая живетъ безвыѣздно въ Петербургѣ, гдѣ-то на Пескахъ, чуть не въ подвалѣ, въ крайней бѣдности, но ничего общаго съ хорошенькой героиней разсказа не имѣла. Пріѣзжали допрашивать Анфису Ивановну, не можетъ-ли хоть она указать что-либо по поводу гостившей у

нея мнимой племянницы?... Старушка сперва испугалась, думая, что противъ нея возбуждается какой-то новый «*процессъ*», но узнавъ въ чемъ дѣло, такъ напустилась на слѣдователя, что тотъ даже растерялся— «коли ты сыщикъ, такъ самъ и ищи, а я не горничная твоя, чтобы бѣгать по твоему приказу. Я столбовая! и проваливай куда знаешь, а коли будешь шумѣть, такъ вѣдь я и на тебя начальство найду и тебѣ такого зададутъ *чичифачи*, что долго не забудешь!» Слѣдователь сначала оскорбился, хотѣлъ было составить протоколъ, но потомъ почему-то раздумалъ и такъ ни съ чѣмъ и уѣхалъ. Въ качествѣ свидѣтелей были допрошены и всѣ члены «общества ревнителей», начиная съ предсѣдателя, фельдшера Нирьюта, и кончая Иваномъ Максимычемъ, хотя послѣдній, опасаясь, какъ намъ извѣстно на счетъ *шейнаго и затылочнаго*, къ «обществу» не принадлежалъ. Допросами этими слѣдователямъ опять-таки хотѣлось выяснить, кому именно принадлежала инціатива организаціи общества, въ чемъ именно заключалась его дѣятельность, не было-ли во время засѣданій какихъ-либо посторонних, не касающихся дѣла, сужденій и дѣйствительно-ли общество было убѣждено въ существованіи крокодиловъ? Но, какъ слѣдователи ни напрягались, а все-таки ничего желательнаго не открыли.. Всѣ члены въ одинъ голосъ показали, что учредителемъ общества былъ г. Знаменскій, что во время засѣданій пили водку, напивались до потери сознанія и что въ таковомъ положеніи готовы были вѣрить не только въ появленіе крокодиловъ, но даже въ собственное исчезновеніе съ лица земли; что же касается до Ивана Максимовича, то онъ прямо показалъ, что

крокодилъ былъ *съ овцу, съ волкомъ двадцать, сорокъ пятнадцать, одинъ безъ хвоста*. Несмотря однако на такое единогласное показаніе свидѣтелей, слѣдователи все-таки плохо довѣряли имъ и пригласивъ кого слѣдуетъ, порѣшили произвести внезапный обыскъ въ квартирахъ предсѣдателя Нирьюта и учредителя г. Знаменскаго. У Нирьюта не нашли ничего подозрительнаго, что же касается до обыска въ квартирѣ г. Знаменскаго, то послѣдствіемъ его было то, что слѣдователи забрали съ собою всѣ газеты, въ которыхъ писалось про морскихъ чудовищъ, а въ томъ числѣ и извѣстный намъ «журналъ засѣданія», составленный секретаремъ, дьякономъ Космолинскимъ. Такъ какъ журналъ этотъ, заключавшій въ себѣ нѣсколько молитвъ и ничего не упоминавшій о крокодилахъ, фактически опровергалъ показанія членовъ, будто они никакихъ разсужденій, кромѣ какъ о крокодилахъ, во время засѣданій, не имѣли, былъ пріобщенъ къ дѣлу. Притянули дьякона, и предъявивъ ему журналъ, спросили: состоялъ-ли онъ дѣйствительно секретаремъ общества, составлялъ-ли предъявленный ему журналъ, и почему журналъ этотъ, умалчивая о крокодилахъ, наполненъ однѣми молитвами, скрѣпленными подписомъ предсѣдателя и членовъ собранія. Молитвы подали поводъ приписать собранію какую-то религіозную корпорацію, можетъ быть противозаконную, и потому дьяконъ былъ допрошенъ съ особенною внимательностью. Но изъ показаній дьякона выяснилось только то, что онъ дѣйствительно секретаремъ собранія состоялъ, журналъ дѣйствительно велъ, но что о крокодилахъ не упомянулъ въ журналѣ потому только, что, не поспѣвая заносить происходившихъ на собраніи

преній, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая сидѣть сложа руки, онъ перенесъ на бумагу всѣ задолбленныя имъ молитвы. Что-же касается до придаваемаго собранію значенія религіозности, то дьяконъ показалъ, что слѣдователи заблуждаются, ибо, имѣя въ виду количество выпитой водки и затѣмъ, употреблявшееся весьма часто, сквернословіе, собраніе то религіознымъ отнюдь назвать нельзя. Вспомнили дѣло Асклипіодота съ Скворцовымъ, и явилось подозрѣніе, что, похитивъ деньги, Асклипіодотъ употребилъ ихъ на противозаконныя цѣли, но Скворцовъ, получивши отъ отца Ивана 600 рублей, и боясь, какъ-бы у него ихъ не отняли, на всѣ разспросы показалъ, что никогда никто у него денегъ не воровалъ, что обвиненіе имъ Асклипіодота было неосновательно, почему онъ въ то-же время и обратился къ судьѣ съ просьбою о прекращеніи дѣла. Не обошлись безъ опроса и князь Баталинъ, въ домѣ котораго Асклипіодотъ жилъ въ качествѣ учителя, начальство семинаріи и даже художникъ Ждановъ. Князь Баталинъ, тщательно выбритый и элегантно одѣтый, но блѣдный и съ судорожно пожимавшимися тонкими губами, показалъ, что относительно политической благонадежности проживавшаго у него въ домѣ учителя Асклипіодота Психологова, онъ увѣренъ вполнѣ, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ, князь Баталинъ, принадлежа къ роду неоднократно доказавшихъ свою преданность престолу и отечеству нѣсколькими славными подвигами предковъ, не допустилъ-бы его въ свой княжескій домъ; что-же касается до убѣжденій религіозныхъ того-же Психологова, то, къ сожалѣнію, онъ таковыхъ одобрить не смѣетъ. И въ доказательство, привелъ исторію

нѣмки. Во время показанія этого, Асклипіодотъ не выдержалъ и, метнувъ на князя взглядъ разъяреннаго тигра, вскрикнулъ: «Князь! вы-бы мнѣ заслуженныя-то деньги отдали!» Но князь даже не оглянулся на Асклипіодота, какъ-будто его и не было здѣсь. Начальство семинаріи, чего-то струсивъ, отозвалось объ Асклипіодотѣ «по духовному», т. е. уклончиво, а Ждановъ, питавшій на Асклипіодота злобу изъ-за наслѣдства, заговорилъ о немъ, какъ о богохульникѣ, и въ доказательство, разсказалъ какимъ-то подленькимъ и дрожавшимъ голосомъ, какъ Асклипіодотъ испортилъ ему однажды иконы, надѣвъ на Андрея Первозваннаго шапку, а великомученицѣ Екатеринѣ подрисовавъ усы.— «Онъ даже возстановилъ отца противъ дочери, а моей жены,— писалъ онъ,— повергъ насъ въ нищету!..» И кончилъ тѣмъ, что просилъ заступиться... Наконецъ, слѣдователи стали просить Асклипіодота, разъяснить имъ, почему именно въ тотъ вечеръ, когда онъ былъ арестованъ, онъ находился не дома, а въ камышахъ, и не находилась-ли въ тотъ вечеръ въ тѣхъ-же камышахъ и мнимая Мелитина Петровна,— на что Асклипіодотъ отвѣтилъ, что Мелитины Петровны онъ въ тотъ день уже не видалъ, самъ-же попалъ въ камыши потому, что желалъ, во-первыхъ, подышать чистымъ воздухомъ, а во-вторыхъ, посмотрѣть, какъ сыщикъ Живодеровъ будетъ ловить крокодила. На этотъ разъ, однако, Асклипіодотъ совралъ, ибо, посланный отцомъ въ Грачевку, онъ попалъ въ камыши невольно, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ цѣпью загонщиковъ; относительно-же мнимой Мелитины Петровны, показалъ правду, такъ какъ, съ утра

куда-то исчезнувъ, она не могла быть въ то-же время въ камышахъ.

Одновременно съ этимъ, съ отцемъ Иваномъ случилось и другое горе. Банкъ, въ который онъ такъ усердно и настойчиво вкладывалъ всѣ свои сбереженія, былъ разграбленъ директорами, и старикъ потерялъ при этомъ болѣе шести тысячъ рублей. Работать и трудиться попрежнему онъ былъ не въ силахъ, ибо параличъ, случившійся съ нимъ во время производства въ его домѣ обыска, значительно ослабилъ его здоровье. Отецъ Иванъ совершенно посѣдѣлъ, волочилъ лѣвой ногой, плохо владѣлъ правой рукой, какъ-то сгорбился, потряхивалъ головой, а немного перекосившіяся губы, мѣшали ему отчетливо выговаривать слова. Онъ словно заикался, словно картавилъ, и какъ-то особенно странно ворочалъ языкомъ, словно во рту у него былъ горячій картофель, который онъ перекладывалъ съ одной стороны на другую. При такомъ состояніи здоровья нечего было и помышлять также и о выѣздкѣ рысаковъ. Съ болью въ сердцѣ, онъ распродалъ своихъ матокъ, жеребцовъ, жеребятъ и даже бѣговыя дрожки, на которыхъ леталъ бывало по выгону, и вырученныя деньги положилъ не въ банкъ, а просто, по старинному, какъ дѣлали наши дѣды, запряталъ въ кубышку и гдѣ-то на огородѣ глубоко закопалъ въ землю. Благочиніе свое онъ давно оставилъ; ему даже хотѣли запретить совершеніе литургіи по тому случаю, что онъ и ходилъ не твердо, и правой рукой владѣлъ плохо, и картавилъ, но отецъ Иванъ съѣздилъ къ архіерею и, упавъ ему въ ноги, молилъ «не добивать и безъ того убитаго!» Архіерей долго смотрѣлъ на отца Ивана, обливавшагося слезами

подивился происшедшей съ нимъ перемѣнѣ, его сѣдинамъ, полюбопытствовалъ объ участи сына, котораго назвалъ «злодѣемъ», но совершать литургію все-таки разрѣшилъ.— «Это только снисходя къ твоимъ прежнимъ заслугамъ,— проговорилъ владыка пастырскимъ поучительнымъ тономъ; хотя поступокъ сына твоего и повелѣвалъ-бы перенести кару и на тебя тоже, повелѣвалъ-бы изъять и тебя изъ вертограда, какъ древо, принесшее недобрый плодъ, но... мнѣ жаль тебя, вижу, что достаточно наказанъ! Гряди съ миромъ!» Зато теперь отецъ Иванъ служилъ обѣдни не такъ, какъ прежде. Онъ служилъ ихъ чуть-ли не каждый день, не гналъ, какъ на почтовыхъ, а наоборотъ, служилъ чинно, благоговѣйно, какимъ-то упавшимъ, истомленнымъ голосомъ, и съ глазами, полными слезъ. Прежде, бывало, дьячки не поспѣвали за нимъ, а теперь сплошь да рядомъ случалось такъ, что дьячкамъ приходилось по нѣскольку минуть ждать его возгласовъ.— «Что онъ тамъ?» — спрашивали дьячки шепотомъ у выходившаго изъ алтаря сторожа, и сторожъ тоже шепотомъ отвѣчалъ имъ: — «Погодите, плачетъ!»

XLXVI.

Но врядъ ли причиною этихъ тайныхъ слезъ, проливаемыхъ въ алтарѣ, былъ банкъ и потеря хранившихся въ немъ денегъ. Въ другое время, конечно, это поразило бы его пуще грома небеснаго, но теперь было не то. По крайней мѣрѣ о деньгахъ отецъ Иванъ никогда и не упоминалъ даже, какъ-будто ихъ и не

было тамъ! Ему какъ-то больно смотрѣть было на участь Асклипіодота. И больно и обидно!.. «Ни одного-то счастливаго дня не было у него въ жизни», — думалъ отецъ Иванъ и ему становилось такъ жаль сына, что даже сердце его сжималось отъ тоски... Нечего говорить, что мѣсто секретаря управы, обѣщанное Асклипіодоту, ему не далось, ибо въ то самое время, когда оно освободилось, Асклиніодотъ содержался въ тюремномъ замкѣ, а когда онъ возвратился домой совершенно оправданнымъ, то мѣсто было занято другимъ. Сунулся было Асклиніодотъ въ управленіе желѣзной дороги съ просьбою принять его снова на службу, ему дали слово, но потомъ почему-то отказали, хотя въ это самое время была свободная вакансія, именно, на той станціи, на которой когда-то служилъ Асклиніодотъ. Одновременно съ этимъ при съѣздѣ мировыхъ судей освободилось мѣсто судебнаго пристава. Отецъ Иванъ поѣхалъ въ городъ и такъ какъ для поступленія на эту должность требовался залогъ въ размѣрѣ пятисотъ рублей, то онъ захватилъ съ собою и требуемыя деньги. Предсѣдатель съѣзда даже обрадовался, выслушавъ просьбу отца Ивана, приказалъ было немедленно же зачислить Асклиніодота, но потомъ вдругъ, что-то вспомнивъ, переконфузился, покраснѣлъ и, возвращая отцу Ивану взятый было залогъ, принялся извиняться, объявивъ, что у него совершенно вышло изъ головы, что мѣсто это давно уже обѣщано имъ другому. Мѣсяцъ спустя, Асклиніодотъ получилъ извѣстіе, что при губернской земской управѣ открывается статистическое бюро, и что поэтому требуются люди, способные заняться этимъ дѣломъ. Отецъ Иванъ поѣхалъ въ городъ. Статистики

дѣйствительно, требовались, но должности этой опять-таки Асклипіодоту не дали. — «Мы, земцы, конечно, не стѣснились бы дать мѣсто вашему сыну, тѣмъ болѣе, что онъ совершенно оправданъ, — говорилъ предсѣдатель управы растерявшемуся отцу Ивану: — но для того, чтобы нашимъ статистикамъ ѣздить по волостнымъ правленіямъ и просматривать книги, необходимо заручиться открытымъ листомъ отъ начальства... Тутъ-то и встрѣтится препятствіе... Мы, земцы, конечно, смотримъ на это либерально... Но согласитесь...» — Такъ отецъ Иванъ и возвратился опять ни съ чѣмъ. Цѣлые дни Асклипіодотъ проводилъ, ничего не дѣлая, и ему было до того скучно, что онъ не зналъ куда дѣваться отъ этой томящей скуки. Пробовалъ было онъ удить рыбу, ходить съ ружьемъ, но все это вскорѣ надоѣло. Наконецъ, ему пришла мысль собрать нѣсколькихъ мальчиковъ и заняться ихъ обученіемъ. За дѣло это Асклипіодотъ принялся не только горячо, но даже съ любовью. Маленькая школа его состояла изъ восьми мальчиковъ, которые приходили къ Асклипіодоту часовъ въ восемь утра и расходились часа въ четыре по-полудни. Мѣсяца черезъ два мальчики стали уже довольно порядочно читать и писать и такъ пріохотились къ дѣлу, что не только не бѣгали его, а наоборотъ заинтересовались имъ. Отецъ Иванъ занялся съ ними Закономъ Божіимъ и толкованіемъ молитвъ. Асклипіодотъ, припоминая все то, что въ семинаріи отбивало у него охоту заниматься, тщательно избѣгалъ этого. Уроковъ на домъ онъ не задавалъ, а всѣ уроки растолковывалъ имъ въ классѣ, разъяснялъ и затѣмъ заставлялъ повторить разъясненное. Если онъ замѣчалъ, что маль-

чики недостаточно усвоили себѣ этотъ урокъ, онъ дальше не шелъ и на другой день снова принимался за старое. Болѣе слабыхъ мальчиковъ онъ не запугивалъ слабыми отмѣтками, а старался по возможности больше съ ними заниматься. Пріохотился къ этому дѣлу и отецъ Иванъ и кромѣ Закона Божьяго сталъ пріучать мальчиковъ къ церковному пѣнію. Такъ шло дѣло, какъ вдругъ однажды, вечеромъ, пріѣхалъ къ нему становой Дуботолковъ. Выждавъ, когда Асклипіодотъ вышелъ изъ комнаты, онъ обратился къ отцу Ивану:

— А твой сынокъ, говорятъ, «школку» открылъ?

— Не школу, а просто мальчиковъ обучаетъ... И я тоже съ нимъ вмѣстѣ тружусь...

— Ты, братецъ, брось это дѣло...

— Почему?

— Брось. Я отъ исправника частное письмо получилъ... Это не нравится ему...

— Почему же?

— Какъ почему?.. сынъ твой былъ замѣшанъ!.. И въ самомъ дѣлѣ неловко... Дойдетъ до губернатора...

— Да развѣ есть какое-нибудь оффиціальное распоряженіе...

— Ну, вотъ еще, что выдумалъ! — перебилъ его становой. — Ничего этого нѣтъ и быть не можетъ... а такъ просто, неловко... Ну, какъ тебѣ сказать... Неловко — и все.

И потомъ вдругъ, перемѣнивъ тонъ, онъ прибавилъ:

— Однако, братецъ, ты того... изъ брюнета-то бѣлымъ сдѣлался!.. а что рука?

— Плохо!

— И съ языкомъ-то что-то того?..

— Да, того.

— И ходишь-то тоже... словно, развинченный. А водочку-то пьешь?

— Нѣтъ.

— Неужто совсѣмъ бросилъ?

— Бросилъ.

— А мы было такъ привязались къ этому дѣлу,— проговорилъ отецъ Иванъ, немного погодя: — такъ полюбили его... да и мальчики-то привыкли къ намъ.

— Да ты что, плату что ли берешь съ нихъ?

— Нѣтъ, даромъ...

— Такъ о чемъ же тужить-то!.. Вона — была нужда!.. Я думалъ—за деньги, а это онъ даромъ!..— Однако, мнѣ недосугъ, — прибавилъ онъ вставая: — ѣхать надо въ Путилово, подати выколачивать... Ну, прощай, будь здоровъ... а школу, пожалуйста, того... слышишь... пожалуйста... для меня.

На другой день утромъ Асклипіодотъ, увидавъ въ окно подходившихъ учениковъ своихъ съ книгами и тетрадками, поспѣшилъ къ нимъ навстрѣчу.

— Ну, ребятишки, — проговорилъ онъ, выбѣжавъ на крыльцо: — я васъ больше учить не буду... Надоѣли вы мнѣ... Ступайте-ка туда, откуда пришли.

И проговоривъ это, онъ почему-то поспѣшилъ скрыться отъ нихъ въ комнату, не безъ злости хлопнувъ за собою дверью.

Мальчики постояли, постояли, удивленно переглянулись и побѣжали себѣ домой.

XLVII.

Не мало раздражала отца Ивана и чета Ждановыхъ. Не проходило недѣли, чтобы не получалъ онъ отъ дочери или же отъ ея мужа скорбнаго письма съ жалобою на дороговизну съѣстныхъ припасовъ, на малочисленность заказовъ, на увеличивающееся количество живописцевъ и на упадокъ художественнаго вкуса «въ публикѣ». «Право», — писалъ Ждановъ отцу Ивану: «достойно удивленія, до чего нынѣшніе художники начали пренебрегать искусствомъ. Я не говорю уже о пейзажистахъ и жанристахъ (тѣ уже совершенно отпѣтый народъ), но даже и нашъ братъ иконописецъ словно съ ума сошелъ. Такихъ рисуютъ святыхъ, какихъ, вѣроятно, никогда и не бывало, и этимъ небывалымъ святымъ такіе придѣлываютъ лики, что можно подумать, что передъ вами не святой, не апостолъ, а просто самый обыкновенный человѣкъ стоитъ! Ничего божественнаго, ничего святаго! даже стали избѣгать сіяній. Публикѣ нравится эта реальность и потому насъ прежнихъ стали избѣгать.» Всѣ эти пцсьма сводились къ тому, что работы стало мало, а что съ уменьшеніемъ работы, уменьшился и доходъ. Серафима же писала отцу: — «Вы не повѣрите, батюшка, какъ все вздорожало. Прежде, бывало, за капусту платили по два рубля за сотню вилковъ (и вилокъ былъ тугой, бѣлый, не укулупнешь), а теперь неугодно ли пять рубликовъ отдать. Огурцы самые лучшіе, на выборъ 10 коп. мѣра отъ силы, а теперь и за двадцать не купишь даже плохаго сорта, т. е.

«кривача и *желтяка»*. А ужь про «убоину» и говорить нечего. Эти мясники подлые совсѣмъ избаловались. Самая постная говядина, которую не грѣхъ и великимъ постомъ ѣсть, 10, 11 коп. фунтъ. Студень бычій за рубль не укупишь, телятина — 15 коп., баранина — 10, 12, а ужь про птицу нечего и говорить, мы ее даже и по праздникамъ не видимъ, потому нѣтъ приступу. А квартиры подешевѣли. Комнатка на антресоляхъ, въ которой братецъ жилъ, прежде за три рубля въ мѣсяцъ ходила, а теперь только за два. И то насилу постояльца нашли изъ театра контробаса, отъ котораго хоть вонъ изъ дому бѣги. Что же это за порядки? Провизія дорожаетъ, а квартиры ни почемъ!» И опять-таки письма эти сводились къ тому, что не худо бы отцу родному вспомнить о дочери и внучатахъ. Сначала отецъ Иванъ отвѣчалъ на эти письма, посылалъ понемногу денегъ, но потомъ письма эти ему надоѣли и онъ оставлялъ ихъ безъ отвѣта.

Но молчаніе отца Ивана не особенно смутило художника, и вотъ какъ-то семья эта въ полномъ своемъ составѣ нагрянула въ село Рычи. Отецъ Иванъ при видѣ ихъ поморщился, однако, все-таки честь-честью принялъ дорогихъ гостей. Дня три прошло благополучно. И Ждановъ и Серафима кромѣ самыхъ ласковыхъ, теплыхъ и родственныхъ отношеній не выказывали ничего ни отцу Ивану, ни Асклипіодоту. Серафима даже поплакала о братниномъ «несчастіи», порадовалась, что все обошлось «благополучно», а Ждановъ, обозвавшій его на судѣ богохульникомъ, даже щегольнулъ либерализмомъ и слегка лягнулъ людей, не умѣющихъ отличить чернаго отъ бѣлаго.

Серафима въ особенности нѣжничала.

— Насилу-то, насилу-то, насилу-то Господь привелъ въ родное гнѣздышко заглянуть. Ахъ, гнѣздышко, гнѣздышко милое.—И въ первый же день она обѣгала все хозяйство, всѣ хлѣвы, клѣтушки, амбарники, кладовыя и растаяла еще больше.

— Ахъ, и хорошо только въ родимомъ гнѣздышкѣ,— говорила она: — ахъ, и тепло только, мягко... А что «Песуравка» подохла, вишь? — спросила она.

— Да.

— А ужь какая родимая молочная-то была! Доподлинно — кормилица!.. А «Буренушка» телится?..

— И теперь стельна.

— Какимъ теленочкомъ?

— Седьмымъ, кажется.

— А овечки есть?

— Слава Богу.

— И курочекъ видѣла я, и индѣечекъ, и уточекъ... Индѣечки-то «гаснутъ», вишь?

— Да колѣютъ что-то...

— Такая же болѣзнь, какъ тогда, при мнѣ была, помните? Сдѣлается словно шальная, головка посинѣетъ, затрепехчетъ крылышками, согнетъ шейку и «погаснетъ»! А все-таки, слава Богу, всего много у васъ... Веденѣвна ухаживаетъ?

— Да, она.

— Стара ужь стала, словно какъ изъ ума выживать начала? Или ничего еще?

— Нѣтъ, ничего, хлопочетъ.

— Ну, и слава Богу. Какая ни на есть, а все радѣльница, все вѣрный человѣкъ, а вѣрныхъ-то людей нони тоже днемъ съ огнемъ поискать!

И потомъ перемѣнивъ тонъ, она замѣтила:

— Значитъ, все по старому!.. Лошадокъ только перевели!

— Да, лошадей продалъ...

И окидывая радостнымъ взглядомъ комнаты, она принималась ахать:

— Ахъ, ты мое гнѣздышко! ахъ, вы мои горенки милыя... Тепло, мягко. Словно въ пуху сидишь, словно подъ крылышкомъ у насѣдочки... Ахъ, гнѣздышко милое, гнѣздышко!

Но на четвертый день Серафима заговорила о капустѣ, Ждановъ—объ испорченности вкуса «публики», и разговоръ этотъ кончился тѣмъ, что и мужъ и жена потребовали отъ отца Ивана денегъ. — «Такъ дѣлать нельзя, батюшка, — говорила Серафима, видимо горячась: — я вамъ тоже, вѣдь, не чужая, а дочь родная. Вы, вонъ, сколько на братца деньжищевъ потратили, а мнѣ хоть бы малость какую... А вѣдь я вамъ больше заслужила! Вспомните-ка! Послѣ мамашиной смерти, вѣдь, я всѣмъ вашимъ домомъ заправляла вплоть до самаго своего замужества. Помогала вамъ и въ кухнѣ и вездѣ, — а братецъ-то пожалѣлъ ли васъ, позвольте-ка спросить? Вотъ и теперь безъ дѣла шатается, безъ службы, какъ бы, кажется, за хозяйствомъ не присмотрѣть. — Такъ, вѣдь, нѣтъ!.. Надо бы на гумно сходить и по домашности заняться, а онъ деньденьской, задравши ноги, книги читаетъ... Нѣтъ, ужь вы насъ надѣлите!..» — «Конечно», — перебилъ ее Ждановъ, — «отдѣлить, всего благороднѣе и грѣха меньше!» — «Я вамъ слуга была, — подхватила Серафима, вся раскраснѣвшись и размахивая руками; все дѣлала: и на рѣчку, и вокругъ печки завѣдывала, и коровъ доила, все это надо оцѣнить... Когда вы были здо-

ровы, мы не безпокоили васъ, переколачивались съ копейки на копейку (иной разъ не доѣдимъ, иной разъ не допьемъ бывало!), а теперь здоровье ваше хилое стало и руку съ трудомъ поднимаете, и ногой волочите, и косноязычны стали, сохрани Богъ, что случится, вѣдь, мы нищими должны остаться...» — «А ужь тогда», — перебивалъ ее Ждановъ:—«отъ Асклипіодота Иваныча ничего не выцарапаешь. Сами знаете, какого онъ нрава, что называется, гроша мѣднаго не дастъ, на поминъ души не броситъ!..»

— Да что это, вы хоронить что ли пріѣхали меня,— вскрикнулъ, наконецъ, отецъ Иванъ, схвативши себя за голову...—А? хоронить что ли пріѣхали. Такъ вотъ знайте же, что не умру я, не умру... И пока живъ, не дамъ вамъ ни алтына. Мое добро, самъ его наживалъ, кому хочу, тому и отдамъ.

— Конечно, — перебила его Серафима: — мы въ ваше добро не вступаемся, только надо и совѣсть знать. Живите, Богъ съ вами, никто васъ не хоронитъ, только я говорю, что здоровье ваше плохо и врядъ ли справитесь вы теперь съ добромъ своимъ. Вы не замѣчаете, а, вѣдь, мы-то видимъ, что и разумъ-то у васъ не тотъ ужь!.. Будь-ко у васъ прежній-то свѣтлый разумъ, развѣ вы допустили бы, чтобы у васъ шесть тысячъ денегъ въ банкѣ пропало!..

— Молчать! — крикнулъ отецъ Иванъ, топнувъ ногой: — Господи, Іисусе Христе, да что же это такое... Ужь и впрямь не спятилъ ли я съ ума, что дозволяю родной дочери кричать на отца и дуракомъ обзывать его!

— Никто васъ дуракомъ не обзываетъ, — кричала Серафима, совсѣмъ уже разъярившись и поправляя

съѣхавшій на затылокъ чепчикъ: — а разумѣется, всякому своего добра жалко!..

Но отецъ Иванъ уже не слушалъ дочери, онъ заткнулъ уши и, загребая ногой, поспѣшилъ уйти въ свой кабинетъ.

XLVIII.

Когда Серафима успокоилась и когда все въ домѣ заснуло, Асклипіодотъ, слышавшій изъ своей комнаты крикъ Серафимы и Жданова, осторожно вошелъ къ отцу. Тотъ еще не спалъ и, крѣпко стиснувъ руками голову, лежалъ, вытянувшись на диванѣ.

— Батюшка! — проговорилъ Асклипіодотъ шепотомъ: — ты не спишь?

— Нѣтъ.

— Растревожили они тебя! — продолжалъ онъ, осторожно присаживаясь у ногъ отца.

— Да. Они грубы какъ кучера и безжалостны какъ мясники...

— Позволь сказать слово!

— Говори.

— Чтобы впередъ не слышать подобныхъ гадостей, не лучше ли покончить разомъ. Отдай имъ деньги. Все то, что говорили тебѣ сестра и этотъ *«богомазъ»* несчастный, все это, конечно, и пошло и гадко... Но вѣдь, они иначе выражаться не могутъ, по той простой причинѣ, что въ лексиконѣ у нихъ нѣтъ хорошихъ словъ. А все-таки по всему видно, что имъ пришлось туго. Видалъ ли ты когда-нибудь, какъ зимой къ проруби мелкая рыба сплывается... Сплывается

она и жадно глотаетъ воздухъ. Мужики говорятъ: «вода сперлась, душно рыбѣ!» Точно тоже происходитъ и съ ними. Ждановъ увѣряетъ, что искусство упало, что «вкусъ публики испортился», а сестра—что студень вздорожалъ. Все это означаетъ, что въ ихъ житейской рѣченкѣ «вода сперлась и что имъ душно». Отдай имъ деньги... Вѣдь, онѣ есть у тебя... самъ же ты говорилъ, что по распродажѣ лошадей у тебя скопилось тысячи три... на что онѣ тебѣ, а имъ онѣ необходимы...

Но отецъ Иванъ ни слова не отвѣтилъ ему. Онъ только притянулъ его къ себѣ, поцѣловалъ въ лобъ и жестомъ руки попросилъ выйти.

— Ну, ладно, хорошо, уйду! — проговорилъ Асклипіодотъ и, простившись съ отцомъ, вышелъ изъ комнаты.

Долго не могъ заснуть отецъ Иванъ, обдумывая все высказанное Асклипіодотомъ, и только часамъ къ тремъ ночи сонъ овладѣлъ имъ. Не смотря, однако, на это проснулся онъ и бодрымъ (насколько могъ быть таковымъ), и даже веселымъ. Напившись чаю, онъ тотчасъ же пришелъ въ комнату дочери. Маленькая комната была наполнена дѣтьми. Двое изъ нихъ еще спали на разостланныхъ на полу постелькахъ, одинъ натягивалъ чулки на босыя ножонки, одинъ умывался надъ мѣднымъ тазомъ, поставленнымъ на стулъ, одинъ, стоя передъ образницей, усердно клалъ земные поклоны, самый же старшій сидѣлъ у окна и пилъ молоко изъ большой глиняной кружки. Серафима, еще не одѣтая и растрепанная, съ одною обнаженною грудью, сидя на стулѣ и положивъ лѣвую ногу на скамейку, кормила груднаго ребенка кашей. Ребенокъ

плакалъ и, отталкивая руку матери, тянулся къ груди. Самъ Ждановъ стоялъ передъ небольшимъ зеркальцемъ и повязывалъ галстухъ. Повсюду были разбросаны подушки, дѣтскія одѣяльцы. Дѣтская обувь и какія-то тряпки. Специфическій запахъ наполнялъ комнату. Отецъ Иванъ взглянулъ на все это и даже расхохотался.

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ «вода-то сперлась!» — вскрикнулъ онъ.

— Только-что поднимаемся! — проговорилъ Ждановъ, все еще дувшійся на отца Ивана:—прибраться еще не успѣли.

— Да будетъ тебѣ орать-то! — кричала Серафима на ребенка, не перестававшаго отталкивать палецъ Серафимы съ комкомъ каши на концѣ.

— А ты дай ему груди, вотъ онъ перестанетъ, — совѣтовалъ Ждановъ.

— Да что я корова что ли, прости Господи! — огрызнулась Серафима: — и такъ уже всю высосали.

— Ну, хватитъ еще! — проворчалъ Ждановъ: — вишь, вѣдь, вымя-то какое!

А отецъ Иванъ сидѣлъ и глазъ не сводилъ съ этой семейной картины. Наконецъ, Ждановъ кое-какъ убралъ комнату, дѣти пріодѣлись, грудной ребенокъ затихъ, зачмокавъ губами, и сама Серафима словно успокоилась.

— И наказанье только! — ворчала она.

— Да, — подхватилъ отецъ Иванъ.—Вижу я, что цыплятъ у тебя не меньше, чѣмъ у самой глупѣйшей насѣдки, выводящей дѣтенышей не только изъ собственныхъ своихъ яицъ, но даже изъ чужихъ, хотя бы то были галчиныя, и что ты нисколько не похожа на

вѣтренную кукушку, кладущую, какъ говорятъ, свои яйца въ чужія гнѣзда...

— Одной каши сколько выходитъ! — замѣтила Серафима.

— Вѣрно, ибо самъ вижу, что каши для прокормленія всей этой мелюзги потребуется тебѣ несравненно болѣе, чѣмъ потребовалось бы таковой на прокормленіе одного громаднѣйшаго слона. И вотъ, сообразивъ все это и тщательно обдумавъ и свое и ваше положеніе, я возъимѣлъ намѣреніе придти къ вамъ на помощь.

Не только Серафима и Ждановъ, но даже и дѣти словно изумились, услыхавъ эту рѣчь, и всѣ глаза въ ту же минуту обратились невольно на отца Ивана и словно стрѣлы вонзились въ него. Но отецъ Иванъ ничего не замѣтилъ. Онъ какъ-то торжественно и величаво поднялся съ своего мѣста, обратился къ Жданову и, поманивъ его пальцемъ, проговорилъ, вздохнувъ:

— Ну, богомазъ! Бери заступъ и пойдемъ клады копать!

И онъ медленно вышелъ изъ комнаты въ сопровожденіи ничего не понимавшаго Жданова и Серафимы, успѣвшей уложить въ постельку уснувшаго ребенка.

Прошло съ часъ времени, и на огородѣ отца Ивана происходило слѣдующее: Ждановъ, успѣвшій уже выкопать довольно глубокую яму, на мѣстѣ, указанномъ отцомъ Иваномъ, и стоя въ этой ямѣ, торопливо выкидывалъ изъ нея землю. Лицо его горѣло, потъ крупными каплями падалъ на землю, развѣянные вѣтромъ волосы безпорядочными прядями упадали на лобъ и на глаза. Онъ поминутно откидывалъ ихъ и словно

сердился, что они замедляютъ работу. Отецъ Иванъ и Серафима стояли на краю ямы. Первый стоялъ, вытянувшись, прямо, словно статуя, а вторая,—нагнувшись, съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ слѣдя за каждымъ движеніемъ заступа, какъ бы желала взоромъ проникнуть въ глубь земли.

— Да скоро ли! — вскрикнулъ, наконецъ, Ждановъ, сбрасывая съ себя жилетъ.

— Яма довольно глубока и надо полагать, что скоро! — говорилъ отецъ Иванъ, видимо потѣшаясь надъ Ждановымъ и Серафимой. — Копай, деньги достаются нелегко. Не жалѣй ни силы, ни рукъ, ни мышцъ.

— Хоть бы ты помогла! — вскрикнулъ Ждановъ, обращаясь къ женѣ.

— И рада бы, да неподсилу...

— Ага! видно это не иконы писать!

— Но главное дѣло — копаю-то я, зря, кажется!— говорилъ Ждановъ.—Земля грунтовая, не копанная... какія же тутъ могутъ быть деньги!

— Копай.

— Ужь не ошиблись ли вы, батюшка? — спрашивала Серафима, съ ужасомъ смотря на безплодность работы: — не забыли ли?

— Нѣтъ, не забылъ! Видишь этотъ высокій колъ въ плетнѣ? Закапывая деньги, я отмѣрялъ отъ него десять шаговъ и выкопалъ яму. Такъ мы и сдѣлали...

— Не покопать ли рядомъ?.. — спрашивала Серафима. — Смотрите: вѣдь онъ почти съ головой въ яму ушелъ, а денегъ все нѣтъ.

— Нѣтъ! — вскрикнулъ Ждановъ, бросая заступъ.

Тутъ не можетъ быть денегъ! Я докопался до сплошныхъ каменныхъ плитъ!..

— Я самъ, наживая деньги, камни выворачивалъ!— проговорилъ отецъ Иванъ и, указывая на стоявшую поодаль баню, прибавилъ: — видишь эту баню? Она изъ дикаго камня... и твоя жена подтвердитъ тебѣ, что весь этотъ камень и выкопанъ и перевезенъ сюда никѣмъ другимъ, какъ мною самимъ.

— Да вѣдь я вижу, что работа моя безплодна! — вскрикнулъ Ждановъ. — Посмотрите сами.

— Постой-ка, дай взглянуть!

И нагнувшись надъ ямой, отецъ Иванъ началъ всматриваться въ ея глубь.

— Да, — проговорилъ онъ: — сплошная плита и, какъ видно, ничья еще рука не касалась до нея. Неужели я ошибся.

И отецъ Иванъ, разогнувшись, принялся осматривать плетень огорода.

— Припомните, батюшка, ради Господа, — молила Серафима.

— Постой, припомню, не мѣшай только!

А Ждановъ, между тѣмъ успѣвшій выбраться изъ ямы, — шепталъ женѣ:

— Что-то онъ странный какой-то! Ужь не потѣшался ли онъ надъ нами!

— Неужто забылъ! — продолжала Серафима, не слушая мужа и не спуская глазъ съ отца.

Но въ это самое время отецъ Иванъ хлопнулъ себя рукою по головѣ.

— Вспомнили? — спросила Серафима, подбѣжавъ къ нему.

— А вѣдь ты правъ, пріятель! — вскрикнулъ отецъ

Иванъ: — я ошибся! Вѣдь десять-то шаговъ надо было отмѣрять не отъ этого кола, а вотъ отъ того!.. Такъ, такъ, вѣрно!.. Иди-ка, отмѣрь десять шаговъ и принимайся снова за работу.

— Слава тебѣ Господи! — шептала Серафима.

Ждановъ удивленно посмотрѣлъ на тестя, но все-таки послѣдовалъ за нимъ и отъ указаннаго кола отмѣрялъ десять шаговъ. Однако, взглянувъ на землю, очутившуюся подъ его ногой, онъ замѣтилъ.

— Здѣсь опять ничего не будетъ!

— А развѣ глаза твои настолько зорки, что проникаютъ въ глубь земли?

— Да тутъ и проникать нечего... И безъ того видно, что земля здѣсь не копаная, цѣльная!..

— А ты ужь копай поскорѣе! — суетилась Серафима: — коли тятенька говоритъ, стало быть, знаетъ.

— Копай, тебѣ говорятъ...

— Копать-то я, пожалуй, буду... только какой изъ этого толкъ выйдетъ...

— Ужь залѣнился!.. Забылъ нищету-то свою!

Прошло часа четыре. Ждановъ успѣлъ уже выкопать по указанію отца Ивана ямъ шесть, а деньги все не находились. Наконецъ, живописецъ изнемогъ и упалъ на землю.

— Я больше не могу! — проговорилъ онъ: — пусть лучше останусь нищимъ...

— Копай! — кричалъ отецъ Иванъ.

— Да чего же копать-то зря!

— Такъ бы и сказали, — вступилась Серафима съ глазами полными слезъ.—Не дамъ, молъ, вамъ денегъ. Къ чему же человѣка-то мучить... Коли такое дѣло, такъ гораздо благороднѣе просто-напросто прогнать

насъ... Чего же потѣшаться надъ бѣдностью, надъ нищетою!.. Шутка ли съ которыхъ поръ копаемъ... Вѣдь онъ изъ силъ выбился!.. Надо и жалость имѣть!..

А отецъ Иванъ, поглядывая на кучи выкопанной земли, говорилъ посмѣиваясь:

— Однако, другъ любезный, ты трудолюбивъ!.. — И замѣчаю я, что тебѣ больше по душѣ тяжелая работа, чѣмъ легкая. Самый наиусерднѣйшій кротъ не набросалъ бы столько кучъ, сколько ты набросалъ ихъ. И я увѣренъ, будь у тебя въ рукахъ не кисть, а заступъ, ты былъ бы способенъ перекопать весь шаръ земной и непремѣнно бы наткнулся когда-нибудь на кладъ. Ты владѣешь заступомъ отлично. Когда умру, пріѣзжай копать мнѣ могилу. Ты сдѣлаешь это и быстро и хорошо и, конечно, я не успѣю опомниться, какъ буду уже отдѣленъ и отъ тебя, и отъ людей толстымъ и плотнымъ слоемъ земли!.. — А теперь, — прибавилъ онъ, перемѣнивъ тонъ и принявъ величаво-торжественный видъ: — слѣдуй за мною, и я укажу тебѣ то мѣсто, гдѣ, дѣйствительно, хранятся мои деньги. Не сердись на меня, что я заставилъ тебя попотѣть. Старые люди, словно малыя дѣти. Ихъ все потѣшаетъ! А меня, именно, потѣшали сегодня твои глаза и твоя любовь къ труду. Испарина же вреда не принесетъ. Ну, идемъ же! Я надѣюсь, что теперь мы нападемъ на настоящее мѣсто и что кладъ дастся тебѣ въ руки. Предупреждаю, однако, что заключается онъ не въ золотѣ, не въ серебрѣ и не въ камняхъ драгоцѣнныхъ, а въ простыхъ бумажныхъ кредиткахъ, такъ же какъ и мы, подверженныхъ гніенію. Конечно, все это бумага, но если изъ-за этого, повидимому, ничего нестоющаго матеріала люди и рѣ-

жутся и рѣжутъ, то надо думать, что матеріалъ этотъ не хуже золота и алмазовъ! Какъ бы ни былъ уменъ человѣкъ, а повѣрь мнѣ, что въ любомъ мудрецѣ найдется столько глупости, сколько нужно таковой, чтобы вѣрить въ цѣнность хотя бы бумажныхъ кредитокъ. Это большое счастье!.. Только вотъ что: — возьмешь деньги, заруби себѣ на носу, что эти деньги не твои, а мои, потому что нажилъ ихъ я, а не ты. Ты копалъ землю всего три, четыре часа, а я возился съ нею всю жизнь. Ну, пойдемъ же! солнце приближается къ обѣду, а я проголодался. Будь спокоенъ, на этотъ разъ я не обману тебя...

И, снова взявъ Жданова за руку, онъ привелъ его въ баню. Войдя въ передбанникъ, онъ приказалъ Жданову разобрать досчатый полъ и когда доски были разобраны, проговорилъ:

— Нагнись. Подъ этой перекладиной ты увидишь небольшой булыжникъ, сними его и на этомъ мѣстѣ копай.

И проговоривъ это, онъ медленнымъ шагомъ пошелъ домой.

— Ну, — проговорилъ онъ, встрѣтившему его на крыльцѣ Асклипіодоту: — я послушалъ тебя и отдалъ имъ деньги.

А немного погодя, вбѣжали въ комнату Ждановъ съ Серафимой и, увидавъ отца Ивана, задумчиво сидѣвшимъ на диванѣ, упали къ его ногамъ.

Дня черезъ три послѣ описаннаго, по дорогѣ, ведущей изъ села Рычей въ губернскій городъ, можно было видѣть три подводы. На передней, запряженной парой, сидѣла женщина, окруженная нѣсколькими дѣтьми, а на остальныхъ двухъ былъ наваленъ разный домаш-

ній скарбъ. Тутъ были и корыта, и кадушки, двѣ, три перины, большущій мѣдный самоваръ, сундукъ, окованный жестью, нѣсколько чугуновъ и ухватовъ, а поверхъ всего этого возвышались объемистыя плетушки, наполненныя курами, гусями и утками. Позади последней подводы шелъ мужчина въ панталонахъ и жилетѣ и слегка понукалъ привязанную къ телегѣ корову. Нечего говорить, что то возвращалась въ городъ семья Ждановыхъ, щедро надѣленная отцомъ Иваномъ.

XLIX.

Значительно измѣнилась за это время и жизнь въ грачевской усадьбѣ, въ этомъ уютномъ, утонувшемъ въ зелени сада, домикѣ Анфисы Ивановны. И въ немъ тоже, какъ и въ домикѣ отца Ивана, забѣгала и зашумѣла цѣлая семья малыхъ дѣтей; съ тою только разницею, что къ отцу Ивану семья пріѣзжала на нѣсколько дней, а сюда, въ Грачевку, къ Анфисѣ Ивановнѣ, какъ видно, навсегда, ибо Анфиса Ивановна не замѣчала ничего такого, что могло-бы не только говорить, но даже предвѣщать скорый отъѣздъ наѣхавшихъ къ ней нежданныхъ гостей. Семья эта принадлежала ея племянницѣ, Мелитинѣ Петровнѣ, на этотъ разъ уже не вымышленной, а настоящей, проживавшей, какъ намъ извѣстно, въ Петербургѣ, гдѣ-то на Пескахъ. Семья эта прибыла въ Грачевку, благодаря опять-таки тому-же слѣдствію, которое столь тщательно производилось надъ Асклипіодотомъ. Не будь этого слѣдствія, не розыщи слѣдователь пре-

быванія настоящей Мелитины Петровны, она извѣковала-бы себѣ на Пескахъ, въ своемъ подвалѣ, терпя и голодъ и холодъ, и даже не помышляла-бы никогда о возможности перекочевать въ теткину усадьбу. Но заданные ей вопросные пункты словно яркимъ лучемъ освѣтили мракъ окружавшей ея жизни. Мелитина Петровна словно воскресла, словно переродилась! Теперь ей было извѣстно, что Анфиса Ивановна не только жива и здорова, но что принадлежитъ къ разряду самыхъ нѣжныхъ и любящихъ женщинъ, гостепріимно и радушно готовыхъ принять даже мало извѣстныхъ родственниковъ и родственницъ. Мнимая Мелитина Петровна, пользовавшаяся расположеніемъ старушки и прогостившая у нея довольно продолжительное время, представляла тому ясное и неопровержимое доказательство. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что какъ только Мелитина Петровна додумалась до этого, такъ въ ту же минуту распродала все свое скудное имущество до послѣдняго утюга, съ грѣхомъ разсчиталась за квартиру и съ кухаркой, и собравъ всѣхъ своихъ дѣтей, которыхъ было пять человѣкъ, распростилась съ сѣверной Пальмирой, и горя нетерпѣніемъ поскорѣе обнять Анфису Ивановну, полетѣла въ сельцо Грачевку.

Мелитина Петровна, успѣвшая, года два тому назадъ, овдовѣть, была женщина лѣтъ тридцати, но забитая нуждой и перебивавшаяся кое-какъ со дня на день скудными заработками, сплошь да рядомъ не доѣдавшая и не допивавшая, казалась на видъ совершенной старухой. Блѣдная, худая, со впалыми, постоянно заплаканными глазами, съ костлявыми руками, острыми, приподнятыми плечами и впалой грудью, она не-

сравненно болѣе походила на мумію, чѣмъ на живаго человѣка. Она даже и говорила какъ-то не по-людски, не какъ живой человѣкъ, а какимъ-то замогильнымъ голосомъ, и раздражавшимъ васъ, и въ то-же время наводящимъ тоску.

Мелитина Петровна пріѣхала въ Грачевку утромъ, и боясь стукомъ колесъ напугать, можетъ быть, спавшую еще Анфису Ивановну, приказала ямщику остановиться не у крыльца, а немного поодаль. Затѣмъ, осторожно спустившись съ телеги и снявъ поочереди всѣхъ дѣтей, она направилась вмѣстѣ съ ними въ домъ. Не встрѣтивъ никого въ передней, Мелитина Петровна присѣла на стулъ и принялась слегка покашливать, желая кашлемъ этимъ вызвать кого-либо въ прихожую, но просидѣвъ въ ней съ полчаса и все-таки никого не дождавшись, она рѣшилась наконецъ привстать со стула и пріотворить дверь, ведущую повидимому въ залу. Погрозивъ на дѣтей, чтобы они сидѣли смирно и не шумѣли, она на цыпочкахъ подошла къ двери, полуотворила ее и какъ разъ лицомъ къ лицу встрѣтилась съ подходившею къ той-же двери Анфисою Ивановною.

— Вамъ кого угодно? — спросила ее старушка, попятившись назадъ, и изумленно вытаращила глаза на стоявшую въ дверяхъ женщину.

— Мнѣ, мнѣ... Анфису Ивановну!..— робко отвѣчала та.

— Я Анфиса Ивановна, что вамъ угодно?

— Я... я... Вы меня не знаете, конечно...

— Не узнаю, извините...

— Оно и немудрено забыть... Это было такъ давно... Я была еще груднымъ ребенкомъ, говорятъ!.. Я и

сама даже ничего не помню... и говорю только по слухамъ... какъ мнѣ самой разсказывали... Я ваша племянница, Мелитина Петровна, дочь вашего покойнаго брата, Петра Иваныча...

Услыхавъ это, Анфиса Ивановна до того растерялась, что даже не нашлась что отвѣтить, и только жестомъ руки пригласила ее войти въ залу.

— Позвольте ужь и дѣтей! — пролепетала Мелитина Петровна, тоже смутившаяся.

— Пожалуйста...

Мелитина Петровна собрала дѣтей и, вводя въ залу, заставила ихъ поочередно прикладываться къ рукѣ Анфисы Ивановны.

— Это... тоже братнины дѣти? — спросила Анфиса Ивановна.

— Нѣтъ, матушка, это мои собственныя.

— Такъ вы были замужемъ?

— Да, была, тетушка, за Скрябинымъ...

Анфиса Ивановна вспомнила что-то и даже обрадовалась.

— Ну что, какъ? — спросила она: — поправился-ли онъ?

— Нѣтъ, тетушка, мужъ скончался... И вотъ оставилъ меня одну, съ дѣтьми, безъ средствъ...

Анфиса Ивановна перекрестилась, хотя и чувствовала очень хорошо, что въ головѣ у нея происходитъ что-то такое, чего она сама не могла себѣ разъяснить.

— Не вылечился, стало-быть? — спросила она.

— Нѣтъ.

— Еще-бы, развѣ это возможно поправиться! И руки, и ноги оторвало...

Но на этотъ разъ смутилась уже и Мелитина

Петровна, и испуганно смотря прямо въ глаза старушкѣ, проговорила:

— Помилуйте, тетушка, ему никто не отрывалъ ни рукъ, ни ногъ...

— Какъ?

— Такъ, очень просто, тетушка...

— Да вѣдь ему на сраженіи оторвало...

— Помилуйте... Мой мужъ даже никогда военнымъ не былъ...

— Да вѣдь вы сами-же говорили мнѣ! — вскрикнула Анфиса Ивановна.

Но вдругъ что-то вспомнивъ, она мгновенно замолчала, поднесла руку ко лбу и, какъ-будто силясь собрать какія-то мысли, сдвинула брови.

— Да, да, постойте! — проговорила она.

И пристально взглянувъ на Мелитину Петровну, спросила:

— Такъ вы кто-же такая?

— Я Мелитина Петровна.

— Такъ, такъ, такъ... Теперь все вспомнила... Вѣдь та была не настоящая... А вы... вы настоящая?

— Я, настоящая...

— Ну! очень рада, очень рада.

И поспѣшно обнявъ Мелитину Петровну, она расцѣловала сначала ее, а потомъ всѣхъ дѣтей, и даже обрадовалась при видѣ пріѣхавшихъ.

— Вы меня, пожалуйста, извините, — говорила она торопливо: — но все это такъ неожиданно случилось, такъ внезапно, что я даже не имѣла времени сообразить. — Старуха ужь я, память-то у меня ослабла... но, теперь... теперь я все и сообразила, и припом-

нила... теперь я все знаю... Очень, очень рада... Пойдемте, пойдемте...

И введя всѣхъ въ гостиную, она радушно разсадила ихъ по мѣстамъ, и затѣмъ позвала Домну. Та не замедлила явиться на зовъ.

— Домна! — обратилась она съ приказаніемъ къ вошедшей: — поскорѣе чаю Мелитинѣ Петровнѣ и дѣтямъ.

И тутъ-же замѣтивъ испугъ Домны, прибавила смѣясь:

— Успокойся, успокойся, это настоящая.

Мелитинѣ Петровнѣ отвели ту-же самую комнату, въ которой жила не «настоящая», дѣтей размѣстили въ сосѣдней, и повидимому жизнь въ Грачевкѣ потекла прежнимъ порядкомъ, т. е. все въ обычный часъ пробуждалось, въ обычный часъ обѣдало и ужинало, ложилось спать и засыпало; но все это только было *по-видимому*, а не *въ сущности*; отъ прежней невозмутимой и тихой жизни не осталось и слѣда. Брагинъ жаловался, что дѣти и яблоки, и ягоды обрываютъ, Потапычъ—что на нихъ посуды не напасешься, Дарья Өедоровна — что все варенье поѣли, кучеръ Абакумъ— что всѣхъ лошадей загоняли! Сама Мелитина Петровна была и тиха, и смирно-воздержана, и не только не требовательна, но даже крайне снисходительна. Она отлично слышала не скрываемое, впрочемъ, отъ нея ворчаніе и Домны, и Дарьи Өедоровны, и Потапыча, и Абакума, и Брагина, но дѣлала видъ, что ничего этого не слышитъ, и скорѣе заискивала, чѣмъ оскорблялась. Она всѣхъ называла *миленькими голубчиками*, разсказывала имъ со всѣми подробностями горькую свою долю, жаловалась на судьбу, и

при всякой малѣйшей возможности, старалась угодить каждому чѣмъ-бы то ни было. Брагину она подарила какую-то орденскую ленточку, случайно оставшуюся послѣ мужа, Абакуму — мужнину табакерку, Дарьѣ Ѳедоровнѣ—какой-то старый чепецъ, съ увѣреніемъ, что чепецъ этотъ самой послѣдней моды; но все это мало удовлетворяло прислугу. Прислугѣ этой досаждало въ домѣ присутствіе Мелитины Петровны, а въ особенности ея дѣтей. Дѣти, дѣйствительно, озорники были страшные. Тамъ, въ Питерѣ, въ подвалѣ, на Пескахъ, съ голода что-ли, или по тѣснотѣ, но только они были иными—и тихими, и скромными, и послушными, а здѣсь, на просторѣ, отъѣвшись, почуявъ свободу, пустились во всѣ тяжкія. Сама Мелитина Петровна не узнавала ихъ и не могла съ ними сладить. То они окно разобьютъ, то плетень повалятъ... а однажды, играя спичками, чуть было весь домъ не сожгли. Потапычъ бросилъ не только пыль стирать, но даже пересталъ комнаты мести. «Ничто, на нихъ наметешься!» — ворчалъ онъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ, норовилъ или ущипнуть, или оттрепать котораго-нибудь изъ сорванцовъ. Несчастная Мелитина Петровна мыкалась, хлопотала, извинялась, просила *не взыскать съ глупенькихъ*, но чувствуя, что и она сама, и дѣти ея стоятъ у всѣхъ поперекъ горла, плакала и молилась Богу. — «Господи, — взывала она, падая передъ иконами: — неужто опять на Пески, опять въ подвалъ!..» И быстро вскочивъ, принималась теребить дѣтей за волосы, а вслѣдъ затѣмъ, бѣжала къ Домнѣ, къ Потапычу, Дарьѣ Ѳедоровнѣ, и снова начинала передъ ними изливать все свое горе и всю свою тоску.

Разъ, какъ-то пріѣхалъ къ Анфисѣ Ивановнѣ отецъ Иванъ. Только-что успѣлъ онъ войти въ залу, какъ на него наскочила цѣлая толпа дѣтей и чуть было не сшибла его съ ногъ.

— Откуда это у васъ, кумушка? — спросилъ онъ Анфису Ивановну, поспѣшившую на встрѣчу къ своему пріятелю...

— Охъ, ужь не говори! — проворчала она, и затѣмъ, обратясь къ дѣтямъ, крикнула: — убирайтесь вы отсюда, чертенята!..

Дѣти быстро выбѣжали вонъ.

— Откуда Богъ послалъ?

— Да все этой... племянницы-то моей.

— Мелитины Петровны?

— Да.

— Достаточно однако.

— Наказанье просто... хоть изъ дому вонъ бѣги... Ну что ты, какъ?

— Понемножку, кумушка.

— Нога-то лучше, что-ли?

— Брожу...

— Говорятъ, у тебя тоже гости были?

— Были-съ, — проговорилъ отецъ Иванъ, почесывая въ затылкѣ: — вчера проводилъ.

— Ну и слава Богу...

И перейдя въ гостиную, они принялись бесѣдовать. Бесѣда тянулась долго, но ужь это было не то, что прежде. Батюшка ничего не пилъ, ничего не ѣлъ, и наотрѣзъ отказался отъ всѣхъ угощеній, предложенныхъ было Анфисой Ивановной.

— Будетъ, кумушка дорогая, и попито, и поѣдено достаточно...

— Ничего развѣ не пьешь?

— Запретили...

— Это *живодеры*-то?

— Да, они.

— Была нужда слушать, а мой совѣтъ вотъ какой: брось ты всѣхъ этихъ *живодеровъ*, не слушай ихъ, пей и ѣшь сколько влѣзетъ, а ногу и руку два раза въ день муравьинымъ спиртомъ натирай, а всего лучше, разыщи муравьиную кучу, да въ нее и положи свои больные члены. Я этакъ — разъ одного капитана вылечила...

— У капитана-то можетъ ревматизмъ былъ?.. — спросилъ отецъ Иванъ.

— А у тебя что?

— А у меня параличъ...

— Это все равно, никакой разницы нѣтъ. Кровь застыла!.. Ужь ты не боишься-ли, что муравьи тебѣ ногу отгрызутъ.

— Нѣтъ, не боюсь...

— А коли не боишься, такъ и попробуй. Слава Богу, у насъ чего другаго, а этихъ муравьиныхъ кучъ сколько хочешь, по лѣсу... Кажется, только въ однихъ муравьяхъ и осталась еще охота къ честному труду... все мошенники пошли... Да, — прибавила она, перемѣнивъ тонъ, — ты счастливѣе меня...

— Чѣмъ это?

— Твои-то, вотъ, гости погостили, да уѣхали, а мои-то — при мнѣ все...

— А долго Мелитина Петровна погоститъ у васъ?

— А Господь ее знаетъ!

И пригнувшись къ отцу Ивану, прибавила шепотомъ:

— Надоѣла хуже горькой рѣдьки.

— А я думалъ наоборотъ, развлекаетъ васъ.

— Такъ развѣ она такая, какъ прежняя...

— Что-же, хуже?

— Та умница была, веселая, разбитная.... А эта хнычетъ, хнычетъ, даже тоску наводитъ... Поди-жь ты, вотъ, разыскала вѣдь!.. А все это твои крокодилы виноваты.

— Какъ мои? — удивился отецъ Иванъ.

— Чьи-же? Вѣдь все ты выдумалъ про нихъ...

— Что вы, что вы, напротивъ!..— защищался отецъ Иванъ.

— Ну вотъ еще... Я думаю, я помню ..

— Я даже доказывалъ, что нѣтъ ихъ, что быть ихъ не можетъ.

— А молитву-то кто читалъ отъ нихъ... Кто на рѣку-то ходилъ... Что, небось... прикусилъ языкъ-то... А вотъ кабы ты этой-то исторіи не выдумывалъ, такъ и настоящей Мелитины Петровны у меня-бы не было... и не знала-бы она даже о моемъ существованіи. А вотъ теперь и возись съ нею. Прогнать какъ-то жалко... Ѣсть нечего будетъ! и видѣть-то ее тошнехонько... а съ другой стороны, тоже не чужая вѣдь, одна кровь-то. А ужь такъ надоѣла, такъ надоѣла...

— Нѣтъ, кумушка,— перебилъ ее отецъ Иванъ: тутъ крокодилы ни причемъ, а тутъ другая причина кроется...

— Ну-ка, выдумай-ка еще чего-нибудь.

— Тутъ просто «вода сперлась!»

— Такъ и знала, что чепуху какую-нибудь сгородишь. И дивлюсь я, глядя на тебя... Ужь не тебя-ли Господь наказалъ, и языкъ-то тебѣ повредилъ, и ногу

и руку, а ты все не исправляешься, все чепуху городишь!

— Нѣтъ, не чепуха.

И вспомнивъ слова Асклипіодота, прибавилъ:

— Случалось-ли вамъ видѣть, какъ зимой, къ проруби, рыба сплывается и жадно хватаетъ воздухъ. Мужики говорятъ: «вода сперлась, душно рыбѣ!» Такъ-то и Мелитинѣ Петровнѣ душно стало! Вотъ она къвамъ, какъ къ прѣруби, и приплыла со всѣми своими птенцами...

— Не слушала-бы тебя! Совсѣмъ заврался! — проговорила Анфиса Ивановна, махнувъ рукой. — Никакой, видно, параличъ тебя не исправитъ. Болтуномъ ты родился, болтуномъ и помрешь.

И вдругъ, перемѣнивъ тонъ, спросила:

— А что, Асклипіодотъ получилъ мѣсто?

— Получилъ-съ.

— Гдѣ?

— На пчельникѣ я его опредѣлилъ-съ... Тамъ, на пчельникѣ, въ землянкѣ и живетъ. Мѣсто, конечно, невидное, въ лѣсу... однако ничего... пріохотился, полюбилъ дѣло... читаетъ много... Ничего!

Анфиса Ивановна хотѣла что-то сказать, но въ это самое время, въ саду, подъ окнами, послышался какой-то топотъ, словно табунъ жеребятъ пронесся или вихорь пролетѣлъ; затѣмъ, — крикъ Мелитины Петровны, потомъ — какое-то шлепанье, какой-то визгъ, крики: ай, ай, ай! ай, ай, ай! и наконецъ все это покрылось голосомъ Мелитины Петровны.

— Я тебѣ дамъ, разбойникъ! — кричала она: — я тебѣ дамъ яблоки воровать! Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!.. Господи, что-же это за наказаніе! Хоть-бы

мать-то пожалѣли, хоть-бы объ ней-то подумали... Чего-же вы хотите, разбойники, чтобы выгнали насъ, чтобы Христовымъ именемъ побираться!.. Ахъ, вы разбойники... Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ...

— Вотъ оно какое житье-то мое! — прошептала Анфиса Ивановна.

— Да-съ! Жизнь пережить—не мутовку облизать... И отецъ Иванъ вздохнулъ...

ЗАБЫТАЯ УСАДЬБА.

РАЗСКАЗЪ.

Въ бытность мою въ деревнѣ, во время вечернихъ прогулокъ, я чаще всего ходилъ въ село Отрадное. Село это принадлежитъ весьма богатому помѣщику. Помѣщикъ въ деревнѣ не жилъ, и потому каменный большой господскій домъ, построенный отъ селенія верстахъ въ двухъ и представлявшій собой совершенно отдѣльную усадьбу, былъ постоянно пустъ. Нѣмецъ-управитель жилъ въ конторѣ, помѣщавшейся среди села, а смотрѣніе за усадьбой поручилъ Зотычу, — старику лѣтъ восьмидесяти, — бывшему камердинеру стараго барина, нынѣ отставленному за негодностію лѣтъ. Зотычъ жилъ въ усадьбѣ настоящимъ пустынникомъ, и до того свыкся съ своимъ сѣрымъ и космatымъ псомъ Отымаемъ, что даже спалъ вмѣстѣ съ нимъ и чуть-ли не ѣлъ съ нимъ изъ одной и той-же чашки. Отымай любилъ и стерегъ Зотыча, а Зотычъ любилъ и стерегъ Отымая. Усадьбу, за исключеніемъ караульщиковъ, присылавшихся на ночь, да меня, врядъ-ли посѣщалъ кто-либо; развѣ-развѣ завернетъ, бывало, какой-либо шатунъ-охотникъ — попробовать

ружье: начертить углемъ кругъ на двери, поставить въ срединѣ точку величиною съ яблоко и, влѣпивъ въ точку эту цѣлый зарядъ дроби, исчезалъ неизвѣстно куда... Поэтому встрѣтить въ усадьбѣ можно было одного только Зотыча, цѣлый день, въ сопровожденіи своего Отымая, бродившаго по двору и побрякивавшаго кипою всевозможныхъ ключей. Ключами этими запиралъ онъ пустыя, необитаемыя комнаты, пустые сараи, погреба и ледники. Зачѣмъ запиралъ ихъ Зотычъ и почему не хотѣлъ заколотить все это просто-напросто гвоздями, — объ этомъ никто не зналъ, да и не заботился знать. Зотычъ былъ до того старъ, что пережилъ всѣхъ своихъ сродниковъ и близкихъ. Однако до сихъ поръ любилъ еще пріодѣться и пощеголять. Сѣдые и рѣдкіе его волосы были всегда гладко причесаны, борода тщательно выбрита, бѣлый галстукъ и манишка всегда чисто вымыты. Онъ самъ себѣ стряпалъ, самъ мылъ себѣ бѣлье, самъ убиралъ свою небольшую, но всегда чистенькую комнатку, самъ ходилъ за дровами и самъ рубилъ ихъ. Изъ усадьбы выходилъ онъ очень рѣдко, а именно: по праздникамъ къ обѣднѣ и затѣмъ каждое первое число въ контору за полученіемъ мѣсячнаго содержанія.

Мнѣ очень нравилась эта усадьба, и нравилась потому именно, что была заброшена. Каменный домъ, весьма похожій на фабрику, лицевою стороной былъ обращенъ къ огромному пруду, тянувшемуся по крайней мѣрѣ верстъ на пять и отдѣлявшему меня отъ этой усадьбы. Направо и налѣво отъ дома слѣдовали корпуса службъ, вышекъ, амбаровъ, погребовъ, составляя какъ-бы боковыя стѣны двора, а вмѣсто задней стѣны возвышался обширный, заглохшій паркъ

съ темными аллеями и полуразрушенными статуями и бесѣдками. За паркомъ слѣдовали крестьянскія избы, а посреди ихъ, на высокомъ холмѣ, бѣлая, каменная церковь, окруженная небольшою оградой; но ни церкви, ни селенія изъ усадьбы за паркомъ не было видно. Въ усадьбѣ все было пусто, все было гнило. Повсюду виднѣлись куртины крапивы, лопуха и полыни. Флюгера, возвышавшіеся на ветчинницахъ и вышкахъ, уныло скрипѣли на заржавленныхъ петляхъ; лѣсенки къ кладовымъ были перекошены, стекла въ окнахъ перебиты и съ какими-то зелеными и красными отливами; у колодезя, посреди двора, обвалился срубъ и упало колесо, и только стая голубей оживляла этотъ памятникъ, какъ-бы возвышавшійся надъ грудами могилъ давно отжившаго поколѣнія.

Мнѣ рѣдко приходилось бывать въ самомъ селеніи; зато усадьбу посѣщалъ я чуть-ли не каждый вечеръ, и вѣроятно не мало-бы удивилъ Зотыча и его сѣраго Отымая, если-бы мнѣ вздумалось когда-нибудь съ недѣлю не побывать у нихъ. Я любилъ бродить по двору и по парку, и... странное дѣло! почти каждый разъ невольно переносился въ то отдаленное прошлое, когда среди всѣхъ этихъ развалинъ кипѣла еще жизнь. Впрочемъ, иначе и не могло быть, ибо все говорило не о настоящемъ, а о прошедшемъ. Стоило мнѣ только закрыть глаза, какъ передо мною являлась вдругъ цѣлая толпа мужчинъ и дамъ въ фижмахъ, громадныхъ чепцахъ и мушкахъ; я начиналъ слышать какіе-то странные звуки музыки и видѣлъ, какъ вся эта разряженная толпа волновалась и граціозно танцовала минуэтъ, гавотъ и котильонъ... Потомъ вдругъ

музыка умолкала, кавалеры предлагали дамамъ руки и разсыпались по дорожкамъ мрачнаго темнаго парка. Я открывалъ глаза и все исчезало... И снова передо мною возвышался паркъ этотъ съ гнилыми бесѣдками и холодными гротами, тихо о чемъ-то шепчущій; и снова возставалъ передо мною громадный домъ съ перебитыми окнами и облупленными стѣнами, на развалившемся крыльцѣ котораго, рядомъ съ Отымаемъ, стоялъ неугомонный Зотычъ, перебирая ключами.

Разъ какъ-то, въ концѣ іюля, часовъ около восьми вечера, я пошелъ въ усадьбу. Для сокращенія пути, я пошелъ не по дорогѣ, ведущей въ село Отрадное, а прямо вдоль пруда, который, какъ я сказалъ уже выше, отдѣлялъ меня отъ усадьбы. Прудъ этотъ, наподобіе широкой рѣки, тянулся по крайней мѣрѣ верстъ на пять и былъ окруженъ темнымъ сосновымъ боромъ, какъ-то особенно мрачно смотрѣвшимъ въ его почти всегда неподвижныя воды. Мѣстность была особенно богата видами. То попадались высокіе, обрывистые берега, пробуравленные стрижиными норами и увѣшанные сѣтками мелкихъ кореньевъ, упадавшими въ воду; то небольшія зеленыя полянки съ двумя-тремя стожками сѣна, то песчаныя отмели, усыпанныя мелкимъ камнемъ и раковинами улитокъ; то старинныя, размашистыя ветлы, подмытыя водой и готовыя съ каждой минутой рухнуть съ берега.

Солнце садилось уже за сосновый боръ, пронизывая его насквозь косыми огненными лучами и осыпая верхушки деревьевъ алмазными брызгами. Денной жаръ исчезалъ. Воздухъ наполнялся прохладой и запахомъ смолы, кашки и медуницы. Легкій вѣтерокъ

тихо покачивалъ камышъ и слегка рябилъ поверхность воды... Стаи чирятъ со свистомъ кружились надъ прудомъ, кряквы и гагары тихо выплывали изъ камыша. Потянула съ крикомъ цапля и, выпрямивъ ноги, мѣрно разсѣкала крыльями воздухъ. Стрижи вылетали изъ своихъ норокъ и съ пискомъ носились надъ прудомъ, изрѣдка задѣвая его поверхность тоненькими острыми крылышками. Но вотъ, — боръ начинаетъ рѣдѣть, я выхожу на обширную поляну и какъ на ладони вижу забытую усадьбу. Заходящее солнце играетъ въ полуразбитыхъ окнахъ каменнаго дома, отчего темный паркъ кажется еще темнѣе и угрюмѣе. На полянѣ паслось стадо, но пастухъ начиналъ уже собирать его въ кучу и, мѣрно похлопывая длиннымъ кнутомъ, наполнялъ боръ какимъ-то мелкимъ трескомъ; я взошелъ на плотину и, миновавъ разрушенную водяную мельницу, очутился на дворѣ усадьбы.

Первый, кто меня встрѣтилъ, былъ Отымай. Онъ съ визгомъ бросился ко мнѣ подъ ноги и весело вилялъ пушистымъ хвостомъ. Немного погодя, я увидалъ и Зотыча. Онъ сидѣлъ на крылечкѣ своего флигеля въ холщевой рубашкѣ и суконныхъ шароварахъ, и чинилъ сюртукъ, лежавшій на его колѣняхъ.

— Здравствуйте,— проговорилъ я, подходя къ нему.

Зотычъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на меня и улыбнулся.

— А, это вы, батюшка! А я и не замѣтилъ, какъ вы пожаловали.

— Что это вы дѣлаете?

— Да вотъ сюртучишко старенькій чиню,— бормоталъ онъ, не переставая работать. — Да вишь, нито-

чекъ-то намалѣ; все ужь кое-какъ кончиками зашиваю.. Намедни домъ убиралъ къ празднику, да и разодралъ какъ-то: хорошо еще, что по шву распоролось!

— Развѣ кто-нибудь пріѣзжалъ, что вы домъ убирали? — спросилъ я съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, никто.

— Такъ къ чему-же было убирать-то?

— Какъ къ чему? а паутинникъ-то, а пыль-то?

— Да вѣдь здѣсь никто не живетъ.

— Не живетъ, такъ и надо, чтобы господскій домъ былъ въ грязи? — Что это!.. Я полагаю, домъ-то на мои руки отданъ; правда, въ немъ нѣтъ мебели, такъ покрайности стѣны-то я долженъ содержать въ чистотѣ, какъ при старыхъ господахъ.

— А давно господа эти умерли? — спросилъ я.

— Да ужь лѣтъ пятнадцать или двадцать, какъ изволили скончаться.

Я посмотрѣлъ на Зотыча и проговорилъ невольно:

— А вѣдь вы неоцѣненный человѣкъ, Зотычъ.

— Какой ужь неоцѣненный, батюшка,— проговорилъ онъ, тяжело вздохнувъ: —какой ужь неоцѣненный! Кабы неоцѣненный-то былъ, такъ не бросили-бы меня въ деревнѣ, какъ какую-нибудь тряпку негодную. Нѣтъ, видно, есть получше насъ. Ну, чтожь, Богъ съ ними! я не сержусь, я и здѣсь проживу... родился здѣсь, здѣсь и умру... Пускай ихъ живутъ съ хорошими-то... Я старикъ; гдѣ мнѣ служить такъ, какъ молодые служатъ!.. Цыцъ ты! — прикрикнулъ онъ, замахнувшись на Отымая, не перестававшаго визжать и юлить у моихъ ногъ.— Цыцъ! ложись на мѣсто!

Отымай присмирѣлъ, отошелъ въ сторонку и, свернувшись въ клубокъ, улегся на завалинѣ.

— А гдѣ живутъ ваши молодые господа? — спросилъ я, немного погодя.

— Да гдѣ живутъ: и въ чужихъ краяхъ живутъ, и въ Питерѣ.

— А сюда не пріѣзжаютъ?

— Былъ какъ-то одинъ разъ...

— Кто?

— Да баринъ-то.

— А вы давно уже не служите?

— Да какъ старые господа скончались, такъ и меня по шапкѣ...

— Отчего-же по шапкѣ?

— Отчего? извѣстно отчего... Не хорошъ,— вишь, все по старинному дѣлаю... Ну, и взяли себѣ, которые по модному дѣлаютъ... Богъ съ ними, мнѣ все одно...

— А я думаю, при старыхъ-то господахъ лучше жилось?

Зотычъ взглянулъ на меня и презрительно улыбнулся.

— Какое-же сравненіе! — вскрикнулъ онъ, швырнувъ на полъ работу. — Какое-же сравненіе... Сравненія никакого быть не можетъ. Ужь истинно, могу сказать, по-господски жили!.. Вѣдь это мнѣ все, все извѣстно очень хорошо; вѣдь я въ домѣ-то съ дѣтства своего пробылъ; ужь мы видѣли...

— А вы чѣмъ были? — спросилъ я.

— То-есть, это при старыхъ-то господахъ?

— Да.

— Во всѣхъ должностяхъ-съ,— не безъ нѣкоторой важности проговорилъ Зотычъ.—Вѣдь я не изъ выско-

чекъ, не изъ тѣхъ-съ, которые, съ позволенія сказать, отъ горшковъ прямо за тарелки принимаются. Я началъ съ того-съ, что состоялъ при сапогахъ...

— Это что значитъ?

— А то, что гостямъ сапоги чистилъ... потомъ былъ казачкомъ, парикмахеромъ; одно время въ оркестрѣ на флейтѣ игралъ, на театрѣ первыхъ драматическихъ любовниковъ исполнялъ, долгое время былъ лакеемъ столовымъ, потомъ камердинеромъ при старомъ баринѣ, и только послѣ этого былъ пожалованъ въ дворецкіе... А теперь что, теперь развѣ это такъ?

И, немного помолчавъ, онъ прибавилъ со вздохомъ:

— Н-да-съ, дай Богъ ему царство небесное! Хорошо мнѣ было при немъ. Не забывалъ меня старика своими милостями...

Зотычъ задумался и, немного погодя, снова принялся за свою работу. Отымай словно замѣтилъ грустное настроеніе Зотыча; подошелъ къ нему, помахалъ хвостомъ и снова улегся на завалинѣ.

— А не слышно, — проговорилъ я, немного погодя: — какъ молодые-то господа живутъ: открыто, или нѣтъ?

— Гмъ! открыто!.. Какже они могутъ жить открыто, когда прислуга даже въ гостиную войти не умѣетъ! Какъ, значитъ, по залѣ ходитъ, такъ и по гостиной... различія нѣтъ-съ!..

— А развѣ есть различіе?

— Конечно-съ, въ гостиной должна быть совсѣмъ иная походка-съ...

— А именно?

— Войдя въ гостиную, необходимо въ дверяхъ оста-

новиться, оглянуть всѣхъ господъ, потомъ вдругъ подняться на цыпочки и ужъ на цыпочкахъ идти...

— А по диванной?

— Все одно и по диванной.

— А по кабинету?

— Въ кабинетъ вѣдь обыкновенный лакей доступа не имѣетъ-съ.

— Нѣтъ?

— Нѣтъ-съ! Какъ-же это возможно-съ! Для кабинета есть или особый кабинетъ-лакей, или же камердинеръ. У насъ кабинетъ-лакея не было-съ, а былъ только камердинеръ-съ...

— Кто-же училъ васъ всему этому? — спросилъ я.

Зотычъ вытянулся, принялъ важную осанку и, погладивъ подбородокъ, проговорилъ съ гордостью:

— Старые господа-съ.

— Сами?

— Сами-съ, потому, значитъ, они были для насъ и господа, и благодѣтели. Они насъ и по-французски учили. День — *ле нюи,* ночь — *ля журъ. Ля журъ пасъ ле нюи вьенъ. Се тре жоли, комъ илъ фо!* Какъ-же-съ, мы очень хорошо говорили по-французски. Бывало это подъ веселую руку, въ особенности, когда господа подкутятъ, старый баринъ крикнетъ: «Зотычъ, *вене зизи!* Ну что, спроситъ бывало, *жоли персонъ* имѣется на примѣтѣ.» — «*Вуй, месье.*» — «*Жоли?*» — «*Тре жоли!*» — «*Марше,* и чтобы къ вечеру была въ «павильонѣ любви».— «*Жемаршъ, месье!*» И пойдешь, бывало.

— Это что же за «павильонъ любви»?

— Такой павильонъ былъ въ паркѣ; онъ и теперь

еще цѣлъ, только теперь страшно входить въ него, потому сгнилъ и придавитъ какъ разъ...

— И часто баринъ посѣщалъ этотъ павильонъ?

— Конечно часто-съ, потому барыня была больная, хилая...

— Большой былъ прiѣздъ при старыхъ господахъ?

— Какъ-же не большой, когда столъ каждый день на тридцать кувертовъ накрывался! А нынче что? Нынче развѣ такъ?.. Нынче всѣ норовятъ потихоньку отобѣдать, чтобы никто не видалъ... Боятся, какъ-бы лишнiй кусокъ не вышелъ... Какiе-же это господа!..

— А при старыхъ этого не было?

— Чего это-съ?

— Да чтобы потихоньку отобѣдать?

— Гмъ! Какое-же тихонько, когда старый баринъ и кушать-то безъ гостей не могъ. Изволите видѣть энтотъ шпицъ, что на дому торчитъ. На этомъ самомъ шпицу у насъ флагъ былъ; съ одной стороны было крупно написано: *милости просимъ откушать*, а съ другой: *очень будемъ рады!*

— И прiѣзжали?

— Страсть сколько господъ прiѣзжало-съ! Вѣдь старый баринъ произволителемъ дворянства былъ; такъ не повѣрите, иной разъ столько гостей кушать наѣдетъ, что ужь на что у насъ двадцать лакеевъ было, такъ и то не поспѣвали. И все, знаете-ли, господа тузы этакiе, генералы, придворные и барыни тоже знатныя, вельможныя. Бывало, вотъ этотъ дворъ биткомъ набьется разными экипажами. Ну, ужь тутъ, разумѣется, поспѣвай только. Чулки, да башмаки, да перчатки разъ пять въ день-то перемѣнишь, для того, что это Боже сохрани, если старый баринъ замѣтитъ,

что лакей нечисто одѣтъ!.. на конюшнѣ въ четыре кнута выпоретъ и кричать не позволитъ... ну, бывало, и летаютъ!.. А эти балы, напримѣръ! — вскрикнулъ Зотычъ, все болѣе и болѣе оживляясь.—Боже ты мой милостивый!.. Ослѣпленіе, прямо ослѣпленіе! Въ оркестрѣ, бывало, человѣкъ двадцать музыкантовъ и все крѣпостные; однѣхъ скрипокъ четыре было... Зала, сами изволите знать, — какая. Какъ станутъ, бывало, на хоры эти музыканты, да какъ рявкнутъ, только стекла задрожатъ. А старый баринъ только и зналъ, что кричалъ: «Эй, Зотычъ! мороженаго, лимонаду, аршаду!» А я знаю себѣ: слушаю, молъ. Ну, и побѣжишь, тому велишь разносить аршадъ, тому лимонадъ, конфекты, фрукты, мороженое, да и самъ-то все-таки, бывало, пойдешь за ними, чтобы какъ-нибудь ошибки не сдѣлали, не толкнули-бы кого, не облили-бы, не разроняли-бы чего... Вотъ вѣдь какъ, батюшка! Въ старые-то годы и мы тоже кое-что смыслили!.. Ну, конечно, нынче гдѣ ужь намъ — старикамъ супротивъ молодыхъ, модныхъ-то; зато у насъ серебряныя ложки въ цѣлости были, въ кабакъ ихъ не таскали... Вотъ какъ мы жили. Однихъ нахлѣбниковъ, бѣдныхъ господъ то-есть, было у насъ человѣкъ десять. Кормили, поили, обували, одѣвали ихъ... И ужъ бѣдный человѣкъ, если о чемъ попроситъ, особливо коли о чемъ-нибудь похлопотать за него, такъ ужь старый баринъ такъ-ли, нѣтъ-ли, а ужь на своемъ поставитъ... Въ Москву, въ Петербургъ, бывало, съѣздитъ, а сдѣлаетъ какъ ему нужно. Разъ одного строптиваго дворянина въ крестьянство перевелъ, доказалъ, что онъ не дворянинъ, а крѣпостной человѣкъ... а потомъ, значитъ, купилъ его,

выпоролъ, да вольную ему и пожаловалъ. Вельможа былъ, что и говорить! На «зубокъ» по цѣлымъ вотчинамъ дарилъ. Однихъ гончихъ пятьдесятъ смычковъ на спуску было. Какъ забросятъ въ островъ, да какъ натекутъ на слѣдъ, такъ, бывало, варомъ и заварятъ, что твои пѣвчіе... ай, ай, ай! амъ, амъ, амъ!.. а выжлятникъ, словно ножами рѣжутъ его, такъ и гремитъ по лѣсу-то: оле, ле, ле, ле! ту былъ... оле, ле, ле!.. оле, ле, ле!.. Бывало отправимся это въ отъѣзжее поле. Мѣсяца два-три ѣздимъ, всѣ сосѣднія губерніи объѣздимъ: и въ Пензенской, и въ Тамбовской губерніи побываемъ, въ Донскія земли заглянемъ, а свою-то Саратовскую, бывало, вдоль и поперекъ пройдемъ... Господъ, знаете-ли, много соберется. Днемъ въ полѣ, а чуть вечеръ — на привалъ. Раскинемъ палатки и тутъ ужь — фю!..

И Зотычъ, свистнувъ, махнулъ рукой.

— Что-же? — спросилъ я.

— Извѣстно что, выйдутъ пѣсенники, плясуны, музыканты.

— Какъ, и музыкантовъ тоже брали?

— А какъ-же-съ. Вѣдь у насъ-то особая духовая музыка была. Такое пойдетъ веселье, что умирать не надо. Ну, а на походной-то кухнѣ тѣмъ временемъ повара свое дѣло справляли...

— И вина тоже съ вами были?

— Да ужь это само собой разумѣется! У насъ и бричка была для этого особенная сдѣлана. Тутъ и водицы, и наливки, и виноградныя вина; шампанскаго цѣлые ящики... Вѣдь вотъ этотъ подвалъ, изволите видѣть, что подъ домомъ-то, вѣдь у насъ биткомъ

набитъ былъ этими винами... А что простое вино, полугаръ-то есть, такъ это и толковать нечего...

— Много было?

— Да вотъ какъ-съ. У насъ въ одну комнату былъ просто кранъ проведенъ. Это я вамъ истину докладываю, не хвастаю,— вотъ дай Богъ съ этого мѣста не сойти, коли я лгу; такъ, очень просто, кто хотѣлъ, тотъ и подходилъ. Жилъ у насъ, доложу вамъ, одинъ князь на хлѣбахъ и, грѣха таить нечего, насчетъ водки былъ жадный-прежадный; такъ онъ, не повѣрите, подойдетъ, бывало, къ крану, приложится и давай сосать; такъ что-жь вы думаете? до того, бывало, насуществуется, что, аки мертвый, такъ подъ краномъ и лежитъ. Увидитъ, бывало, старый баринъ, повернетъ его, велитъ штаны спустить, да и поретъ, а князь-атъ даже и не чувствуетъ... ей-богу-съ! А ужь про дворню и говорить нечего. Бывало — что дѣлали, сударь!... Былъ у насъ одинъ кучеръ, Амплеемъ звали; малый рослый былъ, въ плечахъ — косая сажень, и пьяница былъ горчайшій, не тѣмъ будь онъ помянуть,— ужь онъ головъ десять будетъ, какъ по меръ; такъ онъ, бывало, воровски нацѣдитъ этой водки полоскательную чашку, да съ кашей и жретъ. Вотъ какіе здоровяки были... А ужь какой христіанинъ-то былъ...

— Кучеръ-то? — спросилъ я.

— Нѣтъ-съ, старый баринъ-то! — продолжалъ Зотычъ, вздохнувъ и перекрестившись, мысленно поминая душу умершаго.—Вотъ эту самую церковь, что у насъ на селѣ-то, онъ вѣдь построилъ... И все то-есть на свои собственныя деньги, а не то чтобы стариковъ по селамъ собирать посылалъ... Пѣвчихъ

завелъ... регента нанималъ, триста монетъ въ годъ платилъ, окромѣ харчей... Вотъ какъ, сударь... А ужь какой богомольный-то былъ... Бывало, начнетъ это говѣть... станетъ передъ царскими вратами, да и зачнетъ колотить себя кулакомъ въ грудь. Колотитъ, а самъ приговариваетъ: грѣшникъ, говоритъ я, великій грѣшникъ! а у самого слезки такъ изъ глазъ и льются... Обернется это къ попу. — «Ты что, попъ, плохо кланяешься!.. ты что думаешь? за меня молиться нечего, что праведникъ я... врешь, кланяйся больнѣе... я, говоритъ, можетъ, хуже всякаго мужика паршиваго!» Христіанинъ былъ, что и говорить... А придетъ, бывало, это Пасха... Господи Боже мой, что за веселье было! Церковь всю плошками уставятъ... горитъ, бывало, матушка, словно бриллiантами убранная... зажгутъ смоляныя бочки, а народъ-то, народъ, такъ и валитъ со всѣхъ сторонъ... Обойдутъ это вокругъ церкви съ иконами, а какъ только запоютъ: *Христосъ воскресе*, такъ съ колокольни и зачнутъ жарить въ пушки, ажно вся церковь ходенемъ заходитъ... Ну, а послѣ обѣдни всѣ, значитъ, въ барскій домъ: и дворовые, и мужики, всѣ какъ есть... Тутъ баринъ со всѣми похристосуется, а потомъ и разговляться начнутъ. У насъ для этого въ каретномъ сараѣ преогромнѣйшій столъ уставлялся. Тутъ были и пасха, и куличи, и яйца, и нѣсколько окороковъ ветчины, бараны жареные съ золотыми рогами... А теперь ужь этого нѣтъ, сударь... Ужь вотъ я, къ примѣру, и старому барину служилъ, и въ дворнѣ числюсь, и то господъ своихъ не вижу, а мужичку-то и вовсе, вовсе...

— А какъ у васъ — дворовымъ мѣсячина что-ли раздавалась? — спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ-съ. Семейская у насъ была, застольная значитъ-съ, вонъ въ томъ самомъ флигерѣ, что напротивъ-то стоитъ. Пять женщинъ было приставлено къ этому дѣлу, онѣ и стряпали-съ. Кормили насъ хорошо, очень хорошо-съ. Всякій день щи съ говядиной, а то со свининой, лапша, каша съ масломъ, и квасъ завсегда отличный варился... По праздникамъ окромя того пироги... Ну, въ постные дни, конечно, не то было, однако все-таки и рыба, и картофель, и горохъ варились. Ну-съ, вотъ это какъ бывало ударитъ на дому пушка, мы всѣ и собирались...

— Какъ, ударитъ пушка? — перебилъ я Зотыча.

— А это у насъ часы такіе были. Изволите видѣть, какъ это было сдѣлано. Стояла у насъ на дому пушка, заряженная порохомъ, а надъ затравкой-то было прилажено зажигательное стекло, и было оно такъ прилажено, что какъ только солнышко на полдени станетъ, такъ прямо на затравку черезъ стекло и потрафитъ; порохъ-то, знаете-ли, вспыхнетъ, ну, она и рявкнетъ... Такъ, бывало, по лѣсу-то и раскатится, словно тулупомъ накроетъ.

— Вотъ какъ! Ну, а когда солнца не было?

— Въ пасмурный день по звонку-съ... Да, сударь, нечего сказать, хорошо было-съ... Ужь при старомъ-то баринѣ никакой нѣмчура не посмѣлъ-бы обругать меня, какъ сегодня обругалъ.

— Кто-же это? — спросилъ я.

— Извѣстно, управляющій.

— За что-же?

— За что!.. За то, что попросилъ его дать мнѣ

мальчишку помочь окна въ дому перемыть да паутину смахнуть — вотъ за что-съ. И одинъ, говоритъ, сдѣлаешь, коли есть охота... Да еще хлѣбомъ попрекнулъ...

— Какъ это?

— Попрекнулъ, да и все тутъ. Даромъ, говоритъ, хлѣбъ ѣшь... Вотъ тѣ разъ!..

— А вамъ сколько отпускаютъ?

Зотычъ помолчалъ, потомъ, вздохнувъ, проговорилъ:

— Жуешь, жуешь сухія корки-то!...

— И кромѣ хлѣба ничего не даютъ?

— Извѣстно, ничего. Полтора пуда ржаной муки да гривенникъ въ мѣсяцъ на соль...

— А кто-же васъ одѣваетъ?

— Кто одѣваетъ! Все стараго барина одежда-то. Какъ, значитъ, изволилъ отказать мнѣ опосля себя два фрака да три сертука, такъ они и есть.

— Что-же вы не напишете объ этомъ молодому барину?

Зотычъ только махнулъ рукой да тяжело вздохнулъ.

Черезъ нѣсколько дней я опять какъ-то зашелъ въ усадьбу. Было уже темно. На голубомъ небѣ, усѣянномъ дрожащими звѣздами, плылъ серебряный мѣсяцъ, проливая на землю мягкій, блѣдноватый свѣтъ и окутывая деревья прозрачною тѣнью. Кругомъ все было тихо, — такъ тихо, что можно было разслышать малѣйшій шелестъ травы, малѣйшее движенье звѣрька. Полуразрушенныя статуи неподвижно бѣлѣли въ листвѣ деревъ. Я вошелъ въ бесѣдку и сѣлъ на скамейку. Бесѣдка эта стояла на полугорѣ и давала мнѣ возможность видѣть почти весь паркъ. Боже мой, какъ

особенно хорошъ былъ онъ въ эти свѣтлыя, серебряныя ночи! Заросшія травой аллеи, словно рѣки и ручьи, разбѣгались въ разныя стороны по темному, молчаливому парку. Таинственный полумракъ царствовалъ въ деревьяхъ. Прямо, передо мной, бѣлѣлись дикіе камни, составлявшіе когда-то темный гротъ. Огромная старинная ветла лежала на его крышѣ и заслоняла своими вѣтвями его входъ; изъ грота этого такъ и смотрѣла вѣчная ночь, такъ и вѣяло холодомъ. Неподалеку отъ пруда виднѣлось небольшое озеро. Густой туманъ поднимался съ его поверхности; то разстилаясь тонкой пеленой, то вдругъ перевертываясь и вытягиваясь языкомъ, онъ выказывалъ зеркало пруда; мѣсяцъ, перекинувъ огненный снопъ отъ одного берега до другаго, ярко горѣлъ въ этомъ зеркалѣ. На этомъ-то озерѣ, на небольшомъ искусственномъ островкѣ, чернѣло перекосившееся строеніе, въ родѣ бесѣдки, окруженное цѣлымъ рядомъ колонокъ. Строеніе это изображало собою тотъ самый «павильонъ любви», о которомъ упомянулъ Зотычъ. Когда-то къ павильону этому велъ подъемный мостикъ, но теперь моста этого не было, да и самое озеро до того пересохло въ этомъ мѣстѣ, что дно его поросло мелкимъ тальникомъ. Верховный жрецъ этого храма умеръ, жрицы тоже перемерли и состарѣлись, а безъ жрецовъ и храмъ не храмъ... Я пошелъ дальше. Длинныя тѣни деревьевъ ложились на землю, усыпанную еловыми шишками и сухимъ валежникомъ. Мѣстами встрѣчались цѣлыя куртины хмѣля, вьющагося по кустарникамъ и малымъ деревьямъ. Изрѣдка попадались березы, бѣлые стволы которыхъ казались еще бѣлѣе среди этихъ высокихъ

сосенъ и елей. Здѣсь и тамъ росла крапива, возвышались громадные листы лопуха, на которыхъ дрожали алмазныя капли росы... Вдругъ, возлѣ меня, что-то зашумѣло, раздался какой-то раздирающій и пронзительный крикъ... Я вздрогнулъ, и въ ту же минуту, почти мимо глазъ моихъ, промелькнула сова, мягко разсѣкая воздухъ пушистыми крыльями своими... Тишина снова разлилась по окрестности. Я пошелъ въ конецъ парка, то-есть въ ту сторону его, которая выходила на село. Сухіе сучья такъ и трещали подъ ногами; изрѣдка попадались перекошенные мостики, изъ-подъ которыхъ, какъ стрѣлы, вылетали одичавшія кошки. Черезъ нѣкоторое время я былъ ужь возлѣ плетня, окружавшаго паркъ, сѣлъ на этотъ плетень и принялся разглядывать новую, раскинувшуюся предо мною, картину. Передо мною было село, широко растянутое по отлогому полугорью, покрытому мелкою зеленою травкою. Небольшая рѣка, заросшая камышомъ, отдѣляла село отъ парка; рѣка эта была почти подъ моими ногами. Десятки лягушачьихъ голосовъ оглашали камыши. Лягушки эти словно споръ подняли о томъ, кто кого перекричитъ. Надоѣлъ мнѣ этотъ концертъ, я бросилъ въ камыши комомъ земли, и концертъ замолкъ. Какъ ярко село освѣщалось луною! Свѣтъ парка казался передъ этимъ темной ночью. Все покрывалось серебристымъ блескомъ. На селѣ все тихо, все спитъ, — бѣгаетъ лишь по травѣ стая собакъ съ высунутыми языками; всѣ эти собаки длинной вереницей слѣдятъ за одной маленькой, бѣжавшей впереди. Деревья, изрѣдка разбросанныя на гладкомъ полугорьѣ и весьма похожія на тѣ столѣтнія раскидистыя деревья, которыя рисуются обыкновенно худож-

никами на первомъ планѣ ландшафтовъ, молчаливо возвышались надъ уснувшимъ селомъ. Посреди села, и на самомъ возвышенномъ его пунктѣ, стояла та самая церковь, о которой говорилъ Зотычъ. Церковь была обнесена оградкой и кругомъ обсажена деревьями. Бѣлая, высокая колокольня стройно обрисовалась на голубомъ фонѣ неба. Тонкій шпиль съ крестомъ, обитый жестью, сверкалъ какъ обнаженный мечъ. Подъ алтаремъ этой-то церкви, въ небольшомъ фамильномъ склепѣ, стоялъ рядъ гробовъ, покрытыхъ истлѣвшими покровами. Въ гробахъ этихъ покоился прахъ умершихъ, а въ томъ числѣ и прахъ «стараго барина». Отъ многочисленной семьи этого барина остался только одинъ сынъ, — настоящій владѣлецъ села Отраднаго... Неподалеку отъ церкви виднѣлись дома церковно-служителей и довольно большой домъ, крытый желѣзомъ, въ которомъ помѣщались контора и квартира ненавистнаго Зотычу нѣмца-управителя, попрекнувшаго его хлѣбомъ. Долго смотрѣлъ я на эту картину, какъ вдругъ сторожъ ударилъ въ колоколъ и въ ту-же секунду все какъ-будто вздрогнуло, встрепенулось, паркъ огласился крикомъ галокъ и грачей и остановилась стая собакъ, поднявъ головы и навостривъ уши. Вскорѣ однако все утихло: грачи снова размѣстились по мѣстамъ, и собаки снова затрусили по гладкому полугорью, слѣдомъ за маленькой собачкой...

Я спрыгнулъ съ плетня и пошелъ по направленію къ усадьбѣ. Спустя нѣкоторое время, я выходилъ уже на ту широкую аллею, которая прямо упиралась въ стѣну дома, какъ вдругъ сквозь кусты сирени какъ будто мелькнулъ огонекъ; я вышелъ въ аллею

и невольно остановился, увидавъ въ домѣ два освѣщенныхъ окна, завѣшанныхъ шторками. Я подошелъ къ одному изъ оконъ и ясно услыхалъ чей-то незнакомый голосъ; затѣмъ голосъ этотъ приблизился къ окну, на шторкѣ обрисовалась чья-то стройная фигура, взяла свѣчу и погасила ее. Я поспѣшилъ къ Зотычу, но не успѣлъ дойдти до калитки, какъ увидѣлъ Отымая, а вслѣдъ за нимъ и Зотыча, пробиравшагося къ себѣ во флигель. Я догналъ старика. На лицѣ его сіяла какая-то торопливая радость, губы его пріятно улыбались, старческіе ввалившіеся глазки горѣли живымъ огонькомъ; онъ былъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, на груди колыхалось кружевное жабо, на рукахъ натянуты бѣлыя фильдекосовыя перчатки. Я окликнулъ его, — онъ обернулся и, завидѣвъ меня, торопливо подбѣжалъ ко мнѣ вмѣстѣ съ Отымаемъ, мелко семеня тоненькими ножками.

— Вѣдь пріѣхали-съ!.. — проговорилъ онъ прерывающимся голосомъ и словно захлебываясь.

— Кто? — спросилъ я.

— Изволили все въ домѣ похвалить и ужасно какъ остались довольны. Вотъ вы все говорили, что не надо паутинникъ сметать...

— Да кто пріѣхалъ-то?

— Ахъ, да молодой баринъ!— съ какою-то досадой проговорилъ Зотычъ:— какъ это вы не понимаете!

— Поздравляю.

— Вчера вечеромъ пріѣхалъ. И никто вѣдь не ждалъ его, точно съ неба свалился. Я, знаете-ли, сидѣлъ себѣ на крылечкѣ, вдругъ вижу — дормезъ прямо на дворъ... Тутъ-же узналъ меня и еще изъ окошка крикнулъ: «А, Зотычъ, здорово, старый прія-

тель!» Я, значитъ, въ одну минуту подбѣжалъ къ дверкѣ, высадилъ его и отперъ домъ... Обнялъ и поцѣловалъ меня...

И на маленькихъ глазкахъ Зотыча засверкали слезы; онъ украдкой отеръ ихъ и потомъ прибавилъ, указывая на Отымая:

— Нѣтъ, мой-то, мой-то песъ-атъ, какъ залаетъ вдругъ на него!..

И закусивъ нижнюю губу, Зотычъ какъ-то особенно отчаянно махнулъ рукой.

— Ну, что-же онъ?

— Ничего. Только изволилъ спросить, чья собака, и, узнавши, что моя, погладилъ ее и похвалилъ. Колбаса уговаривалъ-было его остановиться тамъ, въ конторѣ; говорилъ, что въ домѣ и грязно и сыро, что будто мыши есть летучія, — хотѣлъ, знаете-ли, очернить меня, да кукишъ и облизалъ... «Нѣтъ, говоритъ, я здѣсь въ домѣ остановлюсь; здѣсь я родился, выросъ, здѣсь, говоритъ, каждый уголъ дорогъ для меня, тѣмъ паче, что мнѣ всего одна комнатка и нужна»... Ну ужь, сударь, весь въ стараго барина! такой-же молодецъ и такой-же ласковый... Я смотрю на него да плачу. «Ты что, говоритъ, плачешь, старина?» — «Отъ радости, говорю отъ радости!» Опять обнялъ и поцѣловалъ. «Спасибо, говоритъ, за любовь и преданность!» Ангельская душа, что и говорить! «Ты пожалуйста, говоритъ, послужи мнѣ, Зотычъ, а то человѣкъ, съ которымъ я пріѣхалъ, такой сиволапъ, что ничего не умѣетъ сдѣлать!» А человѣкъ-то съ нимъ — Ванюшка, сынъ криваго Яшки... Разумѣется, гдѣ-жь ему?.. Мальчишка молодой, чего онъ знаетъ!.. Ну, я сегодня и чай, значитъ, заваривалъ, и

кофе дѣлалъ, и закуску подавалъ, и одѣвалъ его, то-есть все, все я... И по парку съ нимъ ходилъ, и по всему дому... А колбаса-то блѣдная ходитъ, губы грызетъ. Злость, значитъ, разбираетъ... «Что, думаю, будешь теперь хлѣбомъ попрекать?»...

И потомъ вдругъ, перемѣнивъ тонъ, онъ прибавилъ чуть не шепотомъ:

— Должно быть, возьметъ меня съ собой.

— А вы поѣдете?

— Почему-же не ѣхать-съ! Что-же мнѣ здѣсь въ самомъ дѣлѣ сложа руки-то сидѣть? Ну, конечно, если-бы я служить не могъ... а то служить я еще очень могу... они сами изволили теперь видѣть... Отчего-же мнѣ не ѣхать?., Я готовъ имъ завсегда быть слугою...

— И вамъ не жалко разставаться съ усадьбой?

— Богъ съ ней совсѣмъ! — проговорилъ Зотычъ, махнувъ рукой. — Если съ кѣмъ жалко будетъ разлучаться, такъ это вотъ съ этимъ только!..

И Зотычъ показалъ на Отымая, который вдругъ завылъ и бросился къ нему на грудь.

— Ужь вы пожалуйста, — продолжалъ онъ, поглаживая собаку: — возьмите его къ себѣ тогда, а то вѣдь здѣсь его кормить никто не станетъ. Коли ужь меня хлѣбомъ попрекаютъ, такъ чего-же ждать собакѣ, псу? А у васъ-то, я знаю, ему хорошо будетъ.

И Зотычъ на минуту задумался, потомъ вдругъ какъ будто опомнился и суетливо проговорилъ:

— Однако я съ вами заболтался... Онъ приказалъ мнѣ спать въ домѣ... Побѣгу за постелью... Ну, прощайте, ужь, быть можетъ, не увидимся больше...

Я удержалъ его за руку.

— Постойте,—проговорилъ я: — одно слово. На счетъ *се тре жоли персонъ* было?

Зотычъ даже лицо руками закрылъ.

— Было? — спросилъ я еще разъ...

— Ахъ, Боже мой!.. Какъ-же вы хотите, — человѣкъ молодой!

— Но вѣдь онъ женатый, кажется?

— Что-же изъ этого! Семь рѣкъ переѣхалъ,— значитъ и можно.

И снова засуетившись, Зотычъ забормоталъ:

— Однако, прощайте, прощайте... пора, право пора... пожалуй, огнѣвается еще, что долго не иду... Прощайте, больше не увидимся... Смотрите-же, не забудьте про Отымая.

И проговоривъ это, Зотычъ торопливо бросился въ свой флигель. Черезъ минуту онъ снова бѣжалъ уже по тропинкѣ къ дому, неся на плечахъ постель и подушку.

Я пошелъ домой.

Въ это время нѣкоторыя домашнія дѣла вынудили меня ѣхать въ уѣздный городъ, отстоящій отъ меня по крайней мѣрѣ верстъ на пятьдесятъ. Въ городѣ пробылъ я недѣли двѣ, если не больше, и возвратился домой, какъ теперь помню, поздно вечеромъ. Ложась спать, я думалъ, что не скоро попаду въ забытую усадьбу, потому что, благодаря проселочнымъ дорогамъ, по которымъ пришлось проѣхать верстъ сто, меня расколотило до крайности. Однако вышло иначе. Сверхъ всякаго ожиданія я проснулся какъ-то очень рано, — такъ рано, что, выйдя на балконъ, я увидалъ только-что выгоняемое стадо. Утро было свѣжее, ароматичное... И, можно-ли усидѣть дома!..

Я наскоро умылся, одѣлся и пошелъ въ усадьбу. Зотычъ въ продолженіе всей дороги не выходилъ у меня изъ головы: уѣхалъ-ли онъ, или нѣтъ?—думалъ я.

Немного погодя, я былъ уже въ усадьбѣ, но Зотыча больше не видалъ. На встрѣчу мнѣ выбѣжалъ только одинъ Отымай. Съ лаемъ и визгомъ бросился онъ ко мнѣ на грудь, потомъ снова полетѣлъ во флигель, но вдругъ круто повернулъ и скрылся въ паркѣ, оглашая его дикимъ воемъ. Зотычъ, какъ объявилъ мнѣ сѣденькій старичишка, поставленный на его мѣсто, не въ Питеръ уѣхалъ, а умеръ на другой или на третій день послѣ отъѣзда барина. Мечты Зотыча не сбылись: баринъ ни слова не сказалъ ему о поѣздкѣ въ Петербургъ и уѣхалъ съ «сиволапымъ» Ванюшкой. Зотычъ хворалъ всего два дня. Оба эти два дня онъ былъ безъ памяти и безпрестанно бредилъ то про стараго барина, то про Отымая. Въ бреду онъ часто произносилъ какія-то французскія фразы и чаще всего: *Се тре жоли... Ля журъ пасъ, ле нью вьенъ* и проч. въ этомъ родѣ. Иногда онъ призывалъ какихъ-то музыкантовъ, требовалъ флейту и потомъ складывалъ губы, поднималъ руки и, перебирая пальцами, издавалъ губами какіе-то звуки... Но старческія больныя руки его изнеможенно падали, и слезы градомъ катились тогда изъ потухавшихъ глазъ старика: *Ля журъ пасъ, ле нью вьенъ*, шепталъ онъ, — и дѣйствительно на этотъ разъ дни его погасали и темная, мрачная, вѣчная ночь спускалась уже къ изголовью умирающаго. *Се тре жоли, се тре жоли!* бормоталъ онъ и крестомъ складывалъ на груди руки. Однако передъ кончиной онъ пришелъ въ себя. Спросилъ, не присылалъ-ли баринъ какого-нибудь

письма съ дороги, и, узнавъ, что никакого письма не было, послалъ за священникомъ. Исповѣдывался, причастился св. таинъ, соборовался и попросилъ, чтобы въ гробъ положили его во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ и въ жабо и чтобы похоронили поближе къ кладбищенской часовнѣ. Потомъ онъ вручилъ священнику ключи, которыми запиралъ пустой домъ, пустые амбары, ветчинницы, погреба и вышки, попросилъ ключи эти передать управляющему и, еще разъ взглянувъ на ворвавшагося въ комнату Отымая, закрылъ глаза, сложилъ руки и скончался.

Послѣ Зотыча остался только одинъ сундучекъ. Въ немъ нашли тщательно сложенный черный фракъ, бѣлый галстухъ, жабо, двѣ пары бѣлыхъ перчатокъ, нѣсколько кусочковъ чернаго воска и сахарцу, нѣсколько старинныхъ бантовъ и пряжекъ, три мѣдныхъ пуговицы, клапанъ отъ флейты и маленькій акварельный портретъ стараго барина, бережно завернутый въ нѣсколько бумажекъ. Все завѣщанное Зотычемъ исполнено въ точности.

Въ усадьбѣ я больше не былъ, однако слышалъ, что управитель домъ сломалъ и изъ разобраннаго кирпича выстроилъ ригу. Амбары, вышки, ветчинницы и прочія затѣи стараго времени, а равно и «павильонъ любви» тоже разобраны и годный матеріалъ употребленъ въ дѣло, а негодный сожженъ въ печахъ. Слѣдовательно, на томъ мѣстѣ, гдѣ была забытая усадьба, остался только одинъ паркъ, обнесенный плетнемъ и заросшій крапивой и лопухомъ....

МЕРТВОЕ ТѢЛО.

РАЗСКАЗЪ.

Зла бѣда, не буря —
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбору.

Отъ ея напасти
Неуйдти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ найдетъ,
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ...

Кольцовъ.

Медленно ступала подо мною лошадь по пыльной дорогѣ, ведущей въ сельцо Комаровку, черезъ которое мнѣ необходимо было проѣхать, чтобы попасть къ себѣ домой. Повѣсивъ, вмѣстѣ съ поводами, на переднюю луку сѣдла картузъ, я сидѣлъ и едва дышалъ отъ жара. Ноги, выдернутыя изъ стремянъ, болтались туда и сюда, руки тоже, а глаза утомленно блуждали по полю, вспаханному подъ рожь, и по поверхности котораго, отъ сильнаго жара, дрожали и бѣжали такъ

называемые «полудéнки». И ни малѣйшаго вѣтерка, ни малѣйшей жизни въ природѣ! Все какъ-будто замерло и закалилось отъ пыли и жгучихъ лучей солнца. Даже птицы, и тѣ куда-то попрятались, и на всемъ полѣ виднѣлся только одинъ громадный коршунъ, да и тотъ сидѣлъ, опустивъ крылья и разинувъ клювъ. Гдѣ-то далеко слышался не то какой-то вопль, не то какое-то пѣніе... Я обернулся, посмотрѣлъ въ ту сторону и увидалъ толпу народа... блестѣли позолоченные образа, виднѣлись красныя хоругви, попъ въ парчевой ризѣ, а дьячки пѣли: «*Даждь дождь землѣ жаждущей!*»—толпа стояла на колѣнахъ, молилась, а жаркое, словно мѣдное и безоблачное небо жарило лучами солнца...

Шагахъ въ десяти передо мною тащился мужичекъ, ничкомъ лежа въ пустой тележенкѣ, и лѣниво похлопывалъ возжами свою клячу... Вдругъ, сзади послышался колокольчикъ... Я обернулся и увидалъ догонявшую меня тройку. Тройка мчалась быстро и цѣлое облако пыли слѣдовало за нею. Однако тарантасъ какъ-будто знакомый, да и толстый мужчина въ форменномъ картузѣ, съ черными бархатнымъ околышемъ, фертомъ сидящій на грудѣ подушекъ, тоже какъ-будто всматривается въ меня... Я даже вижу, что онъ приложилъ руку ко лбу въ видѣ козырька, и словно силится узнать меня... Мужичекъ поспѣшно своротилъ прямо въ канаву и сбросилъ шапку.

— Кто это? — спросилъ я.

— Становой.

И въ самомъ дѣлѣ, это былъ Петръ Николаевичъ Рычевъ, нашъ становой приставъ.

— Куда? — крикнулъ онъ поровнявшись.

— Домой. А вы?

— Въ Комаровку, на мертвое тѣло.

И затѣмъ, быстро повернувшись, прибавилъ:

— Знаете что! садитесь-ка со мною, да поѣдемъ-те слѣдствіе производить...

— Я-то причемъ тутъ!

— Ну, посмотрите...

— Нѣтъ, жарко...

— А вотъ жаръ-то тѣмъ временемъ и схлынетъ! И поѣдете вы домой по холодку, любёхонько, тихохонько за милую душу!.. А у меня кстати балычекъ есть осетровый да бѣлорыбица провѣсная, у одного купца сейчасъ прямо изъ кастрюли вытащилъ, и мы съ вами такую сочинимъ ботвиньку съ огурчиками, да съ лучкомъ, да съ укропцемъ, да льду туда побольше... Пальчики оближете!...

И все это становой проговорилъ такъ смачно, такъ аппетитно, что я невольно началъ соблазняться. Онъ замѣтилъ это и, быстро освободивъ мѣсто рядомъ съ собой, крикнулъ:

— Ну, садитесь же!

— А куда же я лошадь-то дѣну?

— А разсыльный зачѣмъ! сядетъ и поѣдетъ.

И ткнувъ въ спину, сидѣвшаго на козлахъ, разсыльнаго концомъ черешневаго чубука, становой приказалъ ему сѣсть на мою лошадь.

Черезъ четверть часа мы были уже въ Комаровкѣ и какимъ-то особеннымъ «полицейскимъ вихремъ» подлетѣли къ большой избѣ съ пестро-раскрашенными наличниками и ставнями и деревяннымъ калачемъ, подвѣшеннымъ надъ среднимъ окномъ. На завалинѣ сидѣло нѣсколько стариковъ съ сѣдыми бородами, а

неподалеку торчалъ сотскій — хилый, беззубый солдатишко «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма».

— Стой! — крикнулъ становой.

И тройка стала (словно ей ноги подсѣкли!), накативъ на стариковъ густую тучу черной пыли. Сотскій подскочилъ къ тарантасу и, протянувъ обѣ руки къ становому, готовился принять его на свои рамена, но становой оттолкнулъ руки и, ловко соскочивъ на землю, подошелъ къ старикамъ.

— Шапки долой!—крикнулъ онъ, сверкнувъ глазами.

Головы мигомъ обнажились.

— Что за народъ?

— Понятые, вашескородіе.

— Хороши понятые, коли порядковъ не знаютъ. Вотъ я вамъ покажу подлецамъ, какъ передъ начальствомъ въ шапкахъ стоять!..

Ворота отворились, и мы вошли на дворъ. У крыльца встрѣтилъ насъ какъ лунь сѣдой старикъ, съ умнымъ выраженіемъ лица и сѣдыми бровями, нависшими надъ глазами. Длинная борода его, начинавшая отъ старости желтѣть, спускалась до самаго пояса. Старикъ имѣлъ видъ испуганный, стоялъ, какъ-то перекосившись, и изъ подлобья посматривалъ на становаго не то враждебными, не то пытливыми глазами. Рядомъ со старикомъ, на ступенькѣ крыльца сидѣла жена его—тощая, дряхлая старушенка, и хныкала, прикрывъ глаза грязнымъ самотканнымъ фартукомъ.

— Ну, чего хнычешь-то, вѣдьма! — крикнулъ на нее становой.

— Какъ же не хныкать-то, батюшка Петръ Николаичъ, — вступился старикъ: — вишь вѣдь горе-то стряслось какое...

— Ужасное горе, — перебилъ его становой: — ужасное!.. Прохожій какой-то подохъ!.. Кабы свой... ну такъ!..

— Все-таки неладно...

И немного помявшись и снова пытливо глянувъ на становаго, старикъ спросилъ:

— Потрошить-то будете, что ли, батюшка?

— Еще бы!..

— Нельзя ли какъ безъ потрошенія... сѣно у меня тамъ сложено...

— Мы сѣна не попортимъ, мы въ избѣ потрошить будемъ, а послѣ посотрутъ бабы.

— Батюшка, отецъ родной! — взвылъ старикъ.

Но становой уже не слушалъ его.

— А лекарь здѣсь? — спросилъ онъ сотскаго.

— Здѣсь, въ избѣ, вашескородіе.

— Пьянъ?

— Чуть-чуть, вашескородіе...

— А писарь?

— Онъ къ попу побёгъ за чѣмъ-то.

— Бѣги и тащи его сюда... да живо у меня!

Сотскій бросился и, выбѣжавъ за ворота, принялся кричать какого-то мужика, шедшаго по улицѣ.

— Стяпанъ, Стяпанъ! — кричалъ сотскій, махая подожкомъ: — бѣги къ попу да посылай писаря становскаго, чтобъ шелъ скорѣй, становой, молъ, пріѣхалъ!

Но такъ какъ Степанъ ничего не слышалъ, то сотскій и пустился за нимъ въ погоню, продолжая кричать:

— Стя-апанъ! Стя-апанъ!

Немного погодя, старикъ разсказывалъ намъ, какъ было дѣло.

— Третеводни стряслось это, — говорилъ онъ: — ужь мы поужинавши были. Я, знашь, пошелъ обрàзить лошаденку, а снохи принялись убирать чашки да ложки... Только вотъ обрàзилъ я лошаденку, вхожу въ избу, хозяйка на печи лежитъ, а я полѣзъ на полати, да и говорю снохамъ-то: вы, молъ, снохи уберетесь, такъ залейте огонь-атъ. А мы въ тотъ вечеръ огонь вздували для того, что запоздали какъ-то. Вотъ, хорошо. Залили снохи огонь и пошли себѣ въ горницу; значитъ, лѣтомъ онѣ въ горницѣ спятъ, для того, что въ избѣ очненно больно душно... Внученокъ, коему вы еще въ тѣ поры, какъ были у насъ проѣздомъ изъ Сучкина, сахарцу дали, легъ на лавкѣ подъ окномъ... Только этакъ ужь гораздо времени прошло, ужь и кочета первые пропѣли, слышу: — тукъ, тукъ, тукъ кто-то въ окно; я, знашь, все лежу, не слѣзаю, — думалъ, птица клюетъ какая. Только слышу опять: тукъ, тукъ, тукъ! Внучекъ проснулся. — «Дѣ-ѣдушка, дѣ-ѣдушка, стучитъ кто-то.» «Взглянь, говорю, въ окошко, кто тамъ.» Онъ это посмотрѣлъ. «Козырекъ, говоритъ, какой-то, дѣдушка, въ сертучишкѣ, должно быть дворовскій.» Я слѣзъ. «Что, молъ, тѣ надоть, любезный?» «Пусти», говоритъ, «переночевать.» Я это велѣлъ внучку пустить, а самъ полѣзъ на полати. Вотъ, взошелъ въ избу, какъ слѣдуетъ, на иконы помолился, испилъ кваску и закурилъ трубочку. Я спросилъ, — откелева молъ Богъ несетъ? «Издалека», говоритъ. Ну издалека, такъ издалека. «Ложись», говорю, «на лавкѣ-то.» «Нѣтъ», говоритъ, «здѣсь жарко, я пойду на дворѣ гдѣ-нибудь лягу. Проводи, говоритъ, нѣтъ ли какого сарая съ

сѣномъ или съ соломой.» Я его повелъ. Только идемъ мы дворомъ, смотрю, онъ покачивается.

— Хмѣленъ былъ? — проговорилъ Петръ Николаевичъ.

— Хмѣленъ, батюшка, на порядкахъ таки хмѣленъ. Да нешто я зналъ, что этакій грѣхъ случится; кабы зналъ, такъ вѣстимо не впустилъ бы, — провались совсѣмъ онъ, окаянный, чѣмъ эстолько хлопотъ изъ-за всякой сволочи принимать, издыхай себѣ въ полѣ! да вишь-ты лукавый попуталъ; вѣстимо, кабы зналъ, такъ ни за какія бы деньги не пустилъ, а то мало ли хмѣльныхъ-то бываетъ. На всякій часъ, видно, не убережешься. Вотъ я его и впустилъ въ сѣнной сарай. Вотъ, молъ, ложись тутъ, только, молъ, трубку съ кисетомъ давай, а то какъ разъ село, говорю, спалишь, спаси Господи! Онъ это ничего, сейчасъ же отдалъ мнѣ трубку и кисетъ. Я пошелъ въ избу, полѣзъ на полати, да и заснулъ. Поутру просыпаемся, позавтракали. Зазвонилъ пономарь къ обѣднѣ, только внучекъ-атъ и говоритъ: — «что, дѣдушка, вечерошній-то дворовскій больно долго спитъ.» «Не замай», говорю, «пущай его.» Вотъ это хорошо. Обѣдни отошли; старшій сынъ поѣхалъ на барщину паръ парить, а малый-атъ зачалъ собираться въ лѣсъ по дрова. — «Пойтить», говоритъ, «лошаденку запрячь», и пошелъ. А хомуты-то у насъ висятъ въ томъ сараѣ, гдѣ спалъ дворовскій-то. Только это сидимъ мы въ избѣ... Вдругъ вбѣгаетъ сынъ, а самъ весь ажно полотно и весь трясется. «Бачка», говоритъ, «а бачка: ты впущалъ, что ли, вечеръ въ сарай-атъ кого?». «Я», говорю, «впущалъ, молъ, прохожаго.» «Да вѣдь онъ», говоритъ, «мертвый».

Мы всѣ такъ и ахнули... бросились въ сарай. Смотримъ, а ужь онъ готовъ.

— А не ужиналъ онъ у васъ, а? — спросилъ становой и грозно взглянулъ на старика.

— Ни, ни, батюшка... ничего и въ ротъ не бралъ.

— А квасокъ-то?

— Кваску точно ковшичекъ выпилъ.

— А квасокъ-то этотъ цѣлъ?

— Цѣлъ, батюшка... тутъ въ сѣняхъ въ боченкѣ стоитъ...

— Тотъ самый?

— Тотъ самый, батюшка, тотъ самый, побожиться не грѣхъ.

— Смотри! не лгать у меня!

— Зачѣмъ, батюшка, нешто это возможно!

Мы вошли въ сѣни.

— Вотъ и боченокъ! — молвилъ старикъ, указывая въ темный уголъ сѣней на что-то круглое и покрытое рогожей.

— Я его опечатаю, — проговорилъ становой, — смотри, чтобы не подмѣнили.

— Зачѣмъ, батюшка... Что вы! какъ это возможно!..

— А квасокъ-то хорошій у тебя?

— Хорошій, батюшка, ядреный.

— А ледъ есть?

— Есть, батюшка; намъ безъ ледника никакъ невозможно, потому дворъ постоялый, нельзя безо льду. И молочко тамъ, и убоинка, и огурчики, и солонина.

Мы вошли въ избу. Тамъ за столомъ, въ переднемъ углу, сидѣлъ докторъ. Передъ нимъ стоялъ графинъ

съ водкой, тарелка съ малосольными огурцами и блюдо съ холоднымъ поросенкомъ подъ хрѣномъ.

— Уже? — спросилъ становой.

— Уже! — отвѣтилъ врачъ.

— Сколько?

Врачъ растопырилъ восемь пальцевъ.

— Слѣдуетъ ужь и остальные разогнуть! — замѣтилъ становой.

— Слѣдуетъ!— крикнулъ врачъ и захохоталъ на всю избу.

— А у меня, батюшка, кое-что солененькое есть,— говорилъ становой: — бѣлорыбица провѣсная да балычекъ осетровый...

Въ это время вбѣжалъ въ избу письмоводитель, суетливый, торопливый мужчина, лѣтъ тридцати, съ юркими, плутовскими глазками, съ узенькими бакенбардами и вострыми височками, загнутыми подъ самыя брови. Вбѣжавъ въ комнату, онъ окинулъ всю компанію и, разомъ обращаясь ко всѣмъ, спросилъ:

— А знаете ли, господа, кому принадлежитъ мертвое тѣло?

— Ужь не тебѣ ли? — спросилъ становой.

— Вы все шутите, Петръ Николаевичъ, вѣчно все шутите!.. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, знаете ли вы, кто этотъ прохожій, къ трупу котораго мы собрались.

— «Не стая вороновъ слеталась!» — проревѣлъ докторъ, но письмоводитель перебилъ его:

— Прохожій этотъ—студентъ семинаріи Петръ Гавриловъ, сынъ Калистовъ. Я какъ взглянулъ на него, такъ тутъ же и узналъ. Вмѣстѣ учились и въ училищѣ, и въ семинаріи, вмѣстѣ въ бурсѣ были и даже земляки, ибо села, въ которыхъ мы родились, всего

въ семи верстахъ одно отъ другаго. Какъ же! Товарищъ, пріятель!..

— И радъ встрѣтиться, небось! — перебилъ его становой.

— Ахъ, Петръ Николаевичъ, ахъ, Петръ Николаевичъ! вы все шутите. Нѣтъ, мнѣ такъ не до шутокъ... Мы вотъ теперь пойдемте, осмотримъ его, опишемъ, въ чемъ онъ одѣтъ, какъ лежитъ, а потомъ я вамъ его исторію разскажу, хотите?

— Хотимъ.

— Ну, вотъ и отлично, а теперь пойдемте...

— Сейчасъ, постой! — перебилъ его становой и, обратясь къ старухѣ, все еще хныкавшей, спросилъ:

— Щавель имѣется у тебя?

— Щавель-то! — кажись, есть.

— А огурцы свѣжіе?

— Какъ теперь огурцамъ не быть, самая пора!

— И лукъ, конечно?

— И луку сколько хочешь!

— Такъ вотъ, ты возьми щавелю, свари его хорошенько...

Но тутъ докторъ перебилъ его и, быстро вскочивъ изъ-за стола, крикнулъ:

— Ну, что вы разговариваете съ этой старой дурой! Ничего она вамъ не сдѣлаетъ! Сейчасъ я вамъ такую представлю кухарку, что вы только ахнете!

И проговоривъ это, докторъ бросился за перегородку, а черезъ секунду небольше тащилъ уже оттуда за руку красивую молодую бабенку, съ лукавыми глазами и веселымъ лицомъ, а именно одну изъ снохъ старухи.

— Пустите, отстаньте! — кричала бабенка, отма-

хиваясь отъ доктора.—Да будетъ вамъ, Викторъ Иванычъ...

Но Викторъ Ивановичъ, подведя бабенку къ становому, проговорилъ торжественно:

— Рекомендую, Груня, сирѣчь, Аграфена Васильевна. Вотъ ей и приказывайте!

Становой сталъ приказывать, а письмоводитель, закрывъ лицо руками, словно застыдился и шепталъ мнѣ:

— Чортъ его знаетъ, не можетъ, чтобы не розыскать!

И уже совершенно прислонившись къ моему уху, прибавилъ:

— Вѣдь съ вечера еще забрался сюда! Вотъ вѣдь шельма какая!

Немного погодя мы были въ сараѣ, въ которомъ лежалъ покойникъ. Старикъ снялъ съ мертвеца рогожу. Покойникъ лежалъ на сѣнѣ навзничь, съ немного согнутыми ногами; правая рука его была закинута подъ голову, лѣвая лежала на груди. Онъ былъ въ нанковомъ сюртукѣ, въ такихъ же панталонахъ, продранныхъ на колѣнкѣ, и пестромъ шелковомъ жилетѣ съ стеклянными пуговицами. Лицо его было въ синихъ пятнахъ, тусклые глаза полуоткрыты, ротъ перекошенъ. Черный, сухой языкъ закушенъ зубами, волосы смяты и въ вихрахъ, глаза и ноздри облѣплены мухами.

— Вотъ-съ, рекомендую! — кричалъ между тѣмъ суетливый письмоводитель, указывая рукой на мертвое тѣло:—прошу любить да жаловать... Теперь пріятель мой немного попортился, костюмъ его несовсѣмъ въ порядкѣ, онъ даже, какъ видно, забылъ побриться и недостаточно хорошо расчесалъ свои волосы, но

я прошу извинить, ибо, по всей вѣроятности, молодой человѣкъ этотъ не думалъ имѣть удовольствіе встрѣтиться съ вами. Но я ручаюсь вамъ, что еслибы онъ подозрѣвалъ только эту встрѣчу, то конечно принялъ-бы всѣ зависящія мѣры или вовсе не встрѣчаться съ вами, или же предстать истиннымъ джентльменомъ!

И проговоривъ это, письмоводитель подскочилъ къ трупу, подбоченился, ткнулъ его ногой подъ ребра и прибавилъ:

— Эхъ ты, Петя, Петя! А помнишь, братецъ, какъ мы съ тобой когда-то, подъ ректорскими окнами, латинскую пѣсенку пѣвали:

Nostrarum scholarum rector dignissime.

— Я долженъ вамъ сказать, господа, — продолжалъ онъ, круто повернувшись къ намъ: — что онъ былъ опытнѣе чѣмъ теперь, и распѣвая, не только не прикусывалъ языкъ, какъ сдѣлалъ это сейчасъ, а напротивъ раскрывалъ ротъ не хуже любаго протодіакона. Надо думать, что онъ или утратилъ эту опытность, или же ложась отдохнуть на это душистое сѣно и увидавъ эти поблекшіе цвѣты, скошенные безжалостной рукой мужика, былъ въ самомъ нехорошемъ расположеніи духа. Впрочемъ, такой крѣпкій сонъ, которымъ заснулъ мой пріятель, можетъ одурачить самаго первостатейнаго умника и, наоборотъ, сдѣлаетъ умнымъ самаго первостатейнаго дурака!

— Ну замололъ, замололъ! — кричалъ становой:—а ты къ дѣлу-то приступай... Бери карандашъ, бумагу и валяй на-черно протоколъ осмотра.

— А потрошить будемъ?—спросилъ письмоводитель.

— Извѣстно, будемъ...

— Батюшка, отецъ родной, нельзя ли! — взывалъ опять старикъ.

— Нельзя, онъ квасъ пилъ...

— Батюшка! да вѣдь квасъ-то и вы будете кушать.

— А можетъ въ томъ, который онъ пилъ, отрава была...

— Одинъ, батюшка, одинъ квасъ-то.

Но становой уже не слушалъ старика

— Эй, вы! понятые! — крикнулъ онъ.—Тащи его въ избу. Ну, чего-жь испугались! Аль не видали никогда мертвыхъ-то... Берите за ноги да и волоките...

Но въ это самое время письмоводитель, успѣвшій пошептаться о чемъ-то съ старикомъ и съ докторомъ, — подбѣжалъ къ становому.

— Петръ Николаичъ! — крикнулъ онъ:—да нужно-ли потрошить-то?

— А какъ-же?

— Да вѣдь снаружи никакихъ признаковъ насильственной смерти нѣтъ, зачѣмъ-же мы будемъ пачкать руки. Видно по всему, что мой пріятель попалъ на какую-нибудь веселую пирушку, несоразмѣрилъ своихъ силъ съ крѣпостью выпитаго имъ вина. Ошибся человѣкъ, по всей вѣроятности! Онъ даже теперь раскаивается въ своемъ поступкѣ, а тамъ, гдѣ раскаяніе, не должно быть и кары.

И затѣмъ, отведя становаго въ сторону, онъ принялся ему что-то шептать.

— Ну, а какъ вы насчетъ этого, Викторъ Иванычъ?— спросилъ становой, обращаясь къ доктору.

— Конечно, не стоитъ рукъ пачкать! — проговорилъ онъ.

— А квасокъ-то пилъ!

— Если-бы онъ пилъ одинъ квасокъ и не пилъ-бы водки, то думаю, что онъ былъ-бы здоровѣе насъ съ вами...

— Батюшка, отецъ родной! — вылъ старикъ, валяясь въ ногахъ у становаго.

— Эй, вы! понятые! — кричалъ между тѣмъ становой, обращаясь къ толпѣ крестьянъ.—Вы что скажете: потрошить, аль не потрошить?

— Какъ твоя милость,—зашумѣли старики,— такъ и мы!

— Потрошить?

— Ну, что-жь, потрошить, такъ потрошить! — отозвались они.

— А я думаю, ненужно?

— Извѣстно, ненужно... зачѣмъ потрошить!

— Вы никакихъ подозрѣній не имѣете....

— Насчетъ чего?

— Что вотъ человѣкъ самъ умеръ?

— Извѣстно самъ!—загалдѣли понятые.—Человѣкъ завсегда самъ умираетъ... Хоша-бы и побили его, а онъ все-таки самъ умретъ; извѣстно, никто другой умирать за него не будетъ.

— Вѣрно!—сказалъ становой.—Значитъ, такъ и запишемъ, что человѣкъ умеръ самъ.

— Самъ, самъ! — подтвердили понятые.

А письмоводитель, тѣмъ временемъ, опять подбѣжалъ къ трупу и опять, тронувъ его ногой подъ ребра, говорилъ:

— Ну, Петя, ты это помни! По милости моей,

только по моей милости, твои кишки остаются при тебѣ и ты, явясь на тотъ свѣтъ, не будешь чувствовать въ своемъ животѣ той пустоты, которую...

Но тутъ письмоводитель оглянулся и, увидавъ меня, шепнулъ: — которую чувствуетъ теперь въ своемъ карманѣ содержатель этого постоялаго двора. — Да, Петя,—прибавилъ онъ громко, ты это помни... а покуда прощай. У тебя есть свое дѣло, а у меня свое. Тебѣ необходимо оглядѣться, устроиться на новой квартирѣ, ознакомиться съ новымъ положеніемъ, а мнѣ необходимо въ свою очередь по поводу твоего исчезновенія перемарать нѣсколько листовъ чистой бумаги, придать имъ видъ протоколовъ, осмотровъ, опросовъ, отношеній, сообщеній; все это подшить, перенумеровать, назвать эту связку перепачканной бумаги дѣломъ и затѣмъ почтительнѣйше объ ономъ рапортовать куда слѣдуетъ. Прощай, братецъ...

И ставъ на одно колѣно, онъ поклонился трупу.

— Вотъ болтунъ-то! — крикнулъ становой.

— Нельзя, Петръ Николаичъ, никакъ нельзя не болтать, ибо если-бы языкъ не болталъ, то ему незачѣмъ было-бы и мѣсто во рту занимать!

Немного погодя, мы всѣ были въ избѣ.

— Ну, что, щавель готовъ? — крикнулъ становой.

— Готовъ! — отозвалась изъ-за перегородки Груня, тѣмъ звучнымъ груднымъ голосомъ, который такъ часто встрѣчается у нашихъ молодыхъ бабъ.

— Протерла?

— Протерла.

— Давай сюда!..

— Тутъ мы еще для твоей милости лапшу изъ

курятины варили, — прокричала Груня, опять таки изъ-за перегородки:—потомъ поросеночка жарили, потомъ баранину жарили, потомъ студень изготовили.

— Все это послѣ, а теперь давай сюда щавелю, луку, огурцовъ, квасу, соли, льду! — командовалъ становой и затѣмъ, обратясь къ сотскому, прибавилъ: а ты, кавалеръ, тащи сюда кулечекъ изъ моего тарантаса, тамъ подъ козлами лежитъ въ передкѣ...

Кулекъ, съ бѣлорыбицей и балыкомъ, былъ принесенъ тотчасъ-же, но Груня выходить изъ-за перегородки почему-то не хотѣла, а послала вмѣсто себя другую сноху, которая и принесла все требуемое.

Докторъ возмутился такимъ поведеніемъ Груни и бросился за перегородку. Послышался пискъ, визгъ, сдержанный хохотъ, но Груня все-таки не показалась. И доктору пришлось возвратиться одному.

Когда все было принесено, и когда столъ, за который мы всѣ усѣлись, оказался заставленнымъ огурцами, лукомъ, рыбой, хлѣбомъ, чашками, ложками и жбаномъ, наполненнымъ пѣнившимся квасомъ, Петръ Николаичъ вымылъ руки, скинулъ съ себя вицмундиръ, засучилъ рукава и, обратясь къ письмоводителю, проговорилъ:

— Ну, сейчасъ я приступлю къ приготовленію ботвиньи, начну крошить огурцы, лукъ, рыбу, а чтобы намъ не было скучно, садись и разсказывай исторію пріятеля.

И проговоривъ это, Петръ Николаичъ вооружился ножемъ, пододвинулъ къ себѣ чашку съ огурцами и блюдо съ рыбой, а письмоводитель Ѳивейскій подсѣлъ къ столу и, взглянувъ на графинъ съ водкой, проговорилъ, поглядывая на всѣхъ:

— Предварительно не вонзить-ли по единой?

— Можно! — крикнулъ докторъ.

— Да ужь вы катайте прямо рюмки по три, — перебилъ ихъ становой: а то послѣ только разсказъ прерывать будете...

— Такъ вы безъ перерыва желаете?

— Конечно.

— Ну, это дѣло десятое... тогда, разумѣется, одной мало.

Выпили, закусили огурчиками, и Ѳивейскій началъ.

Родился Калистовъ въ селѣ Скрябинѣ; село это было небольшое, дворовъ изъ пятидесяти, однако довольно живописное, съ большой рѣкой и деревянною ветхою церковью. Отецъ его былъ дьякономъ. Семья ихъ состояла изъ пяти человѣкъ, а именно: дьякона, дьяконицы и трехъ сыновей. Калистовъ былъ старшій. Какъ видите, семья была немалая, доходъ-же, конечно, ничтожный, потому что приходъ былъ самый бѣдный и состоялъ изъ села Скрябина и четырехъ мелкихъ деревушекъ, такъ-что всѣхъ-то было душъ 500 не болѣе, а отъ такого прихода не скоро разживешься. Однако, когда Калистову минуло двѣнадцать лѣтъ, дьяконъ повезъ его въ городъ и отдалъ въ училище.

Въ городѣ дьяконъ пробылъ недолго, всего какой-нибудь день или два. Въ продолженіе этого времени онъ сводилъ сына къ смотрителю училища и, поклонившись ему гусакомъ и гусыней, попросилъ, чтобъ мальчишку не баловалъ и почаще наказывалъ, на томъ основаніи, что соплявковъ баловать нельзя. Послѣ того дьяконъ нанялъ для сына каморку у одной прос-

вирни, поговорилъ о чемъ-то съ ней, далъ сыну синенькую, которую заказалъ на пустяки не тратить, перекрестилъ его и отправился домой. Петя побѣжалъ было провожать отца, но тотъ его воротилъ, проговоривъ, что незачѣмъ, и, сдѣлавъ еще разъ сыну внушеніе не шалить и хорошенько учиться, хлеснулъ лошаденку и уѣхалъ.

И вотъ остался Калистовъ одинъ-одинешенекъ въ незнакомомъ городѣ, съ незнакомыми людьми. Нѣтъ уже при немъ ни матери, ни отца, ни братишекъ.

Одновременно съ Калистовымъ поступилъ въ училище и я, и такъ-такъ родина моя была по сосѣдству съ родиной Калистова, то мы съ нимъ, какъ земляки, были въ самой тѣсной дружбѣ и жили на одной квартирѣ. Нечего говорить, что жизнь наша была незавидная. Квартира состояла изъ одной маленькой каморки, въ которой могли только помѣститься двѣ наши койки да небольшой столъ; стула-же поставить было негдѣ. Бревенчатыя стѣны были вымазаны глиной. Единственное окно упиралось прямо въ хлѣвъ. Въ довершеніе-же всѣхъ этихъ удобствъ, зимой у насъ до того дуло изъ полу, что мы не могли иначе сидѣть, какъ поджавъ подъ себя ноги; на верху-же было нестерпимо жарко. Костюмъ нашъ состоялъ изъ четырехъ рубашекъ, двухъ штановъ и двухъ нанковыхъ халатовъ; сапогъ у насъ не было, а были лапти, въ которыхъ мы и ходили въ классы. На второй годъ нашей училищной жизни у Калистова скончалась мать, а черезъ полгода умеръ и отецъ. Калистовъ остался круглымъ сиротой. Горько плакалъ онъ, услыхавъ о смерти своихъ родителей, но какъ ни плачь, а все-таки мертвые не скоро еще воскрес-

нутъ. Калистова взяли на казенный счетъ, и мы встрѣчались съ нимъ только въ классахъ. Куда дѣвались остальные братья Калистова, не знаю.

Смерть родителей заставила Калистова еще болѣе заниматься науками. Какъ ни былъ онъ молодъ, однако думалъ, что если онъ будетъ учиться плохо, то нехорошо заживется ему, сиротѣ, на свѣтѣ. Бѣдный, онъ былъ еще въ то время этихъ убѣжденій! Я забылъ вамъ сказать, что когда Калистовъ поступилъ въ училище, то у него фамиліи не было, почему смотритель и назвалъ его Кесарійскимъ.

Въ то время (чтобы ему пусто было,—вставилъ письмоводитель, усердно плюнувъ), мы всѣ въ своихъ отношеніяхъ къ начальству должны были олицетворять отношенія охотничьихъ собакъ къ своему псарю. Кормили насъ чѣмъ-то похожимъ на собачье кушанье, дрессировали какъ собакъ, розогъ не жалѣли и даже клички давали намъ по тѣмъ-же резонамъ, по которымъ даются клички собакамъ. Коли собака рыжая — зови ее «Пылаемъ»; коли ученикъ съ мягкимъ сердцемъ — зови его Мягкосердовымъ; коли собака лаетъ басомъ — зови Громилой, коли ученикъ веснусчатый,— пусть будетъ Пестровидовъ и т. д. Но всѣ эти клички, конечно, смысла все-таки не имѣли, ибо впослѣдствіи какой-нибудь Мягкосердовъ дѣлался самымъ злѣйшимъ доносчикомъ и сутягой; какой-нибудь Любознательскій не хотѣлъ ничего и никого знать, и развѣ одинъ только Пестровидовъ, благодаря веснушкамъ, оставался тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣтствѣ... Точно то же случилось и съ Калистовымъ. Ему дали фамилію Кесарійскій, но пріѣхалъ какой-то ревизоръ и такъ напустился на нашего бѣднаго смотрителя за эту

кличку, что тотъ не зналъ, куда дѣваться отъ сраму.— «Ты глупъ, — говорилъ ревизоръ смотрителю тутъ-же въ классѣ и въ присутствіи всѣхъ насъ: —такъ глупъ, что тебя изъ училища слѣдовало-бы прогнать и опредѣлить куда-нибудь на псарню, ибо всякій псарь умнѣе называетъ свою собаку, чѣмъ ты своего ученика. Ну, скажи,— горячился ревизоръ: — чѣмъ похожъ этотъ паршивецъ на Кесаря. Онъ столько-же похожъ на Кесаря, какъ ты на меня!» — «Мальчикъ-то очень прекрасный!» — оправдывался смотритель, но ревизоръ, нетерпѣвшій возраженій, зашумѣлъ еще пуще. «Ты чѣмъ больше говоришь, — закричалъ онъ: — тѣмъ болѣе разоблачаешь свое невѣжество! Будь нѣмъ, какъ рыба, и тогда можетъ быть дураки подумаютъ, что ты умный человѣкъ!» И затѣмъ, указавъ пальцемъ на Кесарійскаго, приказалъ вездѣ эту фамилію вычеркнуть, и вмѣсто Кесарійскаго, прозвалъ его Калистовымъ, произведя эту фамилію отъ греческаго слова καλός, прекрасный.

Смотритель впрочемъ былъ у насъ человѣкъ добрый. Онъ имѣлъ жену, нѣсколькихъ дѣтей, которыя учились вмѣстѣ съ нами, и потому относился къ намъ не очень жестоко. Въ свою очередь, и мы старались угождать ему, и всегда писали родителямъ, чтобъ они, отправляясь за нами, не забыли захватить какой-нибудь подарокъ смотрителю. Подарки эти были въ образѣ гуся, или индѣйки, или же пироговъ; которые же побогаче, привозили крупу и деньги. Смотритель все это принималъ и за все благодарилъ. Училище наше было самое бѣдное. Классы топились зимой скудно и холодъ былъ страшнѣйшій. Потому, если вамъ случалось когда-либо слышать разсказы о томъ, какъ

учителя въ нашихъ училищахъ заставляли учениковъ во время классовъ драться на кулачки и сами дрались съ ними, то вы вѣрьте этимъ разсказамъ, они справедливы, и мы сами дрались бывало, для того, чтобъ сколько-нибудь согрѣться. Особенно-же мы любили смотрителя за то, что онъ не отказывалъ намъ въ рекреакціяхъ. Давались они намъ обыкновенно въ маѣ мѣсяцѣ, и ужь какъ смотритель ни вертись, а двѣнадцать рекреакцій намъ подай бывало! Такъ положено было по правиламъ училища. Объ рекреакціяхъ этихъ уговаривались-бывало еще съ вечера, а какъ только наступало утро, то мы отправляли двоихъ, троихъ учениковъ къ смотрителю съ просьбою, дозволить намъ просить рекреакцію. Учениковъ для этой цѣли мы выбирали всегда лучшихъ и которыхъ любилъ смотритель. Калистовъ бывалъ всегда между ними. Случалось, конечно, что смотритель отказывалъ; въ такомъ случаѣ наши уполномоченные обращались къ его женѣ, — Прасковьѣ Васильевнѣ, на томъ основаніи, что она была женщина чувствительная, держала всегда сторону учениковъ и ужь во что-бы то ни стало, выпроситъ-бывало у мужа дозволеніе явиться къ нему ученикамъ и просить рекреакцію. Уполномоченныхъ этихъ дожидались мы, конечно, съ нетерпѣніемъ, и какъ только, бывало, они объявятъ намъ, что смотритель изъявилъ свое согласіе, и что ждетъ насъ, такъ мы, ни минуты не медля, отправлялись подъ окно смотрительской квартиры и, подходя къ оному, запѣвали цѣлымъ, нестройнымъ хоромъ извѣстную латинскую пѣсню, начинавшуюся такъ, кажется:

«Nostrarum scholarum rector dignissime,
Rogamus recreationem...»

По окончаніи этой пѣсни смотритель перекреститъ, бывало, насъ родительскимъ крестомъ и объявитъ намъ, что мы можемъ отправляться въ такую-то рощу порѣзвиться, куда и онъ тоже пріѣдетъ вслѣдъ за нами.

Не смотря однако на эти рекреакціи, въ наукахъ мы не отставали. Учили насъ, разумѣется, плохо, но все-таки знанія кое-какія пріобрѣтались. Болѣе всего пичкали насъ латынью, и ужь какъ, бывало, надоѣдала намъ эта латынь проклятая! ариѳметика же, географія и живые языки были у насъ на самомъ послѣднемъ планѣ.

Такъ шло время, конечно, быстро, скоротечно... Мы кончили курсъ въ училищѣ и перешли въ семинарію. Я каждыя каникулы ѣздилъ въ деревню, а Калистовъ — нѣтъ. Только, когда перешли мы изъ философскаго отдѣленія въ богословское, Калистовъ уступилъ моимъ просьбамъ, рѣшился оставить городъ и провести лѣто у меня. Пріѣхавъ ко мнѣ, онъ пожелалъ воспользоваться случаемъ и сходить въ Скрябино, поклониться праху родителей. Я предложилъ было ему отцовскую лошадь, но Калистовъ, всегда отличавшійся крайнею деликатностью,[1] отказался и пошелъ пѣшкомъ. Горько было ему смотрѣть на родное село, въ которомъ было у него когда-то столько дорогаго и отраднаго и въ которомъ теперь онъ не имѣлъ ничего, кромѣ тяжелаго воспоминанія.

Въ Скрябино пришелъ Калистовъ подъ вечеръ. Онъ перешелъ мостикъ, подъ которымъ когда-то лавливалъ

гольцовъ, поднялся въ гору и, пройдя рядъ гуменъ и коноплянниковъ, очутился въ Скрябинѣ. Направо и налѣво тянулась улица,— она нисколько не измѣнилась, и только нѣкоторыя избенки какъ-будто перекосились и ушли въ землю. Калистовъ помнилъ каждую избенку, зналъ, кому она принадлежитъ, какъ зовутъ хозяина и хозяйку, и даже какъ-будто видѣлъ ихъ передъ собою. Дойдя до церкви, Калистовъ вздрогнулъ. Онъ увидалъ передъ собой родной домикъ. Въ одну минуту узналъ его Калистовъ, онъ все такой-же: у колодца все та же изгрызенная бадья, садикъ все такъ-же зеленѣлъ вишнями и яблонями, и все такъ-же выглядывали изъ-за плетня высокіе подсолнечники и кусты хмѣля. Калистовъ тихонько подкрался къ окну и взглянулъ въ него. Дьяконская семья ужинала; лучина ярко освѣщала комнату; въ комнатѣ было тоже все попрежнему: тѣ-же образа суздальской живописи, тѣ-же портреты митрополитовъ Филарета и Никанора, тотъ-же Кутузовъ скакалъ на конѣ и тотъ-же видъ Саровской Пустыни.

Калистовъ отошелъ отъ окна дьяконскаго дома, сѣлъ на кучу наваленныхъ неподалеку бревенъ и невольно задумался. Такъ просидѣлъ онъ съ полчаса, какъ вдругъ кто-то крикнулъ:

— Эй, ты, семинаристъ! поди-ка сюда!

Калистовъ поднялъ голову и увидалъ у колодца дѣвушку въ ситцевомъ платьѣ и съ платочкомъ на головѣ.

— А ты почему знаешь, что я семинаристъ?

— Нешто я слѣпая! Поди, у меня глаза есть... а у семинаристовъ одинъ обликъ-то.

Калистовъ подошелъ къ дѣвушкѣ.

— Чего-же тебѣ надо отъ меня? — спросилъ онъ.

— А вотъ чего! Ведро я въ колодезь упустила, ты мнѣ и достань его.

— Какъ-же я достану?

— Очень просто. Перевяжу я тебя веревкой, спущу въ колодезь, и ты тогда достанешь.

— Да ты удержишь-ли?

— Небось, удержу.

— Ну, смотри...

Дѣвушка обмотала Калистова веревкой, завязала ее крѣпко-накрѣпко и, упершись одной ногой въ срубъ, принялась осторожно опускать Калистова въ колодезь.

— Стой, довольно! — раздался голосъ.

— Досталъ?

— Досталъ, тащи!

И немного погодя, Калистовъ подавалъ уже дѣвушкѣ ведро.

— Однако ты храбрый! Чуть не на дно морское опускался.

— Для тебя только! — проговорилъ Калистовъ, посматривая на красивую дѣвушку.

— Спасибо.

И почерпнувъ воды, она пошла своей дорогой.

Калистову тоже надо было идти, и онъ направился къ дому одного знакомаго мужичка, у котораго порѣшилъ было переночевать, съ тѣмъ, чтобы завтра утромъ послѣ обѣдни отслужить на могилѣ родителей панихидку, а потомъ возвратиться ко мнѣ. Приходилось обогнуть церковь. Между тѣмъ, набѣжали тучи, заволокли небо, и ночь становилась все темнѣй и темнѣй. Онъ уже успѣлъ миновать ограду, какъ вдругъ что-то бѣлое показалось въ нѣсколькихъ ша-

гахъ отъ Калистова. Это былъ какой-то старичекъ въ бѣлой рубахѣ. Старичекъ, при видѣ Калистова, быстро остановился.

— Кто это? — вскрикнулъ онъ испуганно и поспѣшилъ отскочить въ сторону.

— Я.

— Кто ты?

Калистовъ тотчасъ-же узналъ знакомый голосъ. Это былъ пономарь села Скрябина.

— Здравствуй, Никитичъ! — почти вскрикнулъ отъ радости Калистовъ, подходя къ пономарю, все еще продолжавшему пятиться.

— Да кто ты?

— Не узнаешь?

— Не узнаю.

Калистовъ поспѣшилъ объявить свою фамилію, но такъ какъ фамилія эта была дана ему въ училищѣ, то въ Скрябинѣ про нее никто и не зналъ даже.

— Я такого не знаю.

— Ну коли не знаешь Калистова, такъ Петруньку вспомни, можетъ тогда перестанешь бояться!

— Какой-такой Петрунька?

— Покойника дьякона, Гаврилы Степаныча сынъ.

Пономарь ахнулъ даже.

— Петрунька, Петрунька! — кричалъ онъ, обнимая Калистова.— Петрунька милый, а я и не узналъ тебя, да какъ и узнать-то! Вишь вѣдь какой жеребецъ сталъ, да и голосъ-то перемѣнился. Тебѣ который годъ-то?

— Да ужь двадцать съ хвостикомъ.

— Ахъ, Петрунька, Петрунька! Да что это ты

домой давно не приходилъ? Ужь мы тутъ и забыли про тебя.

— Дома-то нѣтъ, приходить-то некуда, — говоритъ Калистовъ.

Пономарь вздохнулъ.

— Царство небесное!—проговорилъ онъ:—хоша мы съ покойникомъ и ссорились кое-когда изъ-за блиновъ, а все-таки дружно жили. Добрякъ былъ и онъ, и дьяконица. Хорошіе люди... Такъ какая-же у тебя фамилія-то?

— Калистовъ.

— Мудрена — нечего сказать!

— Я привыкъ.

— Да ты гдѣ теперь, въ семинаріи что-ли?

— Въ семинаріи.

— Въ которомъ классѣ?

— Въ богословскій перешелъ.

— Богъ-ословъ, значитъ? — сострилъ пономарь.

— Онъ самый.

— Два годика остается, а тамъ и въ попы, небось?

— Куда-жь еще...

— Однако, что-жь мы на площади-то стоимъ! — вскрикнулъ пономарь. — На дворѣ-то ночь, люди говорятъ. Вишь темноть какая, пора ужинать, да и на боковую. Пойдемъ ко мнѣ, Петрунька... вѣдь тебѣ негдѣ ночевать-то...

— Къ Поликарпу Захарычу хотѣлъ я было... — проговорилъ Калистовъ нерѣшительно.

— Эко хватился! — перебилъ его пономарь.

— А что? али умеръ?

— Давнымъ-давно. Внучку замужъ отдалъ, да и

опился на свадьбѣ-то! Пойдемъ-ка, пойдемъ-ка ко мнѣ. Изба у меня просторная, хлѣбъ-соль есть, можетъ и водочка найдется даже... Я, братъ, понемножечку потягиваю!.. А ты надолго къ намъ?

— На одинъ день только. Хочу завтра по родителямъ панихидку отслужить, а потомъ къ товарищу къ одному пойду, къ Ѳивейскому, у него и проживу все лѣто.

Домикъ пономаря былъ въ нѣсколькихъ шагахъ, и потому идти пришлось имъ не долго.

— Вставай! — кричалъ пономарь, входя въ избу: — вставай всѣ! Да ужинать собирайте, гостя дорогаго привелъ.

Но эти «всѣ» состояли изъ дочери пономаря Лизы да работницы Меланьи, ибо пономарь былъ вдовъ и, кромѣ дочери, дѣтей не имѣлъ.

Когда Калистовъ увидалъ Лизу, онъ чуть не вскрикнулъ отъ радости. Это была та самая дѣвушка, которой онъ доставалъ ведро изъ колодца.

— Неужели это Лиза? — говорилъ Калистовъ, смотря на дѣвушку, которую помнилъ ребенкомъ.

— Она самая.

— Господи! да когда-же это она успѣла такъ вырости!

— Онѣ, братъ, насчетъ этого не зѣваютъ... Какъ грибы ростутъ.

— Да и ты,— проговорила Лиза, но, вдругъ спохватившись, прибавила:—и вы-то ужь большіе стали... Я не узнала васъ.

— А ты развѣ видѣлась съ нимъ? — спросилъ пономарь.

— Да какъ-же!—вскрикнулъ Калистовъ:—я сейчасъ только ведро доставалъ, въ колодезь спускался.

— Ну?

И оба они принялись разсказывать пономарю только-что случившуюся исторію съ ведромъ.

Немного погодя, они всѣ сидѣли за ужиномъ, и разговорамъ и воспоминаніямъ, а пуще всего шуткамъ конца не было. Поѣли щей, поѣли баранины, огурцовъ свѣжихъ съ квасомъ, выпилъ пономарь водочки. и до того разболтался, что даже про сонъ забылъ, и только когда сторожъ прозвонилъ въ колоколъ 12 часовъ, они разошлись по своимъ мѣстамъ.

Я, конечно, не сталъ-бы разсказывать вамъ съ такими подробностями о пребываніи Калистова въ селѣ Скрябинѣ, если-бы въ пребываніи этомъ не заключалось ничего важнаго. Сверхъ того, пребываніе это было самымъ любимымъ воспоминаніемъ Калистова, онъ разсказывалъ мнѣ про него десятки разъ, и потому нѣтъ ничего мудренаго, что въ памяти у меня сохранились до сихъ поръ всѣ подробности. Итакъ, Калистовъ ночевалъ у пономаря. На другой день онъ отслужилъ на могилѣ родителей панихиду и хотѣлъ было идти ко мнѣ, но по просьбѣ пономаря остался погостить у него дня на два, на три. Однако эти три дня продолжались гораздо дольше. Я ждалъ, ждалъ Калистова, и вмѣсто того, чтобы дождаться его къ себѣ, пошелъ самъ въ Скрябино, съ цѣлію узнать, куда дѣвался и что творилось съ моимъ коллегой.

— Ты что-же это! — говорю, увидавъ его посиживавшимъ на крылечкѣ пономарскаго дома.

— А что?

— Пошелъ на день, а вмѣсто того, три недѣли живетъ здѣсь.

— Неужели, — говоритъ, — три?

— А ты какъ-бы думалъ!

— Ну, братъ, мнѣ такъ хорошо здѣсь, что я и не замѣтилъ, какъ время прошло. Спасибо,— говоритъ,— что вспомнилъ меня, что навѣстить пришелъ...

— Когда-же ко мнѣ-то? — спрашиваю. — Вѣдь ты обѣщалъ все лѣто прогостить у меня!

— Ну, братъ, не могу... обстоятельства,— говоритъ, — измѣнились.

И взявъ меня подъ руку и отведя отъ крылечка, онъ проговорилъ:

— Вотъ видишь-ли, другъ сердечный, хочется мнѣ пономарю здѣшнему пособить... Человѣкъ онъ одинокій, старый...

— Что-же, въ работники что-ли къ нему записался?

— Не въ работники,— говоритъ,—а въ помощники скорѣе.

А тутъ какъ разъ выбѣжала на крыльцо Лиза и принялась звать Калистова обѣдать.

— Слушайте, Лиза! — крикнулъ ей Калистовъ.—Ко мнѣ товарищъ пришелъ, другъ мой и пріятель, могу я его къ вамъ въ домъ пригласить?

— Нельзя никакъ!—отозвалась она весело:—а нельзя по той причинѣ, что, можетъ, пріятель вашъ любитъ сладко покушать, а нынче день постный, кромѣ щей да гороху, да каши съ конопляными масломъ, нѣтъ ничего!

И она весело захохотала.

А Калистовъ тѣмъ временемъ говорилъ мнѣ:

— Не слушай ее! Озорница извѣстная!.. Идемъ, идемъ!..

Цѣлыхъ два дня я прожилъ у Калистова, и тоже въ свою очередь не замѣтилъ, какъ пролетѣло время. Уходя, я сказалъ однако Калистову:

— Смотри, братъ...

— Что,— говоритъ,—такое?

— Смотри, не застрянь здѣсь!..

— Ну, вотъ еще что выдумалъ! Ты это,— говоритъ, — насчетъ Лизы что-ли намекаешь?

— А что-жь,—говорю,—развѣ въ такую трудно влюбиться?

— Только не мнѣ!

— Это почему?

— А потому, что я ее такимъ вотъ клопомъ зналъ. Точно, не спорю, я,— говоритъ,— люблю ее, но какъ сестру родную.

И потомъ, посмотрѣвъ на меня, спросилъ:

— А тебѣ нравится она?

— Ничего,— говорю, — дѣвушка во всей формѣ...

И дѣйствительно, Лиза была такая дѣвушка, какихъ мнѣ не приводилось встрѣчать до тѣхъ поръ! Говорю я это не потому, что она въ извѣстной степени представляетъ собою героиню моего разсказа, а потому, что не походила ничуть на нашихъ поповенъ. Въ то время, къ которому относится этотъ разсказъ, а время это давно-прошедшее, всѣ наши поповны были какія-то мямли, — ни рыба, ни мясо. Однѣ изъ нихъ барышень изъ себя разыгрывали, а другія—судомоекъ чумазыхъ. Рѣдкая изъ «барышень» знала грамотѣ, но щеголять французскими словами, немилосердно

ихъ коверкая, любили до увлеченія. Другія-же—«судомойки» только ныли, и ожидали жениховъ. Первыя болтали, рядились да романсы распѣвали, а вторыя не умѣли говорить, и только занимались пачкотней. Вотъ поэтому-то Лиза и выдавалась своею самобытностью. Она не подражала ни первымъ, ни послѣднимъ. Она даже одѣвалась по-своему: просто, и именно такъ, какъ ей нравилось. Надъ кринолинами, бывшими тогда еще въ модѣ, она смѣялась; шляпки, украшенныя цвѣтами и зеленью, называла копнами, а зонтиковъ даже никогда и въ руки не брала. Это была дѣвушка бойкая, веселая, говорливая и съ постоянно смѣявшимся взглядомъ. Къ работѣ была неоцѣнима, работа кипѣла въ ея рукахъ, она поспѣвала повсюду и помимо дома. Ее можно было видѣть и въ церкви, и на базарѣ, и на гуляньѣ, когда таковое устраивалось, и въ гостяхъ и у знакомыхъ.

Глядя на Лизу, воодушевлялся и Калистовъ, и когда подошла порà покоса, онъ самъ напросился въ косцы.

И дѣйствительно, на другой-же день вмѣстѣ съ пономаремъ и Лизой отправился въ луга.

Сначала работа у Калистова не спорилась. Коса, то и дѣло, либо скользила по травѣ, либо утыкалась концомъ въ землю, но прошло нѣкоторое время, и Калистовъ такъ приловчился къ этому, совершенно новому для него дѣлу, что любо было смотрѣть на него. Онъ втянулся, рука расходилась, и полукруги скошенной травы, сочной и мокрой, укладывались стройными рядами. Часовъ въ девять утра они позавтракали, а послѣ завтрака снова принялись за работу, и работа эта подѣйствовала на Калистова до того благотворно, что съ каждымъ пройденнымъ ря-

домъ, онъ чувствовалъ себя бодрѣе и бодрѣе. Какой-то приливъ силъ нахлынулъ на него и ему было хорошо и весело.— «Никогда я не обѣдалъ съ такимъ аппетитомъ,— вспоминалъ бывало Калистовъ,—какъ тогда!»

Съ этого дня Калистовъ ни на шагъ не отставалъ отъ семьи пономаря.

— Вы пожалуйста, Лиза, разбудите меня завтра, — говорилъ онъ каждый вечеръ, уходя спать: — мнѣ ужасно какъ хочется поработать съ вами. Завтра мы что будемъ дѣлать?

— Бахчу мотыжить.

— И прекрасно! Такъ разбудите-же пожалуйста.

И Лиза, подоивъ и проводивъ коровъ въ стадо, каждое утро подходила къ чулану, въ которомъ спалъ Калистовъ, стучала кулакомъ въ дверь и кричала:

— Ну вставайте-же! пора! Солнышка-то вилами не достанешь!

— Сейчасъ, Лиза, сейчасъ! — отзывался Калистовъ, поспѣшно одѣвался и шелъ на работу.

Такъ проводили они время изо дня въ день, и Калистовъ не успѣлъ опомниться, какъ почувствовалъ, что дружба, питаемая имъ къ Лизѣ, начала какъ-то измѣняться и принимать какой-то совершенно новый оттѣнокъ. Сначала онъ не довѣрялъ этому новому чувству, смѣялся самъ надъ собой, но когда онъ сталъ замѣчать, что каждый разъ, при встрѣчѣ съ Лизой, сердце его какъ-то замирало и какъ-то особенно тревожно билось, что безъ Лизы ему становилось невыносимо скучно, а съ нею и весело и легко,—онъ понялъ, что это уже не дружба, а что-то другое, можетъ быть то самое чувство, которое люди привыкли называть любовью... Онъ сталъ засматри-

ваться на Лизу и засматриваясь находилъ уже въ ней не ту красоту, которую видѣлъ прежде, а какую-то иную, — манящую, жгучую. Прежде, бывало, глянетъ онъ на Лизу и улыбнется только, а теперь при взглядѣ на нее ему хотѣлось-бы обнять и расцѣловать ее. Разъ Лиза вмѣстѣ съ отцомъ поѣхала въ городъ на ярмарку, оставивъ Калистова присмотрѣть за домомъ. Проѣздили они дня три, и бѣдный мой Калистовъ не зналъ, куда дѣваться отъ тоски. Ему сдѣлалось такъ тяжело безъ Лизы, такъ пусто, что онъ готовъ былъ бѣжать въ городъ, лишь бы поскорѣе свидѣться съ нею. Другой разъ случилось нѣчто еще болѣе тяжелое. Былъ храмовой праздникъ въ Скрябинѣ. Наѣхали къ пономарю гости сосѣдніе, причетники съ женами и дочерьми, а въ числѣ ихъ и одинъ купеческій прикащикъ по фамиліи Свистуновъ, кудрявый и бойкій парень, лѣтъ 20-ти, въ синей щегольской поддевкѣ и голубой шелковой рубахѣ на выпускъ. Кровь съ молокомъ — одно слово! Свистуновъ этотъ крѣпко увивался за Лизой, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что почти весь день не отходилъ отъ нея. Болталъ, шутилъ съ ней, угощалъ пряниками, орѣхами, а бѣдный Калистовъ смотрѣлъ на все это и терпѣлъ поистинѣ адскія муки! Когда-же, вечёромъ, прикащикъ заигралъ на гитарѣ, а Лиза, подсѣвъ къ нему, запѣла какую-то пѣсню, то Калистовъ не выдержалъ и поспѣшилъ вонъ изъ комнаты, ибо чувствовалъ такой приливъ бѣшенства, что боялся, какъ-бы бѣшенство это не взяло верхъ надъ разсудкомъ. Онъ вышелъ на крыльцо, а когда, немного погодя, на то же крыльцо выбѣжала и Лиза, онъ поймалъ ее за руку и проговорилъ едва слышно:

— Пожалуйста, Лиза! Вы такъ не мучайте меня!

Лиза вспыхнула даже.

— А вы, что-же, боитесь что-ли чего? — спросила она.

— Тяжело мнѣ...

— Не бойтесь! — проговорила она и вырвавшись быстро убѣжала въ комнату.

Это «не бойтесь!» — возбудило въ немъ тысячу недоразумѣній. «Что-же значило это!» — думалъ онъ: «что хотѣла она сказать этимъ?» Но какъ онъ ни размышлялъ, а все-таки уяснить себѣ не могъ. То казалось ему, что это имѣетъ видъ признанія, а то наоборотъ —отказа или, что всего хуже, насмѣшки. Слово это не давало ему покоя, и когда на слѣдующее утро Лиза по обыкновенію пришла будить его, онъ поспѣшилъ выбѣжать къ ней въ сѣни и, взявъ ее за руку, спросилъ:

— Лиза! скажите-же, что это значитъ?

— Чего еще? — спросила она.

— А то слово, что вы мнѣ вчера на крыльцѣ сказали!

— Мало-ли что говорю я! Словъ-то за день столько высыпишь, что и мѣшковъ не хватитъ собирать ихъ.

— Нѣтъ! Вы только сказали: «не бойтесь!» Что-же значитъ это?

Но Лиза опять-таки ничего не разъяснила и, снова вырвавшись изъ рукъ, выбѣжала вонъ изъ сѣней. Только вечеромъ, въ сумеркахъ, когда оба они, и Калистовъ и Лиза, случайно встрѣтились въ палисадникѣ, и когда Калистовъ снова потребовалъ объясненія, Лиза вмѣсто отвѣта упала ему на грудь и, крѣпко обнявъ его, тихо заплакала...

Сомнѣніе исчезло...

И оба они словно испугались чего-то, но чего именно— не умѣли опредѣлить, ибо въ первый разъ переживали это чувство. И Калистову словно слышались слова Господа: «*Проклята земля за тебя. Терніе и волчцы она произраститъ тебѣ, и будешь питаться полевою травою!*» Они даже ни слова не сказали другъ другу, и только одни поцѣлуи да объятья подсказывали имъ, что страхъ, переживаемый ими, есть страхъ отъ нахлынувшаго счастья. Такъ они и разошлись, не сказавъ ни слова, — Лиза въ свою комнату, а Калистовъ въ свой чуланъ. Даже на другой день утромъ они не могли еще очнуться и не то избѣгали, не то боялись встрѣчи, а когда встрѣчались, опять испугъ овладѣвалъ ими.

Однако на другое утро, когда оба они были въ полѣ и когда пономарь за чѣмъ-то отошелъ отъ нихъ, Лиза обратилась къ Калистову.

— Послушай, — проговорила она:—чего-же мы испугались!

— Я не знаю, Лиза...

— Ничего дурнаго мы съ тобой не сдѣлали, значитъ ни бояться, ни стыдиться намъ нечгео. Полюбили мы другъ друга, и все тутъ! Я этого не стыжусь, а какъ ты... не знаю.

— Я счастливъ, Лиза.

— И я тоже.

И вдругъ имъ сдѣлалось опять и весело, и легко, и хорошо!..

Однако каникулы пришли къ концу, и надо было отправляться въ городъ. Тяжело было разставаться моимъ влюбленнымъ. Цѣлый вечеръ пробыли они

вмѣстѣ, и чего-чего только не переговорили они въ этотъ вечеръ. Такъ какъ Калистовъ сдѣлалъ Лизѣ предложеніе, а та съ радостію согласилась на это, то понятно, и было о чемъ говорить. Они порѣшили, до поры, до времени, ничего не открывать старику, ибо боялись, что старикъ не выдержитъ и разболтаетъ всѣмъ, столь дорогую для нихъ, тайну. Затѣмъ, было порѣшено свадьбу сыграть тогда, когда Калистовъ кончитъ курсъ въ семинаріи, а чтобы не томить себя столь продолжительной разлукой, Калистовъ долженъ былъ проводить въ Скрябинѣ и рождественскія каникулы, и Пасху, и затѣмъ—каникулы лѣтнія.

На другой день рано утромъ, распростившись съ пономаремъ, который не зналъ какъ и благодарить Калистова за оказанную услугу, Калистовъ отправился въ городъ. Лиза проводила его до околицы:

— Ну,—говорила она:—прощай... Смотри, не забудь...

— Ты то не забудь меня, а я-то не забуду... Ну, прощай...

— Прощай! — повторила Лиза.

И крѣпко обнявъ Калистова, она прильнула къ нему губами.

Всякому болѣе или менѣе извѣстна бурсацкая жизнь, съ ея щами, кашей, грязью и смрадомъ, но тѣмъ не менѣе, она все-таки составляетъ одно изъ самыхъ, если не свѣтлыхъ, то веселыхъ воспоминаній нашихъ. Народу было много, все молодежь, и время летѣло незамѣтно. Конечно, и въ то время много переживалось горя, но молодость, силы и здоровье прощали многое и со многимъ мирились...

Итакъ, съ Калистовымъ мы были вмѣстѣ. Койки наши были рядомъ, въ классѣ сидѣли мы на одной

скамейкѣ. Калистовъ учился отлично. Я похуже, но все-таки не отставалъ отъ него. Поведенія Калистовъ былъ примѣрнаго, и не только не пилъ вина, но даже и трубки не курилъ. Слово, данное Лизѣ, Калистовъ сдержалъ: онъ не пропустилъ ни однѣхъ каникулъ, не побывавъ въ Скрябинѣ.

Нечего говорить, что каникулы эти еще болѣе сближали и Калистова и Лизу, и наконецъ, они дошли до того, что жить въ разлукѣ имъ становилось нестерпимо тяжело! Однако, поступить иначе было невозможно. Калистову было необходимо кончить курсъ, такъ какъ, иначе, онъ не могъ-бы получить священническаго мѣста. Каникулъ Калистовъ ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, что считалъ не только остававшіеся до нихъ дни, но даже и часы, а съ приближеніемъ этого вождѣлѣннаго времени, становился все нетерпѣливѣе. Сверхъ того, чуть не каждую недѣлю они обмѣнивались длинными письмами. Калистовъ описывалъ Лизѣ свое житье въ бурсѣ, а Лиза свое въ Скрябинѣ. И каждый разъ, читая незатѣйливыя письма Лизы, Калистовъ мысленно переносился къ ней и мысленно жилъ съ нею. Съ полгода они ничего не говорили пономарю о своемъ рѣшеніи; наконецъ, Лиза не вытерпѣла и объявила ему все. «Прости меня, писала она Калистову, я все открыла отцу. Не сердись. Но, право, мнѣ такъ было тяжело возиться съ своимъ счастіемъ (оно оказалось сильнѣе меня), такъ хотѣлось счастіемъ этимъ погордиться, похвалиться, порадоваться съ кѣмъ-нибудь судьбой своей, что я не вытерпѣла и все разсказала отцу. Я начала съ прикащика, возбудившаго въ тебѣ ревность, и кончила палисадникомъ, свидѣтелемъ нашихъ радостныхъ

слезъ. Нечего говорить, что отецъ сначала не повѣрилъ моему счастію, но затѣмъ, убѣдившись, что все это правда (а убѣдился онъ вѣрно по глазамъ моимъ), онъ предался такой-же радости, какой предаюсь я и утромъ, и ночью, и днемъ. Нѣтъ, этого мало! какой предаюсь не только каждую минуту, но даже каждую секунду, каждое мгновеніе!» Письмо это Калистовъ перечитывалъ нѣсколько разъ, и не только онъ, даже я затвердилъ его наизусть.

— Однако, братъ, ты, я вижу, парень-то ловкачъ! — кричалъ пономарь, когда Калистовъ, весь промокшій отъ распутицы, пришелъ къ нему на Пасху.

— А что? — спросилъ онъ весело.

— Съ дѣвками не робѣешь!.. Ловко обработалъ!

— Нравится?

— Ничего!

И только тутъ замѣтивъ, что Калистовъ былъ весь мокрый, онъ вскрикнулъ:

— Гдѣ это тебя такъ угораздило?..

— А вотъ здѣсь, совсѣмъ подъ вашимъ селомъ...

— На Осиновкѣ?

— Да, на Осиновкѣ, чтобы ей пусто было... Сначала шелъ по льду, ничего, хорошо... правда, похрустывало, а все-таки идти было можно, а потомъ, какъ ухну вдругъ... да по самый по поясъ.

Но пришла Лиза, и весь холодъ былъ забытъ.

И никогда еще, ни пономарь, ни Лиза, ни Калистовъ, не встрѣчали такъ радостно Пасху, какъ встрѣтили и провели ее въ тотъ памятный годъ.

— Однако, вотъ что, — говорилъ пономарь Калистову: — ты смотри, чтобы твоя любовь не мѣшала твоему ученью. Я тебѣ по совѣсти скажу, я чело-

вѣкъ бѣдный, а ты бѣднѣе меня. Учись, смотри, да чтобы тебѣ попомъ быть, а безъ того—нѣтъ тебѣ моего благословенія...

— Не бойтесь! — крикнулъ Калистовъ, но вдругъ, вспомнивъ то же самое слово, сказанное Лизой, расхохотался.

— Чего хохочешь-то...

Бывшая при этомъ Лиза тоже вспомнила это «не бойтесь», и присоединилась къ хохоту Калистова, а благодушный пономарь глядѣлъ на нихъ и, качая головой, говорилъ:

— Совсѣмъ взбѣсились.

Слѣдующее за тѣмъ лѣто Калистовъ опять провелъ въ домѣ своей невѣсты, и такъ какъ сватовство это не было уже тайной, то они ни передъ кѣмъ и не скрывали своей взаимной любви.

Наконецъ, мы кончили курсъ, и словно птичка, вылетѣвшая изъ клѣтки, взмахнули слабыми еще крыльями.

До этой минуты, о жизни мы не имѣли, конечно, никакого понятія; мы видѣли только ея цвѣтки. Жизнь наша начинается именно съ той минуты, когда передъ нами, растворивъ бурсацкія двери, начальство проговоритъ: «Ну, господа, вы кончили; мракъ невѣжества передъ вами разсѣянъ; мы обогатили умъ вашъ познаніями, мы представили вамъ широкую дорогу. Вотъ вамъ ваши документы, ваши аттестаты, дѣлайте съ ними, что знаете, ступайте, куда хотите, но здѣсь вамъ оставаться нельзя, и намъ до васъ нѣтъ никакого дѣла.»

Вотъ эта-то минута и есть начало нашей жизни! Только перешагнемъ за порогъ, какъ дверь бурсы

захлопывается, и ходу туда тебѣ ужь нѣтъ, а ступай куда знаешь. Нѣтъ ни щей, ни каши, ни теплаго угла, — ничего! На первыхъ-то порахъ,—я буду говорить о сиротахъ, подобныхъ Калистову,— мы этой минуты хорошенько не понимали, мы были одушевлены еще надеждой, волей, упованіемъ на будущее. Я пойду въ священники,— говоритъ одинъ; я пойду на гражданскую службу,— говоритъ другой; я пойду въ учителя,— говоритъ третій. Но прежде, чѣмъ заняться этимъ, всѣ говорятъ: я пойду, поживу въ деревнѣ. Тамъ-то, у такого-то, есть пріятель; у такого-то есть дядя; у другаго — тетка. И вотъ, всѣ расходятся на нѣкоторое время по деревнямъ, подышать чистымъ воздухомъ, отдохнуть отъ бурсацкой жизни, посмотрѣть на луга, на лѣса, на свѣтлыя озера и рѣки. Но, проживя недѣлю, другую,— одинъ видитъ, что его пріятель самъ еле-еле перебивается, другой, — что дядя его, дьячекъ, добываетъ себѣ кусокъ хлѣба не шутя, а кровавымъ пбтомъ, что онъ съ утренней зари и до поздней ночи, согнувшись въ три погибели надъ сохой, вспахиваетъ свой загонъ, ради хлѣба; что ради хлѣба, онъ до мозолей стираетъ свои руки, скашивая траву; что ради хлѣба, онъ всѣхъ своихъ ребятишекъ гонитъ въ поле на жнитво или сѣнокосъ; третій видитъ, что тетка, у которой онъ думалъ отдохнуть, вдова, и живетъ, христа-ради, у священника. И всѣмъ становится вдругъ совѣстно, что они объѣдаютъ бѣдныхъ. «Нѣтъ, говорятъ они, имъ самимъ ѣсть нечего! пойдемъ и мы хлѣбъ добывать!» И вотъ, всѣ идутъ опять въ городъ. Но они все еще не унываютъ, они все еще надѣются на будущее. У нихъ есть аттестатъ, слѣдовательно —

дорога широкая. И вотъ, они пришли въ городъ; въ карманѣ у другаго даже гроша нѣтъ, на плечахъ одинъ нанковый сюртучишка, квартиры нанимаютъ жалкія. Одинъ, глядишь, изъ куска хлѣба, пристроился къ какому-нибудь чиновнику и учитъ грамотѣ чуть-ли не всю семью другой, — живетъ перепискою бумагъ; третій — книги переплетаетъ; четвертаго — беретъ какой-нибудь причетникъ и, въ надеждѣ на будущія блага, кормитъ и поитъ безпріютнаго. Такъ всѣ кое-какъ и размѣстятся. Видя, разумѣется, такую бѣдность, никому и дѣла нѣтъ до насъ, развѣ, развѣ, ужь какой-нибудь случай выйдетъ. Хорошо еще, что между нами дружба есть, хорошо еще, что мы, хотя скудно, но помогаемъ другъ другу.

Первое, что сдѣлалъ Калистовъ по окончаніи курса, это—тотчасъ-же отправился къ Лизѣ. Счастливый и торжествующій пришелъ онъ на свою родину, подъ милый кровъ. Лиза встрѣтила его первая.

— Ну, мой другъ, Лиза,— проговорилъ онъ, обнимая ее: — я кончилъ все. Теперь намъ ждать недолго.

Въ тотъ же вечеръ, когда вся семья сидѣла за ужиномъ, пономарь далъ окончательное слово Калистову выдать за него свою дочь; но прежде, чѣмъ обвѣнчаться, Калистовъ долженъ былъ идти въ городъ и хлопотать о мѣстѣ.

Всѣ были счастливы. Счастливъ былъ старикъ пономарь, счастливы были и Калистовъ съ Лизой.

Недѣля промчалась незамѣтно, и вотъ Калистовъ снова отправился въ городъ. Денегъ было у него немного, всего какихъ-нибудь три-четыре рубля, а разсчитывать на скорое полученіе мѣста—нельзя. Надо было добиться денегъ. Калистовъ пошелъ по своимъ това-

рищамъ, но и тѣ сами были не богаче его. Къ счастію, попалась одна просвирня, которая, видя передъ собою бѣдняка, ожидающаго, впрочемъ, священническаго мѣста и хорошо кончившаго курсъ, взяла его на хлѣбы, а деньги согласилась подождать.

Однако, Калистовъ все-таки не забывалъ, что хотя просвирня и изъявила согласіе на подожданіе денегъ, но все-таки хлопотать объ нихъ не мѣшало, ибо просвирня сама-то едва переколачивалась со дня на день.

Но и тутъ судьба поблагопріятствовала Калистову! Пріѣхалъ въ городъ помѣщикъ, опредѣлять своего сына въ гимназію. Барченокъ, какъ видно, подготовленъ былъ плоховато, и помѣщикъ рѣшился найти для него учителя, но чтобъ учитель этотъ былъ недорогой. Дешевле семинариста, разумѣется, никто не возьметъ, и вотъ Калистовъ попалъ къ этому помѣщику и за незначительную плату принялся ходить на *кондицію* и заниматься съ барченкомъ.

Однажды, какъ-то, прихожу я къ нему. Какъ теперь помню, дѣло было въ обѣденную пору. Смотрю, Калистовъ сіяетъ счастьемъ.

— Что̀ это,— говорю,— съ тобой?

— А что̀? — говоритъ.

— Да что̀-то ты очень веселъ.

— Да такъ, веселится.

— Развѣ есть, — говорю, — что̀-нибудь хорошее?

— Есть,— говоритъ.

Оказывается, что Калистовъ только-что воротился отъ секретаря консисторіи, который принялъ его какъ-нельзя лучше и обѣщалъ свое высокое покровительство.

Секретаремъ у насъ въ ту пору былъ нѣкто Фи-

ногенъ Андреевичъ Геліотроповъ. Это былъ мужчина лѣтъ сорока, высокій, полный, съ свѣжимъ, всегда чисто-начисто выбритымъ лицомъ, розовыми щеками и еще болѣе розовыми губами, всегда пріятно улыбавшимися. Финогенъ Андреевичъ считался въ городѣ красавцемъ, подозрѣвался въ нѣсколькихъ интрижкахъ съ нѣсколькими молодыми вдовушками, но тѣмъ не менѣе пользовался уваженіемъ и завоевалъ себѣ названіе «благомыслящаго человѣка». Благомыслящій человѣкъ этотъ, сознавая свою красоту, одѣвался всегда не только изысканно, но щеголевато. Короткіе волосы, всегда блестѣвшіе, зачесывалъ на виски, а на лбу устраивалъ «тупей», который каждый день завивалъ; галстукъ носилъ высокій изъ чернаго атласа, манишки снѣжной бѣлизны, и бархатные, черные жилеты, на которыхъ особенно рельефно обрисовывалась массивная, червоннаго золота, цѣпочка, съ бриллiантовой задвижкой. Походку имѣлъ «благомыслящій человѣкъ» важную, медленную, но, встрѣчаясь съ дамой, какъ-то особенно сладко улыбался и, скользнувъ лѣвой ногой впередъ, приподнималъ слегка правую, замиралъ на секунду, и затѣмъ подлеталъ, живописно изогнувъ правую руку по направленію къ сердцу. Это означало: «сердечно радъ». Жизнь «благомыслящій человѣкъ» велъ аккуратную. Въ извѣстный часъ вставалъ, ложился спать, въ извѣстный часъ приходилъ въ консисторію и уходилъ оттуда, въ извѣстный часъ пилъ чай, завтракалъ, обѣдалъ, выкуривалъ «свою сигару», выпивалъ «свой стаканъ холодной воды» и въ извѣстный часъ гулялъ въ городскомъ саду, ради моціона. Въ саду этомъ онъ былъ особенно изященъ. Какъ теперь вижу его фигуру, въ легкомъ пальто,

въ цилиндрѣ, надѣтомъ немного на бекрень, съ шелковымъ дождевымъ зонтикомъ въ рукахъ и съ фуляровымъ платкомъ, выглядывавшимъ изъ задняго кармана его пальто. Обойдетъ бывало раза три, по утрамбованнымъ дорожкамъ, весь садъ кругомъ, посмотритъ на клумбы цвѣтовъ, сорветъ стебелекъ резеды и, понюхивая его, сядетъ на скамью. Вечера онъ проводилъ въ клубѣ, за картами. «Благомыслящій человѣкъ» жилъ въ роскошной квартирѣ, имѣлъ жену для мебели, дочь, выданную, впрочемъ, замужъ и пару красивыхъ лошадей. Консисторію онъ держалъ въ рукахъ, и такъ какъ архіерей у насъ въ то время былъ закоренѣлый монахъ, худой, питавшійся просвирами да картофелемъ, служившій длинныя-предлинныя обѣдни и заутрени, то нечего говорить, что настоящимъ архіереемъ, въ смыслѣ администратора, былъ никто другой, какъ «благомыслящій человѣкъ». Онъ назначалъ поповъ и дьяконовъ, давалъ имъ мѣста, ставилъ и смѣнялъ благочинныхъ, награждалъ набедренниками, скуфьями, камилавками, отдавалъ подъ судъ и миловалъ, и на епархію смотрѣлъ, какъ на свою оброчную статью или какъ на стадо барановъ, которыхъ можно было и стричь, и брить, и даже шкуру сдирать. Тяжелое было то время, и духовенство наше долго не забудетъ его. Въ руки этого-то «благомыслящаго человѣка» и разныхъ орденовъ кавалера попалъ нашъ Калистовъ.

Этотъ-то «благомыслящій человѣкъ» встрѣтилъ Калистова, обѣщавъ ему свое высокое покровительство, просилъ его быть спокойнымъ, присовокупивъ, что онъ слышалъ о немъ такъ много хорошаго отъ са-

мого ректора семинаріи, что поставляетъ себѣ обязанностью оказать ему протекцію.

Я поздравилъ Калистова съ успѣшнымъ началомъ, и объявилъ ему, что если ужь самъ секретарь взялся за это дѣло, то сомнѣваться въ успѣхѣ нечего. Между тѣмъ, внутренно я только удивлялся и даже не вѣрилъ Калистову, да и можно-ли было вѣрить, когда всѣмъ было извѣстно, что секретарь безъ денегъ ничего не дѣлалъ, и что прямо объявлялъ даже объ этомъ просителямъ. Итакъ, Калистовъ зажилъ отлично. Обнадеженный секретаремъ и явно покровительствуемый фортуной, онъ весело и энергически принялся за дѣло, и только объ одномъ и мечталъ, чтобъ скорѣе жениться на Лизѣ и быть священникомъ. Нечего и говорить, что усердная и подробная переписка продолжала производиться ими. Комната, въ которой жилъ Калистовъ, была не велика, но зато видъ изъ нея былъ превосходный. Домикъ точно висѣлъ надъ рѣкой, такъ былъ обрывистъ берегъ. Съ одной стороны виднѣлся городъ со всѣми своими церквами и бѣлыми домиками, какъ будто утонувшими въ зелени садовъ и палисадниковъ, а съ другой — необозримые луга, по которымъ бѣжала рѣка голубой лентой. И какъ было красиво смотрѣть на эту рѣку ночью, когда рыбаки, окончивъ свой ловъ, зажгутъ, бывало, по берегу костры и примутся варить рыбу. Какъ были красивы ихъ черныя фигуры на огненномъ фонѣ и какъ былъ величественъ этотъ розовый дымъ, усыпанный искрами, расплывавшійся по черному фону ночи.

Хозяйство свое, какъ ни было оно незначительно, Калистовъ передалъ просвирнѣ, и, надо сказать правду,

отдалъ въ хорошія руки. Бывало, невольно удивляешься, глядя на старуху! Откуда брались у нея силы! И когда только успѣвала она все дѣлать. Она и стряпала, и мыла бѣлье, и убирала комнату, и самоваръ подавала, ну, словомъ, — все сама. Ухаживала она за Калистовымъ, какъ мать родная. Бывало, стóитъ только мигнуть, какъ ужь она все понимала и исполняла. Табакъ потребуется, — бѣжитъ за табакомъ, огонь спонадобится,— подаетъ коробку со спичками.

Надо вамъ сказать, что у просвирни была дочка, по разнымъ обстоятельствамъ засидѣвшаяся въ дѣвкахъ. Дочку эту звали Анночкой. Ей было уже лѣтъ подъ тридцать, и до крайности была она некрасива: рябая, рыжая и кокетка страшная. Бывало, все утро въ томъ только и проходило, что сидѣла она за зеркаломъ и всячески убиралась; помочь-же въ чемъ-нибудь матери не хотѣла. Только, бывало, и дѣлала, что сидѣла у окна да считала прохожихъ. Характера была злаго и съ матерью обращалась хуже, чѣмъ съ кухаркой. Нѣсколько разъ старалась мать какъ-нибудь пристроить дочку, но отъ Анночки бѣгали всѣ, какъ отъ огня; да и кому нужна такая.

У этой-то просвирни поселился Калистовъ.

Разъ какъ-то пришелъ я къ Калистову поздно вечеромъ. Въ сѣняхъ было темно. Вдругъ слышу, въ чуланѣ, въ которомъ спала Анночка, какой-то шепотъ. Я остановился; слышу — просвирнинъ голосъ.

Шептанье это сильно подстрекнуло мое любопытство; я притаилъ дыханье и тихонько приложился ухомъ къ щелкѣ. Слышу, говоритъ просвирня:

— Нѣтъ, — говоритъ, — Анночка: воля твоя, а ты одними нарядами ничего не возьмешь.

— Много вы понимаете! — дерзко отвѣчала Анночка. — Ужь знали бы свои пироги да лепешки, а то туда же суетесь съ своимъ сужденіемъ.

— Эхъ, Анночка, — зашептала опять просвирня: — материнскій глазъ лучше видитъ. Для тебя же я говорю все это; сама знаешь, въ нашемъ быту одного щегольства мало, нужно знать и хозяйство. Вѣдь тебѣ не по гостямъ ѣздить, а домомъ управлять. Священнику не щеголиха, а хозяйка нужна, которая умѣла бы сохранять его добро.

Я еще плотнѣе прислонился къ щелкѣ, но больше ничего не слыхалъ, потому что залаяла собака, и просвирня вышла изъ чулана.

Я вошелъ къ Калистову; онъ уже собирался спать. Не знаю, почему-то разговоръ этотъ показался мнѣ подозрительнымъ; однако, Калистову я не сказалъ объ немъ ни слова.

Немного погодя, я опять какъ-то зашелъ къ Калистову; смотрю, у него сидитъ просвирня, сидитъ и говоритъ:

— Да, Петръ Гаврилычъ, ужь такъ бы была я вами благодарна, кабы вы мою Анночку грамотѣ выучили.

— Что же, это все ничего, можно, — говоритъ.

— Добрый вы человѣкъ, Петръ Гаврилычъ, — говоритъ просвирня: — не даромъ я васъ словно роднаго сына полюбила. Такъ, значитъ, можно къ вамъ Анночку присылать?

— Присылайте, ничего.

— Очень, говоритъ, вамъ благодарна. А я для васъ, Петръ Гаврилычъ, всей душой. Конечно, я, —говоритъ, —

женщина бѣдная, беззащитная, а цѣнить добро все-таки умѣю.

Я, разумѣется, сижу, да слушаю. Наконецъ, кончилось тѣмъ, что Калистовъ согласился учить Анночку.

Вскорѣ просвирня ушла, и мы остались одни.

— А знаешь ли, чтó я тебѣ скажу, — проговорилъ я, обращаясь къ Калистову: — я бы тебѣ посовѣтовалъ съѣзжать съ квартиры.

— Это, говоритъ, почему?

— Да такъ и такъ, говорю, что-то тутъ дѣло-то подозрительно..

Да и разсказалъ ему подслушанный разговоръ.

А Калистовъ только расхохотался. «Вотъ, говоритъ, вздоръ какой выдумалъ.»

Такимъ образомъ начались уроки. Анночка аккуратно каждый день приходила въ комнату Калистова и просиживала у него часа по два, по три; а какъ только, бывало, станетъ уходить, такъ и начнетъ звать Калистова къ себѣ, то на чай, то на пирогъ. Ну, разумѣется, Калистовъ не отказывался, да оно и понятно, если хотите: человѣкъ совершенно одинъ, занятія были только по утрамъ, а вечеръ не одному же сидѣть. Кромѣ того, заманивало Калистова къ просвирнѣ и то, что былъ онъ тамъ всегда первымъ гостемъ. Бывало, только покажется въ комнату, какъ просвирня съ дочкой не знали куда и посадить его, пойдетъ угощенье: чай, закуски разныя... Чтó, бывало, Калистовъ скажетъ, то и свято. Трубки ли захочетъ покурить, сейчасъ ему набиваютъ; ноги, бывало, протянетъ на стулъ, а просвирня стоитъ передъ нимъ да проситъ разныхъ совѣтовъ: — «я, дескать, женщина беззащитная, глупая, а умниковъ слушать надо!» Ну,

Калистовъ и барствуетъ; самолюбіе удовлетворено, почетъ во всемъ, и все это втянуло его въ общество просвирни. Какъ только воротится, бывало, съ кондиціи, такъ и къ ней; у ней обѣдалъ, ужиналъ, чай пилъ, а немного погодя, сталъ даже входить и въ хозяйственныя распоряженія, сдѣлался въ домѣ чѣмъ-то въ родѣ хозяина, такъ что даже и нахлѣбники, жившіе у просвирни, и тѣ во всемъ ему подчинялись.

Такъ прошло съ мѣсяцъ.

Сижу я разъ дома, читаю книгу; вдругъ приходитъ Калистовъ.

— Ну, — говоритъ, —пріятель, поздравь меня.

— Что такое?

— Скоро, — говоритъ, — мѣсто получу.

— Неужели?

— Да, — говоритъ, — скоро.

— Гдѣ же это?

— Въ селѣ Ивановскомъ. Новая церковь выстроена, и только ждутъ владыку, чтобъ освятить ее, а владыка-то боленъ.

— Почему же ты знаешь, что именно тебя посвятятъ туда? — спросилъ я.

— Какъ, говоритъ, почему: сейчасъ у секретаря былъ.

— Такъ это онъ сказалъ тебѣ?

— Онъ, и онъ же за мной на квартиру нарочнаго присылалъ. Не велѣлъ никуда отлучаться теперь. «Ждите, — говоритъ, — со дня на день!».

Я только посмотрѣлъ на Калистова, а самъ внутренно подумалъ: неужели въ самомъ дѣлѣ секретарь посылалъ за нимъ. Удивительно показалось мнѣ это, и удивительно потому, что никогда такихъ примѣровъ

не бывало. Однако, я промолчалъ и спросилъ только о томъ, хорошъ ли приходъ?

Приходъ оказался отличнымъ, — душъ въ тысячу, но что всего лучше, такъ это то, что старушка-помѣщица была дружна съ преосвященнымъ, стало-быть у Калистова будетъ и протекція.

Калистовъ просидѣлъ у меня недолго, а вечеромъ пошелъ я къ нему. Входя въ калитку, я встрѣтилъ просвирню.

— Не къ Петру ли Гаврилычу? — спросила она меня.

— Да, къ нему,— говорю.

— Ихъ, — говоритъ, — нѣтъ дома, куда-то вышли. Впрочемъ, они скоро вернутся, вы подождите ихъ. Да неугодно ли ко мнѣ покуда, у меня и самоварчикъ кстати кипитъ, чайку бы накушались.

Я зашелъ, Анночка сидѣла у окна.

— Нѣтъ, каковъ нашъ-атъ! — проговорила просвирня, когда я усѣлся.

— А что?

— Какъ что? Самъ секретарь сегодня присылалъ за нимъ. Приказалъ ждать мѣста и никуда не отлучаться...

— Неужели это правда?

— Сама видѣла.

— А вѣдь я, признаться, думалъ, что онъ вретъ это.

— Какое же вретъ! Сама видѣла. Мы, знаете ли сидимъ съ Анночкой, а человѣкъ вдругъ и входитъ. Здѣсь,—говоритъ,—живетъ студентъ Калистовъ? Да такимъ басомъ спросилъ, что я даже вздрогнула. Здѣсь, — говорю,—батюшка. Такъ скажите,—говоритъ,—ему,

чтобъ сейчасъ къ секретарю шелъ, очень, дескать, нужно. И потомъ, вдругъ, понизивъ голосъ, просвирня спросила меня:

— Да что, батюшка, у Петра-то Гаврилыча невѣста-то есть, что ли?

«Э! Такъ вотъ зачѣмъ ты позвала меня чай-то пить»,—подумалъ я,—«ну да добро же, я тебя поморочу.»

— Нѣтъ, — говорю, — нѣтъ еще.

— О чемъ же они думаютъ? — продолжала просвирня.

— Не знаю.

— Вѣдь священники-то холостые только въ нѣмецкихъ земляхъ бываютъ, а у насъ женатые. Пора бы позаботиться.

— Видно, — говорю, — не облюбовалъ еще.

— Такъ-съ, — проговорила просвирня и взглянула на Анночку.

Въ это самое время подъ окномъ послышалось веселое пѣніе. Просвирня узнала знакомый его голосъ и въ одну минуту бросилась встрѣчать Калистова. Анночка тоже вскочила съ мѣста и со свѣчкой въ рукахъ побѣжала на крыльцо.

Между тѣмъ, вѣсть о томъ, что секретарь присылалъ за Калистовымъ, немедленно распространилась по всѣмъ нашимъ. Всѣ приходили въ изумленіе и не знали, чему приписать такое вниманіе и благоволеніе. Нѣкоторые начали завидовать и сердиться на Калистова, называя его хитрымъ, низкопоклоннымъ; но какъ они ни сердились, а все-таки къ Калистову ходили и даже заискивали его протекціи. Калистова это забавляло, и мы, бывало, немало смѣялись надъ

всѣмъ этимъ. Владыка, между тѣмъ, все еще не поправлялся и, по отзыву доктора, выѣхать могъ нескоро. Помѣщица же старушка непремѣнно желала, чтобъ выстроенный ею храмъ былъ освященъ епископомъ. Стало быть, надо было ждать.

Въ такомъ-то положеніи были дѣла Калистова, когда получилъ я изъ деревни письмо, въ которомъ меня извѣщали, что матушка, простудившись во время мочки коноплей, не на шутку захворала. Я простился съ Калистовымъ, нанялъ лошадей и поскакалъ домой. Пріѣхалъ я черезъ сутки, и нашелъ, что матушка дѣйствительно больна; но такъ какъ у насъ въ селѣ есть у помѣщика больница и нѣмецъ лекарь, то, значитъ, больная была не безъ помощи и можно было надѣяться на выздоровленіе. Кромѣ того, въ болѣзни матушки принимала участіе и сама помѣщица: она каждый день ходила ее навѣщать и приносила чай, варенье; словомъ, всѣ ухаживали за матушкой. Пріѣздъ же мой помогъ лучше всякихъ ухаживаній. Не дальше, какъ на третій день, матушкѣ было гораздо лучше, но ѣхать въ городъ я все еще не рѣшался. Кромѣ того, удерживало меня также и то, что надо было молотить хлѣбъ, а такъ какъ у батюшки работника не было, то я и рѣшился помочь ему въ молотьбѣ.

Однажды, какъ-то батюшка куда-то уѣхалъ, и я былъ одинъ на гумнѣ; вдругъ, смотрю — идетъ Лиза.

— Богъ-помощь,—говоритъ,—Иванъ Степановичъ.

— Ахъ, это вы, Елизавета Николаевна,—говорю я:— какъ поживаете?

— Ничего, слава Богу. Это вамъ и нестыдно,—говоритъ, — Иванъ Степановичъ?

— Что такое?

— Да къ намъ не побывать!

— Да все недосугъ,—говорю.

— Какъ же,—говоритъ,—повѣрю я вамъ. Нѣтъ, ужь вы просто поспѣсивились. Да что это вы одни,—говоритъ, — молотите, дайте-ка я помогу вамъ.

Я было попросилъ ее не безпокоиться, да она и слушать не хотѣла, взяла цѣпъ и принялась молотить, и у насъ такая пошла работа, что просто прелесть, въ два цѣпа; да вѣдь какъ валяли-то, только пыль столбомъ летѣла.

— А я,—говоритъ Лиза, не переставая молотить,— нарочно къ вамъ пришла. Услыхала, что вы изъ города прiѣхали, и пошла. Что, какъ тамъ?

Я смекнулъ, въ чемъ дѣло.

— Это, — говорю, — на счетъ Петрухи?

— Да,— говоритъ, — на счетъ его. Что, какъ онъ здоровъ?

— Слава Богу, кланяться приказалъ.

— Спасибо... А письма нѣтъ?

— Давно ли онъ вамъ писалъ-то!

— Недавно-то, недавно, но я полагала, что съ вами еще напишетъ. А что мѣсто?

Я разсказалъ ей все подробно и разсказъ свой покончилъ тѣмъ, что, по всей вѣроятности, весьма скоро она будетъ уже «матушкой» въ селѣ Ивановкѣ.

Послѣ этого посѣщенiя, я видался съ Лизой почти каждый день; то она ко мнѣ завернетъ, то я къ ней. Ни въ чемъ не завидовалъ я Калистову: ни его успѣхамъ въ семинарiи, ни протекцiи, которую оказывалъ ему секретарь консисторiи, ни мѣсту, которое онъ получаетъ прежде другихъ, но въ отношенiи Лизы —

грѣшный человѣкъ, — зубы точилъ на него. Такъ я въ нее втюрился, какъ не можетъ втюриться самый отчаянный мальчишка. Не повѣрите ли, я даже съ ужасомъ помышлялъ о той минутѣ, когда Калистовъ, получивъ мѣсто, явится въ Скрябино и поведетъ къ вѣнцу Лизу. Теперь, конечно, я понимаю, что все это было глупо, гадко, ну, а тогда дѣло было иное.

Разъ какъ-то прихожу къ ней: смотрю, у крыльца пономарскаго домика стоитъ щегольская тележка, запряженная тройкою лошадей. Сбруя на лошадяхъ съ мѣдными бляхами, съ кистями, съ переметами, въ гривахъ вплетены разноцвѣтныя ленты, бубенчики такъ и громыхаютъ при малѣйшемъ движеніи лошадей.

— Кто это? — спрашиваю я у кучера.

— Свистуновъ, Николай Николаичъ.

Я даже ушамъ не повѣрилъ! Однако, все-таки вошелъ въ комнату и, дѣйствительно, увидалъ Свистунова, того самаго прикащика, къ которому приревновалъ Калистовъ Лизу. Онъ былъ одѣтъ франтомъ, въ поддевкѣ, въ бархатныхъ шароварахъ, лаковыхъ сапогахъ, въ шелковой рубахѣ, въ воротникѣ которой блестѣла какая-то, особенно бросавшаяся въ глаза, запонка, ну, просто, молодецъ-молодцомъ. И самъ-то по себѣ онъ былъ красавецъ... высокій, статный, стройный, съ черными кудрявыми волосами, съ большущими синими глазами... Когда я вошелъ въ комнату, Лиза провожала Свистунова...

— Ну, счастливо оставаться! — говорилъ Свистуновъ: — коли такое дѣло, то видно намъ прохлаждаться здѣсь нечего... Прощайте, Лизавета Васильевна...

— Прощайте, Николай Николаичъ...

— А можетъ, надумаете еще...—проговорилъ Свистуновъ: — коли надумаете, дайте вѣсточку, мигомъ прилетимъ, соколомъ упадемъ!

— Нѣтъ, ужь не ждите...

— Напрасно-съ, ей-ей напрасно-съ!.. Итакъ прощайте-съ...

И крѣпко пожавъ Лизѣ руку, онъ вышелъ, вскочилъ въ тележку и полетѣлъ, именно, быстрѣе сокола.

— Поздравьте! — говорила, между тѣмъ, Лиза, обращаясь ко мнѣ.

— Съ чѣмъ? — спрашиваю.

— Съ женихомъ.

Я даже ужаснулся.

— Что это значитъ?

— Свататься пріѣзжалъ.

— Кто?

— Свистуновъ.

— Какъ? — спрашиваю.

— Извѣстно, какъ сватаются-то! — просилъ моей руки. «Охота, говоритъ, вамъ за кутейника выходить, попадьей весь вѣкъ прокоптить! То ли дѣло купеческой женой сдѣлаться. Я, говоритъ, теперь въ купцы приписался, гильдію плачу, у помѣщика Заборина 500 десятинъ лѣсу купилъ, мельницу у него же въ аренду снялъ на 12 лѣтъ. Крупчатка важная, шесть тысячъ доходу даетъ. А ужь какой, говоритъ, домикъ при мельницѣ... заглядѣнье просто!.. Свѣтленькій, чистенькій, о пяти комнатахъ... Подъ самыми окнами рѣка шумитъ, а кругомъ зеленый лѣсъ стонетъ... Заживете, говоритъ, словно въ сказкахъ царевны прекрасныя... кони у васъ будутъ вихря быстрѣй, кушать будете сладко, наряжать буду въ парчи да въ бар-

хать, почивать на лебяжьемъ пуху, ни въ чемъ отказа не будетъ! А отцу, говоритъ, вашему хоть сейчасъ за васъ триста монетъ оставлю! Свадьбу, говоритъ, сыграемъ знатную, хмѣльную, шумную, съ музыкой, пѣснями... чтобы недѣли три въ чаду ходить.

— Что за чепуха! — говорю.

— Нѣтъ, не чепуха! — крикнула Лиза, а сама подбоченилась, да таково то насмѣшливо глянула на меня, да такъ-то захохотала, что у меня мурашки по тѣлу пробѣжали.

— Чѣмъ же все это кончилось? — спрашиваю.

— Извѣстно чѣмъ... поклонилась я ему низехонько отъ лица до сырой земли и сказала: — спасибо тебѣ, добрый молодецъ, свѣтъ Николай Николаевичъ, за твою любовь, за ласку да за доброе слово. Родилась я на свѣтъ не царевной, а простой поповной... Не къ лицу мнѣ парча да бархатъ, жизнь купецкая... не мнѣ на твоихъ коняхъ кататься, не мнѣ въ твоихъ теремахъ жить и спать на пуху лебяжьемъ... У меня есть суженый иной, а у тебя будетъ иная. Спасибо, добрый молодецъ, свѣтъ Николай Николаевичъ.»

И, проговоривъ это, Лиза захохотала.

Вдругъ, въ эту самую минуту, дверь распахнулась, и въ комнату вбѣжалъ Калистовъ.

Мы даже вскрикнули оба при видѣ его, а онъ, увидавъ Лизу, такъ и повисъ у нея на шеѣ.

— Нѣтъ, — говоритъ онъ: — вытерпѣть не могъ, чтобы не повидаться съ тобой.

И нимало немедля, разсказалъ, что владыка оправился, что онъ скоро выѣдетъ и что секретарь, увѣдомивъ его объ этомъ, просилъ его, Калистова, зайти

къ нему въ слѣдующую пятницу для окончательныхъ объясненій и для написанія прошенія.

И затѣмъ, вынувъ поспѣшно изъ кармана какое-то письмо и подавая его мнѣ, прибавилъ:

— На, читай... да только читай громко, чтобы всѣ слышали.

Это было письмо отъ «благомыслящаго человѣка». Письмо это я помню отъ слова до слова. Вотъ, что писалъ онъ: «Его преосвященство, милостію Божьею, оправился совершенно и чувствуетъ себя настолько сильнымъ, что въ непродолжительномъ будущемъ предпринимаетъ поѣздку по епархіи и, между прочимъ, въ село Ивановку для освященія вновь сооруженнаго тамъ храма. Посему предлагаю вамъ въ будущую же пятницу, въ семь часовъ вечера, пожаловать ко мнѣ для окончательныхъ объясненій и для написанія прошенія о назначеніи васъ священникомъ на упомянутое мѣсто. Освященіе будетъ совершено 1 октября, а посему вамъ необходимо поторопиться, чтобы имѣть время сочетаться бракомъ и быть посвященнымъ въ діакона. Посвященіе въ іерея будетъ совершено владыкой въ день освященія того храма, служеніе въ которомъ вамъ назначено мною».

— Что, каково! — вскрикнулъ Калистовъ, когда я докончилъ письмо.

— Такъ, стало быть, недѣли черезъ двѣ ты будешь мой! — проговорила Лиза.

— Твой, твой.

— А 1 октября мы будемъ уже въ Ивановкѣ.

— Да, въ Ивановкѣ.

И, перемѣнивъ тонъ, онъ прибавилъ:

— Я разсчиталъ, что къ пятницѣ я успѣю еще вернуться въ городъ, и потому какъ только получилъ письмо, нанялъ на послѣднюю трешницу подводу и маршъ сюда, къ тебѣ, моя дорогая, моя суженая, жизнь моя.

Вернулся пономарь, ѣздившій куда-то, прочли еще разъ письмо секретаря, поставили самоваръ, и счастливая семья принялась ликовать, празднуя полученіе радостной вѣсти. Одинъ только я не раздѣлялъ этой радости и, глядя на счастливое и довольное лицо Лизы, внутренно завидовалъ Калистову и велъ себя чрезвычайно подло. Мнѣ было досадно это счастье, мнѣ казалось противнымъ оно, и потому ничего нѣтъ удивительнаго, что я поспѣшилъ распроститься со всѣми и пошелъ домой. Калистовъ проводилъ меня до крыльца.

— Что же, вмѣстѣ въ городъ-то поѣдемъ? — спросилъ онъ меня.

— Конечно, вмѣстѣ.

— Только помни, что въ пятницу я долженъ быть у секретаря, слѣдовательно, выѣхать необходимо въ среду.

— Такъ и выѣдемъ! — проговорилъ я.

И мы еще разъ простились.

Однако, домой я въ этотъ день не попалъ и вмѣсто дома угодилъ, куда бы вы думали?—на мельницу къ Свистунову. Случилось, впрочемъ, это нежданно-негаданно. Встрѣтился я съ Свистуновымъ въ лавочкѣ, въ которую вошелъ купить себѣ табаку. Разговорился съ нимъ, и такъ какъ онъ былъ сильно подкутивши, то кончилось тѣмъ, что онъ силой посадилъ меня на свою тройку и помчалъ къ себѣ на мельницу.. Какъ

домчались мы до этой мельницы, я не помню, ибо, не будучи привыченъ къ быстрой ѣздѣ, я какъ-то замеръ и потерялъ сознаніе. Я помню только, что мы мчались, какъ вихорь; помню, что, выѣзжая изъ села, мы встрѣтили Калистова и Лизу; помню, что Калистовъ махалъ рукой, кричалъ что-то, но что именно, разобрать не могъ, ибо слова его заглушались громомъ бубенцовъ, стукомъ колесъ, а пуще всего неистовымъ гикомъ Свистунова. Что-то дикое даже было въ этой скачкѣ... словно насъ преслѣдовали, словно мы совершили что-то такое, требующее кары, и намъ необходимо было ускакать, укрыться гдѣ-нибудь, чтобы избѣжать преслѣдованій...

Я опомнился только тогда, когда домчались мы до мельницы и когда тройка, покрытая пѣной, храпя и дрожа, стала у крыльца мельничнаго дома.

— Пожалуйте! — крикнулъ Свистуновъ: — милости просимъ-съ.

Выбѣжала на крыльцо какая-то дѣвушка, красивая, статная, въ русскомъ костюмѣ, въ шелковомъ платочкѣ на головѣ, бросилась было встрѣчать Свистунова, но, увидавъ меня, запнулась.

— Рекомендую! — кричалъ, между тѣмъ, Свистуновъ, схвативъ дѣвушку за руку и подводя ее ко мнѣ: — рекомендую, Паша! возлюбленная моя! больше отъ скуки держу... но дѣвка все-таки ничего, съ огонькомъ.

И потомъ, обратясь къ дѣвушкѣ и хлопнувъ ее по плечу, прибавилъ:

— Ну, Пашка, маршъ!.. Ставь угощенье... Что есть въ печи, на столъ мечи... Чтобы пирушка была на славу, а главное, чтобы не было скучно... Грусть-

кручина одолѣла меня, такъ хочу ее размыкать, разметать по воздуху. Соня здѣсь?

— Здѣсь.

— А Варя здѣсь?

— И Варя здѣсь.

— Ладно! тащи же ихъ всѣхъ... да смотри, чтобы пѣсни намъ пѣли, чтобы плясали передъ нами... Слышишь?

— Что больно расходился? — вскрикнула дѣвушка.

— Не спрашивай, убью!

— Ахъ, страсти какія!.. Не пожалѣешь денегъ, такъ и весело будетъ.

— Денегъ? — крикнулъ Свистуновъ.

— Извѣстно.

— Такъ на же тебѣ, бери, подлая, — проговорилъ онъ, бросивъ кошелекъ чуть не въ лицо дѣвушкѣ: — да смотри у меня...

— Небось!.. спасибо скажешь... разутѣшимъ. — И, поднявъ кошелекъ, дѣвушка бросилась въ домъ.

Предоставляю вамъ судить самимъ, каково провелъ я на мельницѣ тотъ вечеръ и ту ночь. Теперь мнѣ совѣстно вспомнить низкое и подлое поведеніе мое, но тогда — тогда дѣло было иное. Мнѣ все нравилось тогда, все было по душѣ. Мучимый ревностью, я смотрѣлъ на дикаго Свистунова съ какимъ-то благоговѣніемъ. «Вотъ она, широкая-то русская натура, — думалъ я: — вотъ онъ тотъ богатырь-то сказочный полный жизни, энергіи, самоотверженія и доблести, которымъ восхищается русскій народъ!» И глядя на него, я припомнилъ фигуру Калистова. И тогда Калистовъ рисовался мнѣ чѣмъ-то ничтожнымъ, дряблымъ, безжизненнымъ, и не скрою, чѣмъ-то даже

гадкимъ и подлымъ. А кругомъ меня—пѣсни, крики, громыханье бубна, звуки торбона, топанье ногъ... Вино, льющееся рѣкою, объясненія страстныя, жгучіе поцѣлуи... Оргія въ полномъ разгарѣ... а изъ раствоṕенныхъ оконъ врывался гулъ лѣса, и я пилъ, я пѣлъ, я плясалъ и затѣмъ отдыхалъ въ объятьяхъ Вари...

Только въ двѣнадцать часовъ проснулся я на другой день.

— Вотъ такъ *отчубучили!* — кричалъ Свистуновъ надъ моей постелью. —Вставай, пойдемъ опохмѣлиться...

Цѣлыхъ три дня прожилъ я у Свистунова, и съ каждымъ днемъ онъ становился мнѣ все милѣе и милѣе, а отъ его мельницы и рощи я просто въ восторгъ пришелъ. И дѣйствительно, было чѣмъ восторгаться. Домикъ на самомъ обрывѣ рѣки, свѣтлый, чистенькій; рядомъ крупчатка, стонущая снастями подъ напоромъ воды, а кругомъ лѣсъ, березовый, весь пронизанный зелеными лучами солнца... Тихо, молчаливо, далеко отъ всего живаго, и дѣлай тамъ, что хочешь, никто не услышитъ и не увидитъ...

— Хорошъ пріятель! нечего сказать! — говорилъ мнѣ Калистовъ, когда, въ среду, я завернулъ къ нему, съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ городъ.

— Хорошъ, правда! — говорила Лиза.

— Что такое? — спрашиваю.

— И всѣ такъ-то дѣлаютъ! — перебилъ меня Калистовъ: — съ врагомъ моимъ связался.

— Съ какимъ это?

— Да съ Свистуновымъ-то... Человѣкъ дѣлалъ предложеніе моей невѣстѣ, а онъ,— мой пріятель-то,— съ нимъ дружбу свелъ...

— Хорошъ! хорошъ! — упрекала Лиза.

— И нашелъ связаться съ кѣмъ! — говорилъ пономарь: — съ воромъ...

— Какой-же онъ воръ?

— Извѣстно, воръ, коли своего хозяина обокралъ... Откуда-же у него деньги-то!.. Честнымъ-то трудомъ въ три года такъ не разбогатѣешь...

— Да чего! — подхватила Лиза, обращаясь къ отцу: — чуть не задавили насъ... Мы гулять ходили, а они мчатся... Петя кричитъ ему: «постой! постой!» а онъ хоть-бы поклонился...

Но я не слушалъ ихъ... Я все еще былъ тамъ, въ благоухавшемъ лѣсу, въ свѣтломъ домикѣ молодца Свистунова, среди дикихъ плясокъ и пѣсенъ,— и тишина пономарской лачуги словно давила меня.

Въ городъ пріѣхали мы въ пятницу утромъ, а вечеромъ я зашелъ къ Калистову; онъ былъ уже совсѣмъ одѣтъ и собирался къ секретарю...

Но вотъ что́ случилось съ Калистовымъ въ тотъ день, который былъ, по-истинѣ, послѣднимъ счастливымъ днемъ его жизни. Насколько до того времени все ему благопріятствовало, настолько съ того дня все стало грозить ему неминуемой бѣдой. Сто́итъ только разъ попасть подъ немилость судьбы, какъ одна бѣда не замедлитъ смѣниться другой. Съ того дня Калистовъ навѣки простился съ счастьемъ. Онъ потерялъ вѣру, потерялъ надежду, и губительный потокъ этотъ увлекъ его далеко. Главное, бѣда состояла въ томъ, что удары судьбы попали прямо въ сердце Калистова и поразили самыя дорогія, самыя святѣйшія его богатства, безъ которыхъ Калистовъ не могъ существовать, потому что эти богатства и составляли все его существованіе.

Но возвращаюсь къ разсказу.

Распростившись со мною, отправился Калистовъ къ секретарю. Человѣкъ встрѣтилъ его чуть-ли не на крыльцѣ.

— Ну, Петръ Гаврилычъ,— проговорилъ онъ,— ужь я бѣжать за вами хотѣлъ; баринъ васъ ждетъ, не дождется, пожалуйте въ кабинетъ.

Калистовъ поспѣшилъ войдти. «Благомыслящій человѣкъ» сидѣлъ въ вольтеровскихъ креслахъ и курилъ «свою сигару». Лицо его было бѣло и чисто, волосы приглажены, брилліантовые перстни въ полномъ блескѣ. Станиславъ такъ и покоился на бѣлой, какъ снѣгъ, сорочкѣ. Увидавъ Калистова, «благомыслящій человѣкъ»» пріятно улыбнулся и, протянувъ руку, проговорилъ мягкимъ голосомъ:

— Ну, Петръ Гаврилычъ, вотъ и наше дѣло кончено. Покорнѣйше прошу садиться и выслушать меня: преосвященный выздоровѣлъ... Намъ остается только написать прошеніе, которое вы должны сегодня-же подать преосвященному; мѣшкать нéчего.

— Я боюсь, какъ-бы не отказалъ онъ мнѣ, Финогенъ Андреевичъ,— проговорилъ Калистовъ.— Быть-можетъ, преосвященный имѣетъ въ виду кого-нибудь другаго на это мѣсто.

— Пожалуйста, не безпокойтесь и надѣйтесь на меня,— перебилъ его «благомыслящій человѣкъ».— Я поѣду къ преосвященному вслѣдъ-же за вами, и мы уладимъ все сегодня-же; я вамъ ручаюсь.

— Я не знаю, кàкъ и благодарить васъ, Финогенъ Андреевичъ, за всѣ ваши благодѣянія,— проговорилъ Калистовъ, приподнимаясь со стула.

— Благодарите самого себя, а не меня. Вы такъ

хорошо учились, всегда были столь хорошаго поведенія, что наше дѣло искать такихъ студентовъ: давайте намъ побольше такихъ священниковъ.

Калистовъ снова привсталъ съ мѣста и съ торжествующимъ лицомъ снова поблагодарилъ своего высокаго покровителя. Въ это самое время дверь отворилась, и въ кабинетъ вошла дѣвушка лѣтъ двадцати, въ ситцевомъ сарафанѣ и съ подносомъ въ рукахъ. «Благомыслящій человѣкъ» взялъ стаканъ и кивнулъ на Калистова; дѣвушка вышла и черезъ минуту снова воротилась, неся на подносѣ еще стаканъ чая.

— Не прикажете-ли? — проговорилъ «благомыслящій человѣкъ».

— Итакъ,— началъ онъ, когда дѣвушка вышла:— давайте писать прошеніе. Только я вамъ долженъ сказать, что мѣсто это я дамъ тому только, кто захочетъ мнѣ сдѣлать слѣдующее маленькое одолженіе.

Калистовъ вдругъ отчего-то вздрогнулъ, да и было отчего, потому что минута эта была началомъ его бѣдствій. «Благомыслящій человѣкъ» замѣтилъ это и пріятно улыбнулся.

— Вы испугались? не бойтесь, не бойтесь. Одолженіе, о которомъ я упомянулъ, самое ничтожное. Вотъ видите-ли, въ чемъ дѣло: — я буду говорить съ вами, какъ съ роднымъ сыномъ. У меня есть одна дѣвушка, которую мнѣ хотѣлось-бы пристроить. Она очень недурна, очень молода, а главное, имѣетъ порядочное приданое,— 600 рублей. Для перваго обзаведенія,— это весьма недурно. Вы человѣкъ бѣдный, и для васъ это будетъ большою помощью. Какъ вы хотите, надобно-же начать чѣмъ-нибудь. Словомъ,

дѣвушка эта та самая, которая сейчасъ подавала намъ чай.

Калистовъ такъ и обомлѣлъ.

— Она, дочь кормилицы моей старшей дочери,— продолжалъ, между-тѣмъ, съ прежнимъ спокойствіемъ, «благомыслящій человѣкъ». Дѣвушка она кроткая, смирная, грамотная, и будетъ прекрасною женою. Я вамъ открою больше... это незаконная дочь моя. Вотъ, если угодно, давайте писать прошеніе, и я въ одинъ ударъ сдѣлаю два добрыхъ дѣла.

— Финогенъ Андреичъ!, — почти вскрикнулъ Калистовъ: — у меня есть невѣста.........

Какъ вышелъ Калистовъ изъ кабинета «благомыслящаго человѣка» и какъ дошелъ онъ до своей квартиры, я не берусь разсказывать вамъ; скажу только тó, что, войдя въ комнату, онъ упалъ на постель и горько, горько зарыдалъ. Калистовъ зналъ, что дѣлать было нечего, что противъ секретаря ничего не сдѣлаешь. Въ мигъ исчезли всѣ мечты, картины счастливой будущности,— и Калистова съ той минуты нельзя было узнать. Куда дѣвалась веселость, куда дѣвалась энергія?

Дня черезъ два послѣ описаннаго, я зашелъ къ Калистову. Дѣло было уже вечеркомъ, погода была ненастная. Я вошелъ въ комнату, но она была пуста; я пошелъ къ просвирнѣ.

— Гдѣ Калистовъ? — спросилъ я ее.

— А! Иванъ Степанычъ!— почти вскрикнула она. — А ужь я къ вамъ идти хотѣла.

— Что такое?

— Да какъ-что? Вѣдь, Петръ Гаврилычъ пропалъ.

— Какъ пропалъ?

— Да такъ. Вотъ ужь цѣлыхъ двое сутокъ нѣтъ его. Я не знаю, что мнѣ и дѣлать, весь городъ обѣгала искавши.

— Быть не можетъ?

— И что̀ всего хуже, видѣли его чуть живымъ,— пьянымъ.

— Вздоръ! — вскрикнулъ я.

— Пьянымъ, вѣрно-съ.

— Кто-же видѣлъ его?

— Да мой нахлѣбникъ, Мироносецкій. Не знаю, что̀ и дѣлать, и Аннычка-то еще такъ долго не идетъ.

— А она-то гдѣ?

— Да послала ее Петра Гаврилыча искать. И вѣдь погода-то, на грѣхъ, какая, и дождь, и вѣтеръ, и темнеть, хоть глазъ выколи; какъ разъ, пожалуй, въ рѣку свалится хмѣльной-то. Что я буду дѣлать безъ него, грѣшная, старая, беззащитная!

Въ это самое время вошла Анночка, вся мокрая.

— Ну что̀? — спросили мы ее почти въ одинъ голосъ.

— Нѣтъ,— проговорила она, опускаясь на стулъ: — не нашла. Только,— говоритъ,—и могла узнать, что Петръ Гаврилычъ утромъ были въ трактирѣ Сизополь съ богословами, которыхъ вчера въ стихарь посвящали.

— Да какъ онъ попалъ-то къ нимъ?

— Встрѣтился, вишь. Они ходили поздравлять другъ-друга съ *благодатью,* да и подкутили, а подкутивши, пошли цѣлою компаніею въ Сизополь, машину слушать да остальныя деньги докучивать. Петръ Гаврилычъ встрѣтился имъ, они его и затащили.

Я разспросилъ, кто были эти богословы, и, немедля ни минуты, бросился по ихъ квартирамъ; — но поиски

мои остались тщетными,— богослововъ никого не засталъ я дома; бѣгалъ къ архіерейскимъ пѣвчимъ, такъ-какъ я зналъ, что у нихъ постоянно идетъ гульба, но и у пѣвчихъ не нашелъ я Калистова. Оставалось еще обѣжать трактиры; не смотря на дождь, сильный вѣтеръ, я рѣшился обойти ихъ, но Калистова нигдѣ не нашелъ. Идти было нéкуда, надо было отложить поиски до слѣдующаго дня.

Вдругъ чья-то рука ударила меня по плечу; я обернулся и увидѣлъ передъ собою одного своего товарища, Кустодіева.

— Здравствуй, братъ,— проговорилъ онъ.

Я поздоровался.

— Поздравь,— говоритъ, меня.

— Съ чѣмъ? — говорю.

— Мѣсто получилъ.

— Какое?

— Конечно, священническое

— Куда это? — спрашиваю.

— Въ Ивановское.

— Такъ это ты, счастливчикъ, — говорю.

— Да, — говоритъ, — я.

— Ну, — говорю, — поздравляю тебя съ этимъ счастьемъ.

— Спасибо, братъ, спасибо.

— Счастье,— говорю,— воробей,— поймать трудно.

— Нѣтъ, я, — говоритъ, — поймалъ.

— А Калистова не видалъ?

— Нѣтъ,— говоритъ,— видалъ. Мы съ нимъ вмѣстѣ пили...

— Гдѣ-же онъ?

— А вотъ тутъ, въ переулкѣ, пьяный, валяется.

Я все время велъ его подъ руку, но наконецъ утомился и бросилъ... Хочешь, я доведу тебя до него.

— Веди.

Мы пошли, и немного погодя, я увидалъ валявшагося Калистова, безъ чувствъ, пьянымъ, оборваннымъ и выпачканнымъ въ грязи. Я сталъ будить его, но онъ не просыпался; я крикнулъ извощика, взвалилъ Калистова на дрожки и повезъ домой.

Калистовъ запилъ, и запилъ безъ просыпа.

Но этимъ еще не кончается несчастная исторія Калистова. Ему суждено было встрѣтить еще одинъ ударъ неумолимой судьбы, котораго, впрочемъ, не вынесъ Калистовъ, и подъ которымъ палъ окончательно, уже обезсиленный и изнуренный.

Прошло нѣсколько дней; Калистовъ не переставалъ пить. Между тѣмъ, помѣщикъ, у котораго онъ училъ сына, встрѣтивъ какъ-то Калистова пьянымъ, отказалъ ему и взялъ другаго. Какія были у Калистова деньги, онъ пропилъ, а погода тѣмъ временемъ становилась все холоднѣе и холоднѣе; сюртукъ-же поизодрался, нижнее платье тоже, а теплаго пальто или шинели вовсе не было. Не доставало одного, чтобъ просвирня выгнала его изъ квартиры, но она этого не сдѣлала, а напротивъ, еще пуще стала приголубливать Калистова. Анночка тоже около него ухаживала, и наконецъ, дѣло дошло до того, что сшили ему сюртукъ, шинель, сапоги съ калошами, жилетъ и нижнее платье, все, какъ слѣдуетъ, обули и одѣли парня съ ногъ до головы.

«Послѣ, когда-нибудь, отдадите», — говорила просвирня.

Увидавъ все это, я окончательно струсилъ. Въ

одну минуту пришли мнѣ на память всѣ мои подозрѣнія, подслушанный разговоръ въ чуланѣ и всевозможныя ухищренія просвирни,—втянуть Калистова въ свое общество. Но было уже поздно, я не видался больше съ Калистовымъ. Просвирня поступила какъ тонкій политикъ. Она въ одну минуту поняла, что настоящее бѣдственное положеніе Калистова есть самая удобная минута дать ему генеральное сраженіе. Она смекнула, что мѣшкать нечего, что, чѣмъ рѣшительнѣе и быстрѣе будетъ ударъ, тѣмъ вѣрнѣе будетъ ея побѣда. И она начала съ того, что отдалила отъ Калистова всѣхъ его товарищей, то-есть всѣ свои непріятельскія арміи, и поссорила съ нимъ меня, заклятаго врага своего, опутавъ, между-тѣмъ, окончательно бѣднаго Калистова. Во что бы то ни стало, рѣшилась она женить его на Анночкѣ. Она не боялась, что выдаетъ дочь за пьяницу, потому-что была, какъ видно, твердо убѣждена, что пьянство это есть временное, что оно пройдетъ, и что, рано или поздно, она будетъ имѣть въ Калистовѣ крѣпкую опору, подъ которой она смѣло можетъ сложить съ себя хлопоты и заботы и спокойно донести свои измученныя кости до гробовой крышки.

Итакъ, она отдалила отъ Калистова всѣхъ его товарищей и еще больше принялась угождать ему. Водка, единственная потребность, въ то время, Калистова, играла первую роль, она не сходила со стола, и Калистовъ сталъ почти безвыходно проводить время у просвирни. Исторія эта тянулась съ недѣлю, какъ вдругъ вотъ что случилось съ Калистовымъ.

Однажды, пришелъ онъ къ просвирнѣ. Подали водки; онъ, рюмку за рюмкой, да и натянулся. Въ

головѣ закружилось, и что было дальше, онъ не помнилъ. Заснулъ онъ. Только, вотъ проснулся-то не на стулѣ, а на кровати, рядомъ съ просвирниной дочкой, которая, какъ быть, лежала возлѣ него въ одной сорочкѣ. Калистовъ вскочилъ, перепугался, да ужь поздно, потому что въ дверяхъ стояла просвирня со свидѣтелями.

— Вотъ,— говоритъ она: — смотрите, добрые люди, какъ обезчестилъ мою дочь, будьте свидѣтелями...

Дѣло было поставлено такъ, что Калистовъ долженъ былъ въ тотъ-же день повѣнчаться съ просвирниной дочкой.

Узналъ я про это на другой день, и въ ту-же минуту поскакалъ въ Скрябино, но уже не съ тѣми подлыми чувствами, съ которыми я былъ тамъ нѣсколько дней тому назадъ, а съ чувствомъ тоски, отчаянія и скорби. Я былъ убитъ, уничтоженъ, я терзался за Калистова... Я захворалъ просто... Я болѣлъ и тѣломъ, и душею, я словно похоронилъ его, и теперь, ѣдучи въ Скрябино, словно, возвращался съ погоста, съ только-что засыпанной могилы друга. Пріѣхалъ я въ Скрябино утромъ, Лиза выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу. Она словно предчувствовала горе.

— Ну? — вскрикнула она. — Ну? — повторила она.

Я не зналъ, что отвѣтить ей.

— Онъ-то, гдѣ-же?

— Его нѣтъ.

— Когда-же?..

Вышелъ пономарь.

— Одинъ? — спросилъ онъ.

— Одинъ.

— А Петръ Гаврилычъ?

— Да говорите-же вы, наконецъ! — вскрикнула Лиза. —Что онъ, захворалъ что-ли? Пятница давно прошла, я все письма ждала отъ него, и до сихъ поръ нѣтъ ничего... Захворалъ, что-ли, онъ?..

Ужь я, признаться, даже и не помню, какъ передалъ я Лизѣ о всемъ случившемся съ Калистовымъ; помню только, что Лиза, услыхавъ про женитьбу жениха своего, какъ-то вытянулась, поблѣднѣла, сдвинула брови и словно окаменѣла. Глупый пономарь разразился бранью, хотѣлъ было ѣхать къ архіерею; грозилъ Калистова разорвать на части, собрался было искать защиты передъ судомъ, но Лиза остановила его, и рѣшительно объявила ему, что если онъ не перестанетъ кричать и шумѣть, то она сейчасъ-же уйдетъ изъ дома. Я глазъ не сводилъ съ Лизы и, глядя на нее, ужасался. Словно истуканъ, она стояла посреди комнаты, словно разсудка лишилась... и хоть-бы одна слезинка выкатилась у нея изъ глазъ... Только вечеромъ, когда я собирался было уѣхать домой, она остановила меня.

— Нѣтъ, вы не уходите! — проговорила она, да такимъ голосомъ, что у меня даже мурашки по тѣлу забѣгали.

— Что съ вами?—спросилъ я, взглянувъ ей въ глаза. И только тогда замѣтилъ, что глаза эти не то остолбенѣли, не то растерянно смотрѣли вокругъ. — Что съ вами?

— Ничего.

— Нѣтъ, вы больны, Лиза, вамъ нехорошо...

— Останьтесь ночевать...

— Не послать-ли за фельдшеромъ?

— Нѣтъ.

И, проговоривъ это, она ушла молча въ свою комнату.

На другой день, рано утромъ, Лиза разбудила меня, я открылъ глаза и не хотѣлъ вѣрить имъ. Передо мною стояла Лиза, веселая, смѣющаяся, разодѣтая, расфранченная и прекрасная, какъ никогда.

— Ну,— проговорила она: — теперь я совсѣмъ здорова. Ну что, — хороша я въ этомъ нарядѣ, а? говорите-же скорѣе, хороша... Да говорите-же... Ну, чего вы молчите-то...

И опять ужасъ объялъ меня.

— Что съ вами, Лиза?

— Нѣтъ, ничего.

— Нѣтъ, у васъ что-то не то...

— А вѣдь я къ вамъ съ просьбой! — вскрикнула она, не слушая меня.

— Что такое?

— Исполните?

— Если возможно, то конечно...

— Нѣтъ, говорите прямо...

— Я прямо и говорю.

— Исполните?

— Ну... исполню.

— Такъ одѣвайтесь-же и проводите меня къ Свистунову.

— Что вы, Лиза, Господь съ вами! — чуть не кричалъ я...

Но Лиза ничего и слушать не хотѣла. Она закрыла глаза, заткнула уши, и требовала, чтобы я шелъ съ нею... Что было дѣлать? Я сначала отказался, но когда Лиза, услыхавъ мой отказъ, объявила, что она пойдетъ одна, мнѣ вдругъ стало жаль ее. Я рѣшился

идти съ нею, думая дорогой образумить ее... Я думалъ, что все это одна только вспышка, капризъ, оскорбленное самолюбіе, припадокъ ревности, мести, злобы. Но вышло на дѣлѣ, что хотя поступокъ Лизы и былъ дѣйствительно капризомъ мести и злобы, но припадокъ этотъ она довела до конца. Мы не шли, а буквально бѣжали по дорогѣ, ведущей на мельницу, и чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ сильнѣе укрѣплялась въ ней рѣшимость на задуманное ею... Лицо ея горѣло, глаза искрились, тонкія ноздри дрожали, грудь поднималась высоко, растрепавшіеся волосы выбивались изъ-подъ платочка и прямо падали на плеча. «Лиза, Лиза, что вы дѣлаете, опомнитесь!» — говорилъ я ей, но она даже и вниманья не обращала на мои слова. Она словно не слыхала ихъ и продолжала бѣжать... Наконецъ, мы достигли цѣли. Она быстро впорхнула въ домъ, и въ первой-же комнатѣ встрѣтилась съ Свистуновымъ.

— Ну, добрый молодецъ, свѣтъ Николай Николаичъ! — вскрикнула она. — Вотъ и я въ теремахъ твоихъ... Слову своему я не измѣнщица... Женой твоей не буду, а любовницей, коли хочешь, пожалуй. Только знай, что не любовь къ тебѣ привела меня сюда, не парча золотая, не бархатъ шелковый, не камни самоцвѣтные, нѣтъ, не то, не то!.. Но тебѣ до всего этого дѣла нѣтъ... Я по глазамъ вижу, чего тебѣ надо... Ну... показывай-же, гдѣ у тебя пухъ-то лебяжій... Клади меня на него, я отдохнуть хочу!..

Цѣлую недѣлю прожила Лиза на мельницѣ, но замужъ за Свистунова все-таки не вышла. Черезъ недѣлю она снова вернулась въ Скрябино, сшила себѣ черное монашеское платье и повела жизнь «чернички».

Она не пропускала ни одной обѣдни, ни одной заутрени, ни одной вечерни, читала надъ покойниками псалтырь, ухаживала за больными, а съ наступленіемъ весны отправлялась на богомолье. Она была въ Воронежѣ, въ Кіевѣ, въ Москвѣ, побывала во всѣхъ монастыряхъ и пустыняхъ, и жизнь такую ведетъ до сихъ поръ... Я нѣсколько разъ былъ у Лизы, но это уже была не та Лиза, которую я зналъ прежде. Изъ веселой и рѣзвой, она сдѣлалась серьезной, угрюмой и даже ханжей, въ полномъ смыслѣ этого слова. Она жила не въ домѣ отца, а на огородѣ, въ банѣ, передѣлавъ ее на какую-то келью. Стѣны этой кельи были увѣшаны иконами; въ переднемъ углу стоялъ налой, и стоя передъ этимъ налоемъ, она читала церковныя книги. Калистова я потерялъ изъ виду, и только въ прошломъ году удалось случайно встрѣтить его на ярмаркѣ, въ Лопуховкѣ. Случилось это такъ: прохожу мимо кабака... Смотрю, народъ столпился, и весь этотъ народъ все что-то на кабакъ смотритъ. Что такое?—думаю себѣ. Смотрю, и что-же? Стоитъ въ дверяхъ кабака Калистовъ и играетъ на гитарѣ, а лицо такое испитое и сюртучишка рваный. Я остановился, смотрю, что-то будетъ. Боже мой! И игралъ-же онъ только въ то время!! Ужь я на что дубоватъ на этотъ счетъ, да и то прослезился... Игралъ тихо, тихо, и точно какъ онъ не игралъ, а плакалъ... Глаза его, полные слезъ, такъ и горѣли, блѣдныя губы дрожали, онъ смотрѣлъ на чистое и открытое небо, а между-тѣмъ пальцы его такъ и бѣгали по струнамъ. Вдругъ онъ сдѣлалъ акордъ и запѣлъ что-то.

Кончилъ онъ пѣть, и что же? Взялъ фуражку и пошелъ по мужикамъ собирать деньги, ходитъ, да и

приговариваетъ: «на бѣдность, на бѣдность, братцы, не дайте умереть съ голода!» Ну, разумѣется, кто грошъ, кто копѣйку... Подходитъ и ко мнѣ, протянулъ картузъ, да какъ взглянулъ мнѣ въ лицо-то... Э! да что и говорить про это!..

Послѣ вечеромъ пришелъ онъ ко мнѣ на квартиру и разсказалъ, что онъ вышелъ изъ духовнаго званія; что жилъ въ нѣсколькихъ трактирахъ въ качествѣ музыканта, но что жить на одномъ мѣстѣ ему тяжело... Вотъ вамъ и все. Гдѣ жена, — не знаю, впрочемъ, слышалъ, что живетъ въ Воронежѣ, просвирня же давно померла.

— Ну и царство ей небесное! — крикнулъ становой и потомъ вдругъ прибавилъ: — господа, пожалуйте! ботвинья готова. Пока краснобай этотъ разсказывалъ намъ исторію своего пріятеля, я имѣлъ достаточно времени, чтобы въ точности выполнить все, что только предписывается поварами для изготовленія самой отличнѣйшей ботвиньи. Я перетолокъ лукъ съ солью, я натеръ на теркѣ нѣсколько огурцовъ, накрошилъ укропу, подбавилъ къ щавелю нѣсколько горчицы и сахару, нарѣзалъ ломтями балыкъ и осетрину и даже натеръ для любителей хрѣну и все это развелъ квасомъ. Теперь прошу вооружиться ложками и принииматься за ботвинью. Думаю, что стряпня моя вамъ понравится...

Всѣ взялись было за ложки, какъ вдругъ подошелъ старикъ хозяинъ.

— Батюшка, Петръ Николаичъ! — проговорилъ онъ, падая въ ноги...—У меня все готово... покойникъ въ

гробу лежитъ... прикажи къ попу свѣдѣніе написать, вѣдь попъ-то безъ бумаги хоронить не будетъ.

— Ахъ, вѣдь я и забылъ! — вскрикнулъ письмоводитель.—Сейчасъ, дѣдушка, сейчасъ напишу.

И, проговоривъ это, письмоводитель принялся строчить бумагу попу.

Немного погодя, распростившись со всѣми, я отправился домой. Когда я садился на лошадь, старикъ-хозяинъ вывозилъ со двора гробъ Калистова. Старикъ сидѣлъ на гробу и, понукая лошадь, ругался:

— Чтобы тебя черти разорвали! Чтобъ тебѣ ни дна, ни покрышки, поганцу этакому!.. Шутка ли! становому пять, лекарю пять, письмоводителю трешницу, куръ, поросятъ; вина сколько полопали.... да вотъ теперь попу еще... тоже вѣдь *калуханъ-то* охулки на руку не положитъ...

А подъ навѣсомъ сынъ старика полосовалъ кнутомъ жену свою Груню... полосовалъ съ плеча по чемъ попало и, скрежеща зубами, не говорилъ, а шипѣлъ какъ-то:

— Я тѣ дамъ, сволочь, паскуда подлая!.. Вишь, лекаршей захотѣла быть... Я тѣ проучу!..

— Зря, обижается-то! — ворчала старуха, хладнокровно почесываясь и глядя на сына:—хуже было бы, кабы въ избѣ-то потрошить начали... отъ одной вонищи не ушли бы, кажись...

А Груня только ежилась при каждомъ свистѣ ременнаго кнута, опасаясь крикомъ привлечь на себя вниманіе людей.

Часовъ въ десять вечера я былъ уже въ деревнѣ и ѣхалъ вдоль огромнаго пруда, на берегу котораго

стоялъ мой деревянный домикъ. Что за чудная ночь! Я остановилъ лошадь. Избы здѣсь и тамъ раскинулись вдоль пруда, тамъ всѣ уже спали; неподалеку бѣлая церковь. Все тихо... Слышу только, какъ вдалекѣ боръ стучитъ вѣтвями... но лошадь моя не стоитъ. Я слѣзаю, держу ее за повода и прислушиваюсь... Сквозь шлюзы сочится вода... Тамъ зыкнетъ вдругъ кузнечикъ... Тамъ прошепчетъ камышъ... Что жь это такое? Откуда взялся этотъ чудный, волшебный міръ?.. Однако пора домой! Иду и слышу, тамъ далеко, за коноплянникомъ кричитъ кто-то: «бýре-онушка, буре-онушка!» И немного спустя, это же самое повторяетъ кто-то версты за двѣ отъ деревни, у опушки темнаго бора, потомъ и еще, въ противоположной сторонѣ... Я останавливаюсь... но кругомъ все тихо, такъ тихо, какъ-будто все вымерло, какъ-будто все притаилось и прислушивалось къ моему дыханію.

И еще грязнѣе показался мнѣ въ ту минуту содержатель постоялаго двора, и еще печальнѣе представлялась мнѣ исторія Калистова.

ПУШИЛОВСКІЙ РЕГЕНТЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ концѣ іюля жары бываютъ нестерпимые; такіе жары, что земля трескается, и вода до того нагрѣвается, что хотя Ильинъ день и прошелъ, а купаться въ ней, по ея чрезмѣрной теплотѣ, нѣтъ никакой пользы. Въ такіе-то жары я удалялся обыкновенно на хуторъ.

Хуторъ этотъ былъ верстахъ въ десяти отъ моей усадьбы и помѣщался на небольшой отлогой полянкѣ, въ большомъ, темномъ и заглохшемъ лѣсу. Онъ состоялъ изъ скотнаго двора съ большою, чистою избой, срубленною изъ толстыхъ липовыхъ бревенъ, не успѣвшихъ еще отъ времени почернѣть, и небольшой водяной мельницы о двухъ поставахъ, вѣчно оглашавшей молчаливый лѣсъ шумомъ воды и торопливымъ стукомъ мельничнаго ковша. Шумъ воды и стукъ ковша можно было слышать по крайней мѣрѣ за версту отъ хутора,— такъ было тихо въ лѣсу, и подъѣзжая къ хутору, я всегда, съ большимъ внима-

ніемъ прислушивался къ этому шуму. — «Чу! вонъ и вода зашумѣла!» — вскрикивалъ, бывало, кучеръ и принимался понукать лошадь.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ хутора, у ската полянки, протекала небольшая рѣчка въ родѣ ручья, по имени Веджа. Веджа вся составлялась изъ ключей, и потому ручей этотъ, несмотря на свою ничтожность, никогда не замерзалъ, а вѣчно струился и журчалъ, наполняя водой прудъ. Въ прудѣ этомъ не было никакой возможности купаться — такъ вода была холодна. Вкусъ воды былъ желѣзноватый, что и давало поводъ думать о цѣлебности этой воды. И дѣйствительно, я замѣчалъ, что какъ-то становилось легче, когда поживешь бывало на хуторѣ и попьешь веджинской воды...

Мнѣ никогда не случалось видѣть ручья затѣйливѣе Веджи. Извиваясь почти на каждомъ шагу самыми мудреными извилинами, онъ то разбѣгался въ разныя стороны, образуя островки, поросшіе кустами жимолости и вербы, то соединялся въ одинъ рукавъ, разливаясь въ заливы и выбоины. Выбоины эти были очень глубоки и представляли собою нѣчто въ родѣ маленькихъ омутовъ, въ которыхъ вода стояла какъ въ котлѣ, и была до того свѣжа и прозрачна, что дозволяла видѣть дно и рыбу, медленно въ ней плававшую. Родники били не только со дна Веджи, но даже и по берегамъ ея, и на каждомъ такомъ родничкѣ вы могли встрѣтить небольшую часовенку съ врытымъ передъ нею срубкомъ, наполненнымъ водою, а поверхъ воды ковшикъ изъ бересты. Мѣсто было привольное, хорошее.

Я любилъ бывать на хуторѣ, любилъ его за ти-

шину, которая тамъ господствовала. Слышался только шумъ воды, шелестъ листьевъ да щебетанье птичекъ. Сверхъ того, на хуторѣ, даже въ самый знойный день, было такъ свѣжо и прохладно!.. Тѣнь отъ высокихъ деревьевъ ложилась на всю небольшую площадку, полосуя ее густыми, угловатыми языками.

Жителей на хуторѣ было очень мало. Все народонаселеніе его состояло только изъ скотника Акима съ женой, мельника Емельяна, про котораго Богъ вѣдаетъ почему носились слухи, что онъ колдунъ, да одного пастуха съ двумя подпасками. Но послѣдніе цѣлый день стерегли стадо и приходили на хуторъ только на ночь. Акимъ былъ безобразно высокаго роста, костлявый, съ длинными сухими, руками, всегда безпорядочно болтавшимися, и съ лицомъ до крайности глупымъ. Емельянъ, наоборотъ, былъ маленькаго роста, плечистый, коренастый, съ плутовскимъ, вѣчно-улыбающимся лицомъ и съ постоянно бѣгающими глазами: что Акимъ съ полчаса не могъ разглядѣть, то Емельянъ разглядывалъ въ одну минуту. Акимъ двигался медленно, съ перевалкой и волоча ногами; Емельянъ-же, напротивъ, все бѣгалъ и на бѣгу какъ-то особенно припрыгивалъ; Акимъ говорилъ, точно кашу жевалъ, Емельянъ-же такъ и сыпалъ словами, словно горохомъ бросалъ. Несмотря, однако, на все это, они были задушевными пріятелями.

Зато, когда наступала пора сѣнокоса, тогда на хуторѣ все оживлялось. Акимъ и Емельянъ принимали праздничный видъ, а хуторъ пестрѣлъ толпою мужиковъ и бабъ. Покосы на хуторѣ были обильные, и требовалось довольно и труда, и времени, чтобы скосить и сметать въ стога и скирды всю эту густую и

высокую траву, растущую по берегамъ Веджи. Время это ожидалось съ большимъ нетерпѣніемъ какъ жителями хутора, такъ и жителями села, ибо дѣйствительно носило на себѣ какой-то праздничный характеръ... И надо было видѣть тогда уединенный хуторъ!.. Надо было видѣть, какъ оживлялся онъ и какимъ дѣтскимъ довольствомъ сіяли лица дяди Акима и Емельяна! На это время они окончательно уже бросали свои занятія: Акимъ переставалъ возить солому и убирать дворъ, а Емельянъ, ни слова не говоря, запиралъ мельницу, и тутъ ему хоть цѣлая деревня пріѣзжай съ хлѣбомъ, онъ ни за какія деньги не станетъ молоть его. Въ это торжественное время Акимъ и Емельянъ почитали себя хозяевами хутора, а рабочихъ—своими дорогими гостями, и другъ передъ другомъ старались угождать этимъ гостямъ. Они устраивали имъ печи, прилаживали котелки, таскали дрова, воду, а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ доносились до нихъ веселыя пѣсни бабъ и дѣвокъ, сгребавшихъ сѣно, и мѣрное визжаніе звонкихъ косъ и шумный говоръ косцовъ... Наступитъ вечеръ — и площадка передъ хуторомъ покрывается народомъ. Косцы съ чашками и ложками въ рукахъ засуетятся вокругъ котловъ; бабы начинаютъ «рушить» огромныя ковриги хлѣба; образуются группы ужинающихъ; хохотъ и говоръ усиливаются; пригнанное стадо оглашаетъ лѣсъ громкимъ мычаніемъ; «зыбочницы» укачиваютъ своихъ плачущихъ ребятишекъ,—и все это затихнетъ бывало тогда только, когда ночь густою тѣнью окутаетъ хуторъ, и когда на площадкѣ между спящими группами можно встрѣтить только одного Акима да Емельяна. Недолго и они хлопочутъ. Затушивъ костры, отправля-

ются и они на покой, и тогда ночь съ своимъ таинственнымъ молчаніемъ ложится повсюду; ложится и въ кусты, и въ темный лѣсъ, и въ траву, и въ мельницу, и отовсюду начинаетъ сторожить своими большими, темными глазами, сторожитъ и за тихимъ шелестомъ листьевъ, и за мягкимъ полетомъ летучихъ мышей и за журчаніемъ Веджи; сторожитъ надъ всѣмъ уснувшимъ хуторомъ и окружающимъ его густымъ лѣсомъ, въ которомъ такъ и стонутъ соловьи, то тихо замирая, то раскатывая могучею трелью!..

На этотъ-то хуторъ пріѣхалъ я какъ-то въ концѣ іюля. Такъ какъ покосъ былъ уже давнымъ-давно убранъ, то хуторъ сохранялъ свою обычную тишину. Дѣло было вечеромъ, солнце садилось... Акимъ и Емельянъ копались у берега Веджи; Акимъ лѣниво ломалъ хворостъ, а Емельянъ подкладывалъ его подъ котелокъ и раздувалъ огонь. Я подошелъ къ нимъ и сѣлъ неподалеку отъ котелка. Оказалось, что Акимъ и Емельянъ варили кашицу и собирались ужинать. Кучеръ отложилъ лошадь и тоже подошелъ къ котелку.

— Хлѣбъ да соль! — проговорилъ онъ, слегка кивнувъ головой.

Емельянъ вскочилъ на ноги.

— А, Михайло Иванычъ! — почти вскрикнулъ онъ: — милости просимъ.

Михайло Иванычъ подошелъ еще ближе и, чтобы не быть безполезнымъ зрителемъ, сѣлъ на корточки и принялся слегка помѣшивать кашицу.

Михайло Иванычъ принадлежалъ къ числу самыхъ серьезныхъ людей, и потому очень естественно, что и на этотъ разъ лицо его сохраняло какое-то глубоко-

мысленное выраженіе. Онъ изрѣдка поплевывалъ сквозь зубы и бросалъ на безумолку болтавшаго Емельяна косые взгляды, полные презрѣнія, какъ-бы желая сказать ими: «эхъ, дѣлать-то тебѣ нечего; языкомъ-то ты мелешь!» — Но Емельянъ взглядовъ этихъ даже не замѣчалъ, и точно какъ на смѣхъ безпрестанно обращался къ кучеру съ розсказнями и разспросами. Кучеръ хмурился, отворачивался и, наконецъ, чтобы избавиться отъ Емельяна, обратился къ Акиму.

— А что, — проговорилъ онъ: — хозяйки-то твоей, видно, дома нѣтъ?

Но и тутъ дѣло не удалось, и пока Акимъ собирался отвѣтить, Емельянъ успѣлъ объявить, что хозяйка ушла къ теткѣ.

Кучеръ только головой покачалъ.

Я взглянулъ на Акима. Можно было подумать, что онъ прохворалъ цѣлое лѣто; до того было болѣзненно его лицо и до того вялы были его движенія. Волосы, выстриженные спереди и на макушкѣ, безпорядочными прядями упадали на сухія и опустившіяся плечи; изодранная рубашка была до того грязна, что казалась совершенно черною. Онъ поминутно охалъ и стоналъ, и поминутно мѣнялъ положенія.

— Что ты, боленъ что ли? — спросилъ я.

— Я-то?.. Ничего...

— Что же ты все охаешь?

— Чаво?

— Охаешь-то, что же?

Емельянъ залился тонкимъ смѣхомъ, словно молодой жеребенокъ заржалъ.

— Ужь онъ таковъ есть человѣкъ на свѣтѣ, все

одно, что хворый. Ну-ка ты, давай сюда еще хворосту.

Акимъ подалъ.

— Человѣкъ ты, посмотрю я на тебя! — проговорилъ кучеръ, враждебно глянувъ на Емельяна.

— А что? — спросилъ тотъ весело.

— Да такъ... ужь больно болтать здоровъ...

Между тѣмъ, западъ былъ весь облитъ заревомъ. Солнце успѣло опуститься въ темный лѣсъ и розовыя облака медленно расходились по небу; робкій и блѣдный мѣсяцъ плылъ уже довольно высоко и отражался въ неподвижной водѣ пруда, вмѣстѣ и съ облаками, и съ заревомъ заката. Стаи дикихъ утокъ со свистомъ летѣли на гречи; грачи и галки шумно разсыпались по лѣсу, приискивая себѣ мѣсто для ночлега. Мелкая рыбенка изрѣдка выскакивала на гладкую поверхность воды... въ воздухѣ замѣтно разливалась ароматическая сырость. Все было тихо или, скорѣе, все замѣтно утихало. Вдругъ, въ кустахъ, близъ рѣки, послышался трескъ сухихъ сучьевъ и чьи-то шаги. Я оглянулся и увидалъ мужчину въ сѣромъ нанковомъ сюртукѣ, съ одноствольнымъ ружьемъ за плечами. Онъ подошелъ къ рѣкѣ, зачерпнулъ картузомъ воды и принялся пить съ жадностью.

— Кто это? — спросилъ я.

Емельянъ поспѣшно вскочилъ на ноги, приложилъ къ глазамъ руку и, взглянувъ въ кусты, вскрикнулъ:

— О! это тотъ егирь-то!..

— Какой?

— Да вотъ, что намедни утокъ-то стрѣлять съ вами ходилъ.

— Ахъ, это пушиловскій регентъ?

— Ну, вотъ онъ самый.

Регентъ, между тѣмъ, напился воды, нѣсколько разъ на-отмашь тряхнулъ мокрымъ картузомъ, откинулъ назадъ волосы, вытеръ платкомъ руки, посмотрѣлъ въ нашу сторону и, увидавъ меня, направился къ намъ.

II.

— Здравствуйте, Василій Яковлевичъ, — проговорилъ я, когда регентъ подошелъ къ намъ. — Какими судьбами?

Регентъ сѣлъ возлѣ меня и, отеревъ съ лица потъ, отвѣчалъ утомленнымъ голосомъ:

— Да вотъ все тутъ шатаюсь, охочусь... Чего же еще дѣлать-то...

— И кажется, довольно успѣшно, — проговорилъ я, взглянувъ на яхдташъ, въ которомъ виднѣлся чирокъ.

— Какое! усталъ только, — возразилъ регентъ, сбрасывая съ себя картузъ и снимая ружье.

— То-то вотъ и есть, — вмѣшался Емельянъ: — говорилъ тебѣ: иди на Васюткино озеро!

— Былъ и тамъ.

— Ну, что-жь?

— Дичи-то много, да взять-то ее трудно... камыши все...

— Гдѣ это? — спросилъ я.

— Тутъ недалеко, — проговорилъ регентъ, лѣниво махнувъ рукой и опускаясь на траву. Видно было по всему, что онъ сильно усталъ.

— Вотъ тутъ, за Ермошкинымъ ключемъ, — подхватилъ Емельянъ. — Много, больно много утокъ... Такая-то сила!.. Намедни кузнецъ ходилъ, такъ какую прорву наколотилъ... И, сколько!..

— Кабы собака была!..—снова проговорилъ регентъ.

— А у тебя нешто нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Чего же ты зѣваешь-то!.. Нешто трудность большую собаку-то достать. Только кусочекъ ветчинки взять, каку хошь увести можно!..

— Ну что ты пустяки-то городишь! — проговорилъ, наконецъ, раздосадованный кучеръ. — Прямой-то ты мужикъ!.. Ну, и станутъ они сманивать собакъ!.. Ты подумай-ка...

— Что жь за важность! — перебилъ его Емельянъ: — ничего! не суть тутъ никакой важности, потому— охота.

Кучеръ только плюнулъ.

Регентъ лежалъ на травѣ; фуражка съ пунцовой тульей валялась возлѣ него. Онъ утомленно смотрѣлъ на все окружающее, и только повременамъ приговаривалъ, отирая рукавомъ крупный потъ, выступавшій на лбу:

— Фу! какъ усталъ-то!

— Не напиться ли чаю? — спросилъ я немного погодя.

— Пожалуй.

— Куда прикажете самоваръ-то? — кричалъ уже Емельянъ, въ одну минуту вскочивъ на ноги. — Сюда, что ли?

— Сюда.

И Емельянъ обратился къ Акиму:

— Эй ты, шалашъ! катай живо за углями, а я побѣгу за самоваромъ.

Воздухъ, между тѣмъ, съ каждой минутой становился все прохладнѣе и ароматнѣе, и регентъ сталъ мало-по-малу оживляться. Онъ передалъ мнѣ подробности своей охоты и даже началъ звать меня завтра на «Козье болото» за дупелями и бекасами, на что я и выразилъ ему полнѣйшее свое согласіе.

Но скажу нѣсколько словъ о регентѣ.

Василій Яковлевичъ принадлежалъ къ числу самыхъ лучшихъ моихъ деревенскихъ пріятелей. Я познакомился съ нимъ у сосѣда-помѣщика, отставнаго флота-лейтенанта, Игнатія Гавриловича Пушилова, у котораго онъ обучалъ пѣвческую капеллу, составленную изъ дворовыхъ и крестьянскихъ мальчишекъ и даже дѣвочекъ. Василій Яковлевичъ принадлежалъ къ разряду такихъ людей, съ которыми сходишься сразу. Познакомился я съ нимъ слѣдующимъ образомъ: поѣхалъ я какъ-то къ Пушилову обѣдать и въ залѣ встрѣтился съ регентомъ. Онъ протянулъ мнѣ руку и, крѣпко пожавъ мою, проговорилъ: — «а, здравствуйте!» Меня это удивило: но, немного погодя, я самъ уже пожималъ руку Василія Яковлевича и въ тотъ же день увезъ его съ собой. Съ тѣхъ поръ Василій Яковлевичъ бывалъ у меня чуть ли не каждый день. Бывало, выйдешь вечеромъ на балконъ, глядь—и Василій Яковлевичъ идетъ. Вечера эти мы проводили обыкновенно такъ: сидимъ и смотримъ молча вдаль, то на прогоняемое стадо, а то на прудъ, обагряемый пурпуромъ заката. Вдругъ, бывало Василій Яковлевичъ подниметъ голову и взглянетъ на меня.

— Вы что? — спросишь его.

— Такъ. Вечеръ хорошъ.

— Не дуренъ.

— Гулять пойдемъ?

— Пожалуй.

— А то, пожалуй, и не нужно.

— Пожалуй, и не нужно.

Или, вдругъ, Василій Яковлевичъ спроситъ:

— А что, газетъ еще не получали?

— Получилъ. Хотите просмотрѣть?

— Да, — говорилъ Василій Яковлевичъ и уходилъ въ кабинетъ, въ которомъ зачастую и просиживалъ вплоть до ночи, читая газеты.

— Прощайте, — скажетъ потомъ Василій Яковлевичъ и, пожавъ мнѣ руку, отправлялся домой.

— Постойте, — сейчасъ лошадь заложатъ.

— Нѣтъ, спасибо, я пѣшкомъ.

Впрочемъ, бесѣды наши не всегда были въ такомъ родѣ. Иногда Василій Яковлевичъ бывалъ въ ударѣ, и тогда разсказамъ его не было конца. Онъ разсказывалъ анекдоты про архіереевъ, про свою жизнь въ семинаріи, про бурсу, про какого-то ректора, архимандрита Евпсихія, бравшаго его постоянно вмѣсто лакея, когда дѣлалъ визиты; представлялъ въ лицахъ, какъ онъ трясся на запяткахъ, какъ снималъ и надѣвалъ на архимандрита шубу; какіе велъ въ переднихъ разговоры съ лакеями, но больше всего любилъ онъ разсказывать про свою бабушку, старуху лѣтъ семидесяти, учившую его любить своихъ враговъ, потому что враги, какъ выражалась она, суть наши учители.

Василій Яковлевичъ былъ весьма видный мужчина; ему было лѣтъ тридцать, не болѣе. Стройный, высокаго роста, съ кудрявыми волосами, падавшими на

плечи, всегда опрятно одѣтый, онъ выглядѣлъ настоящимъ джентльменомъ. Музыку онъ любилъ до страсти, игралъ довольно хорошо на скрипкѣ, выучился самоучкой играть на фортепіано и, обладая прекраснымъ слухомъ, сочинялъ даже разные польки и вальсы. Характеръ Василій Яковлевичъ имѣлъ скорѣе веселый, но подчасъ на него находили и такія минуты, что вдругъ, бывало, повѣситъ голову и о чемъ-то задумается, да такъ задумается, что, кажется, вотъ вотъ брызнутъ слезы.

— О чемъ задумались? — спросишь его бывало.

— Такъ! — и замолчитъ.

Въ подобныя-то минуты, я оставлялъ всегда Василія Яковлевича одного и уходилъ. Случалось такъ, что по возвращеніи я уже находилъ Василія Яковлевича не тѣмъ, какимъ оставилъ, а случалось и такъ, что и вовсе не находилъ его.

— Куда дѣвался Василій Яковлевичъ? — спросишь бывало у человѣка.

— Ушли-съ.

— Куда?

— Они ничего не сказали...

— Да по какой дорогѣ, по крайней мѣрѣ?

— Они просто такъ пошли, прямо, вдоль пруда.

Странности эти всегда меня интересовали; но тщетно старался я узнать ихъ причину. Онъ упорно молчалъ... Но не вытерпѣлъ же Василій Яковлевичъ и разсказалъ мнѣ все подробно. Это случилось въ описанную мною встрѣчу съ регентомъ на хуторѣ. Обращаюсь, однако, къ своему разсказу.

Пока Емельянъ возился съ самоваромъ, я разговорился съ Василіемъ Яковлевичемъ про семинарскую

жизнь и про житье-бытье семинаристовъ по окончаніи курса. Онъ утверждалъ, что время это самое тяжелое для «ихъ брата».

— Почему же тяжелое-то? — спросилъ я.

— Какъ почему? Первый шагъ въ жизни, а первый шагъ всегда труденъ. Мѣстовъ нынче почти нѣтъ... Другіе ждутъ, ждутъ... Хорошо, у кого есть родные, а у кого ихъ нѣтъ, да какъ въ карманѣ-то пусто, — какъ говорится, «сунешь руку въ карманъ, глядь, дыра въ горсти», — такъ и вовсе плохо.

— Можно пріискать пока какое-нибудь занятіе. Опредѣлиться въ учителя...

— Хорошо если такъ, а другой разъ и мѣста-то не скоро найдешь... Опять и то сказать: на какое мѣсто наткнешься. Бываютъ такія, что лучше бы ихъ и не было.

— Это отчего?

— Мало ли отчего! Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія; другому и посчастливится. Вотъ, напримѣръ, былъ у меня товарищъ, по фамиліи Амаринскій, такъ тотъ такое нашелъ мѣсто, что все свое счастье составилъ.

И, проговоривъ это, Василій Яковлевичъ захохоталъ.

— Что же вы смѣетесь?..

— Да потому, что смѣшно... Помилуйте, человѣкъ плаваетъ какъ сыръ въ маслѣ. Я бы, пожалуй, на такую штуку не пошелъ, но вкусы людей различны. Нанялся этотъ Амаринскій дѣтей учить у одного значительнаго чиновника въ губернскомъ городѣ. Нанялся, да какъ-то и сошелся съ его женою, старухой лѣтъ подъ пятьдесятъ. Эти старухи страсть какъ любятъ нашего брата кутейника, потому «претензій» въ

нихъ мало, а ребята-то здоровые. Точно такъ и Амаринскій. Бывало товарищи смѣются надъ нимъ, а онъ ухомъ не ведетъ. — «Ладно, — говоритъ: — смѣйтесь, ничего!» И дѣйствительно, не дальше какъ черезъ мѣсяцъ, смотримъ—Амаринскій мѣсто получилъ, да мѣсто-то какое!.. Сколько студентовъ университета добивались этого мѣста, такъ нѣтъ, — всѣмъ отказъ, а Амаринскаго посадили, а онъ даже и курса-то не кончилъ; теперь же узнать его нельзя. Одѣвается съ форсомъ, сюртукъ — не сюртукъ, сапоги — не сапоги, шляпа... лошадь завелъ!.. Ну, а другому, глядишь, кошель на шею. Конечно, все это вамъ дико кажется, но это отъ того, что вы не знаете нашего быта. Все больше голь, да нищета, да люди забитые... Вы курсъ кончаете, у васъ и имѣніе, и знакомые, и связи, и протекція; а вѣдь мы — ничтожество, червякъ ползущій, котораго каждый раздавить можетъ, давнулъ — и шабашъ! Вотъ, если вамъ поразсказать собственную исторію, такъ вы тогда, пожалуй, и поймете, что съ нами можно дѣлать все, что только вздумается. Можно и съ кашей съѣсть, а можно и такъ безо всего слопать.

— Какъ же это такъ?

— Очень просто.

— Разскажите...

— Разсказывать-то долго, да и лѣнь...

— Ничего. Вѣдь вамъ некуда торопиться.

— Положимъ, что надо мной не капаетъ...

— Такъ вотъ и разсказывайте.

— Пожалуй.

И потомъ, вдругъ оглянувшись въ сторону, онъ спросилъ:

— А что, чай-то скоро что-ли будетъ?

Я крикнулъ Емельяна.

— Что чай?

— Готовъ-съ, подаю.

Василій Яковлевичъ взялъ свой стаканъ и принялся набивать коротенькую трубку. Сметливый Емельянъ подалъ уголь и возвратился на прежнее мѣсто.

— Ну-ка ты, поворачивайся! — кричалъ онъ, толкая дремавшаго уже Акима. — Что заснулъ-то? Нешто передъ кашицей спятъ!..

Немного погодя они сидѣли уже вокругъ котелка и ужинали. Регентъ между тѣмъ отхлебнулъ чаю и, выпустивъ изо рта цѣлое облако дыма, оборотился ко мнѣ.

— Ну, смотрите-же, — проговорилъ онъ: — чуръ не спать, подобно Акиму; разсказъ мой будетъ не коротокъ. Разсказывать, такъ разсказывать подробно...

— И прекрасно.

III.

«Родился я, — началъ Василій Яковлевичъ, выпустивъ еще клубъ дыма: — въ селѣ Ключаревѣ. Отецъ мой былъ дьячкомъ. Приходъ у насъ былъ самый бѣдный и состоялъ только изъ одного села Ключарева, въ которомъ было всего душъ триста; впрочемъ, жили мы не плохо, не потому, чтобы отецъ получалъ хорошій доходъ съ прихожанъ, а потому, что былъ хорошій хозяинъ. Онъ снималъ землю, дѣлалъ посѣвы, держалъ много скота и имѣлъ пчельникъ. Земли въ то время были еще дѣвственныя, сильныя, и потому

трудъ землепашца вознаграждался обильнымъ урожаемъ. Теперь не то: земли истощены, перепорчены дурною обработкой и родятъ плохо. Въ семействѣ нашемъ было семь человѣкъ, а именно: отецъ, мать, бабушка, я, двое братьевъ и сестра. Гдѣ сестра, гдѣ братья,— Богъ вѣсть! На девятомъ году отецъ отвезъ меня въ училище, но, несмотря на то, что драли насъ въ то время прежестокимъ образомъ, я все-таки учился плоховато, и только бывало и зналъ, что мечталъ о каникулахъ, о пчельникѣ, о рѣкѣ, въ которой столько было рыбы, что бабы ловили ее чуть не подолами своихъ сарафановъ. Однако въ училищѣ курсъ окончилъ я довольно сносно и безъ затрудненія перешелъ въ семинарію. Въ это время отецъ мой умеръ, мать вслѣдъ за нимъ...—холера въ то время ходила по селамъ и городамъ,—и мы всѣ остались сиротами. Отцовское хозяйство какъ-то разстроилось, и я не успѣлъ оглянуться, какъ у насъ ничего уже не было. У бабушки, о добродѣтеляхъ которой я не разъ говорилъ вамъ, былъ въ Самарской губерніи братъ какимъ-то чиновникомъ. Тогда губернія эта только-что образовалась, и потому чиновный людъ, какъ стая вороновъ, набросился на этотъ новый кусокъ хлѣба. Бабушка взяла моихъ братьевъ и сестру, и переѣхала на житье къ своему брату, а я остался совершенно одинъ. Какъ ни былъ я молодъ, однако сметилъ, что положеніе мое не изъ блестящихъ и что мнѣ мечтать о пчельникахъ нечего. Я принялся за ученье и вскорѣ, съѣдаемый въ бурсѣ вшами, клопами и блохами, дошелъ до того, что сдѣлался первымъ ученикомъ. Но, между великимъ и смѣшнымъ одинъ шагъ; такъ случилось и со мной. Архіерей

былъ великій охотникъ до пѣвчихъ; хоръ имѣлъ громадный, и хоръ этотъ каждый вечеръ распѣвалъ ему концерты, какъ духовнаго содержанія, такъ и свѣтскаго. Лѣтомъ, съ помощью этого хора, архіерей дѣлалъ у себя на дачѣ пикники, и такъ какъ, помимо музыкальныхъ его способностей, онъ былъ еще сверхъ того и свѣтскимъ человѣкомъ, любилъ хорошо покушать и хорошо выпить, то общество собиралось всегда многочисленное. Въ этотъ-то хоръ имѣлъ я несчастіе попасть, и объ ученьѣ нечего было и думать. Мы, всѣ пѣвчіе, остались круглыми невѣждами, хотя безостановочно и были переводимы изъ одного класса въ другой. Я пѣлъ сначала дискантомъ, потомъ баритономъ и наконецъ спустился до basso profundo, съ каковымъ и окончилъ курсъ по второму разряду. Такъ какъ, по существующимъ положеніямъ, мнѣ невыгодно было поступать на гражданскую службу, то я и сталъ искать священническаго мѣста, а до того времени нанялся въ регенты къ одному помѣщику, г. Пошехонскому, въ село Угрюмово. Пошехонскіе были господа добрые. Мнѣ отвели квартиру рядомъ съ кухней, дали сукна на пару, сшили сапоги и связали двѣ пары карпетокъ. Въ господскій домъ ходу я не имѣлъ, а получилъ только разрѣшеніе поздравлять господъ съ праздниками: придти, поздравить и опять отправляться домой. Такъ я и дѣлалъ. Общество мое состояло изъ причетниковъ и дворовыхъ людей, между которыми и я тоже выглядывалъ какимъ-то лакеемъ. Сначала это меня какъ будто оскорбляло, но потомъ я разсудилъ, что, чѣмъ оскорбляться, гораздо лучше сидѣть одному въ комнатѣ и съ дворней не знаться. Дворнѣ это не понравилось: надо мною стали подтру-

нивать, называли меня «вашимъ сіятельствомъ»; при встрѣчахъ спрашивали: «ваше сіятельство, какъ ваши обстоятельства?» Но на всѣ эти мелкія дрязги дворни я не обращалъ вниманія и продолжалъ себѣ жить въ уединеніи. Утромъ я занимался обыкновенно пѣвчими, а по окончаніи спѣвки уходилъ въ свою комнату, запиралъ дверь и занимался чтеніемъ. Читалъ я въ то время очень много, ибо желалъ пополнить ту пустоту, которая царила въ моей башкѣ по милости архіерея-музыканта. Иногда-же ходилъ я гулять въ лѣсъ, въ поле... Въ одну изъ такихъ прогулокъ, попалъ я однажды въ Жданово,— село по сосѣдству съ Угрюмовымъ, — и какъ-то нечаянно встрѣтился съ ждановскимъ дьячкомъ; разговорился съ нимъ, попросилъ показать мнѣ ждановскую церковь, онъ исполнилъ мою просьбу, а послѣ позвалъ къ себѣ на чашку чая. У дьячка была дочь. Таней звали. Таня мнѣ понравилась, и вскорѣ я такъ сошелся съ дьячкомъ, что началъ ходить къ нему каждый день. Знакомство это внесло отраду въ мое безотрадное положеніе, ибо одиночество начинало уже тяготить меня. Такъ текла моя жизнь и, конечно, протекла-бы долго все тѣмъ-же порядкомъ, если-бы не случилось слѣдующаго обстоятельства.

«Шелъ я однажды къ ждановскому дьячку, какъ вдругъ, смотрю, несется карета. Стекла были опущены, но окна закрывались шелковыми зелеными сторками. Карета поровнялась со мною, и я увидалъ, что чья-то, словно женская рука, отворотила немного сторку и, увидавъ меня, крикнула что-то лакею. Карета остановилась, а немного погодя, я услыхалъ позади себя

kakie-то поспѣшные шаги и чей-то голосъ, который кричалъ:

«— Эй, ты, почтенный, остановись-ka!..

«Я оглянулся и увидалъ бѣжавшаго ко мнѣ лакея.

«— Что, любезный,—проговорилъ онъ запыхавшись, — ты откуда будешь?

«— Изъ Угрюмова, — говорю.

«— Весьма пріятно. А что, не знаешь ты, угрюмовскіе господа дома будутъ?

«— Дома.

«— Спасибо.

«— Только? — спрашиваю.

«— Только, больше ничего. Ступай себѣ съ Богомъ своею дорогой. Мерси.

«— Не за что.

«Лакей подбѣжалъ къ каретѣ, снялъ дорожную кожаную фуражку и, что-то сказавъ въ окно, въ которомъ виднѣлась женская головка, вспрыгнулъ на козлы. Головка скрылась, и карета снова понеслась по дорогѣ, поднявъ цѣлое облако пыли. Вскорѣ экипажъ поворотилъ налѣво и въѣхалъ въ улицу села Угрюмова.

«У дьячка пробылъ я въ тотъ разъ очень долго и пошелъ домой только тогда, когда пробило одиннадцать часовъ.

«Возвратясь домой, я увидалъ, что встрѣтившаяся мнѣ карета стояла около сарая съ поднятымъ дышломъ. Важи и чемоданы были сняты. Вся дворня была на ногахъ; всѣ суетились, бѣгали; на кухнѣ стучали ножами; ключница безпрестанно ходила въ кладовую; по тропинкѣ отъ кухни къ заднему крыльцу дома поминутно пробѣгали то поваръ, то горничная, то

дворецкій; домъ былъ освѣщенъ, и видѣлъ я, какъ по залу ходила, обнявшись съ какою-то другою молодою дамой, старуха Пошехонская. Словомъ, суета была такая, что я даже не узнавалъ Угрюмова.

«Не успѣлъ я переступить черезъ порогъ сѣней, какъ изъ кухни съ звонкимъ смѣхомъ вылетѣла какая-то незнакомая дѣвушка, повидимому горничная, въ пестромъ холстинковомъ платьѣ, съ бѣлымъ, какъ снѣгъ, передничкомъ, и съ личикомъ веселымъ и плутовскимъ. Она такъ быстро выбѣжала изъ кухни, что чуть не сбила меня съ ногъ.

«— Ахъ! — вскрикнула она.

Я посторонился.

«— Ахъ, пардонъ! я васъ толкнула. Извините.—И дѣвушка выбѣжала вонъ.

«Я полагаю, вы успѣли замѣтить, что я никогда не отличался любопытствомъ, но въ этотъ разъ я не выдержалъ и спросилъ о пріѣхавшихъ.

«Оказалось, что это была племянница Пошехонскихъ, дѣвушка лѣтъ тридцати — Вѣра Павловна.

«Съ того самаго дня въ Угрюмовѣ все измѣнилось. Гости съѣхались со всѣхъ сторонъ и гостили по цѣлымъ недѣлямъ; столъ накрывался приборовъ на двадцать, куръ и цыплятъ рѣзали десятками, охотники съ ногъ смотались, розыскивая по болотамъ дичь; невода не вынимались изъ рѣки, и рыба доставлялась на кухню пудами; музыка гремѣла каждый вечеръ; танцы въ комнатахъ смѣнялись танцами на открытомъ воздухѣ; начали поговаривать о домашнемъ спектаклѣ; каждый праздникъ передъ домомъ собирались хороводы, и крѣпостная молодежь потѣшала господъ пѣснями и плясками; устраивались охоты,

пикники, и даже парадныя обѣдни съ партеснымъ пѣніемъ вошли въ программу увеселеній. Дѣлалось все это потому, что племянница Пошехонская была дѣвица, возымѣвшая желаніе выйдти замужъ. «Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci», говоритъ латинская пословица, и, дѣйствительно, полезное съ пріятнымъ шло въ Угрюмовѣ рука объ руку. «Однако, выпить никакъ еще стаканчикъ чаю», — проговорилъ немного погодя регентъ, вставая и подходя къ самовару.

Онъ налилъ себѣ стаканъ и, набивъ еще трубку, усѣлся на прежнее мѣсто и началъ:

«Вотъ, хорошо-съ. Пріѣхала племянница, и по всему было замѣтно, что намѣревалась прогостить долго. Прошло этакъ, должно быть, съ недѣлю послѣ пріѣзда племянницы, а можетъ быть и больше: возвращался я опять-таки отъ ждановскаго дьячка и опять-таки ночью, часовъ въ одиннадцать или въ двѣнадцать. Дорога лежала мнѣ черезъ паркъ, а надо вамъ сказать, — паркъ въ Угрюмовѣ былъ громадный и тянулся отъ самаго дома вплоть до рѣки, протекавшей отъ дома верстахъ въ двухъ и отдѣлявшей паркъ отъ вырубленнаго лѣса, росшаго по отлогому полугорью. Паркъ былъ восхитительный. Старыя ели и сосны, могучіе дубы и липы чуть не до земли опускали свои вѣтви. Гроты, бесѣдки, искусственные водопады, висячіе мостики, — словомъ, все, что только могло придумать праздное и богатое барство для украшенія парка, все было придумано и сосредоточено подъ его зеленою, прохладною тѣнью!..»

Регентъ, какъ видно, былъ очень доволенъ этою

громкою фразой, однако удовольствіе это скрылъ и продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало:

«Такъ вотъ-съ, этимъ-то самымъ паркомъ нужно мнѣ было проходить, возвращаясь изъ Жданова. Я пошелъ по прямой аллеѣ, упиравшейся въ домъ, и такъ какъ было уже очень поздно, то сонъ клонилъ меня не на шутку. Иду и вдругъ вижу въ одномъ окнѣ свѣтъ, и въ то-же время слышу, что кто-то поетъ подъ акомпанементъ фортепіано роскошную итальянскую арію. Я подошелъ почти подъ самое окно, прислонился къ дереву и весь обратился въ слухъ. Я услыхалъ голосъ—чистый, ясный, могучій, услыхалъ дивные звуки, прямо западавшіе въ душу! Окно было растворено, но сторка опущена. Долго-ли простоялъ я въ такомъ очарованномъ состояніи, — я не знаю, но опомнился я тогда только, когда звуки замерли и голосъ затихъ. На сторкѣ показалась тѣнь женской фигуры, чья-то рука подняла сторку, и я увидалъ въ окнѣ дѣвушку, одѣтую въ бѣлое платье. Луна ударяла прямо въ окно, и мнѣ удалось какъ нельзя лучше разсмотрѣть лицо подошедшей. Вообразите себѣ дѣвушку высокую, стройную, съ большими темными глазами, съ немного нахмуренными бровями, съ античнымъ серьезнымъ лицомъ, какъ будто высѣченнымъ изъ мрамора, и вы, конечно, согласитесь, что картина вышла эффектная. Она подошла къ окну, опустила руки на подоконникъ, молча принялась смотрѣть сначала на небо, а потомъ въ паркъ, но вдругъ отскочила отъ окна и скрылась... Я смутился и только послѣ догадался, что́ было причиною этого испуга. На мнѣ были бѣлыя панталоны, которыя и обличили мое присутствіе подъ деревомъ парка. Вы

догадываетесь, конечно, что это была племянница Пошехонскихъ, которую встрѣтилъ я, идя въ Жданово.

«Смущенный, возвратился я домой, снялъ сюртукъ, закурилъ трубку и предался мечтамъ. Болѣе всего поразило меня лицо племянницы: до того было оно строго, серьезно и величаво... Вдругъ шасть ко мнѣ въ комнату Дуняша, горничная племянницы, та самая, что въ сѣняхъ чуть меня съ ногъ не сшибла.

«— Василій Яковлевичъ!—крикнула она.

«— Что прикажете?

«— Были вы сейчасъ въ паркѣ?

«— Былъ. А что?

«— Такъ, ничего!

«Я струсилъ не на шутку. Почему-то мнѣ показалось, что, вѣроятно, племянница разсердилась, что я такъ близко подошелъ къ окну.

«— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ безъ шутокъ? — спросилъ я Дуняшу, словно бѣсенокъ юлившую передо мною.

«— Чего шутить... Просто я гуляла по парку и видѣла, что кто-то прошелъ, а кто именно,— не разобрала.

«— Такъ-ли?

«Но Дуняша только захохотала и бросилась къ двери. Я было хотѣлъ удержать ее, но не тутъ-то было,— выскользнула.

«— Ахъ, чортъ возьми! — думалъ я,— вотъ еще бѣды-то нажилъ!..

«И, не повѣрите, такъ перепугался, что всю ночь заснуть не могъ. Чего добраго, сочтутъ поступокъ этотъ за дерзость и, пожалуй, еще отъ мѣста откажутъ.

«Пришло утро. Я собралъ своихъ пѣвчихъ,—а мнѣ для спѣвокъ былъ отведенъ особый флигель, непода-

леку отъ дома,— собралъ пѣвчихъ и началъ спѣваться; но только-что успѣлъ пропѣть *органную херувимскую*, какъ дверь отворилась, и въ пѣвческую вошла племянница. У меня даже сердце замерло. «Ну, думаю себѣ, попался! зададутъ теперь нагоняй»; но каково-же было мое изумленіе, когда вдругъ встрѣтилъ я совершенно противное.

«— Я,— говоритъ,— вашихъ пѣвчихъ пришла послушать. Давно собиралась, но какъ-то все времени не было.

«— Очень, — говорю,— пріятно, сударыня.

«Племянница сѣла.

«— Заставьте, — говоритъ, — пропѣть что-нибудь.

«Спѣли: «*Боже Царя храни*», «*Высшую небесъ*», потомъ «*Коль славенъ*».

«— Очень, очень,—говоритъ,—хорошо. А давно вы съ ними занимаетесь?

«— Третій мѣсяцъ, сударыня.

«— Только-то! Это дѣлаетъ вамъ честь. И тутъ-же принялась перебирать всѣ ноты. Однѣ хвалила, другія осуждала, и все такъ дѣльно и вѣрно, какъ будто сама изучала церковное пѣніе. «Вотъ это,— говоритъ,— хорошо, а это — дурно, слабо». И до того заговорила меня, — а она говорила быстро, словно сыпала словами, — что у меня даже и робость пропала, и я до того расходился, что даже спорить началъ.

«— Нѣтъ,— говорю,—сударыня; это несправедливо. Такъ-таки и говорилъ, и до того было мнѣ легко и весело, что я даже не замѣтилъ, какъ прошло утро. Она тоже была весела.

«— Ахъ, да, кстати!—проговорила она, бросая ноты и вставая съ мѣста,— это вы встрѣтились мнѣ, когда

я сюда ѣхала? Еще мой человѣкъ спрашивалъ васъ, дома-ли дядюшка съ тетушкой?

«— Я, сударыня.

«— Куда это вы шли?

«— Въ Жданово.

«— Это что такое — Жданово?

«— Село,—говорю,—есть такое, въ трехъ верстахъ отсюда.

«— А!.. Видите-ли, я васъ замѣтила.

«Я поклонился.

«— Однако прощайте. Меня ждутъ къ завтраку.

«Я проводилъ ее до крылечка.

«— Василій Яковлевичъ! Василій Яковлевичъ,— раздался вдругъ позади меня чей-то голосъ. Я обернулся и увидалъ Дуняшу. Она звонко хохотала и, какъ пуля, пролетѣла мимо меня къ господскому дому.

IV.

«Прошло съ недѣлю. Племянница не переставала посѣщать мою пѣвческую и попрежнему была весела и снисходительна. Дуняша тоже забѣгала ко мнѣ безпрестанно: то утюгъ въ печку поставить, то крахмалъ развести, а иногда такъ и вовсе приходила ко мнѣ, что-нибудь разглаживать и все попрежнему не переставала лукаво хохотать и какъ-то особенно двусмысленно грозить пальцемъ. «Что такое,— думаю себѣ: — сей сонъ обозначаетъ?». Однако, въ Жданово я все-таки ходить не переставалъ. Случился какой-то праздникъ; сидѣлъ я дома, только вдругъ подаютъ мнѣ письмо. Письмо это было отъ одного моего то-

варища по семинаріи, который увѣдомлялъ меня, что была одна священническая вакансія, но что вакансія эта замѣщена другимъ. Вѣсть эта сильно огорчила меня. Мнѣ дано было слово, что первая открывшаяся вакансія будетъ моею, но оказалось, что въ консисторіи обо мнѣ забыли, а вспомнили о другомъ, по той простой причинѣ, что другой-то былъ поумнѣе меня, не забывши о существованіи секретаря. Я шибко разгрустился: какъ ни хорошо было мнѣ у Пошехонскихъ, какъ ни весело пролетало время въ обществѣ многочисленной и пьяной дворни (послѣднее регентъ сказалъ съ самою ядовитою улыбкою), а все-таки хотѣлось-бы поскорѣе вырваться изъ этого омута и пожить тою жизнію, о которой я постоянно помышлялъ, и которая, надѣюсь, все-таки была-бы и поближе, и посроднѣе мнѣ. Цѣлый день тотъ я былъ не въ духѣ и даже прогналъ Дуняшу, за чѣмъ-то прибѣжавшую ко мнѣ. Вечеромъ отправился я въ Жданово къ дьячку и пробылъ у него вплоть до ночи. Рѣшено было послать секретарю подарокъ и просить его не оставить меня своимъ высокимъ покровительствомъ. Вмѣстѣ съ дьячкомъ написали мы письмо, вложили въ него всѣ, какія только были у меня деньги, и письмо это отдали ждановскому дьякону, который долженъ былъ вручить его товарищу, а тотъ — передать секретарю. Все это требовало времени, и потому вышелъ я изъ Жданова, когда начали пѣть пѣтухи. Дорога была не дальняя, и я почти не замѣтилъ, какъ подошелъ къ Угрюмову и какъ вошелъ въ паркъ. Въ паркѣ было все тихо, огни въ домѣ были потушены. Я вышелъ на знакомую уже вамъ аллею и не успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ лицомъ къ лицу встрѣтился

съ племянницей. Она вскрикнула, а я растерялся до того, что не зналъ, что мнѣ дѣлать.

«— Ахъ, это вы! — прошептала она.

«— Точно такъ-съ, — пробормоталъ я и оробѣлъ еще пуще.

«— Какъ вы напугали меня. Откуда это вы такъ поздно?

«— Изъ Жданова, — говорю.

«— Что это вы все то въ Жданово, то изъ Жданова... Ахъ, да, вы сегодня письмо получили. Отъ кого это?

«— Отъ товарища-съ.

«— Что-же онъ вамъ пишетъ?

«— Непріятности все...

«— Какія?

«— Мѣсто не даютъ-съ.

«— Какого?

«— Священническаго.

«— Какъ? Развѣ вы намѣрены быть священникомъ? — проговорила вдругъ племянница и взглянула на меня такъ какъ-то смѣло, что я даже глаза опустилъ.— Я этого не знала.

«Я раскланялся и хотѣлъ было идти, но племянница остановила меня.

«— Пойдемте ходить,—проговорила она и пошла по направленію къ рѣкѣ. — Я очень люблю гулять по ночамъ, продолжала она: — кругомъ все тихо и какъ-то особенно пріятно вздрагивается при малѣйшемъ шорохѣ. Я люблю такія ночи... Слышно, какъ сердце бьется, какъ вода струится, какъ трава шелеститъ... Шаги раздаются далеко, а тамъ, за кустами, какъ

будто спрятался кто-то и прислушивается къ этимъ шагамъ... А вы любите ночныя прогулки?

«— Да-съ, очень,— говорю.

«— Я это замѣтила,—проговорила она улыбаясь:— разъ какъ-то я видѣла васъ здѣсь.

«Я догадался, что дѣло идетъ о томъ вечерѣ, въ который на мнѣ были бѣлыя панталоны, и чувствовалъ, что покраснѣлъ до ушей. Мы подошли къ рѣкѣ. Вода струилась какъ-то особенно мягко и едва замѣтно покачивала камышемъ.

«— Вотъ-бы теперь на лодкѣ прокатиться! — почти вскрикнула племянница.

«— Это очень возможно-съ! — проговорилъ я, какъ будто обрадованный этимъ случаемъ. — Если прикажете, я сейчасъ пригоню лодку.

«— Гдѣ-же вы ее возьмете?

«— А вотъ тутъ въ камышахъ есть рыбачья лодка.

«— Такъ пригоните, я васъ здѣсь подожду.

«Я бросился къ тому мѣсту, гдѣ была лодка, не разбирая ни пней, ни сучьевъ; перемахнулъ, какъ бѣлка, черезъ плетень и не успѣлъ оглянуться, какъ выбѣжалъ изъ парка и очутился позади крестьянскихъ гуменъ. Вскорѣ я нашелъ и лодку. Она была до половины на берегу, неподалеку валялось весло. Я оттолкнулъ лодку, схватилъ весло и черезъ минуту былъ посреди рѣки, выплескивая воду, разсыпавшуюся мелкими блестящими брызгами. Немного погодя, я былъ уже возлѣ племянницы и подавалъ ей руку. Она начала спускаться съ берега, но вдругъ остановилась.

«— А если мы утонемъ! — проговорила она.

«— Помилуйте, что вы! будьте покойны, сударыня...

«— Зачѣмъ вы меня зовете сударыней... Это такъ звучитъ нехорошо. Не смѣйте называть меня сударыней...

«— Слушаю-съ.

«И, спустившись съ берега, она поставила одну ножку на носъ лодки. Боже мой, и какая-же это была восхитительная ножка! Отъ роду не видывалъ я такихъ, а ужь какъ была обута!..

— Ну, поѣдемте, — проговорила она наконецъ рѣшительно и подала мнѣ руку. Я схватилъ ее и чувствовалъ, какъ она дрожала.

«— Вы боитесь?—проговорилъ я, усаживая племянницу на лавочку.

«— Нѣтъ, теперь ничего.

«Я уперся весломъ въ берегъ, слегка оттолкнулъ лодку и выплылъ на средину рѣки. Мы плыли по ея теченію. Темныя нахмуренныя деревья парка такъ и бѣжали назадъ вмѣстѣ съ кустами жимолости и ольхи, росшими по берегу. Тѣнь отъ деревьевъ густо ложилась на рѣку, между тѣмъ какъ серебрившаяся струйка воды, словно змѣйка, журча и шелестя, вилась за лодкой. Мы миновали паркъ, поплыли вдоль луговъ, и въ одну минуту серебряный блескъ луны такъ и облилъ насъ со всѣхъ сторонъ...

«— Ахъ, какъ хорошо! какъ хорошо! — восклицала племянница прерывающимся отъ избытка чувствъ голосомъ. — Что за ночь, что за луна! Посмотрите, посмотрите, какъ бѣгутъ мимо насъ и поля, и луга. А вонъ и Угрюмово начинаетъ сливаться съ горизонтомъ, а вотъ и та дорога, по которой я пріѣхала и на которой впервые познакомилась съ вами...

«— То-есть встрѣтились,— поправилъ я.

«— Лиха бѣда встрѣтиться, а познакомиться недолго... А это что за село? — спросила она, когда показалось Жданово.

«— Жданово, — говорю.

«— А, это то самое, куда вы такъ часто ходите?

«— Да, то самое.

«— Это сколько-же верстъ мы отплыли отъ Угрюмова?

«— Три версты.

«— Неужели три! Надо поворачивать.

«— Какъ угодно.

«— Поворачивайте, поворачивайте.

«Я поворотилъ лодку, и мы поплыли назадъ, но плыть назадъ противъ теченія воды было не такъ уже легко. Мы подвигались медленно, но я былъ радъ этому, потому что, откровенно сказать, мнѣ не хотѣлось такъ скоро покинуть лодку, которая давала мнѣ возможность быть лицомъ къ лицу съ племянницей. Какъ хороша она была въ ту ночь! Я глядѣлъ на нее, но глядѣлъ тогда только, когда взоръ ея устремлялся на окрестности. И до сихъ поръ я помню и этотъ профиль, серьезный и гордый, оттѣняемый густыми и длинными локонами, и эти приподнятыя, темныя рѣсницы, и этотъ маленькій, сомкнутый ротикъ. Но увы! очарованіе это продолжалось недолго. Немного погодя, мы снова были въ паркѣ.

«— Ну, теперь пора домой,— проговорила она.

«Я хотѣлъ было проводить ее, но она меня остановила.

«— Нѣтъ, не надо,— проговорила она. — Насъ могутъ увидать, а я этого не хочу.

«И, сказавъ это, она протянула мнѣ руку.—Надѣюсь,

что мы не въ послѣдній разъ видимся. Я гуляю почти каждую ночь, приходите и вы.

«И она пожала мнѣ руку.

«— Придете?

«Я далъ слово.

«— Однако,— говоритъ,— вотъ что. Поставьте лодку на мѣсто и чтобы о нашихъ прогулкахъ никто не зналъ, кромѣ Дуняши...— И, сказавъ это, она снова пожала мнѣ руку, улыбнулась и пошла къ дому. Развѣсистая ель вскорѣ скрыла отъ меня ея бѣлое платье, послышался стукъ балконной двери, и я остался одинъ, очарованный, полный какого-то неизъяснимо-отраднаго чувства. Немного погодя, я пошелъ къ лодкѣ, и что-же? — въ ней сидѣла Дуняша.

«— Ну-съ! Теперь меня! — кричала она, и звонкій хохотъ ея огласилъ окрестность.

«Однако надо разсказать вамъ подробнѣе тѣ обстоятельства, въ которыхъ застала меня племянница Пошехонскихъ».

Регентъ всталъ и началъ набивать трубку.

— А знаете-ли, — проговорилъ я, — вашъ разсказъ начинаетъ меня интересовать; набивайте-ка скорѣе вашу трубку и продолжайте.

Регентъ подошелъ къ костру. Акимъ и Емельянъ успѣли поужинать. Они встали и, обратясь лицомъ къ востоку, принялись креститься. Немного погодя, Емельянъ подошелъ ко мнѣ.

— Я вамъ больше не нуженъ? — спросилъ онъ.

— А что?

— Да такъ, заснуть бы время.

Я отпустилъ его.

— Эй ты, пріятель, — прокричалъ онъ, обратясь къ Акиму, — прибирай все, да спать пойдемъ...

Вскорѣ все было убрано, и Акимъ съ Емельяномъ отправились на покой. Между тѣмъ, регентъ успѣлъ закурить трубку и, усѣвшись на прежнее мѣсто, началъ.

V.

«Я уже говорилъ вамъ, что очень часто ходилъ къ ждановскому дьячку. Дьячекъ этотъ крѣпко придерживался горячихъ напитковъ, былъ вдовъ и имѣлъ многочисленную семью. Двое старшихъ сыновей были въ семинаріи, дочь — замужемъ за сивинскимъ дьякономъ; собственно при дьячкѣ же оставались маленькія дѣти, которыя, вѣроятно, росли бы безъ всякаго призрѣнія, если бы у дьячка не было дочери Тани, о которой я сказалъ уже нѣсколько теплыхъ словъ. Танѣ было лѣтъ шестнадцать, не болѣе; она была очень хорошенькая дѣвушка, умная и заботливая хозяйка. Бывало, гдѣ еще встанетъ!.. Умоется, одѣнется, причешется, надѣнетъ фартучекъ и пойдетъ хлопотать. И хлѣбы поставитъ, и корову подоитъ, и избу подмететъ, и братишекъ своихъ умоетъ, и стадо проводитъ, — словомъ, дьячекъ, бывало, не успѣетъ придти отъ заутрени, какъ ужь домикъ у него и чистъ и опрятенъ, и цвѣты на окнахъ политы и вымыты, словно свѣтлый праздникъ на дворѣ... А посмотрѣли бы вы на нее въ рабочую пору, когда хлѣбъ созрѣетъ; посмотрѣли бы вы, когда она въ одной сорочкѣ, ко-

торая такъ и обрисовывала ея стройный станъ, согнувшись и раскраснѣвшись, выхватывала звонкимъ серпомъ цѣлые снопы золотистыхъ колосьевъ!.. Бывало, устали не знала и развѣ-развѣ только въ самый полдень, утомленная, съ болью въ головѣ и поясницѣ, бросалась на снопы и, прикрывъ лицо руками, забывалась на короткое время... Посмотрѣли бы вы, какъ съ ранней зари и до поздней ночи, когда бывало и коростели-то, утомленные, перестанутъ пѣть, Таня, перекидываясь согнутымъ станомъ то въ одну, то въ другую сторону, торопилась дожать этотъ загонъ. Отецъ никогда не помогалъ ей. Развѣ-развѣ завернетъ только кое-когда въ поле, да полюбовавшись Таней, проговоритъ, наколачивая себѣ носъ табакомъ: — «Ай да дочь! Валяй, дочка, валяй! Молодца, молодца!..» Ну, разумѣется, человѣкъ пьяный, а отъ пьянаго, что отъ глупаго, — ждать нечего. Такимъ манеромъ я таки довольно часто сталъ посѣщать дьячка, но такъ какъ онъ почти всегда былъ либо, какъ говорится, безъ заднихъ ногъ, либо съ мужиками въ питейномъ сидѣлъ, то я и оставался съ глазу на глазъ съ Таней, и, признаться, крѣпко полюбили мы другъ друга. Дѣло это было лѣтомъ; въ избѣ душно, и потому мы съ Таней проводили время большею частію на огородѣ. Огородъ выходилъ на рѣку, на ту самую, по которой съ племянницей прогуливался я въ лодкѣ. За рѣкой тянулись луга, а за лугами виднѣлось и село Угрюмово. На огородѣ росла ракита, подъ которой дѣти дьячка устроили скамеечку. На этой-то скамьѣ и подъ этой-то ракитой я провелъ столько истинно спокойно-сладкихъ минутъ съ Таней. Но и среди этихъ минутъ Таня не забывала своихъ обязанностей,

и только, бывало, заслышитъ ревъ пригоняемаго стада, какъ вставала, приказывала мнѣ идти домой, а сама спѣшила на улицу за коровой и овцами. Тогда я перепрыгивалъ черезъ плетень, перебирался по живому мостику черезъ рѣку и, веселый и спокойный, прямо лугами бѣжалъ домой. Лугами было гораздо ближе, да и, кромѣ того, мѣста были такія привольныя, что любо смотрѣть бывало. Прошло, должно быть, этакъ съ мѣсяцъ. Привязанность моя къ Танѣ росла съ каждымъ днемъ, но она никогда не говорила мнѣ ничего о своей любви. Мы сходились какъ добрые знакомые и добрыми знакомыми расходились. Я не знаю, долго ли продолжалось бы это такъ, если бы одинъ случай не пришелъ къ намъ на помощь. Вотъ какъ это было.

«Пошелъ я однажды въ Жданово. Таня была въ огородѣ, и я гдѣ еще завидѣлъ ее подъ ракитой. Таня тоже издалека увидала меня. Она встала, вспрыгнула на плетень и замахала платкомъ. Я прибавилъ шагу, какъ кошка пробѣжалъ черезъ мостикъ, перепрыгнулъ плетень и вскорѣ рядомъ съ Таней сидѣлъ подъ ракитой. Она обрадовалась мнѣ, какъ дитя.

«— Насилу-то вы пришли, Василій Яковлевичъ, — говорила она, поправляя выпавшіе изъ косы волосы: — уже я васъ ждала, ждала...

«— Развѣ что случилось?— говорю.

«— Нѣтъ, такъ. Съ вами весело, скучно безъ васъ...

«— А гдѣ отецъ?

«Таня только рукой махнула, и слезы заискрились въ ея глазахъ.

«Оказалось, что дьячекъ въ тотъ день былъ шибко пьянъ и въ пьяномъ видѣ жестоко оскорбилъ и даже

прибилъ Таню. Мнѣ стало обидно за нее, мнѣ стало жаль ее, такъ жаль, что я чуть самъ не расплакался и тутъ же сталъ просить ея руки. Таня словно удивилась, вздрогнула, взглянула на меня глазами полными слезъ и упала въ мои объятія!.. Что было со мною, я не знаю... Я чувствовалъ только, что Таня въ моихъ объятіяхъ; я слышалъ на себѣ ея дыханіе, я слышалъ трепетъ ея сердца... Я цѣловалъ ее въ губы, въ глаза, въ щеки... «Милая! дорогая моя!» — шепталъ я и въ то же время, глядя въ голубое небо, въ этотъ прозрачный шатеръ, лившій на насъ потоки свѣта и тепла, я восклицалъ: «Боженька! какой же Ты добрый, что посылаешь людямъ такія минуты!»

Регентъ остановился; онъ былъ видимо взволнованъ, но, помолчавъ немного, снова началъ:

«Пришелъ вечеръ; дьячекъ возвратился домой и на мое счастье успѣлъ протрезвиться. Я повторилъ свое предложеніе и получилъ согласіе. Свадьбу мы порѣшили сыграть осенью. Нечего говорить, что я каждый день сталъ бывать въ Ждановѣ. Дни эти проводили мы неразлучно съ Таней, и все подъ тою же ракитой и на той же скамейкѣ. И о чемъ мы только не мечтали подъ этой ракитой!.. И о тѣхъ счастливыхъ дняхъ, когда мы будемъ принадлежать другъ другу, и о будущемъ нашемъ хозяйствѣ и житьѣ-бытьѣ... А то, бывало, примемся смотрѣть вдаль, на эти необозримые луга, по которымъ, какъ лента, бѣжала рѣчка, и видѣли мы, какъ въ этой рѣкѣ рыбаки тянули сѣти, какъ бѣлыя чайки, махая бѣлыми крыльями, вились надъ этими рыбаками въ ожиданіи добычи... А то уходили въ луга, любовались голубымъ небомъ; прислушивались къ далекой заунывной пѣснѣ,

къ плеску воды, къ пѣнію птичекъ, — и намъ становилось и легко и весело!..

«Въ это-то самое время пріѣхала въ Угрюмово племянница.

«Я не переставалъ посѣщать Таню, но такъ какъ она всегда ложилась рано, то посѣщенія эти не мѣшали мнѣ прогуливаться по ночамъ и съ племянницей. Какъ-то разсказалъ я Танѣ о своемъ новомъ знакомствѣ, разсказалъ, какъ катался съ нею на лодкѣ и какъ почти къ самому огороду подъѣзжалъ ночью. Сначала Таня какъ-будто стала ревновать меня къ племянницѣ, но когда я увѣрилъ ее, что никто не заставитъ меня забыть и разлюбить ее, Таня совершенно успокоилась, а затѣмъ начала даже весело подшучивать надъ затѣйливыми выдумками племянницы... Но запрегъ-то я прямо, да поѣхалъ криво. Вся эта любовь была — дождевой пузырь; вскочилъ, загремѣлъ, лопнулъ, и осталось ничего. Прогулки съ племянницей не обошлись мнѣ даромъ.

«Однажды сидѣлъ я въ своей комнатѣ... Вдругъ вбѣгаетъ Дуняша.

«— Здравствуйте, — говоритъ, — Василій Яковлевичъ. — Что это вы все дома да дома?

«— Куда же идти-то? — спрашиваю. — Идти-то некуда, въ Ждановѣ утромъ былъ.

«— Будто ужь только и есть, что одно Жданово. Свѣтъ-то не клиномъ сошелся; можно и еще розыскать мѣстечко.

«— Какое, напримѣръ?

«— Да, напримѣръ, хоть паркъ. Видите, какая чудная ночь!

«— Что тамъ дѣлать?

«— Да хоть со мной погулять!

«И Дуняша захохотала, подбѣжала ко мнѣ, вспрыгнула мнѣ на колѣни и принялась упрашивать меня идти съ нею въ паркъ.

«— Ну, душечка, Василій Яковлевичъ, — говорила она: — ну, пойдемте же, голубчикъ, хорошенькій.

«Я согласился; но только-что вошли мы съ нею въ паркъ, какъ Дуняша запрыгала, завертѣлась и убѣжала, оставивъ меня одного. Выходка эта меня взбѣсила, я, было, хотѣлъ бѣжать за Дуняшей, но ко мнѣ подошла въ эту минуту племянница, и я остановился какъ вкопанный.

«— Теперь я знаю, Василій Яковлевичъ, — проговорила она, подавая мнѣ руку: — отчего вы такъ часто ходите въ Жданово. У васъ тамъ невѣста?

«Я молчалъ, точно какъ, сосватавъ невѣсту, я сдѣлалъ преступленіе.

«— Вы не хотите признаться. О, да какой же вы скрытный, — я этого не знала. Однако, что же мы стоимъ? пойдемте ходить, авось на ходу вы не будете ли пооткровеннѣе.

«Мы пошли.

«— Скажите, вы очень любите Таню?

«— Очень.

«— Что жь она, хорошенькая?

«— Мнѣ нравится.

«— Она брюнетка или блондинка?

«— Блондинка.

«— Стало-быть мы, брюнетки, не въ вашемъ вкусѣ?

«— Я этого не говорилъ.

«— А какихъ лѣтъ?

«— Шестнадцати.

«— Ребенокъ еще! Неужели же ребенокъ умѣетъ любить... Или, можетъ быть, она и сама не знаетъ даже, любитъ ли она или нѣтъ. Въ любовь такихъ дѣтей я не вѣрю... А вы вѣрите?

«— Я вѣрю.

«— Блаженъ, кто вѣруетъ, легко тому на свѣтѣ. А знаете ли, вѣдь у меня есть къ вамъ просьба. Я поэтому и послала къ вамъ Дуняшу.

«— Такъ это вы? — почти вскрикнулъ я.

«— Что я?—спросила она вдругъ, спокойно и строго взглянувъ мнѣ прямо въ глаза.

«Я сконфузился и не зналъ, что отвѣчать.

«— Вы думаете, что Дуняшу послала я къ вамъ съ тѣмъ, чтобы пригласить васъ сюда? Совсѣмъ нѣтъ. Я только приказала ей просить васъ показать мнѣ свою Таню.

«Я вздрогнулъ. Племянница замѣтила это и еще больше стала настаивать на своемъ желаніи видѣть Таню. Я чувствовалъ, что мнѣ не слѣдуетъ дѣлать этого, что я подвергну Таню насмѣшкамъ, что все это огорчитъ, оскорбитъ ее; но могъ ли я отказать въ чемъ бы то ни было племянницѣ, и могъ ли я устоять противъ этихъ рукопожатій, противъ этихъ взглядовъ? Я не устоялъ. Рѣшено было на слѣдующій же день ѣхать въ Жданово; но такъ какъ нельзя же мнѣ было ѣхать вдвоемъ съ племянницей, то она и придумала слѣдующее. Такъ какъ слѣдующій день былъ воскресный, то я долженъ былъ ѣхать въ Жданово съ пѣвчими и пропѣть тамъ обѣдню, а она пріѣдетъ вмѣстѣ съ теткой. Во время обѣдни я долженъ былъ глазами указать племянницѣ Таню. Племянница поблагодарила меня, крѣпко пожала мнѣ руку, и мы разстались.

Всю ночь я не могъ сомкнуть глазъ. Какое-то тяжелое предчувствіе мучило меня. Я даже собирался сказаться больнымъ, но рѣшимость оставляла меня каждый разъ. У меня была еще одна надежда. Я не думалъ, чтобы старуха Пошехонская согласилась ѣхать съ племянницей въ Жданово; она была больна и не только никуда не выѣзжала, но даже и не выходила. Однако и эта надежда лопнула, когда, вставши утромъ, увидалъ я у каретнаго сарая коляску, вокругъ которой суетились кучера, подмазывая колеса. Но мнѣ все еще не вѣрилось. Почти бѣгомъ я бросился къ сараю.

«— Кому эту коляску? — спросилъ я кучера.

«— А старой барынѣ.

«— Куда она ѣдетъ?

«— Въ Жданово, къ обѣднѣ затѣяла вишь... Своей-то церкви нѣтъ...

«Сердце у меня замерло; опустя голову, пошелъ я домой. Дуняша была уже у меня. Она лежала на моей кровати и хохотала, что было мочи. Черезъ полчаса, вмѣстѣ съ своимъ хоромъ, я ѣхалъ въ Жданово.

VI.

«Завидѣвъ меня, Таня выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу. Бѣдное дитя! Она была въ восторгѣ послушать моихъ пѣвчихъ. Она зазвала къ себѣ моихъ мальчугановъ, обласкала ихъ, напоила чаемъ, а когда ударили въ колоколъ, побѣжала надѣть на себя свои лучшіе наряды.

«Но, вы меня извините, я не въ силахъ разска-

зывать вамъ эту сцену; она слишкомъ тяжело лежитъ на моей душѣ. Ахъ, еслибъ вы только могли знать, что вытерпѣлъ я во время этой обѣдни. Бѣдная моя Таня!.. Какъ ни уговаривалъ я ее не ходить въ церковь, какъ ни умолялъ остаться дома, она меня не послушала. Она надѣла на себя лучшіе свои наряды, она украсила свою шляпку цвѣтами и... была смѣшна въ этомъ нарядѣ. Я не смѣлъ взглянуть на нее, я не обертывался, но я чувствовалъ, что племянница прожигаетъ ее своими насмѣшливыми взглядами. Градъ насмѣшекъ посыпался на бѣдную дьяческую дочь, и вскорѣ насмѣшки эти, стыдно сказать, убили мою любовь. Я сталъ посѣщать Таню рѣже и рѣже, а подъ конецъ и совсѣмъ забылъ о ней. Я весь отдался племянницѣ, хотя и не смѣлъ намекнуть ей о своей любви. Да и можно ли мнѣ было устоять, когда ночныя прогулки наши становились все продолжительнѣе, когда Дуняша все чаще и чаще забѣгала ко мнѣ, и когда уже не намеками, а прямо объявляла мнѣ, что меня ждутъ тамъ-то и тамъ-то, и что я долженъ идти туда-то и туда-то. А Таня начала грустить... Въ чуткое сердце ея начало прокрадываться подозрѣніе, и она плакала подъ тою же самою ракитою, подъ которою такъ недавно еще благословляла судьбу. Иногда приходилъ ко мнѣ ея отецъ, но я, подлый и низкій, спѣшилъ напоить его, спроваживалъ домой, а самъ бѣжалъ въ паркъ, въ которомъ забывалъ и дьячка, и Таню, и даже свою низость.

«Однако, вотъ что случилось.

«Сидѣли мы однажды съ племянницей на берегу извѣстной уже вамъ рѣки. Было далеко за полночь. Надо вамъ сказать, что мы гуляли не иначе, какъ по

ночамъ, днемъ же и виду никому не подавали, что были знакомы; такъ хотѣла племянница, боясь, чтобы кто не узналъ о нашихъ отношеніяхъ. Было далеко за полночь. Помнится, въ ту ночь я разсказывалъ племянницѣ исторію моей жизни, разсказывалъ все мною пережитое, мое пребываніе въ бурсѣ и проч. и проч. Все это, конечно, было близко моему сердцу, и потому ничего нѣтъ мудренаго, что я увлекся воспоминаніями. Племянница слушала меня внимательно, иногда улыбалась, замѣчая мое увлеченіе, называла меня ребенкомъ, бурсакомъ, а когда разсказъ мой касался печальныхъ сценъ, задумывалась и съ участіемъ протягивала мнѣ свою руку. Такъ бесѣдовали мы, какъ вдругъ послышались чьи-то тяжелые шаги. Мы вздрогнули.

«— Т-шъ! — вырвалось изъ устъ племянницы, и въ ту же минуту рука ея зажала мнѣ ротъ. — Кто-то идетъ...

«Мы притаились, стали прислушиваться. Шаги приближались и направлялись прямо къ намъ. Стало слышно даже какое-то пыхтѣніе... Первымъ моимъ движеніемъ было броситься съ берега и притаиться въ камышахъ. Племянница вскочила, но не успѣла она сдѣлать двухъ шаговъ, какъ изъ чащи деревьевъ показалась толстая фигура дворецкаго. Увидавъ барышню, онъ остановился въ недоумѣніи, растопыривъ руки, и невольно взглянулъ на рѣку, по которой расходились огромные круги. Причиною круговъ этихъ былъ я, потому что камыши, въ которые я бросился, росли въ водѣ. Долго бы, конечно, дворецкій простоялъ въ такомъ положеніи, если бы племянница не подошла къ нему и не проговорила спокойно:

«— Ахъ, это ты, Кондратій. Какъ ты меня напугалъ! Я думала, Богъ знаетъ что, и вскочила такъ, что даже земля съ берега осыпалась.

«Дворецкій опомнился, поспѣшно снялъ фуражку и началъ извиняться. Вскорѣ племянница приказала ему проводить ее до дому, и, спокойно напѣвая, пошла по прямой аллеѣ. Да, я всегда удивлялся этой дѣвушкѣ. Мнѣ кажется, не было обстоятельствъ, изъ которыхъ она не вывернулась бы безъ затрудненія. Дворецкій слѣдовалъ за ней въ почтительномъ отдаленіи, однако все-таки повременамъ оглядывался на рѣку и на камыши. Видно было по всему, что онъ не очень-то довѣрялъ словамъ барышни и въ расплывавшихся по рѣкѣ кругахъ видѣлъ совсѣмъ иную причину. Между тѣмъ я не на шутку продрогъ. Вода охватывала меня до самой груди и только тогда, когда кругомъ все затихло, когда шаги смолкли, я выбрался изъ камышей, выжалъ мокрое платье, вылилъ изъ сапогъ воду и еще осторожнѣе началъ пробираться къ дому.

«— Бѣдненькій! — послышался вдругъ за кустами шепотъ.

«Я оглянулся и увидалъ Дуняшу.

«— Что, аль къ русалкамъ въ гости ходили?

«И она, сдержанно засмѣявшись, бросилась бѣжать.

«Проходя мимо дома, я увидалъ, что въ комнатѣ племянницы огонь былъ потушенъ — знакъ, что она легла почивать.

«Признаюсь, сильно напугался я въ ту ночь, такъ напугался, что цѣлый слѣдующій день боялся выйдти изъ своей кануры. Не знаю, почему-то мнѣ казалось, что дворецкій если не зналъ съ точностью, то все-таки догадывался, въ чемъ дѣло. Однако, съ наступле-

ніемъ ночи, я опять-таки пробрался въ паркъ, прошатался цѣлую ночь, но племянницы не видалъ. Вернулся я домой чуть-ли не съ разсвѣтомъ, но, не смотря на то, всталъ утромъ какъ слѣдуетъ, умылся, одѣлся, и, чтобы какъ-нибудь убить время, пошелъ заниматься въ пѣвческую. Занимался я въ тотъ день часа два не больше, а по окончаніи класса взялъ удочку и пошелъ удить, выбравъ для этого то самое мѣсто, на которомъ мы обыкновенно встрѣчались съ племянницей. Рыба и удочка, конечно, были однимъ только предлогомъ, въ сущности-же я думалъ только о томъ, не увижу-ли племянницу. Мнѣ хотѣлось узнать поскорѣе, не было-ли послѣ вышесказаннаго происшествія какихъ-либо непріятныхъ послѣдствій. Дворецкій сильно меня безпокоилъ. Я находился въ самомъ тревожномъ положеніи, сердце мнѣ какъ будто говорило, что не пройдутъ мнѣ даромъ эти свиданія, и что рано или поздно я поплачусь за нихъ. Тщетно старался я прогнать эти мысли, но онѣ какъ нарочно лѣзли въ мою голову. Напрасно просидѣлъ я надъ рѣкой цѣлый день, — племянницы я не видалъ. «Можетъ быть, ночью не увижу-ли», — думалъ я, но прошла ночь, прошелъ слѣдующій день, а въ паркѣ кромѣ меня не было никого. Такимъ образомъ хòдилъ я по крайней мѣрѣ съ недѣлю, но ни ночью, ни днемъ я не встрѣчалъ ся. Страхъ увеличивался. Я боялся за нее, — только за нее одну. «Что, если я скомпрометировалъ ее! Что, если узнали о нашихъ ночныхъ свиданіяхъ!...» — и сердце мое обливалось кровью. Чтобы сколько-нибудь ослабить это тягостное чувство, я каждый день собиралъ своихъ пѣвчихъ, но скрипка моя издавала фальшивые звуки, уши мои ничего не слыхали, глаза ничего не видали. Въ умѣ

у меня была только одна она; я жаждалъ узнать, что съ нею. Я искалъ случая повидаться съ Дуняшей, но и Дуняша словно въ море канула, и, прежде, недававшая мнѣ покоя, она даже не заглядывала въ мою комнату; ее даже на дворѣ-то не было видно. Прошла еще недѣля, и я совершенно упалъ духомъ. Между тѣмъ дворецкій началъ обращаться со мною какъ-то особенно подозрительно. Не разъ удавалось мнѣ улавливать его улыбки, его лукаво-прищуренные взгляды. Дворня начала перешептываться и какъ-бы подглядывать за мной. Поваръ приходилъ каждую минуту въ мою комнату, прачка ядовито посмѣивалась, и не разъ случалось мнѣ во время ночныхъ блужданій, вдругъ, ни съ того, ни съ другаго, встрѣтиться то съ поваромъ, то съ конторщикомъ, то съ экономкою. Видно было по всему, что люди эти что-то подозрѣваютъ, слѣдятъ за мной и въ чемъ-то хотятъ меня изловить. Но больше всѣхъ терзалъ меня дворецкій. Надо вамъ сказать, что онъ сильно негодовалъ на меня, именно за то, что, когда пріѣхалъ я въ Угрюмово, господа распорядились отвести мнѣ ту самую комнату, въ которой помѣщалась до того времени бѣлая и румяная прачка Анисья,— предметъ нѣжной любви дворецкаго. Обстоятельство это возстановило его противъ меня, по той причинѣ, что Анисью перевели въ людскую, гдѣ всегда было много народу, и гдѣ дворецкій не могъ уже съ глазу на глазъ бесѣдовать съ Анисьей. Среди такихъ-то тяжелыхъ обстоятельствъ единственнымъ моимъ развлеченіемъ было бродить по парку, по лугамъ и полямъ.

«Разъ пошелъ я въ паркъ, было уже поздно. Мнѣ какъ-то особенно было тяжело. Все, что только ни

встрѣчалъ я, напоминало мнѣ о недавнихъ счастливыхъ минутахъ, и невольно вспомнилъ я и тотъ знойный день, когда я шелъ въ Жданово, и когда мнѣ встрѣтилась карета, крупною рысью катившаяся въ Угрюмово, и ту ночь, когда услыхалъ итальянскую каватину, и ту прогулку по рѣкѣ, и тѣ пожатія руки, и, наконецъ, ту ночь, которая отравила все мое блаженство. Въ такомъ-то раздумьѣ я дошелъ до рѣки. Я пошелъ вдоль берега, вышелъ изъ парка и незамѣтно очутился въ Ждановѣ. Тамъ все спало. Огоньки были потушены; темной кучей чернѣли избы, и одна только ракита на дьяческомъ огородѣ какъ-будто не спала и трепетала въ воздухѣ каждымъ своимъ листочкомъ. Я подошелъ къ плетню. Вдругъ послышался чей-то сдержанный шепотъ. Я притаилъ дыханіе, опустился на руки и еще ближе подошелъ къ плетню. Шепотъ послышался снова.

«— Охота вамъ такъ убиваться, — шепталъ кто-то. — Нешто стоитъ онъ этого. Онъ и вниманія-то этого не стоитъ. Посмотрѣли-бы вы, какъ онъ съ нашей-то барышней время проводитъ. Каждую ночь по парку бродятъ, а вы тутъ слезы проливаете; есть о чемъ! Онъ и думать-то забылъ объ васъ!..

«Сердце мое сжалось. Я осторожно поднялъ голову и еще осторожнѣе глянулъ въ дыру плетня. Подъ ракитой сидѣла Таня, блѣдная, убитая; она сидѣла опустя голову и руки, и слезы текли по ея щекамъ, а возлѣ нея сидѣлъ дворецкій. Морозъ пробѣжалъ по моему тѣлу, руки подкосились, и я упалъ на землю. Таня вздрогнула, а дворецкій соскочилъ со скамьи и сталъ прислушиваться. Однако, минуты черезъ двѣ,

все опять затихло, и дворецкій снова усѣлся на скамейку.

«— Звѣрекъ какой-нибудь пробѣжалъ, — заговорилъ онъ и замолчалъ.

«Немного погодя, онъ снова началъ:

«— А я-бы вотъ что посовѣтовалъ вамъ, Татьяна Николаевна...

«Таня подняла голову.

«— Сходите-ка вы лучше къ нашимъ господамъ, а то тятеньку своего пошлите, да и велите ему, чтобы онъ все разсказалъ, какъ оно есть. Что вотъ, молъ, дочь у меня сосваталъ, а замѣсто того съ вашей племянницей шуры-муры завелъ. Самъ видѣлъ, ужь я вамъ лгать не буду; хоша онъ и схоронился въ камыши, да вѣдь меня не надуешь. Право, пошлите-ка тятеньку. Ему только водочки поднесть, такъ онъ такъ наоретъ, что сразу все дѣло поправитъ.

«Таня вздохнула.

«— Нѣтъ, Кондратій Иванычъ, — проговорила она едва слышно: — я на такія дѣла не пойду. Насильно мила не будешь; коли позабылъ меня, такъ Богъ съ нимъ.

«Таня не докончила, слезы ручьемъ хлынули изъ глазъ ея, она закрыла лицо руками и отчаянные вопли вырывались изъ груди ея. Дворецкій всталъ.

«— Я для васъ же стараюсь, а мнѣ что,— проговорилъ онъ: — видимши, то-есть, ваши слезы... а впрочемъ, какъ хотите. Дѣло ваше, Татьяна Николаевна, дѣло ваше-съ!.. Мнѣ все одно, пущай его живетъ, что мнѣ... Вота! Пущай живетъ... Такъ счастливо оставаться-съ; прошу прощенья, коли обезпокоилъ...

«Таня встала.

«— Такъ онъ у васъ давно не бывалъ?

«Таня снова заплакала.

«— Ну вотъ такъ и есть, — проговорилъ онъ и направился къ плетню.

«Я еще плотнѣе припалъ къ землѣ и совершенно притаилъ дыханіе. Вскорѣ плетень затрещалъ, послышалось пыхтѣнье, и вслѣдъ затѣмъ толстое туловище дворецкаго перевалилось на другую сторону плетня и, переваливаясь съ боку на бокъ, спустилось къ рѣкѣ. Все стихло. Я вскочилъ, заглянулъ черезъ плетень; Тани уже не было, и только одна ракита шептала своими желтѣвшими листьями обо всемъ ею видѣнномъ и слышанномъ и тихо покачивала вѣтвями.

«Я отошелъ отъ плетня и сѣлъ на берегу рѣки. Вѣрите-ли, такъ было мнѣ тяжело въ ту ночь, что я чуть не дошелъ до отчаянія. Мнѣ стало жаль Таню; я плакалъ о ней, но, скажу откровенно, не могъ забыть и племянницу. Сердце мое обливалось кровью, когда припоминалъ я разговоръ дворецкаго съ Таней. «Что будетъ съ ней?» — думалъ я, не съ Таней, нѣтъ, а съ племянницей. Тайна наша раскрыта. «Не дальше, какъ завтра, думалъ я, Пошехонскіе узнаютъ все, выгонятъ меня вонъ изъ Угрюмова и на вѣки разлучатъ съ тѣмъ, что было такъ дорого моему сердцу», и еще печальнѣе смотрѣлъ я тогда на рѣку, струившуюся у ногъ моихъ. Вдругъ чья-то рука опустилась мнѣ на плечо... Я вздрогнулъ, обернулся... Передо мною стояла Таня! Я бросился къ ней, обнялъ ее и помню, что я ей лгалъ, лгалъ и лгалъ!..»

Регентъ остановился, закрылъ лицо руками, потомъ,

немного погодя, снова началъ, но голосомъ уже болѣе спокойнымъ.

VII.

«Однако все это обошлось мнѣ не даромъ. Возвратясь домой, я почувствовалъ жаръ, а черезъ два дня лежалъ уже въ больницѣ. Со мной открылась горячка. Прохворалъ я съ мѣсяцъ; но, благодаря попеченію подлекаря, я сталъ поправляться успѣшно, хотя выходить изъ больницы мнѣ еще не дозволяли. Мнѣ передавали, что Таня, вмѣстѣ съ отцомъ, приходила меня навѣщать, но ничего этого я не помню. О племянницѣ я все еще ничего не зналъ, потому что, просто, боялся спросить о ней. Однажды, лежу я на постели,— а у меня, надо вамъ сказать, была особая комната; было уже поздно, подлекарь ушелъ домой, на столѣ горѣлъ ночникъ и едва-едва освѣщалъ комнату. Вдругъ дверь слегка отворилась, и показалось чье-то женское платье.

«— Кто тамъ? — спросилъ я.

«— Что, или не узнаете?

«Я началъ всматриваться и узналъ Дуняшу.

«— Дуняша! Ты-ли это! — почти вскрикнулъ я, бросившись къ ней чуть не съ распростертыми объятіями. — Однако, что-же это съ тобой? Тебя узнать нельзя: ты блѣдна, худа... Что это?

«— То же, что и съ вами. Больна была.

«Она подошла ко мнѣ и рядомъ со мною усѣлась на кровать. Но, Боже мой, куда дѣвалась прежняя

Дуняша! Отъ прежней какъ-будто и тѣни не оставалось. Куда дѣвалась ея обычная рѣзвость, веселость... Она уже не заливалась звонкимъ смѣхомъ, не прыгала, не грозила пальцемъ, а напротивъ, была серьезна; какъ-будто хотѣла мнѣ сказать что-то, но не рѣшалась. Я тоже боялся обратиться къ ней съ разспросами. Почему-то мнѣ пришло въ голову, что племянницы болѣе нѣтъ въ Угрюмовѣ. Минутъ десять прошло такимъ образомъ; наконецъ Дуняша прервала молчаніе.

«— Ну, что, какъ вы, Василій Яковлевичъ?

«— Теперь ничего, отдохъ немного.

«— А ужь какъ перемѣнились-то!

«— Не знаю, здѣсь нѣтъ зеркала.

«— Хотите принесу, у меня есть. Наша сестра умирать будетъ, такъ и то, кажись, безъ зеркала не обойдется.

«И, не дождавшись отвѣта, Дуняша вышла изъ комнаты, а немного погодя, снова вернулась съ зеркаломъ въ рукахъ.

«— Нате-ка, поглядите-ка.

«Я взглянулъ въ зеркало и испугался.

«— Что, ловко? — спросила Дуняша.

«— Ничего, хорошо. Не хуже тебя обдѣлала... А у тебя что было?

«— Да тоже горячка. Вотъ погодите, облѣземъ, тогда еще красивѣе будемъ.

«— А помнишь, какъ мы по рѣкѣ-то?..

«— Какъ не помнить!..

«Я замолчалъ; но немного погодя, рѣшился, наконецъ, спросить о племянницѣ. Дуняша даже вздрогнула.

«— Ну ее къ дьяволу! — проговорила она.

«Я даже изумился.

«— Что такъ? — спрашиваю.

«— А то, что я себѣ вѣкъ не прощу того, что сдѣлала.

«Я перепугался.

«— Вѣкъ себѣ не прощу...

«— Да что такое?

«— А то, что кабы не я, такъ ничего-бы этого не было. Жили-бы вы себѣ смирно, тихо, безъ всякихъ приключеній; женились-бы на Татьянѣ Николаевнѣ... Я познакомилась съ нею, когда она сюда къ вамъ приходила, душа-дѣвушка, — что и говорить... И были-бы счастливы, а теперь что вышло?..

«Холодъ пробѣжалъ по моему тѣлу.

«— Да что съ ней станешь дѣлать! — продолжала между тѣмъ Дуняша. — Вѣдь словно дьяволъ какой, прости Господи, ужь что захочетъ, такъ вынь да положь! «Ступай, говоритъ, притащи его ко мнѣ; хочу, говоритъ, изъ него дурака сдѣлать».

«Я молчалъ, слезы просились мнѣ на глаза, сердце сжималось. Какое-то ослабленіе овладѣло мною.

«— Такъ она только шутила со мною?

«— Озорница она, вотъ и все.

«— А гдѣ она теперь? — спросилъ я наконецъ, взглянувъ на Дуняшу.

«Она молчала. Я съ трепетомъ ждалъ отвѣта, — ждалъ и боялся. Наконецъ Дуняша обернулась, взглянула на меня, и сердце мое замерло еще пуще.

«— Уѣхала, что-ли? — спросилъ я.

«— Куда ей ѣхать-то! — проговорила Дуняша. — Была у насъ тетка въ Москвѣ, да ужь намъ теперь

въ Москву-то носа показать нельзя, потому—такъ наскандальничали, что попросили уѣхать.

«— Такъ она еще здѣсь! — почти вскрикнулъ я.

«— Здѣсь. Теперь съ княземъ Бековымъ подружилась. Да жаль, парень-то не таковскій, у этого не сорвется, даромъ-то не будетъ по ночамъ шататься, а жениться — все-таки не женится... Шалишь!

«Дуняша замолчала. Я едва могъ разобрать послѣднія ея слова. Я опустился на подушку и даже не слыхалъ, какъ ушла Дуняша.

«Выздоровленіе мое тянулось медленно, ибо все слышанное мною отъ Дуняши сильно меня потревожило и разстроило. Я не въ силахъ передать вамъ, что происходило со мной, но вы хорошо поймете положеніе человѣка, когда у него отнимутъ все то, что составляло его счастье, гордость и радость. Я былъ оскорбленъ, озлобленъ и одновременно съ тѣмъ чувствовалъ, что на сердцѣ у меня что-то порвалось и что сердце это болитъ и тоскуетъ, да такъ тоскуетъ, что отнимаетъ всякую волію, всякое желаніе не только приняться за дѣло, но даже жить. Если вы лишались когда-нибудь любимаго существа, то вы поймете это безъисходно-тоскливое состояніе. Въ такія-то болѣзненныя минуты жизнь человѣку становится въ тягость, и онъ радъ случаю избавиться отъ нея, ибо съ прекращеніемъ жизни, прекращаются его муки.

«Иногда приходила ко мнѣ Таня, робкая, юная... И свѣтлый взглядъ ея проливалъ отраду въ разбитое мое сердце. Она, точно ангелъ, слетала ко мнѣ съ неба, садилась у моего изголовья и съ любовью смотрѣла мнѣ въ глаза.

«Такъ пролежалъ я еще двѣ недѣли; наконецъ, мнѣ

дозволено было оставить больницу. Оставаться въ Угрюмовѣ мнѣ, конечно, было невозможно, невозможно тѣмъ болѣе, что все сказанное Дуняшей про князя Бекова оказалось правдою. Я самъ два раза видѣлъ его, когда онъ въ щегольскомъ шарабанѣ подъѣзжалъ къ крыльцу дома. Высокій, стройный, красивый и богатый,— онъ, конечно, былъ въ Угрюмовѣ желаннымъ и дорогимъ гостемъ. Я хотѣлъ оставить должность регента и отправиться въ городъ, но почему-то въ городъ я не пошелъ, а пошелъ въ Жданово. Дьячекъ встрѣтилъ меня съ письмомъ въ рукахъ. — «Отвѣтъ, отвѣтъ,— кричалъ онъ, подавая мнѣ письмо. На, читай, скорѣе!» — И дѣйствительно, это былъ отвѣтъ на мое письмо, посланное къ секретарю консисторіи со вложеніемъ «долженствующаго». Въ письмѣ этомъ извѣщали меня, что въ одномъ богатомъ селѣ открылась священническая вакансія, что вакансія эта обѣщана мнѣ и что я нимало не медля долженъ лично явиться въ городъ для подачи прошенія. Прочитавъ письмо это, я былъ и обрадованъ, и пораженъ. Я былъ пораженъ потому именно, что мнѣ приходилось сейчасъ-же, сегодня-же рѣшить вопросъ, рѣшеніе котораго меня пугало. И дѣйствительно, я испугался. Я, какъ въ сказкѣ, очутился вдругъ на перепутьѣ и не зналъ куда идти. Идти въ священники — значило навѣчно проститься съ племянницей... И вдругъ передо мною словно возсталъ ея образъ, ея спокойный, тихій взглядъ, ея длинные локоны, ея станъ, стройный и высокій, и какъ-то невольно, живо представились мнѣ всѣ мои прогулки съ нею, и какъ-будто почувствовалъ я все то волненіе, всю ту лихорадочную дрожь, которую испытывалъ во время этихъ

прогулокъ. Удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ. Племянница была для меня явленіемъ, выходящимъ изъ круга обыкновеннаго. Она являлась для меня чѣмъ-то сверхъ-естественнымъ, чѣмъ-то неожиданнымъ, не тѣмъ, чѣмъ Таня — явленіе, созданное мною еще на семинарской скамейкѣ, въ смрадѣ и грязи бурсы. Тѣмъ не менѣе, однако, я сознавалъ, что оставаться въ Угрюмовѣ было невозможно, и я далъ дьячку слово завтра-же ѣхать въ городъ, подать прошеніе, а затѣмъ и повѣнчаться съ Таней. Бѣдное дитя! она была счастлива и все простила мнѣ.

«Въ тотъ-же день я надѣлъ сюртукъ, отправился къ господамъ и выпросилъ у нихъ лошадку съѣздить въ городъ. Вѣсть эта шибко распространилась между дворней. Дворецкій, единственною цѣлью котораго было выжить меня изъ комнаты и снова помѣстить въ ней толстощекую Анисью, былъ въ восторгѣ. Онъ одобрилъ мой поступокъ, говорилъ, что не вѣкъ же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, жить съ поварами, что пора позаботиться о своемъ будущемъ, высказалъ уваженіе, питаемое имъ къ сану священника, и въ концѣ-концовъ даже самъ отправился къ прикащику хлопотать о скорѣйшемъ снаряженіи для меня подводы. Отправляясь къ прикащику, онъ до того развеселился, что даже подошелъ ко мнѣ, сложилъ руки и, почтительно наклонивъ голову, проговорилъ: «Ваше благословеніе, благословите!» Анисья начала укладывать свои коробья, поваръ тоже былъ доволенъ. Все это было для меня такъ противно, что я опять пошелъ въ Жданово и цѣлый вечеръ провелъ съ Таней. Надо было видѣть ея восторгъ при видѣ меня. Она бросилась меня обнимать, слезы ручьями текли изъ ея глазъ. Все

время просидѣли мы съ нею подъ ракитой, и Таня забыла даже на этотъ разъ и пригнанное стадо, и своихъ братишекъ, которыхъ надо было уложить спать. Было уже за полночь, когда она, наконецъ, сказала мнѣ, что время идти домой. Прощаясь, Таня благословила меня, и я отправился въ Угрюмово съ твердымъ намѣреніемъ завтра-же чуть свѣтъ ѣхать въ городъ. Ночь была свѣтлая, и видѣлъ я, какъ Таня, стоя на плетнѣ, все еще продолжала благословлять меня. Это-то благословеніе, вѣроятно, и хранитъ меня до сихъ поръ.

«Было уже очень поздно, когда зачернѣлъ передо мною угрюмовскій паркъ. Я вошелъ въ темную аллею, и вдругъ увидалъ племянницу. Она стояла надъ берегомъ рѣки и задумчиво смотрѣла на воду. Я даже вздрогнулъ, хотѣлъ было идти домой, не подходя къ племянницѣ, но не тутъ-то было. Только-что успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ шелестъ листьевъ вывелъ ее изъ задумчивости. Она взглянула въ ту сторону, откуда доносился шелестъ, и, завидѣвъ меня, быстро подошла ко мнѣ.

«— Говорятъ, вы ѣдете? — спросила она, устремивъ на меня долгій и проницательный взоръ.

«— Да, ѣду-съ.

«— Стало-быть, мы разстаемся... прощайте.

«И вдругъ, куда дѣвалась моя твердость! Я схватилъ ея руку и принялся осыпать ее поцѣлуями. Боже мой! И зачѣмъ только встрѣтился я съ нею въ ту несчастную ночь. Я не отходилъ отъ племянницы. Мы говорили много, много, и вѣроятно не скоро-бы покончилъ я бесѣду съ нею, если-бы она не объявила мнѣ, что пора идти домой.

«— Вы ѣдете рано,— говорила она.— Вамъ нуженъ отдыхъ, ступайте спать.

«— А вы?

«— Я еще останусь здѣсь, похожу...

«— И мнѣ нельзя побыть съ вами?

«— Нѣтъ, нельзя, сыро, а вы недавно были больны. Вы были опасно нездоровы. Васъ навѣщала Таня. Ну что, рада она?

«— Чему?

«— Тому, что вы скоро получите мѣсто и женитесь на ней?

«Я молчалъ.

«— Однако, прощайте.

«— Вы домой идете? — спросилъ я.

«— Да, домой. Я раздумала гулять — холодно...

«И она протянула мнѣ руку.

«— Ну, прощайте, больше не увидимся! — говорила она. — Вспоминайте иногда этотъ паркъ.

«— О, всегда, всегда! —невольно вырвалось у меня: — паркъ этотъ я никогда не забуду!

«— Право? благодарю васъ. Въ такомъ случаѣ, и я иногда буду вспоминать о немъ. Прощайте.

«Я бросился цѣловать ея руку. Она молчала, потомъ, пожавъ мою, быстро направилась къ дому. Я остался одинъ, повѣсивъ руки и голову, не зная, что со мной происходитъ. Я словно только-что возвратился съ кладбища, на которомъ произошло погребеніе самаго дорогаго для меня человѣка. Какая-то тяжелая тоска сжимала мое сердце. Придя домой, я бросился на скамейку и зарыдалъ какъ ребенокъ. Наконецъ мнѣ пришла мысль остаться на слѣдующій день въ Угрюмовѣ и объясниться съ барышней. Мысль эта завла-

дѣла мною, а немного погодя, до того созрѣла, что объясненіе становилось уже необходимымъ. Пусть будетъ такъ или иначе, думалъ я, а я долженъ объясниться.

«Я не спалъ всю ночь, да и некогда было спать, потому что заря уже занималась, а немного погодя, и лучи солнца незамедлили скользнуть въ окно моей комнаты. Голова у меня была тяжелая; чтобы сколько-нибудь освѣжиться, я взялъ картузъ и вышелъ изъ комнаты. Въ сѣняхъ встрѣтилъ меня дворецкій; лицо его сіяло радостью и довольствомъ.

«— Готова лошадь,— проговорилъ онъ.—Самъ для васъ на село бѣгалъ.

«— Я не поѣду сегодня, — проговорилъ я рѣшительно и вышелъ на крыльцо, оставивъ дворецкаго съ разинутымъ ртомъ и изумленнымъ взоромъ.

VIII.

«Я сказался больнымъ и въ городъ не поѣхалъ. Дворня пришла въ смущеніе. За дверью снова послышался шепотъ, и я слышалъ собственными своими ушами, какъ дворецкій говорилъ, что, вѣроятно, я встрѣтился съ барышней, гулявшей прошлою ночью въ паркѣ, и, встрѣтившись съ нею, перемѣнилъ планъ; мнѣніе это поддерживала и Анисья. Но что мнѣ было за дѣло до всѣхъ этихъ шушуканій, когда я зналъ, что долженъ былъ остаться и что долженъ былъ объясниться съ племянницей... Я только думалъ объ одномъ: какъ бы мнѣ поскорѣе увидать ее и попросить придти въ паркъ. Дуняша все еще была въ

больницѣ. Однако мнѣ не долго пришлось думать объ этомъ; сама судьба хлопотала за меня. Я увидалъ племянницу еще утромъ. Она проходила откуда-то мимо моего окна.

«— Вы не уѣхали?—проговорила она, не останавливаясь и даже не оборачиваясь.— Приходите въ паркъ.

«Я хотѣлъ было отвѣтить, что только ради этого и остался въ Угрюмовѣ, но она была уже далеко.

«Какъ не мимолетно было это свиданіе, однако оно не ускользнуло отъ глазъ дворецкаго. Онъ шелъ въ это время съ села и хотя не слыхалъ, что именно сказала мнѣ племянница, но все-таки успѣлъ замѣтить, какъ подбѣжалъ я къ окну. Обстоятельство это, вѣроятно, тоже было передано дворнѣ, потому что я самъ видѣлъ, какъ сходились повременамъ кружки и какъ они поспѣшно разсыпались при первомъ моемъ появленіи. Но я, опять-таки повторю, не обращалъ тогда на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Я былъ полонъ какой-то рѣшимости и только ждалъ ночи. Тѣмъ не менѣе, однако, къ отъѣзду я все-таки подготовлялся и, уложивъ всѣ свои пожитки, а равно и ноты, въ мѣшокъ, даже одѣлся какъ быть подорожному. Словомъ, я какъ-будто остался въ Угрюмовѣ только для того, чтобы исполнить какую-то формальность, результатъ которой былъ мнѣ напередъ извѣстенъ.

«Наконецъ пришла ночь.

«Я отправился въ паркъ и даже не обратилъ вниманія на дворецкаго, который проводилъ меня издали до самой калитки и затѣмъ куда-то скрылся. Я былъ совершенно спокоенъ, но спокойствіе это исчезло тотчасъ-же, какъ только завидѣлъ я вдали женское платье. Это была племянница. Она еще не видала меня.

Сердце мое забилось, дыханіе прерывалось, я чувствовалъ, что я робѣлъ, а между тѣмъ, я готовъ былъ броситься къ ней на встрѣчу. Завидѣвъ меня, она ускорила шаги и съ веселой улыбкой протянула мнѣ руку.

«— Вотъ мы и еще разъ видимся, — проговорила она. — Вотъ ужь не ожидала. Однако, я очень рада. Мнѣ нужно съ вами поговорить. Я хотѣла сдѣлать это еще вчера, но... раздумала.

«— Почему же раздумали? — спрашиваю.

«— Такъ... Однако, пойдемте къ рѣкѣ. Я хочу васъ сегодня вполнѣ удивить.

«Мы подошли къ рѣкѣ; у берега стояла лодка.

«— Ну, что же вы не удивляетесь? — проговорила племянница, указывая на лодку.

«Я только тутъ опомнился. Лодка была постоянно за гумнами въ камышахъ.

«— Кто же пригналъ ее сюда? — спросилъ я.

«— Отгадайте.

«— Дуняша? — спрашиваю.

«— Она въ больницѣ.

«— Стало быть, рыбакъ?

«— Нѣтъ, и не рыбакъ.

«— Кто же?

«— Я сама, — проговорила племянница, удерживая веселый хохотъ. — Что вы на меня такъ смотрите? А знаете ли, для чего я это сдѣлала?

«— Не знаю.

«— Для того, чтобы подольше побыть съ вами. Берите-ка весла и ѣдемъ.

«Я вскочилъ въ лодку, усадилъ племянницу и выплылъ на средину рѣки. На этотъ разъ мы поплыли

не по направленію къ Жданову, а въ противополож-ную сторону. Такъ хотѣла она. Я усердно работалъ веслами, ибо находился въ самомъ возбужденномъ состояніи. Я остался въ Угрюмовѣ для того только, чтобы объясниться съ племянницей, и вдругъ она тоже о чемъ-то хочетъ говорить со мною. Я не зналъ, какъ приступить къ дѣлу, и потому весьма понятно, что мы успѣли проѣхать и мимо крестьянскихъ гу-менъ, и мимо горы, по которой ползла дорога въ го-родъ, даже успѣли поднырнуть и подъ мостикъ, на который спускалась дорога, а все оба молчали, вѣро-ятно бы, промолчали очень долго, если бы племянница не начала первая.

«— Вотъ о чемъ хотѣла я поговорить съ вами.

«— О чемъ? — спрашиваю.

«— О вашей женитьбѣ. Слушайте. Вы хорошо об-думали это?

«Я вздрогнулъ. Она замѣтила это.

«— Вамъ не нравится, что я заговорила объ этомъ?

«— Не знаю, — говорю, — къ чему поведетъ этотъ разговоръ.

«Племянница взглянула на меня и улыбнулась.

«— Вы добрый ребенокъ, — проговорила она шутя. — Я въ этомъ убѣждаюсь. Такъ вотъ видите ли что. Хорошо ли вы дѣлаете, что женитесь на Танѣ?.. Мнѣ кажется, она вамъ не пара. Вы получили образованіе, положимъ, хоть и на мѣдныя деньги, а все-таки по-лучили, она же никакого. Она вѣдь только умѣетъ доить коровъ и больше ничего. Но вѣдь этого недо-статочно для человѣка образованнаго; ему нужна и нравственная жизнь... Что же дастъ вамъ Таня для этой жизни?.. Положимъ, сначала вы будете ослѣплены

супружескою любовью, но вѣдь рано или поздно эти медовые дни пройдутъ. Тогда что? Вѣдь вы тогда станете искать чего-нибудь и помимо любви. Вы обратитесь съ этою потребностью къ Танѣ, но вѣдь Таня, кромѣ меда, ничего дать не можетъ. Потомъ вотъ еще что. Хорошо ли вы дѣлаете, что идете въ попы?.. Ну какой вы попъ!.. Не попомъ вамъ быть...

«— Чѣмъ же? — спрашиваю.

«— Всѣмъ, чѣмъ хотите, только не попомъ. Ступайте на службу, служите... Быть можетъ, дослужитесь до чего-нибудь... Ну, что же вы молчите?..

«И я дѣйствительно молчалъ... А между тѣмъ мимо насъ незамѣтно проходили окрестности, рощи, поля, и я даже самъ не помню, какъ поворотилъ лодку и какъ мы снова очутились въ паркѣ.

«— Ну, что же скажете вы мнѣ на мои замѣченія?— проговорила племянница, когда мы вышли изъ лодки и когда сидѣли уже на полусгнившей скамьѣ. — Я, кажется, напрасно заговорила объ этомъ; я васъ огорчила. Но вы, стало быть, не такъ поняли мои слова. Я нисколько не желаю разстроить ваши планы. Я хотѣла только предупредить васъ, потому что, скажу вамъ откровенно, сама не знаю почему, я принимаю въ васъ живое участіе. Что же вы опустили голову и не хотите взглянуть на меня? Ну, будетъ; дайте мнѣ вашу руку, ну, дайте же.

«Я подалъ.

«— Простите меня, если я огорчила васъ. Вѣдь вы мнѣ прощаете, не такъ ли? Прощаете? Ну, вотъ и прекрасно. Итакъ, мы остаемся, по-прежнему, друзьями, такими же, какими были въ продолженіе всего нашего знакомства, начиная съ того вечера, когда

увидала я васъ въ окно и когда пѣла. Вчера вы мнѣ дали слово вспоминать иногда объ этомъ паркѣ. Я васъ просила объ этомъ; теперь же прошу о другомъ. Вспоминайте не о паркѣ, а вспоминайте лучше обо мнѣ, которая тоже въ свою очередь будетъ помнить васъ.

«И, проговоривъ это, она снова протянула мнѣ руку и крѣпко пожала мою.

«Только тутъ я опомнился. Только тутъ вспомнилъ я, зачѣмъ остался я въ Угрюмовѣ и зачѣмъ искалъ случая видѣться съ племянницей. И, вспомнивъ это, я упалъ къ ея ногамъ, схватилъ ея руку и крѣпко прижалъ къ своимъ губамъ.

«— Полноте, встаньте! — шептала она..

«Но я не всталъ. Я стоялъ передъ нею на колѣняхъ и открылъ ей все, что только было у меня на душѣ; а на душѣ у меня было такъ много, такъ много!..

«Вдругъ, что-то хрустнуло, мы вздрогнули... Я вскочилъ на ноги и въ ту же минуту увидалъ въ кустахъ Таню. Я не помню, что сдѣлалось тогда со мною, но помню только, что кровь хлынула мнѣ въ голову, мною овладѣло бѣшенство, кулаки мои сжались, и съ поднятыми руками я бросился на Таню; но не успѣлъ я подскочить къ ней, какъ чья-то тяжелая рука схватила меня за плечо. Я оглянулся: передо мною, снявъ свою фуражку, стоялъ дворецкій.

«— Стыдитесь, сударь; развѣ драться хорошо!.. — говорилъ онъ и укоризненно пожалъ плечами.

«Племянницы уже не было.—

Регентъ остановился, закрылъ лицо руками и минутъ пять просидѣлъ въ такомъ положеніи. Видно, что онъ былъ сильно взволнованъ; наконецъ, онъ

медленно поднялъ голову, откинулъ назадъ волосы и едва слышно проговорилъ:

— Да, дѣйствительно, драться нехорошо, а бить дѣвушку даже постыдно!..

И, перемѣнивъ тонъ, онъ продолжалъ:

— На другой день я шелъ уже по дорогѣ, идущей изъ Угрюмова въ городъ. Въ рукахъ у меня былъ подожекъ, подъ мышкой — скрипка, а за спиной висѣлъ мѣшокъ съ платьемъ, да болтались новые сапоги. Пошехонскіе меня прогнали. О всемъ случившемся племянница передала имъ такъ, что дѣйствительно меня слѣдовало прогнать. Она сказала имъ, что будто я хотѣлъ употребить силу и что если бы не дворецкій, то Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось. Уходя изъ Угрюмова, я встрѣтилъ племянницу. Она ѣхала въ шарабанѣ съ княземъ Бековымъ. Завидѣвъ меня, она что-то шепнула князю; онъ презрительно взглянулъ на меня, ударилъ лошадь и обдалъ меня съ ногъ до головы облакомъ густой пыли. Чтобы выдти изъ Угрюмова, мнѣ необходимо было пройти мимо больницы, и только-что поровнялся я съ нею, какъ одно окно растворилось и я увидалъ Дуняшу. Она привѣтливо махала мнѣ рукой... Я вышелъ на дорогу, и вскорѣ гора задвинула отъ меня Угрюмово и съ бѣлой большой церковью, въ которой такъ часто раздавался мой хоръ, и съ темнымъ паркомъ, — свидѣтелемъ моихъ страданій.

«Дня черезъ два я былъ уже въ городѣ, но въ городѣ меня ждало еще новое горе. Рѣдко, видно, несчастіе не сопровождается другимъ. Uno avulso non deficit alter, сказалъ кто-то. Классическое изреченіе

это, въ сущности и глупое и лишенное смысла, въ данномъ случаѣ, однако, оказалось умнѣе самой реальной правды. Старуха Пошехонская, въ припадкѣ аристократическаго бѣшенства и со словъ племянницы, написала архіерею-музыканту длинное письмо и въ письмѣ этомъ самымъ мѣщанскимъ образомъ наврала ему про меня. Едва успѣлъ я прибыть въ городъ, какъ меня потребовали къ владыкѣ.

«— Ты что это! — прошипѣлъ онъ, весь дрожа отъ гнѣва и держа въ рукахъ письмо старухи Пошехонской. Сѣдые волосы его были растрепаны, голова приподнята, взоръ полонъ гнѣва...—Ты что это! а? Ахъ, ты гусь лапчатый!... Дьяческую дочь соблазнилъ, да еще благородную дѣвицу обезчестить затѣялъ... Якобинецъ!.. Вонъ!

«И, топнувъ ногой, владыка приказалъ меня вытолкать.

«На другой же день я былъ исключенъ изъ духовнаго званія. Теперь я приписался къ мѣщанскому обществу, имѣю, значитъ, положеніе; но тѣмъ неменѣе все-таки остался, какъ говорится, «крытъ не бомъ и обнесенъ вѣтромъ»!

— А что Таня? — спросилъ я.

— Она кончила лучше меня, — проговорилъ регентъ: — она умерла.

И регентъ замолчалъ.

Въ эту самую минуту подъ котелкомъ вспыхнулъ огонь; я оглянулся, все было тихо. Вода чуть слышно сочилась въ затворы кауза. Безмолвная ночь давно спустилась на хуторъ. Полный мѣсяцъ высоко плылъ по небу, усыпанному мерцавшими звѣздами. Лѣсъ

окружавшій площадку, съ одной стороны былъ окутанъ черной тѣнью, а съ другой — блестѣлъ серебромъ. Въ воздухѣ разливалась пахучая сырость; пахло не то грибами, не то болотомъ... Все спало, но спало осторожнымъ, чуткимъ сномъ... И невольно замирало сердце при мысли, что можетъ же, наконецъ, раздаться какой-нибудь звукъ, который спугнетъ всю эту дремоту и нарушитъ таинственное молчаніе, охватившее малѣйшій листокъ, малѣйшую травку и даже каждую струйку свѣтлаго ручья... И стало мнѣ какъ-то жутко, когда увидалъ я, что среди всей этой робкой и таинственной дремоты бодрствовали только я да регентъ.

Вскорѣ мы были уже въ сѣнномъ сараѣ и спали на душистомъ сѣнѣ.

Проснулся я рано, такъ рано, что солнце еще не вставало. Трава серебрилась каплями росы, надъ прудомъ клубился легкій туманъ... Я подошелъ къ двери сарая и увидалъ Акима и Емельяна. Емельянъ возился около кауза и силился поднять шлюзы. Акимъ стоялъ возлѣ него безъ шапки и стоялъ такъ, какъ-будто его только-что чѣмъ-нибудь пришибло.

— Ну, поднимайся! — кричалъ Емельянъ, грудью напирая на рычагъ кауза.

— Ну! — повторилъ Акимъ, хлопая руками.

— Ну, каторожный! — кричалъ Емельянъ, — поднимайся!

— Поднимайся!... — мычалъ Акимъ, только посматривая на Емельяна.

Вдругъ шлюзъ поднялся, вода хлынула, колеса застонали, и въ одно мгновеніе молчаливый дотолѣ лѣсъ огласился обычнымъ шумомъ воды и торопли-

вымъ стукомъ ковша. И, какъ-будто гармонируя этому пробужденію, въ лѣсу зычно кричалъ пастухъ:

— Гей! куда въ кусты-то лѣзешь... Гей!—и, громко ударяя кнутомъ, все дальше и дальше уходилъ со стадомъ въ лѣсъ.

Я посмотрѣлъ на регента, онъ все еще спалъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ТОМА.

EX•LIBRIS
ИЗ КНИГ
ПАВЛА
ПАВЛОВА

